

Российская академия наук
Институт археологии

Военная археология
Сборник материалов научного семинара

ВЫПУСК

4

Москва, 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
В63

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия

*О.В. Двуреченский (ответственный редактор),
С.Ю. Каинов, Ю.А. Кулешов, Г.В. Баранов, В.С. Курмановский*

Рецензенты

*В.Ю. Коваль
Е.К. Столярова*

Военная археология. Сборник материалов научного семинара.
В63 Выпуск 4. М.: ИА РАН, 2018. – 272 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-241-4

Настоящий очередной военно-исторический сборник представляет на своих страницах комплекс результатов научных исследований, связанных с историей военного дела Восточной Европы, Кавказа, Сибири в эпоху раннего и развитого Средневековья. В статьях рассматриваются как археологические находки, связанные с защитным и наступательным средневековым вооружением, так и вопросы военной истории, тактики, формирования боевых подразделений.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-241-4
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
Р.В. Матвеев Мечи из могильников III–IV вв. н.э. Волго-Вятского междуречья	6
A.L. Kubik, D. Nicolle The helmet from Multa river reconsidered	17
Г.В. Баранов Перекрестье меча из раскопок византийского Херсона	31
С.С. Зозуля Наконечники стрел редких типов из кургана 100 Тимеревского некрополя.....	43
С.Ю. Каинов Кистени или весовые гири? К попытке одной переатрибуции.	51
Н.А. Плавинский Детали клинкового оружия из раскопок средневекового Друцка.....	58
А.В. Стрельченко, С.В. Шеломенцев-Терский Меч из летописного Белза. (К вопросу атрибуции находки)	67
Н.А. Плавинский, Н.А. Кизюкевич, В.А. Плавинский Находки деталей арбалетов на территории Замковой Горы в Гродно	77
Н.Г. Артемьева Чжурчжэньское колюще-рубящее клинковое оружие.....	89
В.Ю. Мясников, Л.Г. Ярославцева Средневековые панцирные пластины из Иволгинского района Республики Бурятия.....	108
О.В. Двуреченский Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв.....	118
Ю.А. Кулешов Уникальный позднесредневековый шлем с Юга России.....	183

<i>В.С. Курмановский, Т.Д. Панова</i> Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор).....	202
<i>А.В. Дедюлькин, В.С. Курмановский</i> Воинское погребение из кургана 14 могильника Черноморка 2.	233
<i>М. Цуцумия</i> Эволюция средневековых щитов, укрепленных металлом	252
<i>Н.А. Плавинский</i> Памяти Юрия Николаевича Бохана	268

ОТ РЕДАКЦИИ

Представленный вашему вниманию четвертый выпуск сборника статей «Военная археология» (*Acta Archaeologiae Militaris*), содержит в себе работы, затрагивающие широкий исторический диапазон от эпохи переселения народов до Нового времени. Одновременно он является публикацией материалов второй оружейведческой конференции на Куликовом поле, которая проводилась по инициативе Проблемного совета «Военная археология» в 2014 г.

Семинар «Военная археология» был создан в 2001 г. в рамках Музея археологии города Москвы и являлся первым в России специализированным военно-археологическим учреждением. Через два года он получил статус Проблемного совета при Государственном Историческом музее. С 2015 г. наше научное объединение существует под эгидой Института археологии РАН.

За годы существования семинара было подготовлено четыре сборника и две монографии. С 2018 г. планируется ежегодное издание трудов нашего семинара в формате сборника статей «Военная археология» (*Acta Archaeologiae Militaris*).

МЕЧИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ III–IV вв. н.э. ВОЛГО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

УДК 902.01:903.227+623.444.25(470.34)"02/03"
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.6-16

© 2018 г. *Матвеев Р.В. (rm111@yandex.ru) к.и.н.,
ФГБОУ ВО «КНИТУ», Казань*

Резюме: В статье рассматриваются довольно известные сюжеты о длинных мечах без наверший и коротких мечах с «вырезами», которые были распространены в Евразии в первой половине I тыс.н.э.; здесь эта тематика спроецирована на контекст истории развития оружия и погребальных практик населения Волго-Уральского региона. Автор намечает пути появления и распространения мечей в местной среде, обозначает их значение в качестве признака эволюции прослойки привилегированных «воинов-всадников». Вводятся хроно-типологические дефиниции, подробно описывается облик оружия, а также характер его связи с локальной и степной военной культурой.

Ключевые слова: оружие, длинные мечи, мечи с вырезами, азелинская культура, мазунинская культура, сарматская культура, могильники, типология мечей, Волго-Вятское междуречье, Эпоха Великого переселения народов.

Long Swords from III-rd – IV-th centuries graveyards of Volga-Vyatka interfluvz

© 2018 *Matveev R. V. (rm111@yandex.ru)*

Abstract: The article is devoted to the subject of the long swords and short swords with «cut-outs», which were spread widely across Eurasia in the first half of the 1st millennium AD. The issue was examined in the context of the ancient armament as a whole and of the funeral practices of the population of the Volga-Ural region. We were trying to outline a source of origin of that swords and reveal to what extent had their appearance in the region influenced on the development of the local «mounted warriors» class.

Keywords: weapon, long Swords, Azelinskaya culture, Mazuninskaya culture, Sarmatians, Migration period

В III–IV вв. н.э. Волго-Вятское междуречье населяли племена азелинской археологической культуры. Вовлеченность носителей этой культуры в общеевропейские культурно-исторические процессы – одна из важных и не решенных до конца проблем археологии региона.

Здесь мы рассматриваем сюжет, небезынтересный для понимания событий, происходивших в эпоху Великого переселения народов и предшествующий период на Средней Волге. Речь идет о хронологии и происхождении мечей азелинской культуры. На сегодняшний день их обнаружено 29 экз. (включая фрагменты), в большинстве своём (28 экз.) – при раскопках могильников (см. рис. 1).

К сожалению, отдельных работ, посвященных проблемам вооружения населения Волго-Вятского междуречья конца II–IV вв. н.э., очень немного и наш свод может, в некоторой степени, компенсировать этот пробел.

Особенностью мечей азелинской культуры, выявленных *in situ*, является отсутствие перекрестий и наверший (см. рис. 2 и 3). Клинки, в первом приближении, довольно однообразны¹. Это заставляет искать основания для типологии в деталях и особенностях конструкции клинка. Этот подход давно используется специалистами (см. работы А.М. Хазанова², А.В. Симоненко³ и др.).

За редким исключением, мечи населения Волго-Вятского междуречья III–IV вв. н.э. представляют собой обоюдоострые железные полосы с

хвостовиком без перекрестия и навершия. Их типология выполнена нами на основе устойчивых сочетаний в устройстве рабочих и несущих частей (форма клинка и хвостовика и переход от полосы клинка к хвостовику).

За основу морфологической типологии нами была принята система классификации А.М. Хазанова⁴, разработанная им для сарматских мечей⁵: в отсутствие навершия и перекрестия мечи группируются по форме перехода от клинка к хвостовику⁶. Приняв это положение для клинкового оружия Волго-Вятского междуречья III–IV вв. н.э., мы выделили три типа мечей:

Тип I (рис. 2). Мечи без перекрестия, клинок переходит в хвостовик под тупым углом (19 экз.) (тип II по А.М. Хазанову). Мечи этого типа наиболее многочисленны. Общая (сохранившаяся) их длина варьируется от 83 см (п. 117, Рождествено V) до 96 см (п. 76, Тюм-Тюм). Определение отношения длины клинков и хвостовиков часто затруднено в силу того, что большинство хвостовиков (и некоторые лезвия) обломаны.

Клинки мечей этого типа линзовидного сечения, как у пяты, так и у острия. По форме они бывают двух вариантов. В первом случае лезвия идут практически параллельно друг другу от пяты и сходятся только в нижней его трети, выгибаясь у самого острия. Острие довольно широкое, близкое к U-образной форме. Длины клинков распределены в интервале 70–80 см. Ширина у пяты колеблется в пределах 5,3–6,2 см, а в середине составля-

¹ Как правило, мы видим, что сечение клинка – линзовидное. В силу сильной коррозии исключать, что, по крайней мере, часть из них могла иметь ребра или грани нельзя, но пока мы не смогли в этом убедиться.

² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 15–17.

³ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2010. С. 43–61.

⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 15–17.

⁵ Необходимо оговориться, что принцип, положенный в основу этой типологической схемы, часто считается довольно условным.

⁶ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 17; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 43.

ет около 4 см. Лезвия клинков второго варианта находятся под небольшим углом по отношению друг к другу уже у пяты, и, равномерно сходясь, образуют узкое V-образное острие. Их длина 78–88 см, сохранившаяся ширина у пяты 3,7–5,7 см, у острия – 3,5–3,7 см. В среднем они длиннее и уже, чем клинки с U-образным остриём. Исходя из этого, можно с долей осторожности предположить, что функционально клинки первого варианта могли изначально предназначаться для нанесения рубящее-колющих, а второго – колюще-рубящих ударов.

Хвостовики мечей первого типа представляют собой брусковидный (т.е. с шириной, не превышающей двойной толщины) черен, откованный вместе с клинком. Их сохранившаяся длина колеблется от 8,8 до 15 см, ширина составляет 1,2–2,5 см, толщина – 0,6–1,3 см. Судя по мечам, хвостовики которых лучше сохранились, их первоначальная длина составляла около 15–18 см.

Рукояти мечей этого типа были сделаны из дерева. Остатки их встречены в п. 39 Мари-Луговой, п. 117 Рождествено V, п. 17 Суворово, пп. 23 и 44 Усть-Брыски. Рукоять крепилась к хвостовику штифтом.

Длина рукояти меча из п. 117 Рождественского V могильника реконструируется П.Н. Старостиным по распо-

ложению металлического навершия и составляет около 40 см⁷. Есть многочисленные свидетельства того, что рукояти мечей были окрашены красной минеральной краской⁸.

Известно о двух **навершиях** для мечей этого типа (из п. 117 Рождествено V и п. 44 Усть-Брыски). Первое представляло собой железную площадку диаметром 4,5 см, крепившуюся к торцу рукояти бронзовым гвоздём⁹. Второе – бронзовую втулку, и, судя по всему, оно насаживалось сверху на деревянную рукоять (диаметр входного отверстия – 1,4 см, высота – 3,5 см). Едва ли в качестве навершия использовался халцедоновый диск с отверстием, найденный у середины клинка меча из п. 23 Усть-Брыски¹⁰. Во-первых, в погребении нет никаких следов деталей, соединявших диск с рукоятью, хотя обычно в таких случаях использовались специальные гвозди¹¹ или система крепежа, известная у меча из п. 171 Тураевского I могильника¹². Во-вторых, хотя навершия из халцедона и других минералов рассматриваются как наиболее характерный признак позднесарматских мечей¹³ и в том же качестве известны в памятниках Южного Урала, Нижнего Поволжья¹⁴ в упомянутых выше комплексах Среднего Прикамья, азелинское население использовало халцедоновые диски почти исключительно для украшения

⁷ Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Археология Евразийских степей. Т. 9. Казань, 2009. С. 31.

⁸ Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов: Вопросы археологии Урала. Т. 5. Ижевск–Свердловск, 1963. С. 69.

⁹ Старостин П.Н. Рождественский V могильник. С. 31.

¹⁰ Старостин П.Н. Исследования Усть-Брыскинского могильника (Татарская АССР). Казань, 1977. С. 11–12.

¹¹ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Материалы и исследования по археологии Дона. Т. 1: Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 171.; Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 2. Ижевск, 2003. Табл. 330: 6; 332: 8; 339: 2.; Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. Рис. 132: 2.

¹² Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск, 2010. С. 43–44. рис.121: 4.

¹³ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). С. 171–172; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 48.

¹⁴ Пастушенко И.Ю. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. № 11. 2008. С. 14.

женского костюма¹⁵. В тех немногих случаях, когда халцедоновые диски найдены в мужских захоронениях вместе с мечами, нет никаких оснований атрибутировать их как навершия, в виду особенностей их расположения в погребениях (относительно мечей) и упомянутого выше отсутствия каких-либо следов крепёжной фурнитуры.

Ножны мечей, остатки которых обнаружены А.Х. Халиковым в пп. 39 и 60 Мари-Луговского могильника, были деревянными¹⁶, окрашенными в красный цвет. Аналогичные ножны, но обтянутые кожей, обнаружены П.Н. Старостиным в п. 117 Рождественского V могильника. Лицевая сторона их была украшена бронзовыми полусферическими накладками диаметром 0,6 см. На устье ножен крепилась бронзовая обойма с орнаментом, выполненным в технике чеканки¹⁷, схожая по форме и орнаментации с деталями ножен меча из п. 46 Ангасякского¹⁸, п. 790 Тарасовского¹⁹ или из того же п. 171 Тураевского I могильника. Аналогии могут быть датированы серединой II–III вв. н.э.

Мечи I типа довольно широко распространены в Волго-Уралье и стали

известны населению азелинской культуры не позднее середины III в. н.э. Отдельные экземпляры найдены уже на памятниках писеральско-андреевского круга²⁰ и пьяноборской культуры²¹, т.е. появляются в регионе не позднее середины II в. н.э. Есть они в синхронных азелинским памятниках мазунинской культуры, рязано-окских могильниках и в комплексах Тарасовского, Тураевского (и I, и курганного), Младшего Ахмыловского могильников.

Появление этого типа мечей в азелинских могильниках и в лесной полосе Восточной Европы в целом связано с сарматским влиянием. Именно в ареале этой культуры выявлено наибольшее количество мечей без перекрестия с плавным переходом от пяты к хвостовику. Они распространены от Центральной Европы²², северо-восточной части Малой Азии²³, Северного Причерноморья²⁴ и Подонья²⁵ до Нижнего Поволжья²⁶, Южного Урала²⁷ и Казахстана²⁸.

Мечи I типа появляются у сарматов довольно рано, во II в. до н.э.²⁹, а широкое распространение получают, по всей видимости, в I–II вв. н.э. Пик их бытования у сарматов, вероятно приходится на вторую половину II –

¹⁵ Старостин П.Н. О халцедоновых украшениях из азелинских погребений // *Finno-Ugrica*. № 11. 2008. С. 10–11.

¹⁶ Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // *Труды Марийской Археологической Экспедиции*. Т. 2. Йошкар-Ола, 1962. С. 170–171, 174.

¹⁷ Старостин П.Н. Рождественский V могильник. С. 15. рис. 24: 32а.

¹⁸ Васюткин С.М. Ангасякский могильник–ранний памятник бахмутинской культуры // *Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье: сборник статей*. Ижевск, 1980. С. 191.

¹⁹ Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Табл. 347: 13.

²⁰ Степанов П.Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Андреевский курган Саранск, 1980. С. 18.

²¹ Азеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 46.

²² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 22.

²³ Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Т. IV. Симферополь, 1994. С. 238.

²⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 43–48.

²⁵ Ворошилов А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск, 2007. С. 84.

²⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 60.

²⁷ Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10: Материалы и исследования по археологии России. Т. 9. М., 2008. С. 17–18.

²⁸ Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 170. 1982. С. 80–87.

первую половину III в. н.э., когда они, практически, становятся их основным оружием³⁰. Теряя популярность, этот тип мечей встречается до второй половины III – первой половины IV в. н.э.³¹ Интересным является предположение А.М. Хазанова о том, что мечи I типа с более коротким и широким лезвием (вариант 1 в нашей типологии) более поздние, нежели с узким длинным лезвием (вариант 2). Хронологически он связывает их возникновение с III–IV вв. н.э.

В середине V–VI вв. н.э. этот тип мечей в Волго-Урале продолжает существовать, но связан не столько с азелинскими племенами, сколько с населением, оставившим Младший Ахмыловский могильник, происхождение которого, по-видимому, связано с распространением в Среднем Поволжье культуры рязано-окских финнов; уже от них отдельные экземпляры аналогичных мечей могли попадать в позднеазелинские комплексы, в частности, в Шор-Унжинский могильник.

Тип II (рис. 3, 1–4). Мечи без перекрестий, клинок которых переходит в хвостовик под прямым углом (6 экз.) (тип III по А.М. Хазанову). Клинки этих мечей имеют длину от 83 до 86 см, линзовидное сечение и устойчивую форму. Лезвия их практически параллельны и U-образно сходятся у острия. Ширина клинка варьируется в пределах 5–6,3 см. Разница в ширине полотна клинка у пяты и в слабой части у мечей этого типа не превышает 1 см.

Сохранившаяся длина брусковидных хвостовиков мечей II типа –

8–19 см, ширина – около 1 см. Реконструируемая длина не превышает 20 см.

Рукояти мечей этого типа, так же, как и у мечей I типа, были деревянными. В нескольких погребениях (Суворово, пп. 1, 30) прослежена их окраска в красный цвет. На хвостовиках некоторых мечей имеются штифты (рис. 10). Длина рукоятей мечей II типа, зафиксированных *in situ* (табл. 1:13,16; рис. 10), определена В.Ф. Генингом в 36 и 30 см при ширине (диаметре) в 4,3 см.

Детали **наверший** выявлены в Суворовском (п. 30) могильнике (железный набалдашник похожий на встреченный в п. 117 Рождествено V). Что касается крупных халцедоновых бус, выявленных около мечей, то они, скорее всего, выполняли функцию ограничителя на портупейном ремне, как вслед за В. Тросдейлом³², предполагал С.И. Безуглов³³. Фрагменты **ножен** встречены вместе с тремя мечами – в п. 5 Азелинского и пп. 1, 30 Суворовского могильников. Все они были деревянными, окрашенными в красный цвет. Ножны из п. 30 Суворовского могильника имели сверху медную оковку.

Мечи II типа очень близки по размерам, пропорциям и облику мечам I типа, особенно с клинком первого варианта, и были широко распространены в Восточной Европе в позднесарматский период. В связи с этим, при отсутствии сохранившегося перехода от лезвия к хвостовику исследователи часто не берутся их различить. Время их бытования у сарматов по А.М. Хазанову – III–IV вв. н.э.³⁴, что подтверждает

²⁹ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). С. 174.

³⁰ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 57.

³¹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 57; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 21.

³² Trousdale W. The long sword and scabbard slide in Asia. Smithsonian Contributions to Anthropology. № 17. Washington, 1975.

³³ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). С. 177–178.

ется современными исследованиями в этой области, с уточнением даты до второй половины III–IV вв. н.э.³⁵ В ареале позднесарматской культуры эти мечи встречены на памятниках от Северного Причерноморья, Крыма и Кавказа до Нижнего Поволжья. Интересное предположение о происхождении этого типа мечей в результате взаимопроникновения готской и сарматской традиций высказал А.В. Симоненко. Им подмечено, что прямой угол в области перехода от хвостовика к плечу – это культуруопределяющий (?) признак для мечей пшеворской и вельбаркской культур, а длинные мечи третьего типа (идентичные азелинским мечам второго типа) – это, по сути, результат симбиоза в оружейном деле, произошедшего во время «скифских войн» III в. н.э.³⁶

Мечи II типа неотличимы по облику от сарматских; это изделия одного круга, происходящие из одних и тех же производственных центров. Самый ранний экземпляр меча II типа в Волго-Вятском междуречье встречен в комплексе II в. н.э. (Ошки, п. 27). В регионе этот тип мечей был довольно широко распространён, в частности, в материалах мазунинской культуры.

Мечи I и II типов в течение определенного времени сосуществуют в Волго-Вятском междуречье, поэтому сами по себе не могут служить основанием для узкой датировки комплексов. Это близкие формы длинных мечей, появившиеся у носителей азелинской культуры, скорее всего, в результате контактов с сарматами. Металлографический анализ позволяет разделить

их по технологии изготовления полосы на две неравные группы³⁷. Группа, преобладающая в исследованной выборке, – это мечи, отличающиеся высококлассным исполнением кузнечных операций, сделанные из литой (тигельной) стали. Они могли быть произведены на Востоке (Иран, Средняя Азия, Сирия). Аналогии им можно встретить в сарматском могильнике Лебедевка VI (Северный Казахстан), что усиливает аргументацию в пользу их происхождения из среднеазиатского очага. Вторая группа представлена единственным мечом из подъёмного материала с Усть-Брыскинского могильника. Это изделие совершенно другого класса – меч сварен из двух полос железа, сильно засорённого крупными шлаковыми включениями. По всей видимости, он являлся продуктом местного производства, подражающим мечам первой группы. Воспроизведя форму орудия, местные (прикамские?) мастера не могли повторить правильно технологию изготовления вследствие незнания необходимого технологического стереотипа.

В азелинских могилах мечи фиксируют слева, параллельно костяку, в зоне ниже предплечья, выше голеностопа, либо у пояса. Существует ряд вариантов реконструкции способа ношения длинных мечей, предложенных и обстоятельно описанных А.М. Хазановым³⁸, В. Тросдейлом, С.И. Безугловым³⁹ и др. Один из наиболее вероятных способов – портупея продевается в скобу, укрепленную на ножнах, а затем либо крепится к поясу в двух местах, либо носится в виде отдельного

³⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 20.

³⁵ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 58, 60–61.

³⁶ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 58, 60–61.

³⁷ Завьялов В.И. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: к проблеме этнокультурных взаимодействий. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. М., 2009. С. 108–111.

³⁸ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 24–27.

³⁹ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). С. 177–178.

пояска; смещению ножен вдоль ремня препятствует фиксатор в виде крупной бусины и/или мелкой пряжки специфической формы.

Достоверно определить способ ношения мечей I и II типов представителями азелинской культуры по имеющимся в настоящее время данным трудно, но мы склоняемся к тому, что использовалась вариация описанного выше способа. Если интерпретировать круглые и овальные пряжки и миниатюрные застёжки, обнаруженные в области таза костяков и у верхней трети лезвия мечей, как крепление отстёгивающейся портупей, а крупные халцедоновые или стеклянные бусины – как ограничители, препятствующие проскальзыванию ножен меча, мы получим основные слагаемые «восточной» портупей⁴⁰. Однако мы не имеем ни одного экземпляра её главного компонента – самой скобы, хотя подобные изделия (правда, в небольшом количестве) и известны в комплексах синхронных лесных культур⁴¹. Имеются предположения, что у сарматов были не дошедшие до нас деревянные скобы⁴². Трудно судить, насколько это допущение применимо к азелинской культуре.

Тип III (рис. 3, 5). Короткий меч/кинжал с вырезами у пяты клинка (1 экз.) (тип V по А.М. Хазанову) из п. 75 Рождественского V могильника.

Длина меча составляет 43 см, клинка – 38 см; ширина 4,2 см. В нижней трети клинок V-образно сужается. **Клинок** линзовидный в сечении, с

прямоугольными вырезами глубиной около 0,7 см у основания обоих лезвий. **Хвостовик** треугольный, длиной 5 см, шириной 1,3 см, толщиной – 0,6 см, сечение его линзовидное, близкое к овальному. Габариты и облик этого меча сопоставимы с другими известными на сегодняшний день так называемыми «меотскими» мечами. Морфологически он не выделяется из этого массива.

Следов **рукояти** и **навершия** в погребении не выявлено. На клинке меча сохранился древесный тлен, являющийся остатками деревянных **ножен**. В погребении меч был обнаружен у правого бедра костяка, остриём в сторону стоп, что, соответствует обычному для сарматов положению кинжалов в могиле⁴³. В то же время, в могильниках Северного Кавказа и Крыма мечи с вырезами преимущественно располагаются в области плеч костяков, остриями вверх⁴⁴. Возможно, это свидетельствует о случайности данного предмета в военной культуре азелинского населения. О других находках мечей типа III на территории азелинской и сопредельных культур Среднего Поволжья нам не известно.

Довольно много подобных мечей обнаружено в некрополях Молдавии, Венгрии, Румынии⁴⁵, и особенно, Северного Кавказа и Крыма⁴⁶.

Мечи/кинжалы этого типа вызывают множество дискуссий. Специалисты еще далеки от единого мнения по поводу назначения боковых выре-

⁴⁰ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 67.

⁴¹ Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). Рис. 6: 24.

⁴² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 27; Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). С. 178.

⁴³ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 25.

⁴⁴ Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin – Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. T. 2. Łódź, 2010. S. 538.

⁴⁵ Sourpault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et epees a encoches (IV–VII s.) // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Т. V. Симферополь, 1996. С. 60–72; Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб, 2009. С. 143–151.

⁴⁶ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 51.

зов⁴⁷. По этому поводу мы присоединяемся к точке зрения, согласно которой они использовались как пазы для наматывания шнуров, удерживающих деревянную рукоять. Наша позиция обосновывается малой длиной хвостовика меча из п. 75 Рождественского V могильника и отсутствием на нём каких-либо деталей, предназначенных для фиксации рукояти. Картография мечей с боковыми вырезами говорит об их крымском или северокавказском происхождении, в этих регионах они бытуют до VII в. Считалось, что нижней датой для этих мечей является рубеж II–III вв.,⁴⁸ но современные исследования убедительно показали, что нет оснований датировать их ранее IV в.⁴⁹

Появление всех трёх описанных типов мечей можно считать новацией в военном деле Волго-Вятского междуречья, связанной с азелинским вре-

менем. До этого престижное длинноклинковое оружие в регионе было не столь частой находкой (см. например, Андреевку-Писералы). Здесь же мы встречаем мечи на каждом крупном могильнике. Одновременно выходят из употребления распространённые среди более раннего (пьяноборского, андреевско-писеральского) населения палаши и длинные ножи. Безусловно, такие изменения не случайны, а связаны с эволюцией военного дела как в регионе, так и в Восточной Европе в целом.

Типологическая близость мечей сарматским аналогам, а также имеющиеся параллели в поясной, обувной и сбруйной гарнитуре, показывают большую степень интеграции населения Волго-Вятского междуречья в III–IV вв. н.э. в процессы, общие для Восточной Европы, связанные с Великим переселением народов.

⁴⁷ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 51, 53.

⁴⁸ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. С. 24.

⁴⁹ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. С. 61.

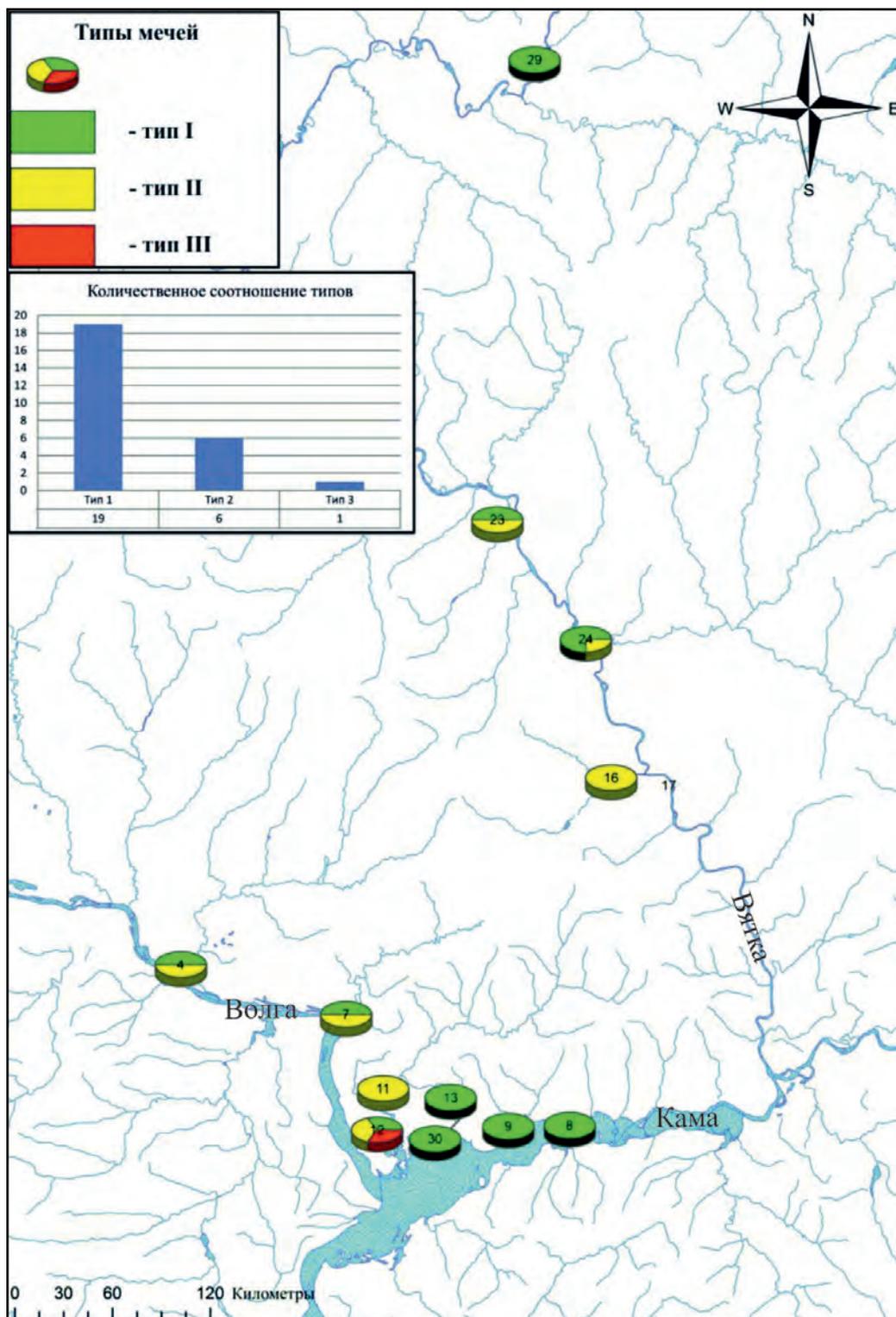

Рис. 1. Распределение мечей по памятникам азелинской культуры: 4 – Мари-Луговской I могильник; 7 – Казанский IV могильник; 8 – Гремячкинский могильник; 9 – Масловский могильник; 11 – Нармонский могильник; 12 – Рождественский V могильник; 13 – Усть-Брыскинский могильник; 16 – Азелинский могильник; 23 – Суворовский могильник; 24 – могильник Тюм-Тюм; 29 – Первомайский могильник; 30 – Серебрячихинское I селище.

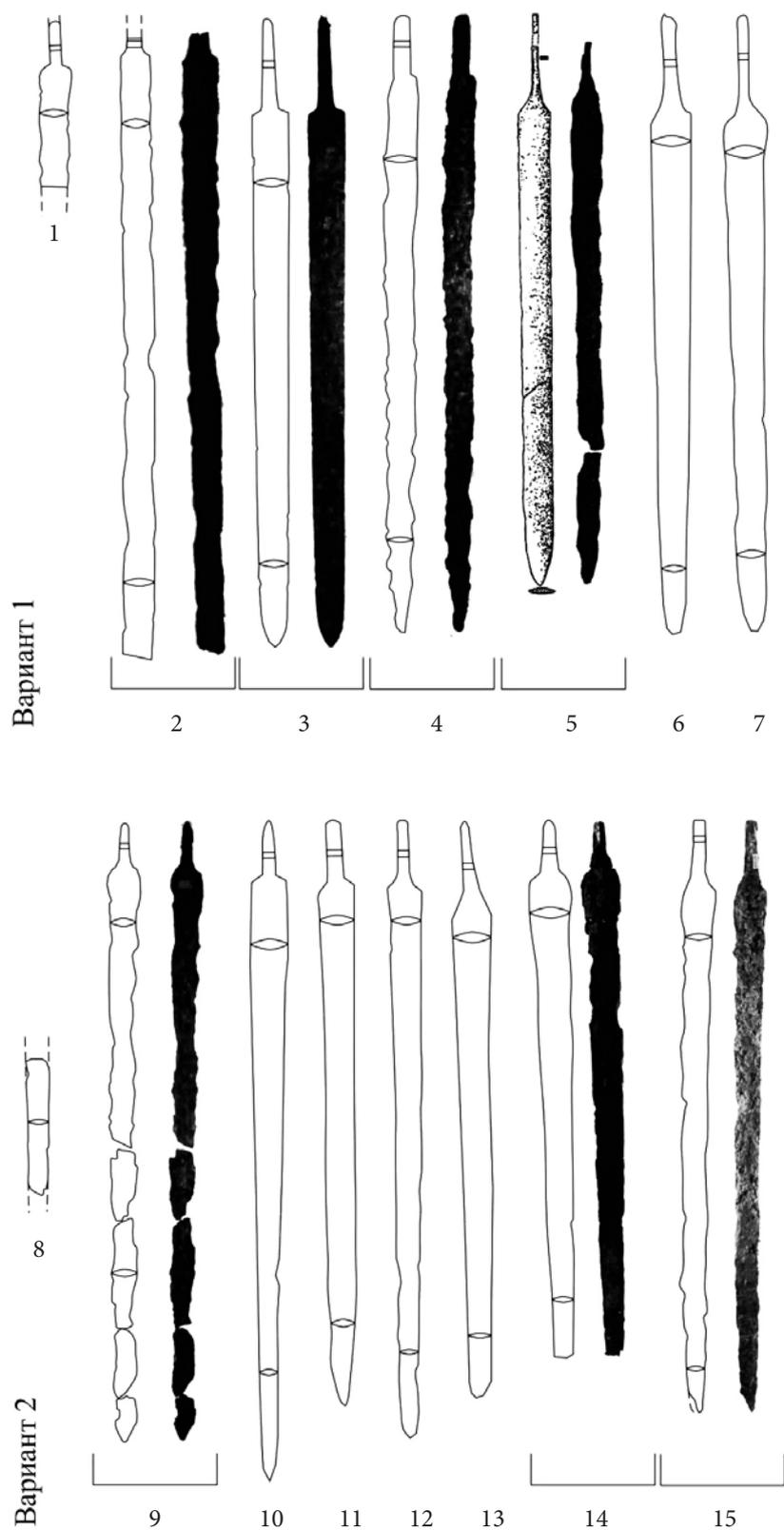

Рис. 2. Мечи типа I: 1–4, 8–9, 15 – Усть-Брыскинский могильник; 5 – Рождественский V могильник; 6, 10–11 – могильник Тюм-Тюм; 7, 12 – Мари-Луговской могильник; 14 – Первомайский могильник; 13 – Масловский могильник.

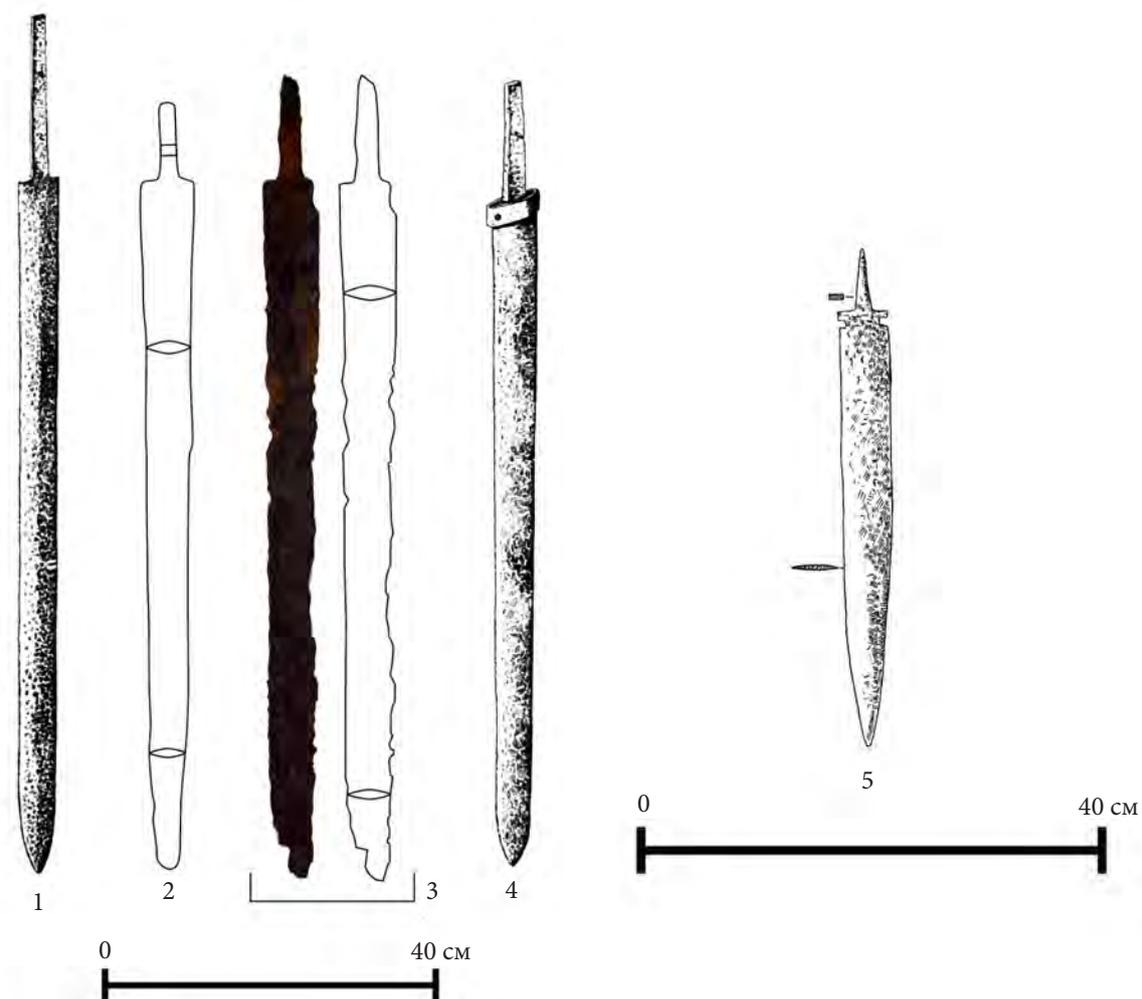

Рис. 3. Мечи типа II: 1 – Азелинский могильник; 2 – могильник Тюм-Тюм; 3 – Рождественский V могильник. 4 – Суворовский могильник. Меч типа III: 5 – Рождественский V.

THE HELMET FROM MULTA RIVER RECONSIDERED¹

УДК 902/904+623.445.2(571.15)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.17-30

© 2018 Kubik A.L. (atakan-al-vefa@wp.pl),
Institute of History and International Relations, Siedlce
University of Natural Sciences and Humanities, Poland
© 2018 Nicolle D. (david.c.nicolle@btinternet.com),
Institute of Medieval Studies, Nottingham University, UK

Abstract: *The article discusses a helmet found in the middle or late 1980s on the bank of the river Multa, a tributary of the River Kotun in the southern Altai Mountains. This helmet was often associated with the presence of Mongols in the region during the 13th-14th centuries AD. However the author consider this to be highly unlikely. On the basis of a detailed comparative analysis, the author puts forward a thesis which dates the object to either the early-Islamic period, i.e. to the first half of 8th c. AD. Specifically, it is suggested that the appearance of the helmet in the southern Altai Mountains may be attributed to the era of rapid Islamic conquest in Asia.*

Additionally, the article argues that in the late Sasanid period or early post-Sasanid period a new sub-type of helmets came into existence in Sogdiana. This was the tall, conical body form spangenhelm type with a lower band which is itself divided into front and back parts and is sometimes decorated with a triangular iron plate at the front. Furthermore, it is proposed that the Multa river helmet has certain similarities with helmets shown in Sogdian murals of the 7th to 9th centuries AD.

Keywords: *helmets, armour, Central Asia, Sogdiana, Golden Horde.*

Новая атрибуция шлема из реки Мульта

© 2018 г. Кубик А.Л. (atakan-al-vefa@wp.pl)
© 2018 г. Николь Д. (david.c.nicolle@btinternet.com)

Резюме: *В статье рассматривается шлем, найденный в середине или конце 1980-х годов на берегу реки Мульта (приток реки Катунь) на Южном Алтае. Часто этот шлем связывают с присутствием в регионе монголов в XIII–XIV вв. Тем не менее авторы считают это крайне маловероятным. На основе детального сравнительного анализа авторы выдвигают тезис, что шлем относится к раннему исламскому периоду, то есть к первой половине VIII в. Предполагается, что появление шлема в южной части Алтайских гор можно отнести ко времени стремительных исламских завоеваний в Азии.*

Кроме того, в статье высказана точка зрения, что в конце Сасанидского периода или раннем Постсасанидском периоде в Согдиане появляется новый подтип шлемов. Это был шлем типа шпангельхельм с высокой тульей конической формы с венцом, разделенным на переднюю и заднюю части. Иногда передняя часть венца оформляется в виде треугольной железной пластины. Кроме того, предполагается, что шлем из реки Мульта имеет определенное сходство со шлемами, изображенными на согдийских росписях VII–IX вв.

Ключевые слова: *шлемы, доспех, Центральная Азия, Согдиана, Золотая Орда.*

¹ The results of the research carried out under the research theme No. 452/16/S (Wojskowość starożytnego Iranu na tle porównawczym) were financed from the science grant granted by the Ministry of Science and Higher Education, Republic of Poland.
The author would like to express his sincere gratitude to V.V. Gorbunov for granting permission to use photos of the find.

In the middle or late 1980s a group of children found the top of a helmet (fig. 1–2) sticking out of the ground on the bank of the river Multa, a tributary of the River Kotun in the southern Altai Mountains. The helmet had no archaeological context and for ten years its ownership changed until, in the mid-1990s, Mr. S. M. Kobyzov donated the helmet to The National Museum of the Altai Republic where it is currently held (inventory number AGKM, kol. 17056/A-2653)².

The iron bowl of the helmet consists of four parts which are joined together with four ribs, incised in decorative forms. Thus the helmet is of the spangenhelme type. The ribs of the frame each have a clearly visible and pronounced ridge running from the base up to the highest incision. Most of these ribs were attached with six rivets each, paired across the ridge. The only exception from is the front rib which was fixed with only four rivets because of a raised decorative diadem over the brow plate. The bottom of the helmet is surrounded by a band which is itself divided into front and back parts. On the back part one can see the ridge running from the temple areas to the very back of the head. In the lower part there is a row of holes was presumably made so that the cloth lining could be attached inside the helmet. The upper edge of the band was cut into a simple «crown» shape consisting of loosely placed triangular segments. The front part of the crown consists of a triangular iron plate. There are clearly marked semi-oval cut-outs over the eyes which in turn creates a small nasal which only comes slightly below the lower rim of the helmet. The helmet is topped with a narrow spike having eight decorative in-

cisions. There are four rivets connecting a finial with the main bowl of the Multa helmet. On the upper part of the pike one can see a thickening, and on top of the finial there is a small rectangular socket or hole for a tuft of horsehair or a plume of feathers (4,5 mm high, 1 mm width). The tall, conical body of the helmet is surmounted by a long socket attached by four rivets though four extensions placed symmetrically around the helmet. The total height of the helmet is 27,0 cm, the distance from the forehead to the back of the head being 21,5 cm, and the width 18,5 cm, while the thickness varies between 1,5 to 3,0 mm.

The helmet from the Multa river has been mentioned in several publications, each time being described as an example of Mongol armament³. V.V. Gorbunov, for example, matched the Multa river helmet with another helmet of unclear provenance which was found in the vicinity of the village of Shadrino in Altai Territory⁴. However, apart from the proximity of locations where these two helmets were found, they have little in common and in fact belong to completely different constructional paradigms. As was mentioned above, the helmet from the Multa River consists of eight parts, four of which are joined together with four ribs in a “typical” spangenhelme construction. The body of the helmet found near Shadrino consists of two parts consisting of front and a back halves, joined with two elements at the sides of the body⁵. The introduction of both these forms of helmet was ascribed to the presence of the Mongols in this region during the 13th–14th centuries AD. The current authors disagree and, in the light of comparative archaeo-

² Gorbunov V.V., Isupov S.Yu. Mongolskie shlemy s territorii Altaja // Materialy po Voennoi Arheologii Altaja i sopredelnyh territorii. Barnaul, 2002. P. 136.

³ Gorbunov V.V., Isupov S.Yu. Mongolskie shlemy s territorii Altaja. Ris. 2; Gorbunov V.V. Voennoe delo naselenia Altaja v III–XIV vv. Chast I Oboronitelnoe vooruzhenie (dospeh). Barnaul, 2002. Ris. 47.

⁴ Gorbunov V.V., Isupov S.Yu. Mongolskie shlemy s territorii Altaja. 55.

⁵ Gorelik M.V. Mongolo-Tatarskoe oboronitelnoe vooruzhenie vtoroi poloviny XIV – nachala XV v. // Kulikovskaja bitva v

logical and iconographical material, they would suggest a very different attribution and dating.

In his work, V.V. Gorbunov made a thorough analysis of several features⁶ which will be re-analyzed in the course of the current paper. At the same time certain elements which were neglected by Gorbunov will also be discussed. On the other hand the vast differences in construction between the helmet found on the banks of the river Multa and the specimen from near Shadrino mean that they will not be discussed together.

One extremely important element relating to the dating of protective military headgear is the system of decorative incisions along the edges of the ribs which join the segments of spangenhelme from Central Asia and which appears from the 6th century AD⁷ onwards (fig. 3–4). This is a strong dating element and may offer a *terminus post quem*⁸ for the object under discussion. Nevertheless, it must be pointed out that incisions, even though they are shaped like spiked thorns or triangles, were not part of the most popular arch-formed shape running from the upper to the lower part of the rib as it is depicted on the helmet shown in a mural in General Lou Rei's tomb, firmly dated for 577 AD⁹. Here the spikes come directly from the straight ribs and create a sort of ladder-like form. The spikes are also parallel to the lower edge of the helmet and reach up to the mid-height of the hel-

met's body (fig. 4: 2). Consequently the upper part of each rib is plain and does not have spikes. Similar aesthetic solutions employing a herring-bone or ladder pattern of spikes reaching to the middle of the rib can be seen in one particular group of Central Asian helmets presented by A.L. Kubik who provided three examples: an iron spangenhelme form of helmet in the Nasser D. Khalili Collection, an iron spangenhelme from the Perm Museum, and an iron spangenhelme helmet found in North Iraq, Kouyunjik, Nineveh Governorate, which is in the British Museum (invoice number 22495) which is of un-doubted Central Asian provenance and dates from between the 6th and 8th centuries AD (fig. 3)¹⁰.

It must be pointed out that the decorative incisions in the lower parts of the ribs of the helmets under discussion create a visual widening of the part of the rib while making the upper part narrower. In this way the shape of a reversed «T» or «spade-shape» is created (fig. 5: 3), a feature which is also known from helmets of the «key-hole» type. It is difficult to determine at which stage such forms were developed, however it is impossible to ignore their similarity to some Sasanian crenellated crowns with their segments having a wide base and narrow upper parts; thus forming a reversed «T» shape (fig. 5: 2). In four-segmented crowns one can observe three steps which seemingly refer to Achaemenid architectural forms.

istorii i kulture nashei Rodiny. Moscow, 1983. Tab. VIII: 2; *Gorelik M.V.* Rannyj Mongolski dospeh (IX – pervaja polovina XIV v.) // Arheologija, etnografija i antropologija Mongolii. Novosybirsk, 1987. P. 192, Ris. 11: 6.

⁶ *Gorbunov V.V., Isupov S. Yu.* Mongolskie shlemy s territorii Altaja. P. 140–141.

⁷ *Bobrov L.A., Hudjakov Yu. S.* Voennoe delo sjanbijskich gosudarstv Severnogo Kitaja IV–VI vv. n. e. // Voennoe delo nomadov Centralnoi Azji v sjanbijsku epohu. Novosybirsk, 2005. P. 180.

⁸ This element cannot be used as a *terminus ante quem* because such a feature is ubiquitous in Asia until at least the 16th – 17th century AD. See for example: *LaRocca D.J.* Warriors of the Himalayas, rediscovering the arms and armor of Tibet – New York – London, 2006. P. 68–91, see also: *Bobrov L.A., Hudjakov Yu.S.* Plastiny-nakladki s vyreznym kraem na srednevekovyh shlemah stepnoi polosy Evrazii i priliegajushyh teritorij // Vestnik NGU. Serija: Istorija, Filologija. Tom 5. Vypusk 3. Arheologija i etnografija. 2006. P. 87–105.

⁹ *Bobrov L.A., Hudjakov Yu.S.* Voennoe delo sjanbijskich gosudarstv Severnogo Kitaja IV–VI vv. n. e. Ris. 15: 14.

¹⁰ *Kubik A. L.* Introduction to studies on late Sasanian protective armour. The Yarysh-Mardy helmet // Historia i Świat, nr. 6. Siedlce, 2016. P. 82–83. See also: *Guide A.* A guide to the Babylonian and Assyrian antiquities. London, 1922. P. 169, *James S.* Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets // Syria Année. nr. 63. 1986. P. 118–119, *Nicolle D.* Sasanian

Despite this difference we may observe here a transmission of aesthetic decorative forms between the crowns and the helmets which seems to be a distinctive feature of Iranian armament (fig. 5: 1–5: 2). Assuming that four clearly separated ribs of spade-shape really imitate the visual form of Sasanian crowns (fig. 3) we should point out that a similar form, which includes a clear separation of four segments, appears for the first time in the middle of the first half of the fifth century during the reign of Bahrām V Gōr (420–438). Despite the fact that currently the only known Iranian helmet of this type is the example from Nineveh, now in British Museum (invoice number 22497) and dated to 6th–7th century AD (fig. 4)¹¹, we can nevertheless state that similar forms of ribs might have appeared among Sasanian helmets as early as the mid-5th century AD. It is also significant that a projection of Iranian aesthetics is visible in the armament of the Caucasus area during the post-Sasanian period, as evidenced by the helmets from Lagerevo¹² and Kazazovo¹³. It is interesting, when comparing Central Asian helmets with examples from the Caucasus where one can see a further development of the ribs seen in the helmet from Nineveh (invoice number 22497), to note that there appear to be two separate evolutionary forms with a single root within Iran (fig. 3). The ribs of known examples of a similar type helmet clearly become narrower (fig. 3: 5, 3: 6, 3: 7, 3: 9). At the same

time helmets from the Caucasus region retain a broad form of the ribs (fig. 3: 8) as seen in the Nineveh helmet (invoice number 22497). A further interesting find is one of the helmets from Diurso that was published in 2002 by M.V. Gorelik¹⁴. Here the upper narrowing is shaped in a spiky, decorative form. It is an intriguing feature which might suggest a gradual development of the rib forms deriving from Sasanian crowns. Naturally it must also be pointed out that the ribs of a reversed «T» shape were present among late Roman helmets which themselves possibly had a common evolutionary origin in the multisegmented helmets of Eurasia. On the other hand, however, their construction never evolved into a clear separation of the reversed «T» shape ribs.

The bottom part of the body of the Multa river helmet consists of a two-part band, the front part of which forms a triangular diadem with incisions. As it was correctly stated by L.A. Bobrov, this feature confirms certain similarities of construction with the helmets of the Liao dynasty, dating from the late 10th and early 12th centuries AD¹⁵.

Meanwhile, the helmet from the Multa river includes a range of features which differentiating it from these Liao helmets. It is a tall conical helmet whereas helmets from the Liao dynasty are much lower and bulkier. Also incisions over the eyes are not found among the helmets listed by L.A. Bobrov. Instead this feature has been replaced by another feature; namely a

Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th century AD. Stockport, 1996. Pl. 34. G, *Gorelik M.V.* Armii Mongolo-Tatar X–XIV vekov. Voinskoe isskustvo, oruzie, snarjazenie. Moscow, 2002. P. 75, Ris. 2, and others.

¹¹ *Simpson St.J.* From Tekrit to the Jaghjagh: Sasanian sites, settlement patterns and material culture in northern Mesopotamia // Continuity and change in northern Mesopotamia from the Hellenistic to the Early Islamic period. Ed. K. Bartl, S. R. Hauser. 1996, Berlin. P. 97–98.

¹² *Mazitov A.* Kurgany Juznogo Urala VIII–XII vv. Moscow, 1981. Ris. 42, *Ivanov G.E.* Vooruzenie plemjen lesostepnogo Altaja v rannom zelaznom veke // Voennoe delo drevnego naselenija Severnoj Azii. Novosibirsk, P. 6–26.

¹³ *Tarabanov V.A.* Srednevekovyj mogilnik u aula Kazazovo // Istoricheska Etnografija: tradicii i sovremennost'. Ed. K.V. Chislov, R. F. Its, A.V. Gablo, A.G. Sainov, M.A. Tomilov. 1983. Leningrad, P. 148–155.

¹⁴ *Gorelik M.V.* Arms and armor in south-eastern Europe in the second half of the first millenium AD // A companion to medieval arms and armour. Ed. D. Nicolle. Woodbridge – Suffolk, 2002. Tab. XI: 5. P. 5.

¹⁵ *Bobrov L.A.* Kidanski shlem iz Zabajkal'skogo kraevedcheskogo muzeja // Voennoe delo srednevekovyh narodov Juznoj Sybiri i Chentralnoi Azii. Novosibirsk, 2013. P. 77.

lower rear part of the horizontal band and a small nasal. The latter brings to mind the Multa river helmet, even though it is a feature which certainly varied a great deal. Incisions over the eyes can be found in the helmet from Ozernoe which has also been classified as Mongol¹⁶, however it was evidenced to A.L. Kubik¹⁷ that the helmet from Ozernoe is more likely earlier than the helmets of the Liao dynasty. It is therefore tempting to suggest that incisions above the eyes on spangenhelme formed the inspiration for Chinese helmets made of two parts during the late 10th and early 12th centuries AD. It is, however, possible that they were independent developments on the forehead part of such helmets because a small rectangular nasal extending from the forehead sheet of the helmet's body seems to have been a popular element in Central Asian helmets dated between the 7th and 9th centuries AD¹⁸ and was also used along with incisions over the eyes. A highly distinctive form of diadem forms part of the triangular sheet above the eyes¹⁹. Such a decoration is not found among any Mongol helmets but was, in contrast, very popular among depictions of helmets in Sogdian murals of the 7th and 9th centuries AD (fig. 6)²⁰. Even more interesting is the fact

that these are often incised in a decorative manner or are decorated with crescent (fig. 6: 4)²¹. Some similarity can be noted with a four-extension connection seen on the helmet finial. Such a solution had spread in spangenhelme constructions as far as Scandinavia and China in late 10th early 11th c. AD where finials comes in the form of a little pin²². The Multa helmet differs from the above mentioned helmets in that it is topped with a narrow spike having a socket in the helmet finial.

The form of the lower band which has extensions imitating a crown is another interesting aspect of the helmet under discussion. As it was correctly noted by V.V. Gorbunov, similar forms appear in Iran after the Mongol invasion²³. However, as pointed out by M. Tsurtsunia in his study of a helmet from Wawel Museum in Cracow, the evolution of helmets with decorated lower bands does not refer to the Mongols themselves²⁴. What is more, decorative incisions in the form of a crown along the lower band are more likely of Iranian origin, as evidenced by decorations of helmets on Spahbedan Bullae, the seals of late Sasanian senior regional commanders²⁵. The earliest archaeological evidence of this type – namely a helmet with the body of single sheet

¹⁶ *Ovsjannikov V.V.* K voprosu o zashitnom voruzenii pozdnyh kochevnikov Juznogo Urala // *Voennoe delo drevnego srednevekovogo naselenija Severnoi i Chentralnoi Azii*. Novosibirsk, 1990. *Gorelik M.V.* Armii Mongolo-Tatar X–XIV vekov. Voinskoe isskustvo, oruzie, snarjazenie. P. 75, Ris. 1.

¹⁷ *Kubik A.L.* Introduction to studies on late Sasanian protective armour. P. 80–81.

¹⁸ *LeCoq A. von*, *Bilderatlas zur kunst und kulturgeschichte mittel-asiens*. Berlin, 1925. Fig. 59, p. 64–66; *Jakubovskij A. Yu.* Zivopis' drevnego pjandzikenta. Voprosy izuchenija pjandzikentskoi zivopisy. Moscow, 1954. Ris. 29.

¹⁹ *LeCoq A. von*, *Bilderatlas zur kunst und kulturgeschichte mittel-asiens*. Fig. 63, 67, 70, *Sokolovsky V.* Monumental'naja zivopis' VIII, nachala IX veka dvorchovogo kompleksa Bundzikata, stolichy srednevekovogo gosudarstva Ustrushany. St. Petersburg, 200. Il. 90, *Kubik A.L.* Introduction to studies on late Sasanian protective armour. The Yarysh-Mardy helmet. P. 80–83.

²⁰ *Sokolovsky V.* Monumental'naja zivopis' VIII, nachala IX veka dvorchovogo kompleksa Bundzikata, stolichy srednevekovogo gosudarstva Ustrushany. Il. 73, 88.

²¹ *Sokolovsky V.* Monumental'naja zivopis' VIII, nachala IX veka dvorchovogo kompleksa Bundzikata, stolichy srednevekovogo gosudarstva Ustrushany. Il. 90.

²² Helmets from Western China see: *Bobrov L.A.* Kidanski shlem iz Zabajkal'skogo kraevedcheskogo muzeja // *Voennoe delo srednevekovyh narodov Juznoj Sybiri i Chentralnoi Azii*. P. 75–79, helmet from Ozernoe see: *Ovsjannikov V. V.* K voprosu o zashitnom voruzenii pozdnyh kochevnikov Juznogo Urala // *Voennoe delo drevnego srednevekovogo naselenija Severnoi i Chentralnoi Azii*. P. 141–149, helmet from Zitimakski Kurgan see: *Mazitov A.* Kurgany Juznogo Urala VIII–XII vv. Ris. 66, helmet from Gniezdovo see: *Kirpichnikov A.N.* Russkie shlemy X–XIII v.v. // *Sovetskaya Archeologia*. nr. 4. 1958. Ris. 1: 1, helmet from Giermundbu see: *Grieg S.*, *Gjermundbufunnet* : en høvdingegrav fra 900-årene fra Ringerike. Oslo, 1947, there exist also 2 more helmets of this type from Kazahstan, yet unpublished.

²³ *Gorbunov V.V.*, *Isupov S.Yu.* Mongolskie shlemy s territorii Altaja. P. 141.

and a decorative lower band – which is known to the authors comes from Biberwier in Austria²⁶ and could be connected to Iran²⁷. As was correctly stated by H.R. Robinson, known helmets from the turn of the 13th–14th centuries AD are most likely of Iranian origin and can be directly related to a helmet depicted on the rock-cut equestrian statue at *Ṭāq-e Bostān III*²⁸, On the other hand, in the authors' opinion their subsequent evolution requires further research²⁹. Without doubt the thesis of a Mongol origin for these types of helmets, as expressed by M.V. Gorelik³⁰, should be refuted. Additionally, the «crown» of the Multa river helmet has a distinctive form with small triangular «teeth» (fig. 1, 2, see also: fig. 6: 1, fig. 7). Significantly, very similar protective headgear was depicted on one of the Sogdian wall paintings from Panjikent which some scholars believe show the «Amazon Cycle»³¹. Under the hooves of galloping horses a fallen warrior was shown in a helmet clearly analogous to the one from the river Multa (fig. 7). This helmet is of spangenhelm construction with an extended conical shape with incised ribs decorated with horizontal spikes. In the front incisions over the eyes curve down to small nasal which is barely longer than the lower edge of the helmet;

all these features being clearly illustrated. And there is also a triangular diadem over the warrior's forehead. The helmet is topped with a narrow spike with faint vertical lines suggesting decorative incisions. At the upper part of the pike one can see a thickening just like that on the discussed helmet from Altai. The helmet on the wall painting has narrow cheek-pieces tapering towards the chin. What V.V. Gorbunov observed in the Multa river helmet was a was a leather finial decoration³². At the same time he linked the existence of these decoration to the disputed theory of M.V. Gorelik who credited the invention of this sort of stabilization to the Mongols³³. At the same time it must be remembered that M. Tsurtsunia found the same sort of stabilization in the coins of pre-Mongol Artukids³⁴ and in Azerbaijani depictions from 12th–13th centuries AD³⁵. Furthermore it needs to be emphasized that sort of decoration appear in numerous illustrations in Central Asian art from between the 7th and 9th centuries AD.

Considering all the factors discussed above, the Multa river helmet is most likely an example of Central Asian and more specifically Sogdian armament. It should be dated between the second half of the 7th and the beginning of the 9th centuries

²⁴ *Tsurtsunia M.* The Helmet from Wawel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet, *Acta Militaria Mediaevalia*, nr. 7. Cracow – Rzeszow – Sanok, 2011. P. 93–103.

²⁵ *Gyselen R.* The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence, *Conferenze 14. Roma, 2001. Gyselen R.* Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeedi Collection. *Acta Iranica* 44, PEETERS. P. 248–277.

²⁶ *Miks Ch.* Vom Prunkstück zum Altmetall – Ein Depot spätrömischer Helmteile aus Koblenz. *Begleitbuch zur Ausstellung im Römisch-Germanischen Zentralmuseum* 26. September bis 16. November 2008. *Mosaiksteine* 4. Mainz. 2008. P. 223. Tafel 70–72.

²⁷ *Negin A.E.* *Pozdnerimskie shlemy s prodolnym grebnem // Germania–Sarmatia.* Nr. 2. Kaliningrad–Kursk, 2010. P. 351.

²⁸ *Robinson H.R.* *Oriental Armour.* New York, 1967. P. 28.

²⁹ It seems that the shape of the Multa helmet constitutes an intermediary link between the Iranian and later Caucasian crown helmets, and the single and bi-lateral teeth-like ridge cuttings running around the bottom of the bowl. The latter are known from the Bremen helmet for example, see: *Lonke A. von.* Ein Spangenhelm aus Bremen // *Praehistorische zeitschrift.* № 16. 1925. P. 196–197; or the Manvelovka helmet, see: *Churilova L.N.* Pogreblenie s serebnoi maskoi u sela Manvelovka na Dnepropetrovshine // *Sovetskaya Archeologia.* № 4. 1986. Ris. 2.

³⁰ *Gorelik M.V.* Mongolo-Tatarskoe oboronitelnoe vooruzenie vtoroi poloviny XIV – nachala XV v. *Tab. VIII:* 11–13.

³¹ Panjikent XXI:1 see: *Azarpay G.,* Sogdian painting: The Pictorial Epic in Oriental Art. Berkley – Los Angeles – London, 1981. Pl. 17.

³² *Gorbunov V.V., Isupov S.Yu.* Mongolskie shlemy s territorii Altaja. P. 142.

³³ *Gorelik V.V.* Rannyy Mongolski dospeh (IX – pervaja polovina XIV v.). P. 194.

³⁴ *Tsurtsunia M.* The Helmet from Wawel Royal Castle Museum and its Place in the Evolution of Oriental Helmet. P. 85.

³⁵ *Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350: Islam, Eastern Europe and Asia – London, 1999. Fig. 558: be-bf,

AD. Its presence in the Altai could suggest strong Sogdian influence on the Turkic peoples during this period. Its location could have resulted from commercial exchange between Altaic peoples and the city-states of the Silk Route. However, the author's think it more likely to have resulted from a transfer of arms and armor through military conflict. If that is indeed the case, the most probable period of Altaic-Sogdian military relations would be during the Islamic conquests in Central Asia. Arabic sources on the conquest of Transoxiana and Khurasan do not usually differentiate between Altaic tribesmen and the settled populations of Eastern Iranian stock, generally calling them all «Turks»³⁶. In fact it is likely that difference in appearance between these peoples were too small to feature in the eth-

nic diversification noted by their Muslim enemies. Much more plausible, however, is a direct participation by Turkic troops in the wars resulting from Islamic invasions of Central Asia. In the current authors' view, the most likely terminus post quem for the Multa river helmet would be Kül-Tegin's intervention against the Türgesh in 710/711 AD, as described on old-Turkic Orkhon inscription, where the Turkic commander was said «to organize the Sogdian people» in his assistance³⁷. The most probable terminus ante quem would be the battle of Talas River in 751 AD which concluded the era of rapid Islamic conquest in Central Asia. In current authors' opinion, therefore, the Multa river helmet should be most plausibly dated between 710 AD and 751 AD.

³⁶ *Gibb H.A.R.* Arab Conquests in Central Asia. London, 1923. P. 10.

³⁷ *Gibb H.A.R.* Arab Conquests in Central Asia. P. 45.

Fig. 1. The Sogdian helmet from the River Multa. Photograph courtesy of V.V. Gorbunov, author: S.Yu. Isupov. AGKM, kol. 17056/A-2653.

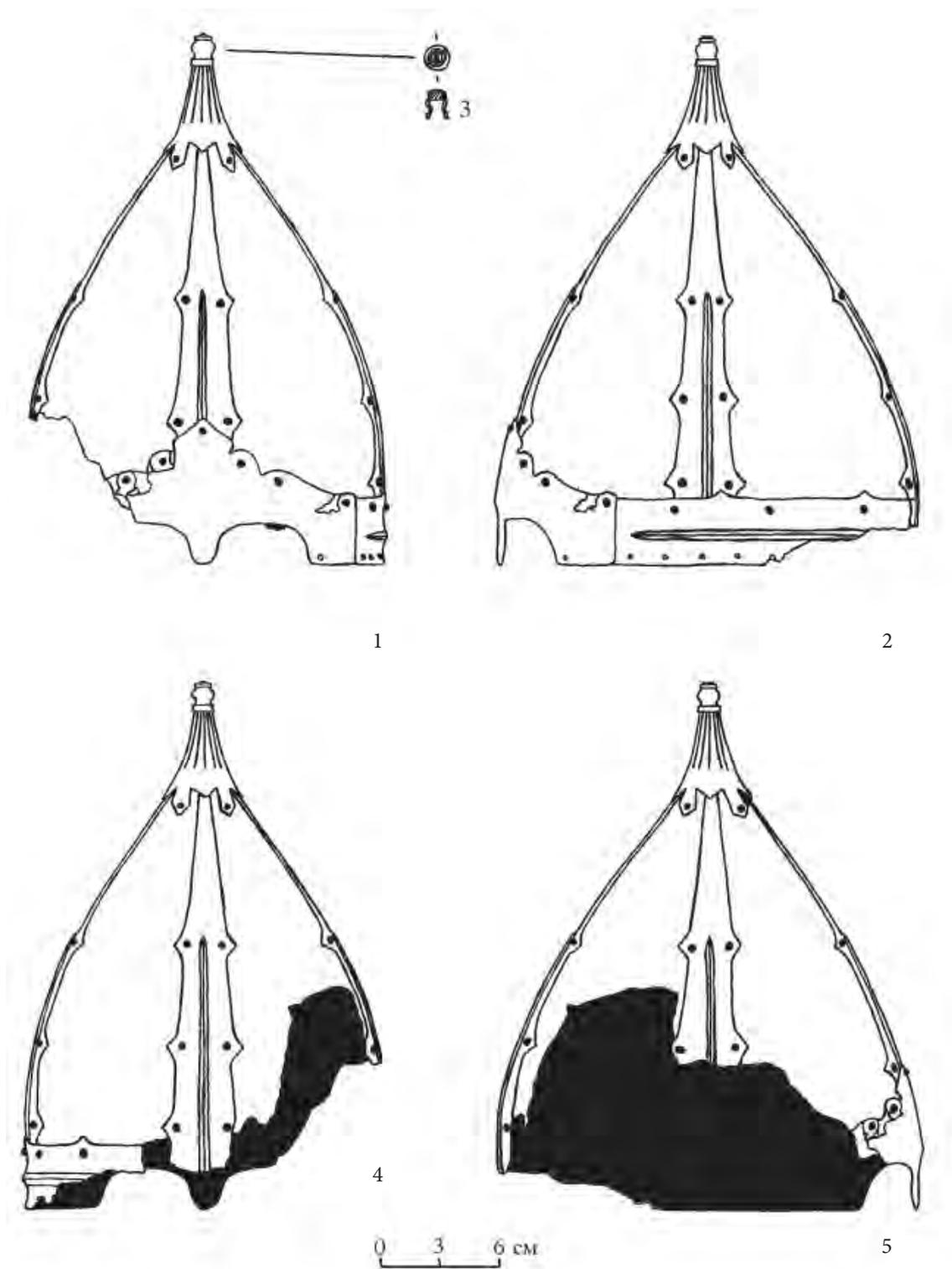

Fig. 2. The Sogdian helmet from the River Multa, after: *Gorbunov V.V., Isupov S.Yu.* Mongol-skie shlemy s territorii Altaja // *Materialy po Voennoi Arheologii Altaja i sopredelnyh territorii.* Ed. V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin. Barnaul, 2002. Ris. 2.

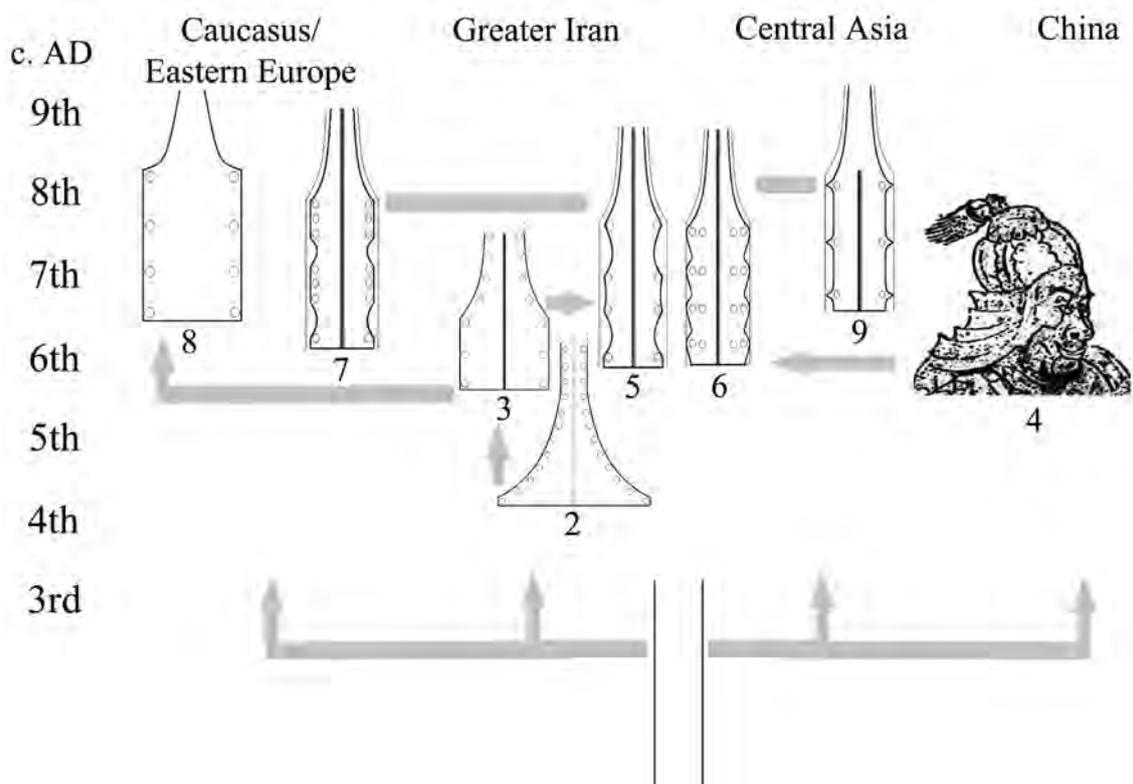

Fig. 3. Evolution of the Multa helmet form of spade-shaped rib deformation: 1 – straight rib of the multisegmental helmet. Starts around 2nd c. AD; 2 – early spade-shaped band ending. Helmet from Nineveh. So called Amlash type. B. M. Nr. 22498, 6th–7th c. AD. Starts around 4th c. AD; 3 – spade-shaped band ending, helmet from Nineveh. B. M. Nr. 22497. 6th–7th c. AD; 4 – painting from General Lou Rui’s tomb dated around 577 AD, drawing by A.L. Kubik. The teeth-shaped edges of ridges constitute an apparent eastern borrowing, which did not appear before 6th c. AD; 5 – spade-shaped rib. The Turco-Iranian helmet (Central Asian) found in North Iraq, Kouyunjik, Nineveh Governorate, 7th c. AD, B.M. Nr. 22495; 6 – spade-shaped rib. The Turco-Iranian helmet (Central Asian), from the Nasser D. Khalili Collection, 7th c. AD; 7 – spade-shaped rib. The Turco-Iranian helmet (Central Asian), from the Perm Museum, 6th–8th c. AD; 8 – spade-shaped rib. Helmet from Lagerevki, 7th–8th c. AD; 9 – spade-shaped rib. The Sogdian helmet from the River Multa, 8th c. AD.

1

2

Fig. 4. Central Asian spade-shape rib deformation: 1 – the Turco-Iranian helmet (Central Asian) found in North Iraq, Kouyunjik, Nineveh Governorate, 7th c. AD, B.M. Nr. 22495. © Trustees of the British Museum; 2 – the Sogdian helmet from the River Multa, 8th c. AD, side view. Photograph courtesy of V.V. Gorbunov, author: S.Yu. Isupov. AGKM, kol. 17056/A-2653.

1

2

3

Fig. 5. 1 – iron and copper alloy helmet; composed of two iron bands with spade-shaped endings, B. M. Nr. 22497. © Trustees of the British Museum, 2 – silver coin. Bust of Ḳosrow II, where the reversed spade-shaped elements of the crown are clearly visible. B.M. Nr. 1862, 1004.271. © Trustees of the British Museum, 3 – head of the heavily armoured warrior, wearing a spangenhelm consisting of four parts joined with four spade-shaped iron plates cut in a decorative way. After: *LeCoq A. von*, *Bilderatlas zur kunst und kulturgeschichte mittel-asiens*. Berlin, 1925. Fig. 6.

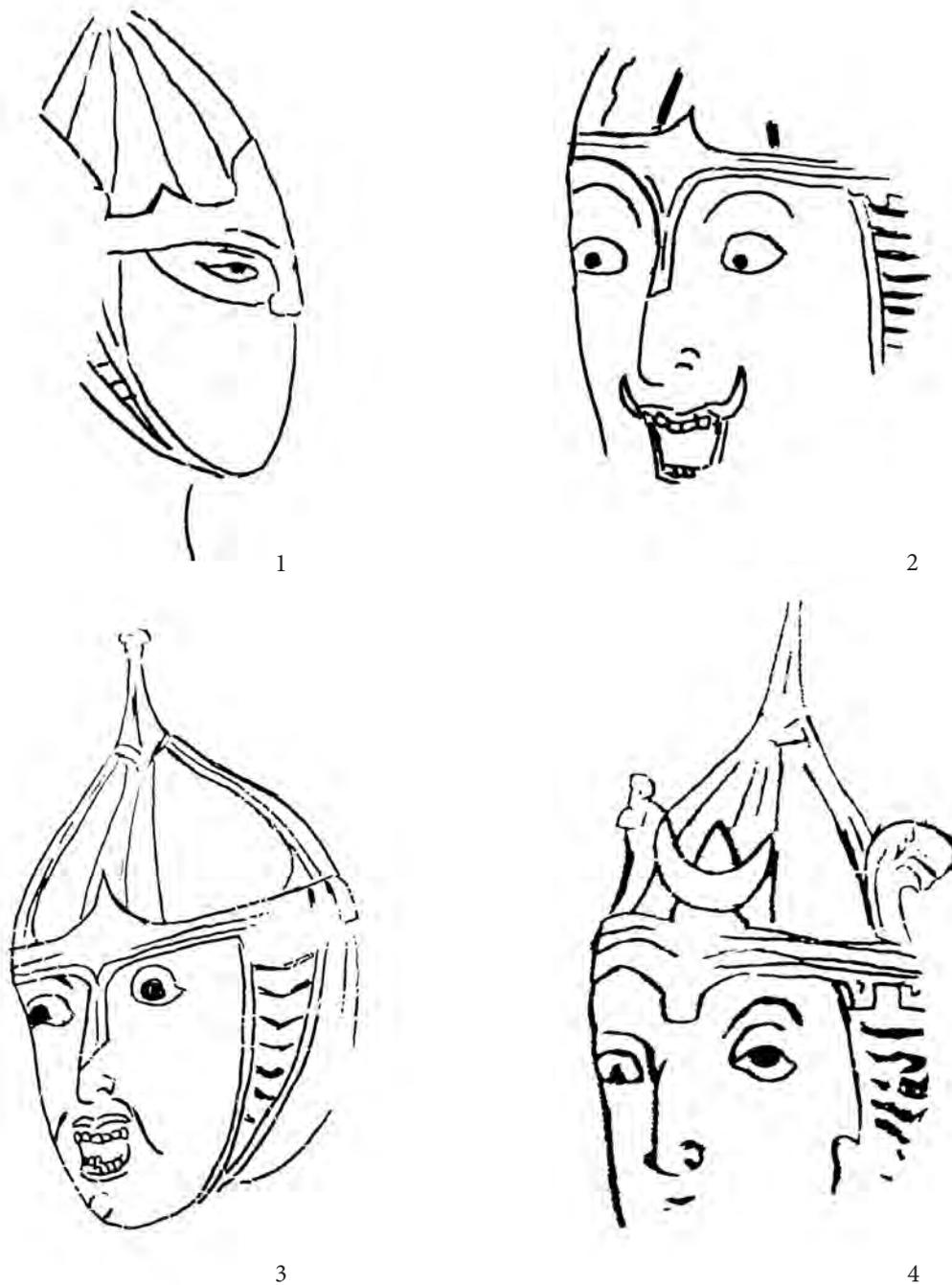
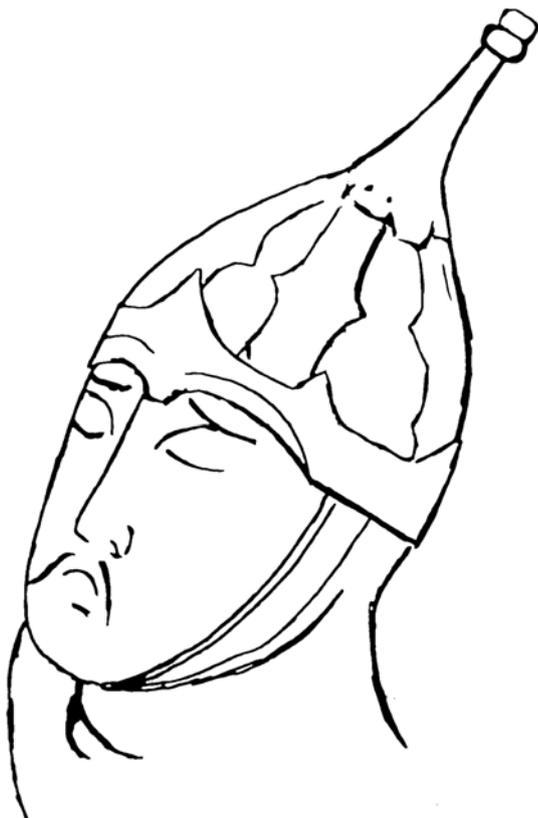

Fig. 6. Sogdian helmets: 1 – detail from a Sogdian wall painting depicting a conical Spangenhelm type helmet with a crown form lower band and triangular diadem on the front, the «Rustam cycle», Panjikent VI:41; 2-3 – detail from a Sogdian wall painting depicting a conical Spangenhelm type helmet decorated with a triangular diadem at the front of the helmet. Palace complex of Bunjikat, the capital of medieval Ustrushana; 4 – detail from a Sogdian wall painting depicting a conical Spangenhelm type helmet decorated with a triangular diadem on the front. Palace complex of Bunjikat, the capital of medieval Ustrushana, drawings A.L. Kubik.

1

2

Fig. 7. 1 – detail from a Sogdian wall painting depicting the «Amazon Cycle», Panjikent XXI:1, after: *Azarpay G.* Sogdian painting: The Pictorial Epic in Oriental Art. Berkley – Los Angeles – London, 1981. Pl. 17; 2 – drawing by A.L. Kubik.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ МЕЧА ИЗ РАСКОПОК ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

УДК 903.227+623.444.25(470)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.31-42

© 2018 г. Баранов Г.В. (co-regent@yandex.ru)
Научный семинар «Военная археология», Москва

Резюме: В статье рассматривается перекрестье меча, найденное на Херсонесском городище при раскопках, производившихся в 1905 г. под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича. Перекрестье представляет собой редкий образец вооружения и, на данный момент, является единственным перекрестьем такого типа, происходящим с территории Византийской империи.

Несмотря на это, перекрестье более 100 лет не вызывало интереса исследователей. В 2009 г. перекрестье исследовал болгарский археолог В. Йотов. Статья болгарского исследователя была посвящена поиску аналогий предмету и не содержала подробной публикации памятника. Настоящая статья заполняет этот пробел.

На основании археологического контекста и аналогий датировку херсонесского перекрестья предлагается ограничить концом X – началом XI вв., а общую датировку перекрестий такого типа – концом X – первой половиной XI вв.

Ключевые слова: перекрестье меча, Византийская империя, средневековое оружие, византийское оружие, Херсонес.

A cross-guard from archaeological excavations of Byzantine Chersonesus

© 2018 Baranov G. V. (co-regent@yandex.ru)

Abstract: The article describes a cross-guard from archaeological excavations of Chersonesus which were conducted in 1905 under the guidance of Karl Kazimirovich Kosciuszko-Valyuzhinich. The cross-guard is a rare example of such type of armament and for now it is the only cross-guard of its type which originates from the territory of the Byzantine Empire.

Despite these facts the cross-guard didn't attract the interest of researchers for more than 100 years. In 2009 it was studied by the Bulgarian archaeologist V. Yotov. His article was devoted to the search of analogies and didn't contain a detailed description of the object. The current article fills this gap.

On the basis of the context and the analogical objects the article suggests to limit the dating by the end of the 10th and the beginning of the 11th century for the Chersonesus cross-guard and by the end of the 10th and the first half of the 11th century for the cross-guards of this type in general.

Keywords: cross-guard, Byzantine Empire, medieval arms, Byzantine arms, Chersonesus.

До сих пор изучение военного дела Византийской империи преимущественно было основано на анализе письменных и изобразительных источников. Находки предметов византийского вооружения все еще достаточно редки и часто происходят с территорий, которые не входили в состав империи. Находки на территории самой империи, скорее составляют исключение из правила. К таким находкам относится находящееся в коллекции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» бронзовое перекрестье меча. Более 100 лет оно оставалось неизвестным науке и не вызывало интереса исследователей. В 2009 г. к изучению перекрестья обратился болгарский исследователь В. Йотов. Его статья была посвящена поиску аналогий предмету и не содержала подробной публикации памятника¹. Настоящая статья призвана заполнить это пробел².

Место находки

Перекрестье было найдено в ходе раскопок 1905 г., проводившихся под руководством основателя и первого директора херсонесского музея К.К. Косцюшко-Валюжинича в юго-западной части монастыря Святого Рав-

ноапостольного князя Владимира, действовавшего тогда на территории городища (рис. 1). Работы 1905 г.³ являлись продолжением раскопок 1902–1904 гг. Отчеты были опубликованы в «Отчетах Археологической Комиссии» за 1905 г. и в 25 выпуске «Известий Императорской Археологической Комиссии»⁴.

На раскопе 1905 г. (рис. 2) К.К. Косцюшко-Валюжинич исследовал пересечение двух улиц – 1-й (Главной) продольной и 15-й (Главной) поперечной, и участки двух кварталов, примыкавших к 15-й поперечной улице. 1-я продольная улица была исследована вплоть до обнаруженного при раскопках 1903 г. большого (возможно административного) здания «Г». С юго-востока раскоп примыкал к 14 куртине городских стен и Южным воротам⁵, которые А.Л. Якобсон отождествил с известными по письменным источникам «Мертвыми воротами» Херсонеса⁶.

Это место, где, по мнению С.Б. Сорочана, на пересечении Главной продольной и Главной поперечной улиц находилась Малая Агора города⁷, что, впрочем, оспаривается другими авторами⁸.

Со II в. н.э., когда были заложены

¹ Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 39: К 60-летию д. и. н., профессора В.П. Степаненко. Екатеринбург, 2009. С. 251–261.

² Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность Татьяне Юсуфовне Яшаевой за любезное разрешение ознакомиться с перекрестьем.

³ Производство археологических раскопок. 2. Таврическая губерния: а) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 38–57.

⁴ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году (с 5 табл., 45 рис. и 3 приложениями М.И. Скубетова и А. Годзишевского) // ИИАК, 25. СПб., 1907. С. 67–171.

⁵ Ворота D по номенклатуре Бертье-Делагарда (*Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе. Крестообразный храм. – Крепальня. – Крепостная ограда. ИИАК. 21. СПб., 1907. С. 91, 135).

⁶ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63. М.–Л., 1959. С. 85. Прим. 1.

⁷ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005. С. 691–693; Сорочан С.Б. Глава VI. Проблемы исторической и христианской топографии Херсонеса в контексте Житий свв. епископов Херсонских // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis*, Т. 1. Харьков: Антиква, 2012. С. 133–142.

⁸ Смирнов Р.П. О позднеантичной топографии Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 16. Севастополь. 2011. С. 163–180.

ворота греческого времени, Южные ворота стали главными воротами города⁹. К юго-западу от ворот, примыкая к башне XII, заканчивался перибол, образованный главной оборонительной стеной и протейхизмой, начинавшейся у башни Зенона. Раскоп 1905 г. примыкает к так называемому участку античного театра и «Храма 1897 года» («Храма с ковчегом») в LXXII квартале, огибая его с юго-запада, запада и северо-запада (рис. 1).

К сожалению, отчеты К.К. Косцюшко-Валюжинича не содержат ни стратиграфии, ни фиксации местоположения находок. Исследователь ограничился только условным выделением на раскопе двух периодов – римско-византийского и поздневизантийского.

В середине XX в. советские ученые исследовали участки, прилегающие к участку раскопа 1905 г. С 1954 г. экспедицией под руководством О.И. Домбровского на протяжении многих лет исследовался участок античного театра, который прекратил функционирование в середине IV в.¹⁰ В V–VI вв. территория театра начала застраиваться достаточно убогими жилищами. Заметная строительная активность на участке отмечена авторами раскопок для конца IX – начала X вв.¹¹

На театральном участке при исследовании «Храма 1958 года» (возможно, построенного в X в.) были выявлены следы разрушения второй половины X в. и клад, позднейшая монета которо-

го относится к 945 г.¹² Авторы раскопок высказали предположение, что сокрытие клада, который находился под слоем нового строительства, и следы разрушения кровли «Храма 1958 года» могут быть связаны с Корсунским походом князя Владимира¹³. С большой долей вероятности можно утверждать, что кварталы, прилегающие к театральному участку, погибли в катастрофе XIII в., когда сильно пострадала большая часть городища, что отмечается слоями пожаров¹⁴.

К западу от участка раскопа 1905 г. выявлены строительные работы конца X – начала XI вв. на участке оборонительных стен – была значительно расширена башня XII и усилена куртина¹⁵. Интересно отметить, что оборонительное строительство, относимое ко времени после X в., было выявлено только на южном и юго-восточном участках оборонительных стен¹⁶. Жизнь на этом участке также прекращается по современным исследованиям в 20-е годы XIII в., в результате общегородской катастрофы¹⁷.

Есть основания полагать, что строительной активности не избежал и LXXI квартал, примыкающий к 15-й поперечной улице. В частности, об этом свидетельствует квартальная часовня-мавзолей, которая была расположена на углу квартала на пересечении 15-й поперечной и 1-й продольной улиц. Такие культовые сооружения распространяются в византийском

⁹ Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Вып. 13. Свердловск. 1976. С. 6; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // Херсонесский сборник. Вып. VII. Севастополь. 1996. С. 110

¹⁰ Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. Вып. I. Симферополь, 1960. С. 36.

¹¹ Домбровский О.И., Паришина Е. А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Вып. I. Симферополь, 1960. С. 37.

¹² Сидоренко В.А. Раскопки улицы между «домом 1970 г.» и «храмом 1958 г.» // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах / Архив НЗХТ. 1974. Д. № 1682/1. С. 4–5.

¹³ Сидоренко В.А. Раскопки улицы между «домом 1970 г.» и «храмом 1958 г.»... С. 5.

¹⁴ Голофаст Л. А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 278–280.

¹⁵ Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона... С. 276.

¹⁶ Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона... С. 277.

¹⁷ Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский

Херсоне после X в.¹⁸ LXXI квартал исследовался К.К. Косцюшко-Валюжиничем два раза – в 1903 и 1905 гг. При раскопках 1905 г. было произведено исследование часовни и прилегающих к 15-й поперечной улице построек. Во время раскопок 1903 г.¹⁹ в погребениях внутри часовни были найдены крест энколпион X–XI вв.²⁰, литейная форма для отливки креста XII–XIII вв.²¹, крест для процессий X в.²² Возможно, что эти находки определяют время функционирования храма.

Судя по всему, участок раскопок 1905 г. так же пострадал в XIII в., т.к. под постройками позднего времени автором раскопок были прослежены следы пожара. Поздние постройки отличаются крайне низким качеством строительства и перекрывают собой более ранние постройки, но не покрывают всю площадь более ранней застройки, а только частями, часто не сохраняя прежнего плана. Одна постройка на участке даже перекрывает западный пилон городских ворот.

Описание

В отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича дается следующее описание перекрестья: «Сильно поврежденная нижняя часть бронзовой рукоятки меча, 0,06 м. шир. в основании. Судя по уцелевшей дырочке для заклепки, верхняя часть рукоятки была из дерева или кости»²³.

Перекрестье изготовлено из цветного металла (сплава на основе меди) и состоит из двух, спаянных между

собой, одинаковых половин. В современном состоянии перекрестье имеет высоту 48 мм и ширину 75 мм в самой широкой части по плечам упора, ширина в основании 62 мм (рис. 3). Толщина в области упора 20 мм, в основании нижней цилиндрической части (муфты) перекрестья – 15 мм. Металл по всему объему распределен равномерно, его толщина составляет около 1–1,3 мм.

По сообщению К.К. Косцюшко-Валюжинича²⁴, на момент обнаружения у перекрестья сохранялась втулка с отверстием для крепления к рукояти, которая позже была утрачена. В таком виде мы можем наблюдать перекрестье на фотографии начала XX в. с планшета из «Склада местных древностей Императорской Археологической Комиссии» (рис. 4а), временного музея, организованного на городище в 1892 г. Судя по фотографии, верхний край втулки, возможно, был оформлен фигурной вырезкой в виде полуovalов.

На основании характерного следа от механического воздействия в левой части упора перекрестья (рис. 4), можно заключить, что лицевая сторона, которой перекрестье экспонировалось в начале XX в., совпадает с лицевой стороной, которой перекрестье экспонируется в настоящее время. Втулка композиционно отделена от упора декоративным кантом-валиком, который опоясывает нижнюю часть втулки по всему периметру, визуально отделяя ее от упора. Диаметр втулки в нижней сохранившейся части составляет 22 мм.

период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 242–243

¹⁸ Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона... С. 280.

¹⁹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году (с 7 табл. и 55 рис.) // ИИАК, 16. СПб., 1905. С. 45.

²⁰ Яшаева Т.Ю. и др. Наследие византийского Херсона. Севастополь, 2011. С. 524. № 195.

²¹ Яшаева Т.Ю. и др. Наследие византийского Херсона... С. 452. № 52.

²² Яшаева Т.Ю. и др. Наследие византийского Херсона... С. 514. № 180.

²³ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году... С. 138.

²⁴ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе...

Упор перекрестья имеет серповидную форму с сужающимися на концах плечами, опущенными в сторону клинка. В центре упора на вогнутой стороне имеется декоративный, направленный в сторону клинка выступ.

Нижняя часть перекрестья имеет цилиндрическую форму и представляет собой муфту, перекрывавшую, судя по всему, устье ножен, когда меч был вложен в ножны. В сечении эта часть перекрестья образует уплощенный овал. Высота составляет 25 мм, ширина 62 мм и толщина 15 мм.

Оборотная сторона сохранилась гораздо хуже (рис. 5). Вероятно, эти повреждения уже присутствовали на момент обнаружения, так как автор раскопок сообщает, что перекрестье найдено в «сильно поврежденном» состоянии, а лицевая сторона перекрестья и в настоящее время, за исключением утери втулки, не имеет сильных повреждений.

Оборотная сторона перекрестья не несет следы какого-то внешнего механического воздействия, в результате которого немного сплюснулась нижняя цилиндрическая часть, разорвав боковые швы. При этом произошло разрушение верхней части, где металл лопнул, образовав неровный раковистый излом. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с последствиями удара, полученного в бою.

На перекрестье читаются следы обработки режущим инструментом (рис. 6). С помощью резца были выправлены края канта, отделяющего упор перекрестья от втулки и фигурные участки нижней части упора.

Атрибуция

Отчеты К.К. Косцюшко-Валюжинича не содержат стратиграфии участка и послышной фиксации находок. Так же автор раскопок не предложил вариантов датировки перекрестья.

В музейном формуляре музея-заповедника «Херсонес Таврический» внесена датировка «X век» со ссылкой на Б.А. Рыбакова, а в качестве аналогии дается ссылка на рисунок из его работы «Древности Чернигова», на котором изображены мечи и стремена, найденные в Киеве, у Днепростроя и в черниговских курганах Гульбище и Черная Могила²⁵. Данные мечи «каролингского типа» никакой связи с херсонесским перекрестьем не имеют и причины, приведшие к внесению в карточку таких аналогий, остаются неизвестными.

Болгарский исследователь В. Йотов в своих работах приводит ряд аналогий херсонесскому перекрестью. Это бронзовое перекрестье (рис. 7а), происходящее из раскопок столицы Первого Болгарского Царства – Плиски (Болгария). Перекрестье было обнаружено в 2005 г. в яме, облицованной кирпичом, вместе с другими находками из железа, бронзы, кости и стекла. Автор раскопок П. Георгиев датирует яму первой половиной XI века, связывая это с первыми набегами печенегов в 1030–1040 гг.²⁶

Вторым аналогом херсонесского перекрестья является перекрестье, найденное в Саудовской Аравии (рис. 7б)²⁷. Это железное перекрестье из раскопок Аль-Рабадхи – поселения на пути паломников Дарб Зубайда в 200 км от Медины, хранящееся в коллекции департамента археологии Университета

²⁵ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Том I. МИА, № 11. М. – Л., 1949. С. 35. Рис. 9.

²⁶ Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса... С. 251; Yotov V. A new Byzantine type of swords (7th–11th centuries) // Ниш

короля Сауда в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Британский исследователь Д. Николь, опубликовавший это перекрестье, датирует его VIII–IX вв., но обоснования для такой датировки не приводит²⁸.

Выводы

В. Йотов, соглашаясь с датировкой в музейном формуляре, предложил датировать херсонесское перекрестье X веком²⁹.

На взгляд автора настоящей статьи, мы имеем возможность несколько уточнить датировку херсонесского перекрестья. На участке раскопок 1905 г., помимо перекрестья, был обнаружен наконечник ножен меча с так называемым «мотивом человеческой фигуры» (рис. 8б)³⁰. Такие наконечники³¹, по современным исследованиям, датируются второй половиной X века³². При раскопках 1903 г., охвативших территорию LXXI квартала и соседний с участком раскопок 1905 г. участок, был обнаружен наконечник ножен³³, относящийся к группе V по типологии Г.Ф. Корзухиной (рис. 8а) или типу IIIc по типологии В. Казакиявичуса и дати-

руемый концом X – началом XI вв.³⁴

Такая концентрация предметов вооружения с близкими датировками заставляет предположить, что попадание перекрестья и наконечников ножен в культурный слой могло быть одномоментным и связанным с каким-то событием. Наконечники ножен, связанные с древностями дружинной культуры Древней Руси, дают возможность предположить, что здесь мы можем иметь дело со свидетельствами событий, связанных со знаменитым Корсунским походом князя Владимира Святославича, ставшим одним из знаковых событий русской истории. Возможно, о военной активности в конце X в. свидетельствуют и следы разрушения, выявленные при исследовании «Храма 1958 года», и строительная активность по укреплению городских стен в конце X – начале XI вв.

Представляется, что на данном этапе исследования датировку херсонесского перекрестья следует ограничить концом X – началом XI вв., а общую датировку перекрестий такого типа ограничить концом X – первой половиной XI вв.

и Византия IX. Ниш, 2011. С. 118.

²⁷ Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса... С. 252.

²⁸ Nicolle D. Byzantine and Islamic Arms and Armour; Evidence for Mutual Influence // *Graeco-Arabica* 4. 1991. P. 312. Fig. 3a; Nicolle D. Two Swords from the Fondation of Gibraltar // *Gladius*, XXII, 2002. P. 164–165. Fig. 38.

²⁹ Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса... С. 253.

³⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году... С. 138.

³¹ Автор выражает благодарность С.Ю. Каиннову за консультацию.

³² Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнѣздова // *Acta Militaria Mediaevalia V. Kraków – Sanok*, 2009. S. 97–101; *Wyrwa A.M., Janowski A. Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5) // Fontes Archaeologici Posnanienses*, vol. 50 (2). Poznań, 2014. S. 335–339.

³³ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году (с 7 табл. и 55 рис.) // ИИАК, 16. СПб., 1905. С. 75.

³⁴ Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // *СА*. Т. XIII. 1950. С. 67; Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkaustai) // *Lietuvos archeologija*. T. 15. Vilnius, 1998. P. 301.

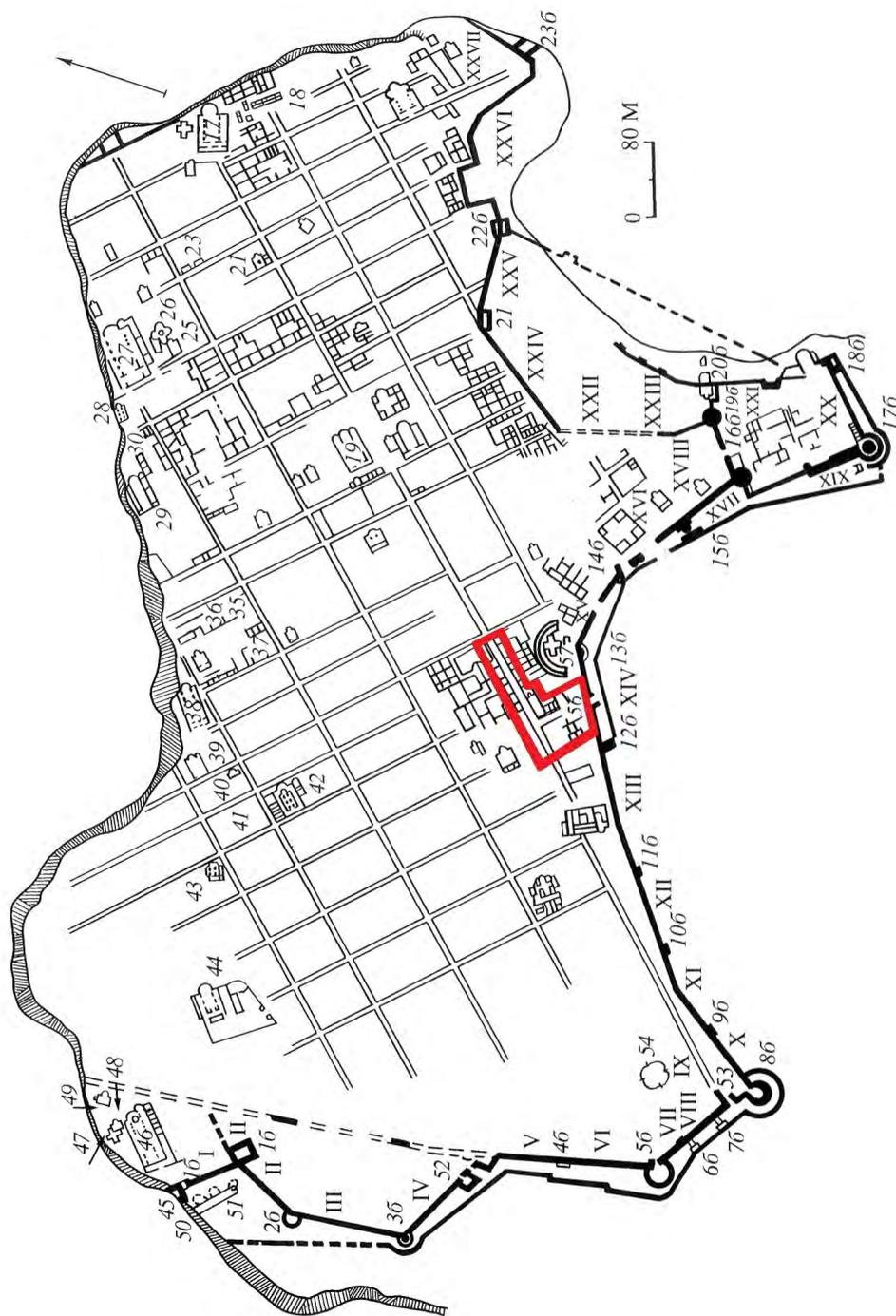

Рис. 1. План средневекового Херсона по А.И. Айбабину (Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003. С. 23) с указанием границ раскопа 1905 года.

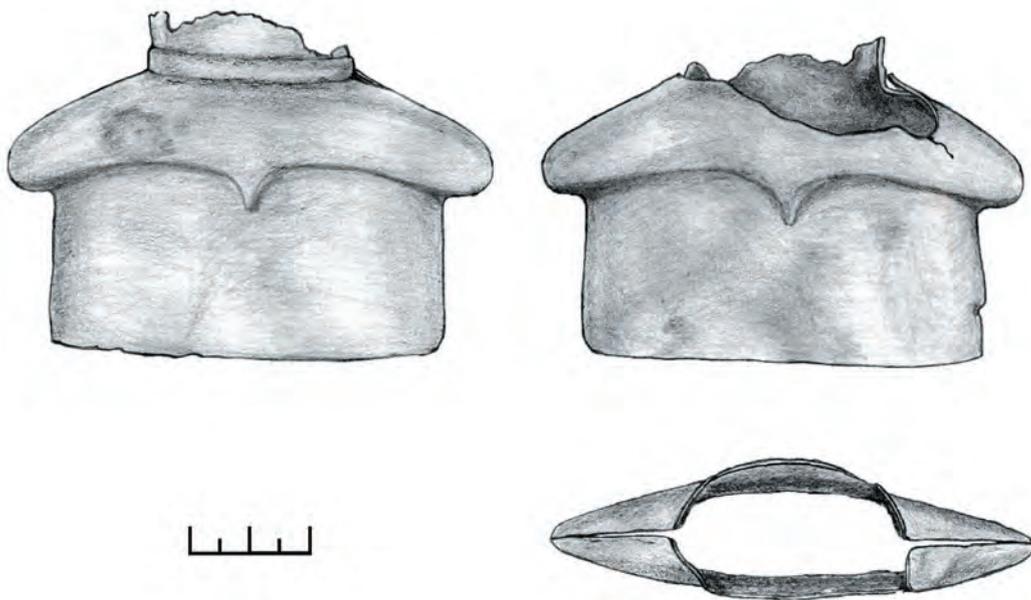

Рис. 3. Перекрестье меча из раскопок 1905 года.

Рис. 4. Перекрестье в начале XX века (а) и в современном состоянии (б). Без масштаба.

Рис. 5. Обратная сторона перекрестья.

Рис. 6. Следы обработки режущим инструментом. Без масштаба.

а

б

Рис. 7. Перекрестье из раскопок Плиски (а) и перекрестье из Аль-Рабадхи (б) (*Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса... С. 251–252*). Без масштаба.

а

б

Рис. 8. Наконечники ножен мечей из раскопок 1903 (а) и 1905 (б) годов (Яшаева Т.Ю. и др. Наследие византийского Херсона... С. 539–540. № 228, 231). Без масштаба.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ РЕДКИХ ТИПОВ ИЗ КУРГАНА 100 ТИМЕРЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

УДК 903.222+623.446.4(470.316)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.43-50

© 2018 г. Зозуля С.С. (zozulia.sergey@gmail.com),
Государственный исторический музей, Москва

Резюме: Статья посвящена двум наконечникам стрел из Тимерево, обнаруженным в камерном захоронении кургана 100. Аналогий находкам нет на территории Древней Руси. Зато, в Северной Европе эпохи Викингов обнаруживается целый корпус аналогичных предметов. Необычная, во многом эксклюзивная форма находок, не позволяет решить вопрос о месте их производства.

Ключевые слова: наконечники стрел, Тимерево, комплекс вооружения Древней Руси, метательное оружие.

Arrowheads of rare types from the mound 100th of Timerev necropolis.

© 2018 Zozulya S.S. (zozulia.sergey@gmail.com)

Abstract: The paper focuses on two arrowheads found in the mound 100th chamber-grave in Timerevo. There is no data about similar findings on the territory of the Old Rus'. At the same time, a great number of items which evidently became prototypes for such type of arrowheads are typical for the Viking Age in Northern Europe. The unusual and almost exclusive form of the findings raises a question about the place of its production.

Key words: arrowheads, Timerevo, Old Rus' complex of weaponry, throwing weapon.

Курган 100 из Тимерева важен для изучения памятника по многим аспектам, прежде всего, благодаря редкому типу погребального обряда (камерное захоронение) и крайне разнообразному набору инвентаря, зачастую представленного предметами не только единичными, но и уникальными для территории Древней Руси. Материалы погребения неоднократно привлекали внимание исследователей, в историографии, посвященной Ярославскому Поволжью¹, материалы кургана 100 появляются с завидной частотой².

Среди специализированных работ, посвященных именно предметам вооружения из Ярославского Поволжья, неоднократно упоминались два наконечника стрел из кургана 100³ (рис. 1). Отмечалось, что данные наконечники стрел не имеют аналогий на территории Древней Руси и, следовательно, не находят соответствий в типологии А.Ф. Медведева⁴.

Более массивный экземпляр имеет лавролистную форму (рис. 1: 1)⁵. Перо, очевидно, для облегчения, снабжено долом, а длинная шейка, переменного сечения, дополнительным набором поражающих элементов – заточенными с внутренней стороны «крыльями»

(по аналогии с «крылатыми» копьями). Перо и поражающие элементы повернуты перпендикулярно друг другу. Шейка стрелы заканчивается упором, после которого следует небольшой фрагмент черешка. Массивный черешок обломан. Наконечник определенно относится к боевым экземплярам. Попадание подобного наконечника и глубокое проникновение (вплоть до дополнительных поражающих элементов) в тело жертвы нанесло бы крестообразную рану. Подобные повреждения ведут к большой кровопотере и долгое время не затягиваются.

Среди древнерусского материала, действительно, аналогий подобной находке не известно. Тем не менее, довольно большой круг функционально аналогичных предметов обнаруживается в Северной Европе эпохи раннего Средневековья и территориях, подвергнутых экспансии викингов этого времени. Обратившись к норвежским материалам, можно определить наконечник стрелы как близкий экземпляру R. 543 по О. Ружу⁶. П. Лимбом отмечал, что с территории Норвегии известно более 130 экземпляров таких наконечников, но абсолютное большинство их (98 экземпляров)

¹ Условное название, прочно вошедшее в отечественную историографию, объединяющее под собой некрополи у дд. Большое Тимерево, Петровское и с. Михайловского.

² *Фехнер М.В., Янина С.А.* Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; *Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. № 2. 1985. С. 108, 110–112; *Фехнер М.В., Недошивина Н.Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. 1987. Рис. 1, 2, 5; *Недошивина Н.Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. Рис. 1: 1; 2: 1–3; 4: 1–3; 5; *Недошивина Н.Г., Зозуля С.С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.–Вологда. 2012. С. 183–184, Рис. 3–6; *Зозуля С.С.* К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 тимеревского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения. Материалы научной конференции. Ярославль, 2014.

³ Оба предмета хранятся в собрании отдела археологических памятников Государственного Исторического музея.

⁴ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е1–36. М., 1966; *Недошивина Н.Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 168; *Седых В.Н.* Вооружение населения Ярославского Поволжья эпохи раннего Средневековья по материалам Ярославских могильников // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. М., 2006. С. 147; *Зозуля С.С.* Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008. С. 340.

⁵ Рисунки предметов выполнены А.С. Дементьевой, расчистка произведена С.Ю. Каиновым. За что выражаю искреннейшую благодарность.

⁶ *Rygh O.* Norske Oldsager. Christiania, 1885.

происходит из восточного региона страны – Dalarna (рис. 2). Кроме того, автору известны аналогии этим наконечникам на о. Готланд⁷. Некоторые экземпляры подобных наконечников стрел с территории Норвегии присутствуют и в ранней, классической работе о норвежском вооружении – они попали в поле зрения Я. Петерсена⁸ (рис. 3: 1). Незначительное количество подобных наконечников стрел присутствует в Швеции, причем на довольно компактной территории, по типологии Э. Вагре они относятся к типу С⁹ (рис. 4). Примечательно, что они не зафиксированы в Бирке, зато присутствуют в материалах Хедебю в количестве 3 экземпляров¹⁰ (рис. 3: 2, 3). Четырежды «крылатые» наконечники стрел обнаружены в материалах средневекового Дублина¹¹ (рис. 5: 1–4).

Таким образом, наконечники стрел с дополнительным лезвием довольно широко представлены в Европе Эпохи викингов. Наибольшее количество выявлено в Норвегии. Существенным отличием экземпляра из Тимерево является сама конструкция «крыльев», представляющая собой два отдельных фигурных шипа. На остальных находках задача решалась более простым способом – финальной расковкой черешка или перекручиванием уже готового пера¹². Логичным выглядит предположение о гибридной форме наконечника, в которой причудливым образом сочетается общая идея

формы, очевидно, пришедшая из-за Балтийского моря, видимо, из Норвегии, с довольно нехарактерной для этого типа стрел конструкцией «крыльев», близких по форме двушипным наконечникам типа 60 по типологии А.Ф. Медведева, хорошо известным на территории Древней Руси, но практически не встречающимися на севере Европы.

Учитывая последние замечания, вопрос о месте производства наконечника и родине мастера остается практически неразрешимым, а ответ на него, наверняка, крайне не банален.

Второй наконечник из кургана 100 более миниатюрен (рис. 1: 2). Короткое трехгранное перо снабжено небольшими долами и круглой длинной расширяющейся к черенку шейкой, заканчивающейся упором. Черешок обломан. Возможно, наконечник был снабжен довольно коротким черешком.

Форма пера подтреугольная. В качестве прототипа для этого наконечника, очевидно, выступали стрелы типа 75 варианта 1 с упором по типологии А.Ф. Медведева, хотя, бесспорно, трудно отнести его к стандартным экземплярам (в том числе из-за четко оформленного уступом перехода от лезвия к шейке). С наконечниками этого типа рассматриваемый экземпляр, в том числе, сближают доли на гранях. Наконечники типа 75 известны на территории Древней Руси, Латвии, Норвегии, Швеции¹³. В Ярославском

⁷ Linbom. P. Vapen under Wreccornas tid, 150-500 e.Kr. Uppsala, 2006. P. 249–250, Karta 19.

⁸ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005. С. 80, 82–83.

⁹ Wagraeus E. Die Pfeilsitzen von Birka // Birka: II:2. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm, 1986. P. 22–23, Abb. 4: 2, 4, Abb. 4: 3.

¹⁰ Paulsen H. Pfeil und Bogen in Haithabu // Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33. Neumunster, 1999. P. 112, Abb. 11, 14, 6, 7.

¹¹ Halpin A. Weapons and Warfare in Viking and Medieval Dublin Excavations 1962–81. Ser. B, vol. 9 (2008). Bilbao, 2008. P. 86–89, Fig. 29, Pl. XIII.

¹² Исключением является наконечник стрелы R 548, опубликованный Я. Петерсеном. Хотя в данном случае, дополнительный элемент мог выполнять чисто декоративные функции (Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов, СПб., 2005. С. 80. R 548).

¹³ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е1-36. М., 1966. С. 78–79.

Поволжье наконечники «классической» формы 75 типа 1 варианта обнаружены в 390 Тимеревском кургане и насыпях 10/1897 и 11/1898 Михайловского некрополя. Учитывая форму пера, этот наконечник можно отнести к бронебойным.

Э. Вегре не разделял ланцетовидные наконечники на варианты по наличию валиков на шейке, и все трехгранные экземпляры объединены им в группу D1 (рис. 4). По его подсчетам в Бирке найден 41 подобный наконечник¹⁴. В материалах Хедебю 9 наконечников этого типа¹⁵, причем удалось обнаружить очень близкие по пропорциям аналогии находке из Тимерево¹⁶ (рис. 6: 1–3), в том числе с лезвием трехгранного сечения (рис. 6: 2). В материалах Дублина и Норвегии так же присутствуют наконечники ланцетовидной формы трехгранного сечения, но близких по форме не отмечено.

Наконечник из кургана 100 относится к трехгранным специфической формы, генетически связанными с ланцетами Северной Европы. Навряд ли он был произведен в Скандинавии, скорее это местная переработка. Следы изменения форм ланцетовидных стрел в угоду местной традиции и свидетельства производства подобных наконечников на древнерусской территории описаны С.Ю. Каиновым¹⁷.

Хочется отметить, что оба наконечника не типичны по форме для набора вооружения эпохи образования Древнерусской государства, в том числе региона Ярославского Поволжья. Но их прототипы отчетливо прослеживаются, прежде всего, в материалах Северной Европы. Навряд ли когда-то удастся решить вопрос о месте производства столь экзотических экземпляров, но связь погребенного мужчины в камере кургана 100 с территорией Норвегии¹⁸ становится еще чуть более осязаемой.

¹⁴ *Wagraeus E.* Die Pfeilsitzen von Birka // *Birka: II:2. Systematische Analysen der Graberfunde.* Stockholm, 1986. P. 25.

¹⁵ *Paulsen H.* Pfeil und Bogen in Haithabu // *Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33.* Neumunster, 1999. Abb. 11.

¹⁶ *Paulsen H.* Pfeil und Bogen in Haithabu // *Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33.* Neumunster, 1999. Abb. 13.

¹⁷ *Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // *Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей.* СПб., 1999. С. 59–61.

¹⁸ Для территории Норвегии наиболее характерны и наконечники копий типа I. Из богато украшенной втулки и фрагмента пера наконечника копия этого типа была переделана рукоять плети, найденная в этом же погребении (См.: *Зозуля С.С.* Плеть из Тимерева // *Археологические вести.* Вып. 20. СПб., 2014).

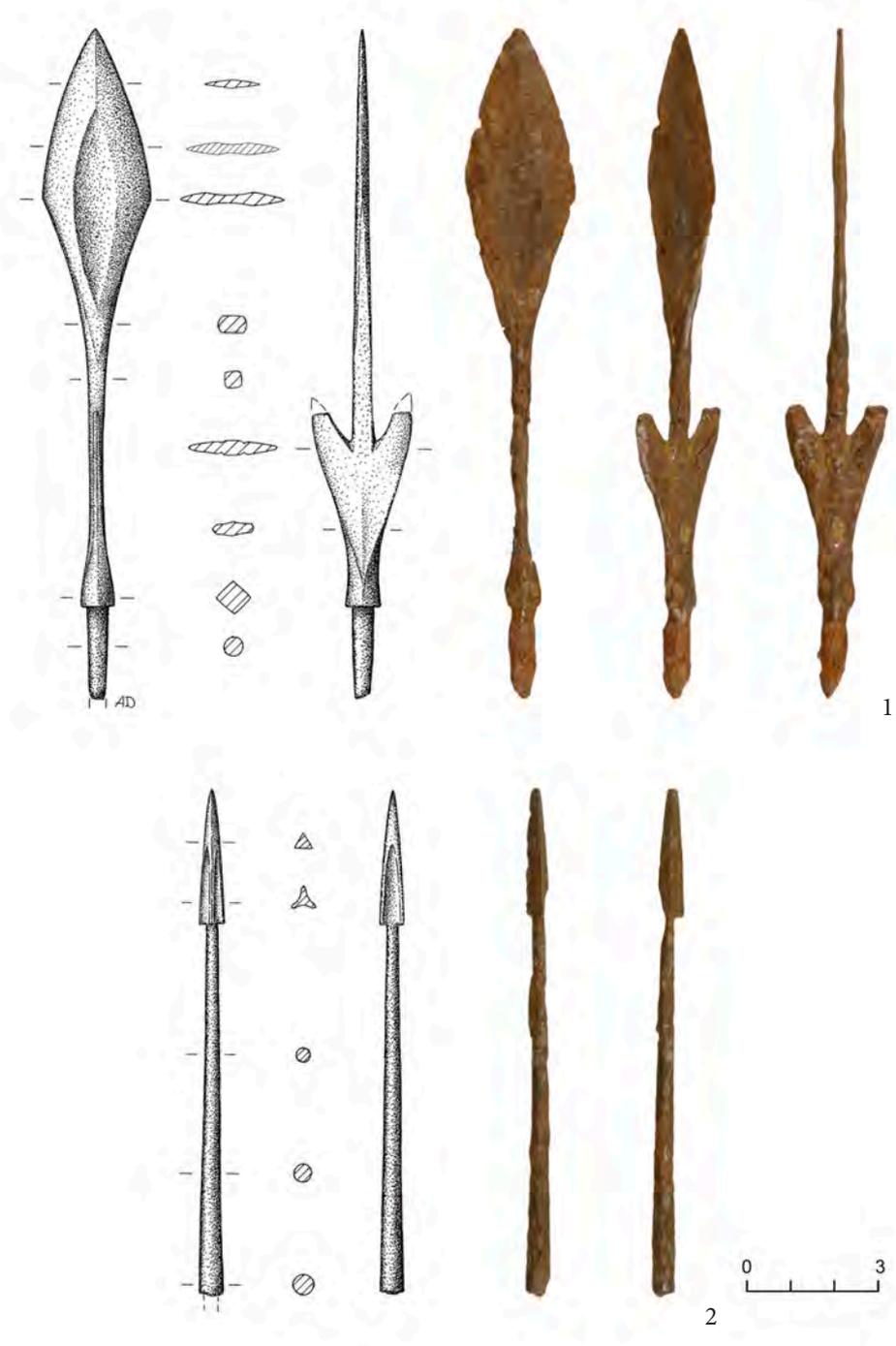
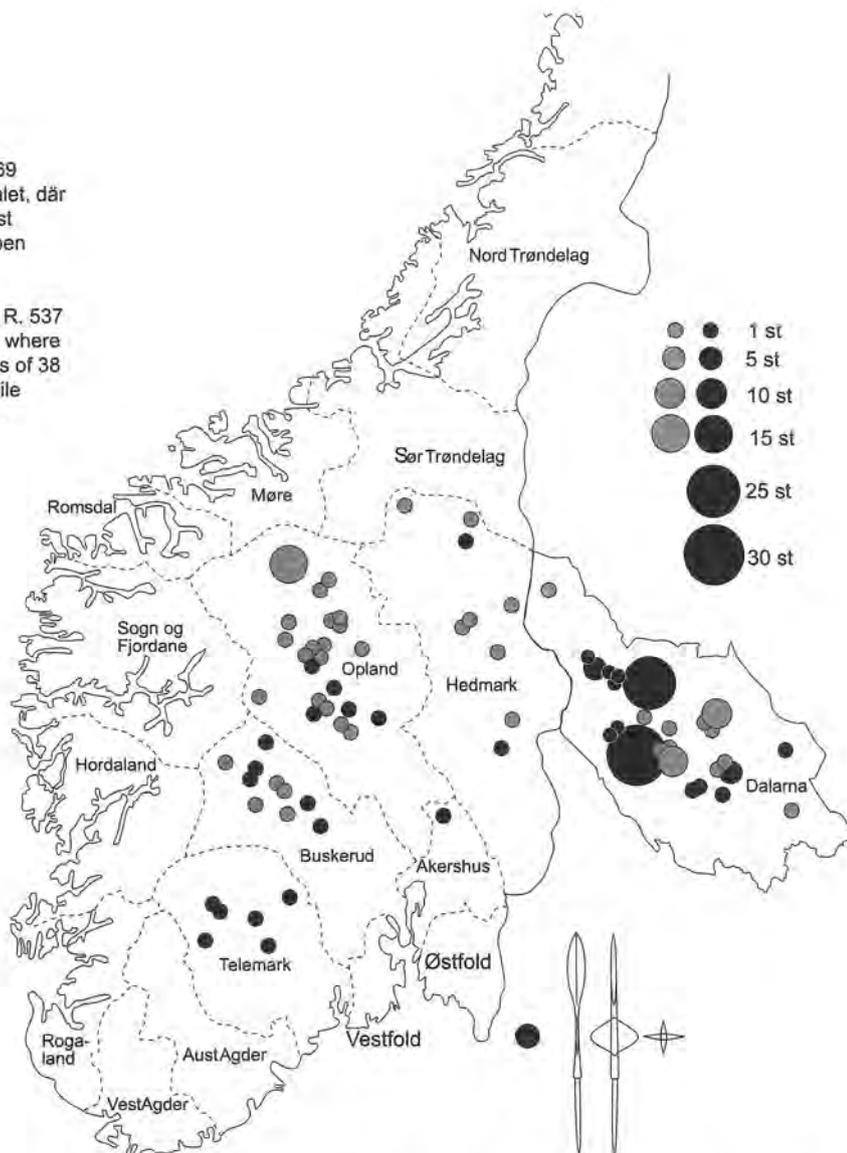
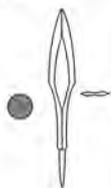

Рис. 1. Наконечники стрел из кургана 100. Прорисовка и фото. Рисунки А.С. Дементьевой, фото автора. 1, 2 – железо.

R. 537 finns representerad av 69 spetsar i undersökningsmaterialet, där det norska materialet utgör 38 st (55%) av materialet, medan typen finns i 31 ex. (45%) i Dalarna.

There are 69 points of the type R. 537 in the area under investigation, where the Norwegian material consists of 38 points (55%) in the material, while there are 31 points (45%) from Dalecarlia.

R. 543 eller Wegraeus C-typ, det finns 19st spetsar i Norge omkring 20% av undersökningsmaterialet, medan hela 76 spetsar eller 80% finns koncentrerade till Dalarna.

The type R. 543 or Wegraeus' type C, there are 19 points in Norway, around 20% of the material, while there are 76 points or 80% that are concentrated to the County of Dalecarlia.

Рис. 2. Распространение наконечников стрел типа R 543 на территории Норвегии. Дано по: Linbom. P. Vapen under Wreccornas tid, 150-500 e... P. 249, Karta 19.

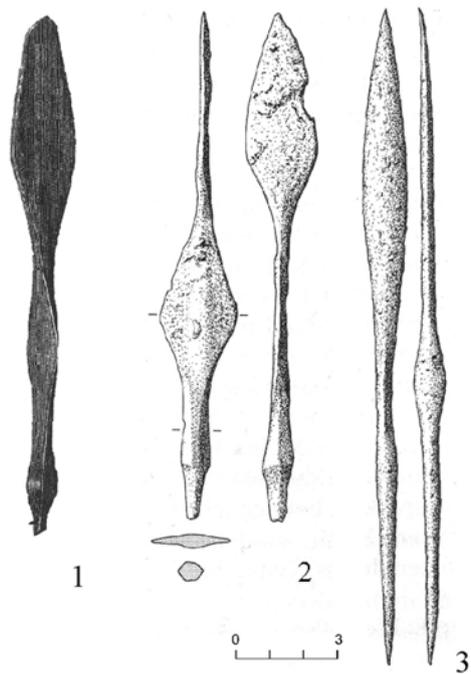

Рис. 3. Наконечники стрел: 1 – Норвегия; 2, 3 – Хэдебю (Германия).

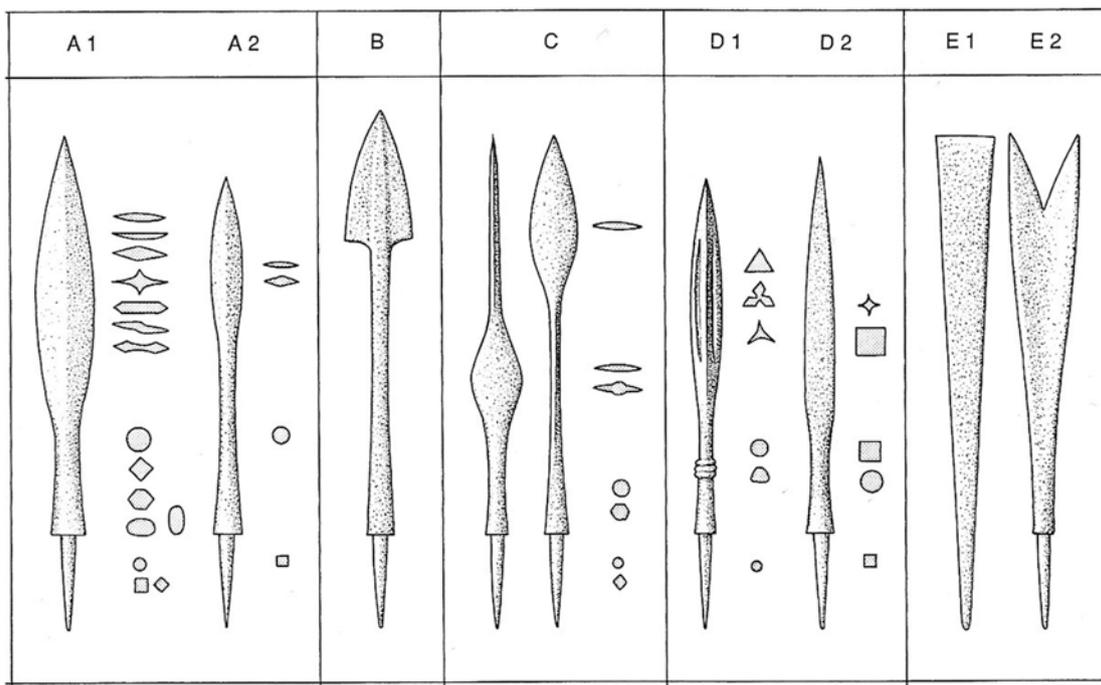

Рис. 4. Типология наконечников стрел Э. Вагге. Дано по: *Paulsen H. Pfeil und Bogen in Haithabu...* P. 109, Abb. 11.

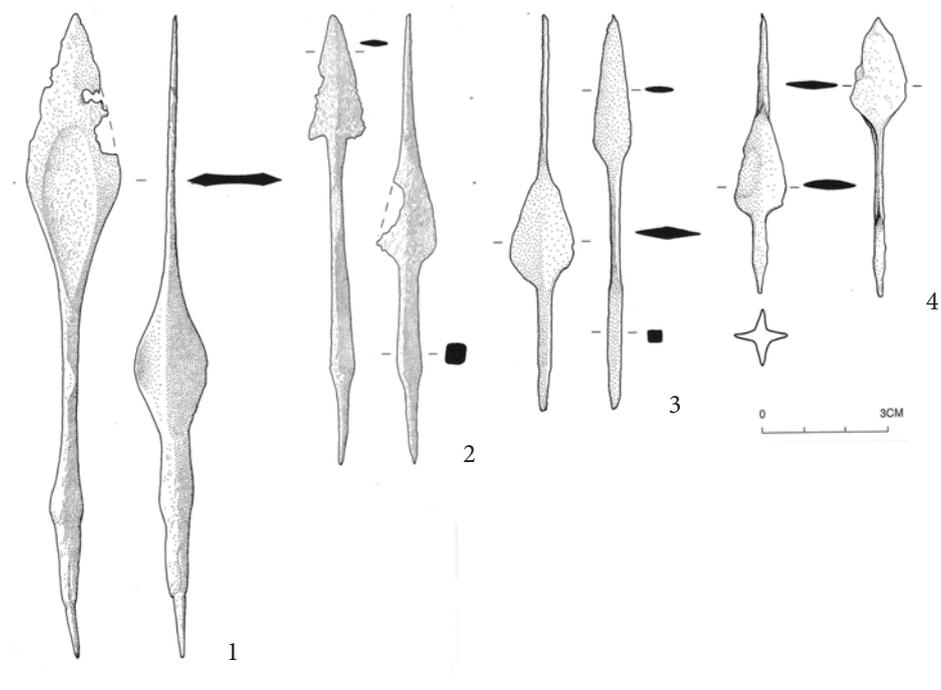

Рис. 5. Наконечники стрел из Дублина (Ирландия).

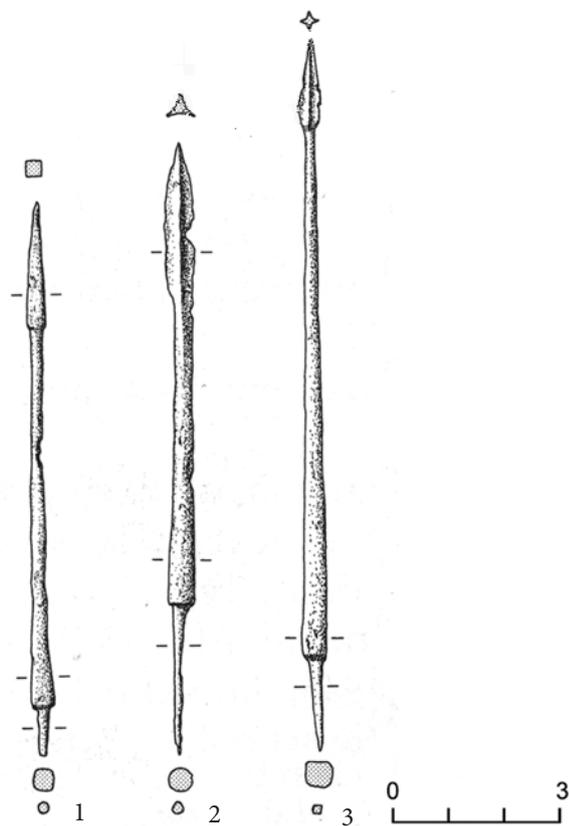

Рис. 6. Наконечники стрел из Хэдебю (Дания).

КИСТЕНИ ИЛИ ВЕСОВЫЕ ГИРИ? К ПОПЫТКЕ ОДНОЙ ПЕРЕАТРИБУЦИИ

УДК 902.01:623.446.1

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.51-57

© 2018 г. Каинов С.Ю. (skainov@mail.ru)
Государственный Исторический музей, Москва

Резюме: В статье с критических позиций рассмотрена точка зрения Л. Холден, которая отвергает атрибуцию роговых и металлических гирь в качестве деталей кистеней и предлагает рассматривать их как весовые гири неравноплечих весов.

Ключевые слова: кистень, неравноплечие весы, комплекс вооружения, Древняя Русь.

Flails or weights? To attempt a revaluation.

© 2018 Kainov S.Yu. (skainov@mail.ru)

Abstract: The article deals with the L. Smirnova-Holden's reinterpretation of weights made of horn or metal that were previously regarded as war flails' heads. The author argues these artifacts are in fact steelyard weights, as evidenced by such elements as Princes' emblems (allegedly ascertaining the correct weight), lead filling, elaborate ornamentation and by the territorial spread and the social context of the finds.

Nevertheless, we are inclined to believe the mentioned arguments aren't strong enough to dismiss the original attribution. For instance, Princes' emblems on the weights may imply their owners belonged to the prince's družina or the weapons themselves were from the princely armory. The fact that the Princes' emblems appear almost exclusively on the bludgeons might be due to the relatively better preservation of the horn. The additional lead filling augmented the weapons' weight thus providing an increase in the power of a blow. The lavish ornamentation of the weapon's head is also a feature of a functionally similar weapon – the mace. Finally, the simple explanation to the finds' concentration in trade-associated sites is that in important trade and administrative centers a military presence was crucial, therefore weapon finds are common there.

To sum up, we found no strong evidence to support L. Smirnova-Holden's new attribution. The original interpretation of the horn or metal weights as flails' heads made by A.F. Medvedev and A.N. Kirpichnikov over half a century ago is still the most relevant to our day.

Key words: bludgeon, Old Rus'.

Кистень как оружие древнерусских воинов утвердился в составе комплекса вооружения Древней Руси после работы А.Н. Кирпичникова и в настоящее время рассматривается как оружие ближнего боя ударно-дробящего действия в большинстве работ отечественных и зарубежных исследователей¹. По мнению А.Н. Кирпичникова, распространение находок кистеней в основном на юге, дорогостоящая техника украшения ряда кистеней, а также наличие княжеских знаков свидетельствует в пользу того, что «владельцами многих боевых гирь были воины, вероятно, чаще всего конные дружинники»². А.Ф. Медведев более осторожно подходил к определению кистеня как оружия воинов, хотя и не отвергал таковое, и считал его скорее «карманным» оружием, применявшимся в рукопашной схватке³.

При этом исследователи по-разному реконструировали внешний вид кистеня. А.Ф. Медведев считал, что гиря кистеня привязывалась к ремню длиной около 50 см, другой конец ремня «надевался на кисть руки». Именно от такого способа «ношения» кистеня, по мнению А.Ф. Медведева, и произошло название этого оружия⁴. А.Н. Кирпичников считал, что существовал и другой вариант конструктивного решения кистеня, когда конец ремня, противоположный концу с привязанной гирей, прикреплялся к короткой палке⁵.

Атрибуция роговых и металлических гирь как ударного элемента кистеня принята в большинстве работ отечественных и зарубежных авторов. Не так давно эта атрибуция была подвергнута сомнению в статьях Л.И. Смирновой (Холден)⁶. По ее мнению, в этом могут убеждать следующие особенности предметов:

- наличие дополнительной свинцовой заливки роговых гирек, что позволяло «подогнать вес гирьки по мере необходимости до определенного уровня»⁷;

- наличие княжеских знаков. Исходя из мнения А.Р. Артемьева и А.А. Молчанова об отсутствии на Руси «традиции маркировать оружие знаками владельца», Л. Холден считает странным наличие княжеских знаков на семи гирьках (рис. 1)⁸;

- изысканный характер, «дорогостоящие технологии изготовления и украшения ... вызывают сомнения в том, что этими предметами производились многократно повторяющиеся действия ударного характера»⁹.

В качестве альтернативной была предложена атрибуция рассматриваемых предметов в качестве гирь от неравноплечих весов. В пользу этого – помимо вышеперечисленных морфологических и орнаментальных особенностей, по мнению Л. Холден не позволяющих считать обсужда-

¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. Вып. 2. М.–Л., 1966. С. 58–65; Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990; Йотов В. Взоружение и снаряжение. От болгарского средневековья (VII–XI век). Варна, 2004; Плавински М. Узбраене беларускіх земляў X–XIII стагоддзя. Мінск, 2013. С. 41–42; Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. С. 205–210 и др.

² Кирпичников, Древнерусское оружие ... С. 65.

³ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том II. М., 1959. С. 137.

⁴ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого... С. 137.

⁵ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие ... С. 59.

⁶ Smirnova L. Weight, not bludgeons: A reappraisal of the functionality of a particular category of objects in metal and bone – From Hooves to Horn, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. Tallinn, 2005; Холден Л.И. Кистени или весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. СПб., 2009. С. 580.

⁷ Холден Л.И. Кистени или весовые гири. С. 580.

⁸ Холден Л.И. Кистени или... С. 580.

⁹ Холден Л.И. Кистени или... С. 581.

емые предметы гирями кистеней – свидетельствуют география находок (концентрация на торговых путях) и социальный контекст находок (в Новгороде находки гири «ассоциируются с усадьбами социальной элиты»)¹⁰. Также морфология большинства гирь сближает их с «подвижными гирыками-противовесами неравноплечих весов, представляющие собой стержень с точкой опоры в месте подвешивания, делящий весь рычаг на две неравные части»¹¹. Княжеские знаки на кистенях предлагается рассматривать в качестве маркировки правильности веса и «получения санкции на использование гиры при сборе налогов и ведении прочих коммерческих операций»¹².

Но, по нашему мнению, ни морфологические особенности, ни география и социальный контекст находок, представленные в работе Л. Холден в качестве аргументации против атрибуции артефактов в качестве гирь кистеней, не позволяют ни опровергнуть первоначальное определение предметов, ни даже просто поставить под сомнение данную атрибуцию.

К сожалению, Л. Холден не привела весовых характеристик гирь с увеличенным с помощью свинцовой заливки весом, чтобы иметь представление к каким величинам старались «подогнать» вес предмета. Дополнительная свинцовая заливка служила не для до-

стижения определенного веса, а именно для увеличения веса предмета, что, соответственно, позволяло увеличить поражающее воздействие гиры.

Знаки, интерпретируемые как княжеские, выявлены на поверхности шести роговых гирек кистеней, и только в одном случае княжеский знак был нанесен на литую металлическую гиру кистеня. Именно специфика материала, из которого изготовлено большинство гирек со знаками, определяла наличие знаков – на роговую или костяную поверхность значительно проще нанести (процарапать) рисунок, нежели на поверхность металлическую. Другие виды оружия, как правило, роговых или костяных деталей не имели. Как редкое исключение – накладки на лук. На одной из таких накладок, найденной при раскопках Тмутаракани, княжеский знак присутствует¹³. Также на костяной рукояти боевого ножа (?) с Федоровского раскопа Великого Новгорода прочерчено два княжеских знака¹⁴. Если обратиться к предметам вооружения, изготовленным из металла, то княжеские знаки можно найти на топорах из Шокшова, Никольское III (?)¹⁵, Симбирской губернии¹⁶, наконечнике стрелы из Гомеля¹⁷. В значительной степени на возможность обнаружения подобных знаков на предметах вооружения, изготовленных из металла, влияет сохранность предмета. В

¹⁰ Холден Л.И. Кистени или... С. 582.

¹¹ Холден Л.И. Кистени или... С. 583. Рис. 5–8.

¹² Холден Л.И. Кистени или... С. 588.

¹³ Артемьев А.Р., Молчанов А.А. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // Российская археология. 1995. № 2. С. 188–191.

¹⁴ Дубровин Г.Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. М., 2016. С. 540. Рис. 19.

¹⁵ По мнению Н.А. Макарова на торцевой стороне этого топорика просматривается фигура, напоминающая двузубец (Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск, 2013. С. 441).

¹⁶ Считается, что топорик, найденный в Симбирской губернии, несет два изображения процветших крестов (Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик... С. 440). Не отрицая эту точку зрения, не исключаем, что знаки могли являться тамгой одного из Рюриковичей. Во-первых, знаки с Симбирского топорика схожи со знаком, изображенным на печати Изяслава Ярославича, отличаюсь наличием двух небольших равновеликих горизонтальных черт на центральном зубце и отсутствием двух небольших выступов в нижней части знака (Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 440. Рис. 6). Во-вторых, стоит отметить полное совпадение мест расположения знаков на Симбирском топорике и княжеских знаков на топоре из Шокшова, что может свидетельствовать о существовании определенной традиции расположения знаковой эмблематики.

большинстве случаев орнаментация поверхности становится ясной только после кропотливой реставрации. Нанесение княжеского знака на предмет вооружения наиболее вероятно могло означать принадлежность владельца предмета к княжеской дружине, хотя нельзя исключать и маркировку подобным образом принадлежности самого предмета княжескому арсеналу¹⁸. А.Р. Артемьев и А.А. Молчанов предполагали, что знаки Рюриковичей на предметах вооружения означали принадлежность мастерской, где эти предметы были изготовлены¹⁹.

Дорогостоящая технология орнаментации ударных поверхностей некоторых кистеней также не является совсем нехарактерной для предметов вооружения. Иногда орнаментировались ударные поверхности другого функционально схожего вида оружия – булав. Например, железная булава, инкрустированная серебром, с Неревского раскопа или железная булава, инкрустированная оловом, с Троицкого раскопа Великого Новгорода²⁰.

В качестве дополнительного аргумента в пользу атрибуции предметов в качестве боевых гирь с нашей точки зрения служит сохранность некоторых из них. Довольно часты находки расколотых роговых гирь и отдельных металлических стержней, вставлявшихся в осевой канал кистеней²¹. И более логично предполагать, что это результат использования предметов в качестве

ударных гирь кистеней, а не гирь для взвешивания. А.Н. Кирпичников отмечал также поврежденные металлические гири, что тоже является следствием их боевого применения²².

Указание Л. Холден на концентрацию находок в пунктах, связанных с торговлей, может объясняться тем, что именно в важных торговых и административных центрах находились воинские контингенты, члены которых были вооружены, в том числе и кистенями. Новгородские находки гирь на усадьбах элиты могут объясняться нахождением кистеней на вооружении знатных новгородских воинов, в пользу чего свидетельствуют и дорогостоящие технологии украшения поверхности ряда кистеней.

Кистени в качестве вооружения конных воинов Московского государства хорошо известны по миниатюрам С. Герберштейна²³. В его сочинении содержится и описание самого оружия, полностью совпадающего с изображенным на миниатюрах: «Сзади за поясом у него был особый вид оружия, напоминающий (древнеримский) цест; обычно им они пользуются в бою. Это палка, несколько длиннее локтя, к которой прибит кожаный ремень длиной в две пяди; на конце ремня находится кусок железа или меди, которым и наносится удар»²⁴. Подобная конструкция кистеней, зафиксированная источником XVI в., находит подтверждение и в древнерусском археологическом

¹⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... Табл. XIX: 2; Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М. Парадный топорик с княжескими знаками. С. 438–439. Рис. 1; Плавинский М. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. С. 62.

¹⁸ К тому же, если принять гипотезу Л. Холден о княжеских знаках на гирях как маркировке веса, санкционирующих их использование, то тогда следует признать, что подавляющее большинство гирь такой маркировки не имели и поэтому не могли использоваться в торговых операциях.

¹⁹ Артемьев А.Р., Молчанов А.А. Древнерусские предметы вооружения. С. 190–191.

²⁰ Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого. С. 27. Рис. 9,2; Артемьев А.Р., Гайдуков П.Г. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1995. Новгород, 1995. С. 202–206. Рис. 1.

²¹ Напр.: Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого... Рис. 1: 6; Рис. 2: 1; Рис. 3: 1–4.

²² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 64.

²³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. Рис. 8, 9.

²⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 220.

материале. Так в могильнике Нефедьево в погребении (№ 75) мужчины 40–60 лет, наряду с топором и двумя наконечниками стрел, были обнаружены роговая гиря кистеня с железным осевым стержнем и лежащий рядом фрагмент деревянной рукояти (длиной 12 см) с орнаментированным латунным навершием²⁵ (рис. 3). Погребение датируется второй половиной XII в.²⁶

Таким образом, по нашему мнению, к настоящему времени нет никаких оснований подвергать сомнению предложенную А.Ф. Медведевым и А.Н. Кирпичниковым атрибуцию роговых и металлических гирек в качестве элементов кистеней, и высказанная более пятидесяти лет назад атрибуция до сих пор является наиболее актуальной.

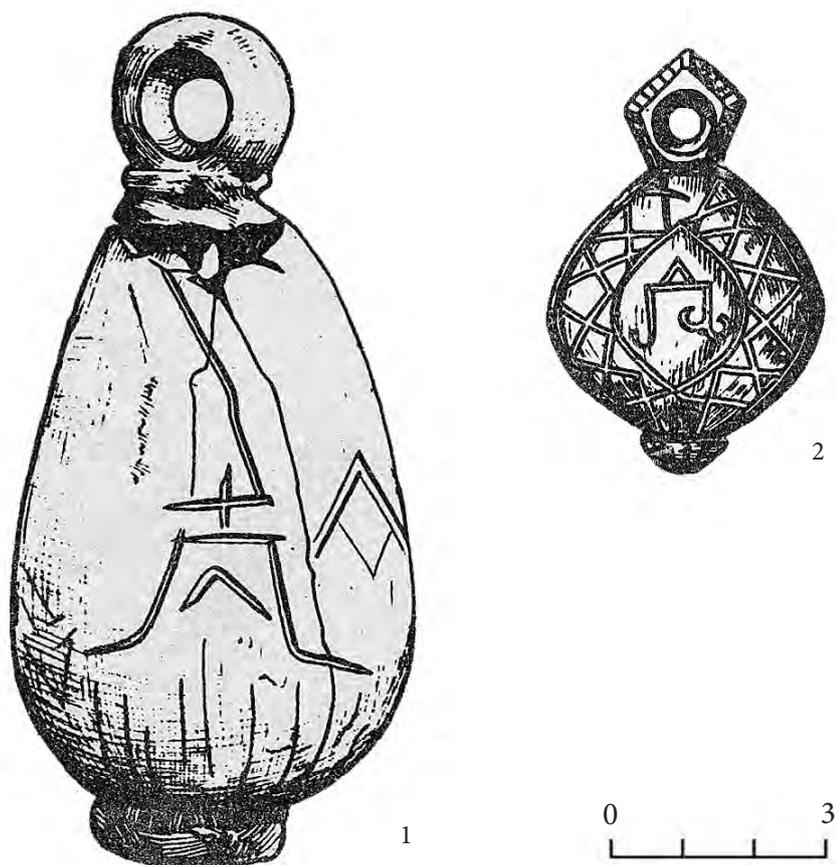

Рис. 1. Роговые кистени с княжескими знаками: 1 – Саркел-Белая Вежа; 2 – Великий Новгород.

²⁵ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XII–XIII веках. М., 1997. С. 184–185. Табл. 125: 1; Табл. 150: 1–3. Схожее навершие рукояти найдено в Великом Новгороде в слое XII в. (Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 77. Рис. 146)

²⁶ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси. С. 128.

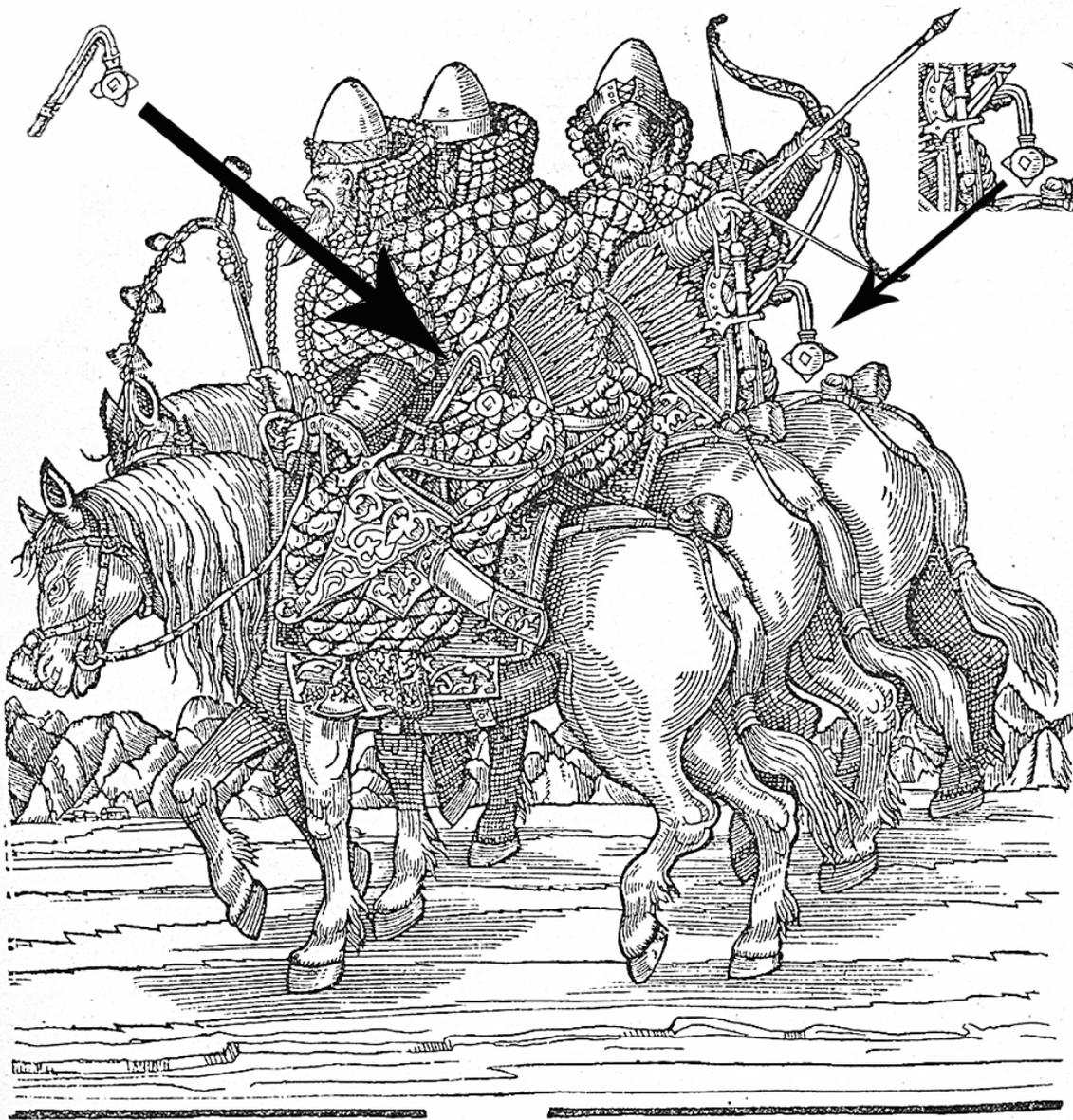

Рис. 2. Кистени в составе комплекса вооружения воинов Московского государства на миниатюре из латинского издания 1557 г. «Записок о Московии» С. Герберштейна.

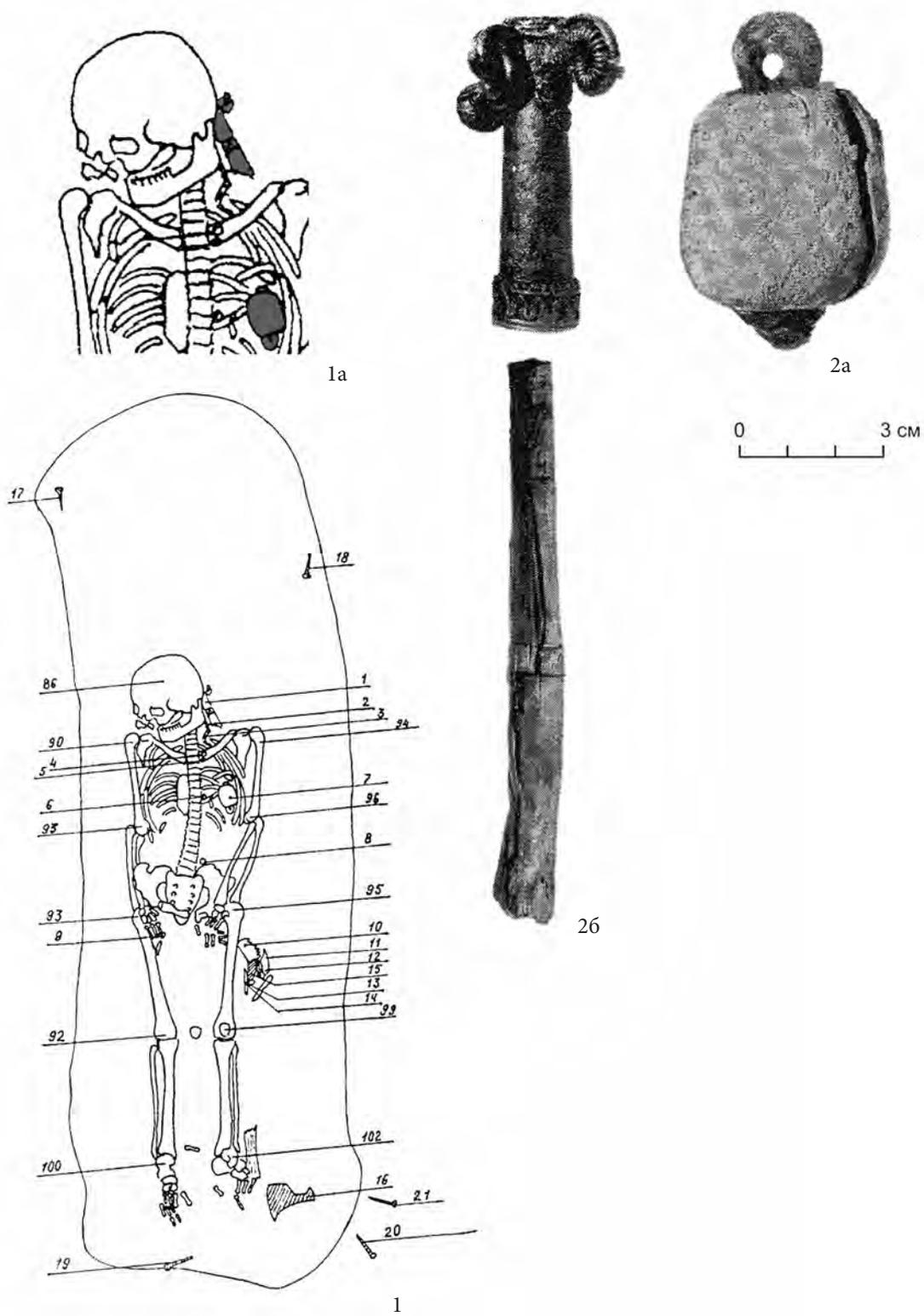

Рис. 3. 1, 1а – погребение 75 могильника Нефедьево (без масштаба); 2 – кистень из погребения 75 могильника Нефедьево: 2а – гиря кистеня, 2б – рукоять с навершием.

ДЕТАЛИ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ДРУЦКА

УДК 903.227+623.444.22/25(476)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.58-66

© 2018 г. Плавинский Н.А. (plavinsky_arc@mail.ru)
Белорусский государственный университет, Минск

Резюме: Древнерусский город Друцк (сейчас Толочинский район Витебской области Республики Беларусь) впервые упоминается под 1078 г. В древнерусское время Друцк был одним из наиболее значительных городских центров Полоцкой земли. В ходе раскопок Друцка была собрана достаточно представительная коллекция вооружения. В данном сообщении рассматриваются немногочисленные, но крайне интересные находки деталей клинкового оружия, а именно: две детали рукоятей мечей, перекрестье сабли, целый и фрагментированный наконечники ножен мечей.

Ключевые слова: Друцк, клинковое оружие, меч, наконечник ножен меча, сабля.

Details of Blade Weapons from the Excavations of the Medieval Drutsk.

© 2018 Plavinski N.A. (plavinsky_arc@mail.ru)

Abstract: The Old Russian town Drutsk (present-day Talachyn district of Vitebsk region in the Republic of Belarus) was first mentioned in 1078. In Old Russian times Drutsk was one of the most important urban centers of the Polotsk land. During the excavation of Drutsk fairly representative collection of weapons was collected. This publication discusses a few, but extremely interesting finds of blade weapons details, namely: two details of swords handles, saber cross-guard, fully preserved and fragmented sword chapes.

Key words: Drutsk, blade weapons, sword, sword chape, saber.

Древнерусский город Друцк (ныне агрогородок в Толочинском районе Витебской области Республики Беларусь) впервые упоминается в «Почтении Владимира Мономаха» под 1078 г.¹ Кроме того, на обороте последней страницы «Друцкого Евангелия» XIV в. имеется запись о том, что в 1001 г. в Друцке была возведена церковь Богородицы. Данная информация рассматривается большинством исследователей как заслуживающая доверия².

В древнерусское время Друцк был одним из наиболее значительных городских центров Полоцкой земли, а с XII в. он становится центром одного из удельных полоцких княжеств³. Собственно, Друцкий археологический комплекс состоит из детинца, окольного города, посада и нескольких курганных могильников и отдельных курганов в его окрестностях. Наиболее значительные по масштабам археологические исследования в Друцке провела в 1956–1962, 1965 и 1967 гг. экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Л.В. Алексеева. В 1999 г. раскопки на территории Друцкого археологического комплекса возобновила О.Н. Левко. В результате исследований на территории Друцкого археологического комплекса были выявлены слои третьей четверти I тыс. н.э., древнерусского и позднесредневекового (XIV–XVII вв.) времени⁴.

Следует отметить, что, несмотря на значительный объем проведенных

в Друцке исследований, в изучении данного археологического комплекса остается много проблем, в первую очередь, связанных с хронологией отдельных составляющих его памятников, что ярко проявилось в последнем, посвященном Друцку, обобщающем издании, подготовленном под общей редакцией О.Н. Левко⁵.

В ходе раскопок Друцка была собрана достаточно представительная коллекция вооружения, включающая отдельные образцы клинкового и древкового оружия, наконечники стрел лука и арбалета, а также отдельные детали снаряжения лучника. Кроме того, были обнаружены отдельные фрагменты защитного вооружения. В данном сообщении рассматриваются немногочисленные, но крайне интересные находки деталей клинкового оружия, а именно: две детали рукоятей мечей, перекрестье сабли, целый и фрагментированный наконечники ножен мечей. Все они происходят из раскопок Л.В. Алексеева. Учитывая состояние музейных коллекций и отчетной документации об исследованиях 1956–1962, 1965 и 1967 гг. в Фонде археологической научной документации Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, а также степень опубликованности выявленных материалов, датировка находок на основании их стратиграфического положения в культурном слое практически не представляется возможной.

Полая трехчастная головка навершия меча из цветного металла (латунь

¹ Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006. С. 132.

² Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. С. 154; Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мн., 2000. С. 119–120.

³ Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966. С. 152–153; Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. С. 132–133.

⁴ Алексеев Л.В. Полоцкая земля. С. 151–161; Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. С. 136–154; Друцк. Мн., 2014; Ляўко В.М. Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мн., 2000. С. 87–113; Левко О.Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие. Мн., 2004. С. 26–30; Левко О.Н., Войтехович А.В., Кенько П.М. Археологические исследования Друцка 2008–2009 гг. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 21. Мн., 2011. С. 122–153.

⁵ Друцк. Мн., 2014.

или бронза) была выявлена в 1961 г.⁶ Ее высота – 3,1 см, ширина – 6,8 см, толщина центральной части головки – 3,2 см (рис. 2: 1). Головка принадлежала составному навершию рукояти меча, относящегося к типу II по А.Н. Кирпичникову⁷. Рукояти мечей типа II представляли собой слегка выгнутое в сторону клинка перекрестье и двусоставное навершие, состоящие из основания и трехчастной головки. Данный тип мечей был одним из самых популярных в западных землях Руси в древнерусское время, на сегодняшний день на территории Беларуси зафиксировано не менее 5 подобных находок⁸. Использование мечей типа II в Восточной Европе фиксируется на протяжении достаточно длительного времени – начиная с XI в., по крайней мере, до конца XIV в.⁹

Головка навершия из Друцка имеет ряд примечательных морфологических особенностей. На нижней поверхности головки навершия имеется шпенок высотой 0,7 см. Боковые части головки отделены от центральной тремя рядами валиков и бороздок. Головки наверший мечей типа II, украшенные подобным образом, встречаются достаточно редко. В качестве наиболее близких аналогий можно привести две находки с территории России – из древни Хомутцы Белгородской области¹⁰ (рис. 2, 2) и из Воздвиженского (?) бывшей Ко-

стромской губернии¹¹. К сожалению, обе эти находки являются случайными и, соответственно, не могут быть узко датированы.

На основании типологической принадлежности и морфологических особенностей наиболее вероятной представляется датировка друцкой головки навершия меча XII–XIII вв. Хотя нельзя исключать и возможности ее более широкой датировки в рамках XI–XIV вв.

Деталью меча является также фрагмент (примерно 1/2 часть) железного перекрестья, найденный в 1958 г.¹² Ширина фрагмента – 11,1 см, что позволяет предполагать вероятную первоначальную ширину перекрестья порядка 22 см (рис. 3: 1). Перекрестье имело сильно выгнутые в сторону клинка расширяющиеся концы. В сечении сохранившийся конец близок к пятиугольному. Его ширина – 2,2 см, толщина – 0,45 см. Конец перекрестья украшен с одной стороны тремя параллельными бороздками. Еще две такие бороздки прослеживаются на той же стороне в 4 см от отверстия для клинка, ширина которого достигает 1 см. На орнаментированной стороне перекрестья хорошо прослеживается отломанный выступ – остатки так называемого бокового защитного кольца.

Перекрестье может быть условно отнесено к типу (стилю) 6 по Р.Э. Ок-

⁶ Полевые данные: Р. XIII, кв. ц/3, № 8, гл. +1; хранение: Витебский областной краеведческий музей, КП 14941. Пользуясь случаем, хочу высказать искреннюю благодарность хранителю археологической коллекции Витебского областного краеведческого музея Н.Ю. Шарковской за помощь в работе с материалами из раскопок Друцка, хранящимися в этом музее.

⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М.–Л., 1966. С. 53–54.

⁸ Плавинскі М.А. Нарысы гісторыі клінкавай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мн., 2009. С. 21–23; Плавинскі М.А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мн., 2013. С. 16–18.

⁹ Плавинский Н.А. О хронологии мечей балтийских типов и их аксессуаров на Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.). М.–Псков, 2011. С. 205–206; Vaičiūnienė D. Kernavės viršutinio miesto tyrinėjimai // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1998 ir 1999 metais. Vilnius, 2000. 9 pav.

¹⁰ Шпилев А., Плавинский Н. Головка навершия меча из деревни Хомутцы (Курско-Белгородское пограничье) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VIII. Мн., 2012. С. 100–105.

¹¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М.–Л., 1966. Табл. XXII: 2, XXV: 1.

¹² Полевые данные: Р. V, 2/2, 78, гл. 64; хранение: Национальный исторический музей Республики Беларусь, КП 1070/78.

шотту¹³. Боковые кольца появляются на перекрестьях европейских мечей уже в последние десятилетия XV в.¹⁴ При этом, наиболее морфологически близкие к друцкому перекрестью с боковым защитным кольцом могут быть датированы в рамках первой половины XVI в.¹⁵ Меч с близким перекрестьем происходит из города Цехановец Высокомазовецкого повета Подляского воеводства Польши и хранится в собрании Гродненского государственного историко-археологического музея¹⁶.

К числу аксессуаров клинкового оружия относится наконечник ножен меча. Место его хранения не установлено. Наконечник известен по фотографии крайне низкого качества в монографии Л.В. Алексеева 1966 г.¹⁷, а так же по прорисовке Г.В. Ласкавого¹⁸. Судя по имеющимся изображениям, наконечник сохранился фрагментарно – утрачены боковые штанги и верхний лист трехчастной пальметты на венчике (рис. 3: 2). Наконечник относится к типу с «птичьим мотивом в медальоне» (тип IV) по П. Паульсену. Так как данные о стратиграфическом положении находки отсутствуют, ее можно датировать только по типологическим признакам. П. Паульсен относил время существования наконечников типа IV к XI в. и считал, что они

могли изготавливаться на Готланде или в Курземе¹⁹. Также XI в. датируют наконечники данного типа Г.Ф. Корзухина, В. Казьявичюс и Я. Асарис. При этом Я. Асарис отмечает возможность их использования в землях куршей на протяжении всего XII в. И.В. Казакивичюс, и Я. Асарис уверены, что наконечники типа IV были продукцией балтских мастеров²⁰. В то же время Г.Ф. Корзухина склонялась к мысли о том, что более вероятным местом их изготовления был Готланд²¹.

Кроме того, из раскопок Л.В. Алексеева 1958 г. происходит фрагмент еще одного наконечника ножен – бронзовая боковая штанга длиной 4 см²². Верхняя часть штанги оформлена в виде трилистника (рис. 3: 3). Определить типологическую принадлежность наконечника, которому принадлежала данная штанга, не представляется возможным. Вместе с тем, ее отнесение к наконечникам балтийского круга, предположительно, к типам IV или V по П. Паульсену²³, кажется вполне вероятным²⁴.

Железное перекрестье сабли найдено в 1965 г.²⁵ Оно несколько выгнуто в сторону клинка, имеет парные мысовидные выступы в центре и слегка расширяющиеся концы (рис. 4: 1). Перекрестье сохранилось фрагментарно

¹³ *Oakeshott R.E.* The Sword in the Age of Chivalry. London, 1964. P. 115; *Oakeshott R.E.* Records of the Medieval Sword. Woodbridge, 1991. P.X.

¹⁴ *Окшотт Э.* Археология оружия. От бронзового века до Ренессанса. М., 2004. С. 381–382; *Oakeshott R.E.* Records of the Medieval Sword. Woodbridge, 1991. P. 194.

¹⁵ *Bruhn-Hoffmeyer A.* Middelalderens tveæggede sværd. T. I. København, 1954. P. 156. Pl. XLI:a.

¹⁶ *Бохан Ю.М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мн., 2002. С. 111. Мал. 4:1; *Бохан Ю.М.* Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях. Мн., 2012. С. 26–27; *Кітурка Ю.В.* Мячы з калекцыі Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея // Краязнаўчыя запіскі. Вып. 6. Гродна, 2003. С. 15. Табл. III: 6.

¹⁷ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. Рис. 72:37.

¹⁸ *Ласкавый Г.В.* К истории оружия Белорусского Подвинья в VI–XIII вв. Статья первая // Полоцкий летописец. № 1 (2). Полоцк, 1993. Рис. 2: 8.

¹⁹ *Paulsen P.* Schwertorbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953. S. 97–101.

²⁰ *Asaris J.* 11.–13. gs. zobena maksts bronzas uzgaļu tipi un to izplatība Kurzemē // Archeoloģija un etnogrāfija. T. 17. Rīga, 1994. С. 21, 21–28 lpp.; *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius, 1998. P. 304–306.

²¹ *Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // Советская археология. Вып. XIII. М., 1950. С. 66–67.

²² Полевые данные: Р. V, 0/4, 224, гл. 108; хранение: Национальный исторический музей Республики Беларусь, КП 8227/27.

²³ *Paulsen P.* Schwertorbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953. S. 97–125.

²⁴ *Плавинский М.А.* Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мн., 2009. С. 42.

²⁵ Полевые данные: Др. 65 Р XXII/Г; хранение: Витебский областной краеведческий музей, КП 16443/115.

но – в результате коррозии практически полностью утрачены центральные мысовидные выступы. Ширина перекрестья – 12,4 см, высота по центру – 1,2 см (первоначально была несколько большей), по краям – 1 см, толщина достигала 2,3–2,5 см. Ширина отверстия для клинка – 4 см.

Перекрестье может быть отнесено либо к типу II, либо к типу IIА по А.Н. Кирпичникову (рис. 4: 2). Экземпляры типа II имели прямые концы, а у образцов типа IIА концы были выгнуты в сторону клинка. Учитывая слабый изгиб концов друцкого перекрестья, допустимо его отнесение, как к одному, так и к другому типам. По данным А.Н. Кирпичникова, перекрестья типа II появились на Руси в XI в., а типа IIА – в первой половине XIII в.²⁶ Уточнить датировку друцкого пере-

крестья может анализ имеющихся данных о находках сабельных деталей в западных землях Руси и в Белорусском Поднепровье в частности. На данный момент, в западных землях Руси без учета рассматриваемого образца известно 14 находок фрагментов сабель, причем большинство из них происходит из Поднепровья (10 артефактов из 4 пунктов). Все они датируются временем не ранее середины XII в.²⁷

Таким образом, рассмотренная коллекция фрагментов клинкового оружия из раскопок Друцка не велика по количеству находок. Вместе с тем, она состоит из предметов, дополняющих и уточняющих наши представления об ассортименте клинкового оружия средневекового населения Верхнего Поднепровья.

²⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М.–Л., 1966. С. 69–72.

²⁷ Плавінскі М.А. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мн., 2009. С. 48–52.

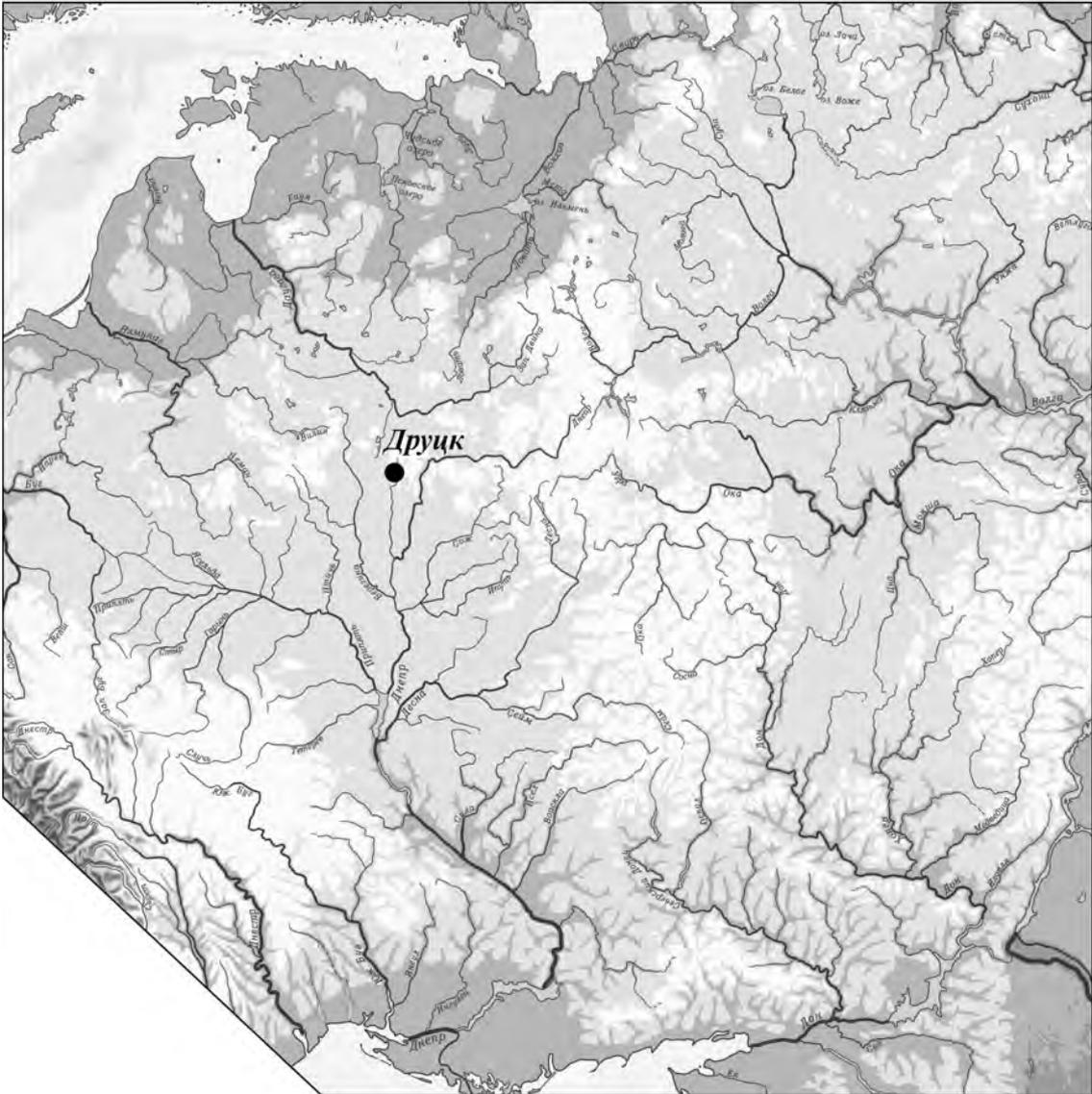

Рис. 1. Местоположение Друцка на карте Восточной Европы.

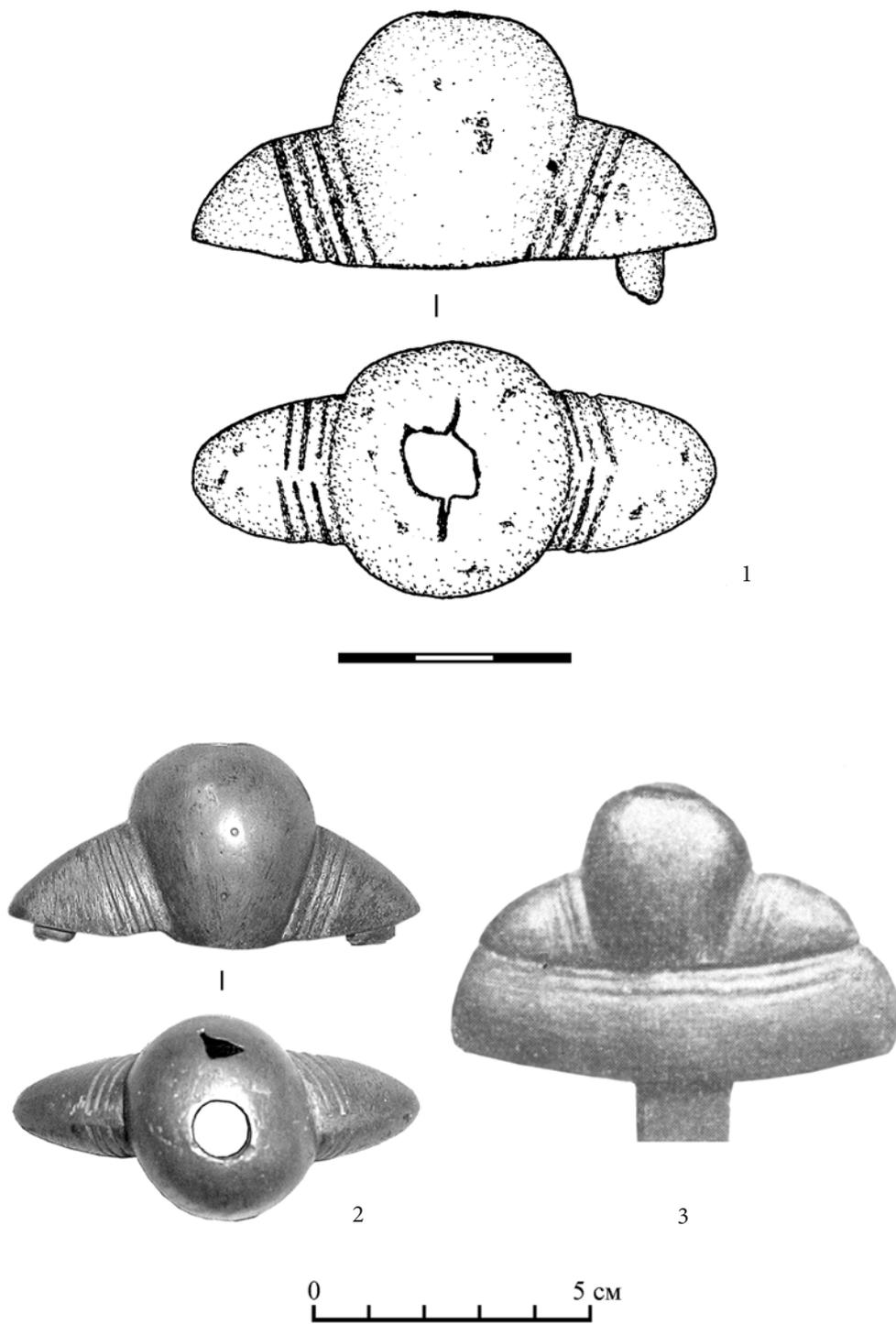

Рис. 2. Головка навершия меча типа II по А.Н. Кирпичникову из Друцка (1) и аналогичные навершия из Хомутцов Белгородской области (2) и Воздвиженского (?) бывшей Костромской губернии (3) (1 – рис. автора, 2 – фото А.Г. Шпилёва, 3 – по А.Н. Кирпичникову).

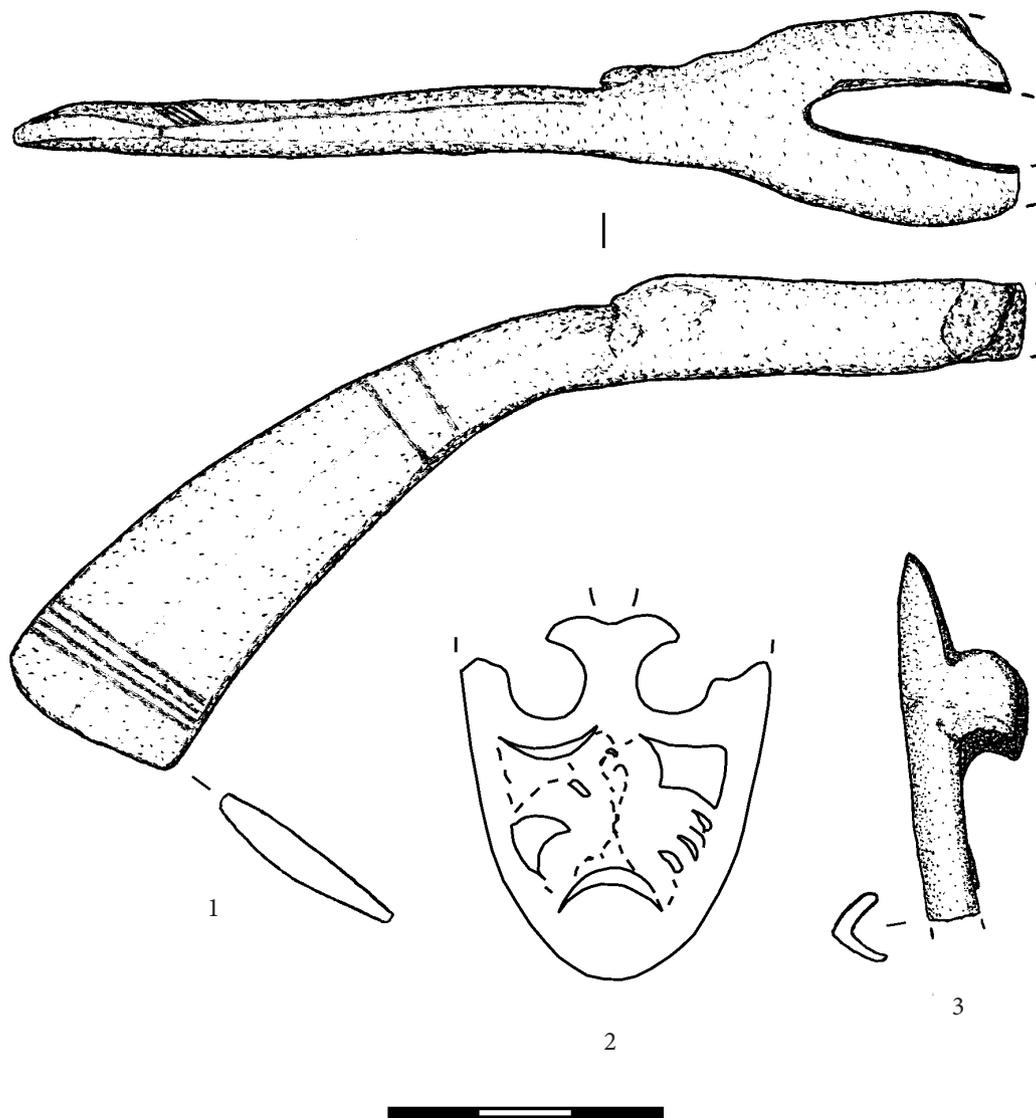

Рис. 3. Друцк: 1 – фрагмент перекрестья меча; 2 – наконечник ножен меча; 3 – боковая штанга наконечника ножен (1, 2 – рис. автора, 3 – рис. Г.В. Ласкавого).

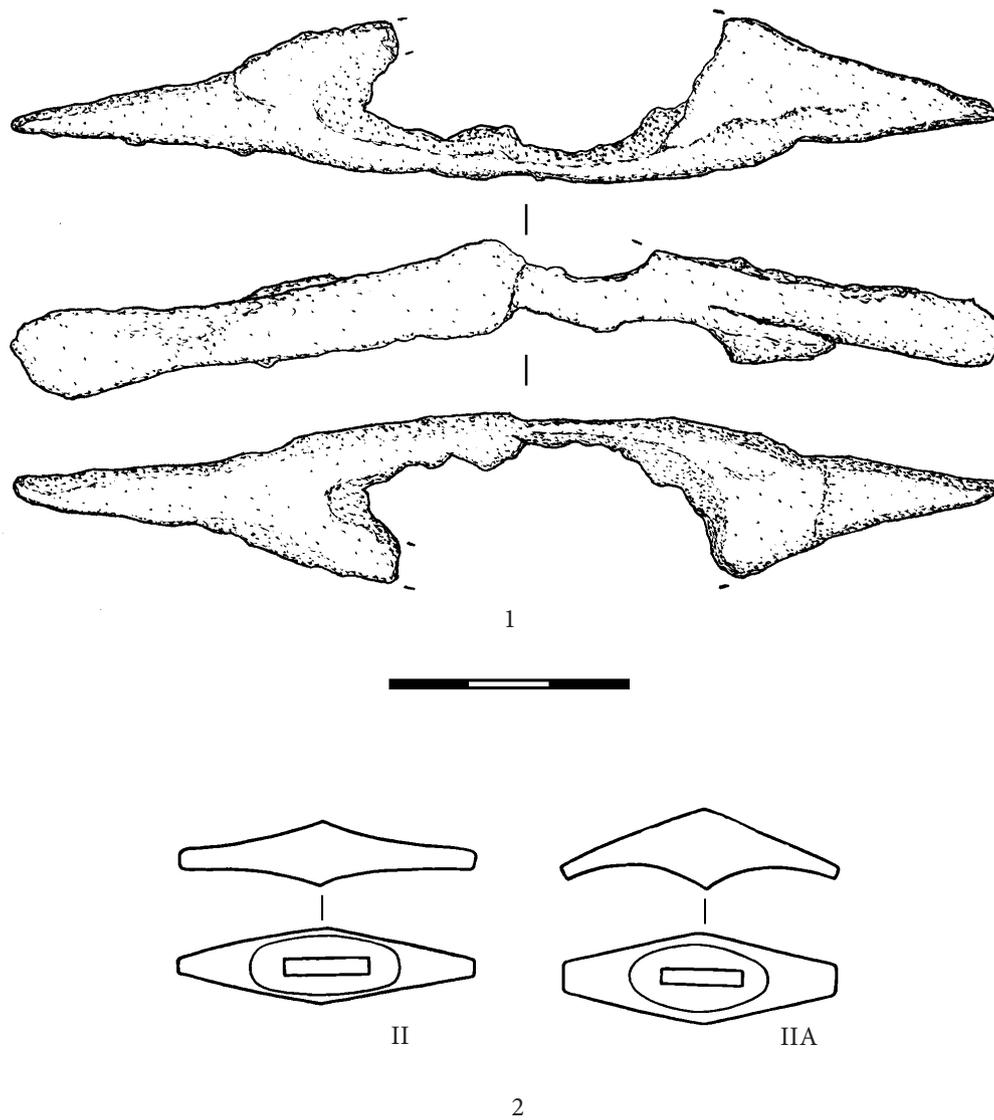

Рис. 4. Перекрестье сабли из Друцка (1) и типы древнерусских перекрестий сабель по А.Н. Кирпичникову (1 – рис. автора).

МЕЧ ИЗ ЛЕТОПИСНОГО БЕЛЗА¹

(К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ НАХОДКИ)

УДК 903.227+623.444.25(477)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.67-76

© 2018 г. Стрельченко А.В. (Kuno78@yandex.ru)
Московский психолого-социальный университет, Москва
© 2018 г. Шеломенцев-Терский С.В. (tersky@ukr.net)
Институт гуманитарных и социальных наук Национального университета
«Львовская политехника», Львов

Резюме: В публикации рассматривается фрагмент меча, найденный в середине прошлого века в одном из городов Червенской земли и центре одноименного княжества, городе Белзе. Широкий круг аналогий, как самой находке, так и клейму на ней, позволил прийти к следующим заключениям. Экземпляр с большей вероятностью датируется всем XIV веком. Не сохранившийся клинок меча является продукцией мастеров-клиночников из южно-немецкого города Пассау. Близкое сходство навершия и крестовины данного фрагмента с аналогиями из Западной Украины позволило выделить «комбинационную форму» эфеса, характерную для указанного региона в XIV веке.

Ключевые слова: средневековый меч, типология Э. Окшотта, Белз, Галицко-Волынская Русь.

*The sword from Belz of time records.
(To the question of attribution of the finding)*

© 2018 Strelchenko A.V. (Kuno78@yandex.ru),
© 2018 Shelomentsev-Tersky S.V. (tersky@ukr.net),

Abstract: The publication examines the sword fragment, found in the middle of the last century in one of the towns of Cherven land and the eponymous town of Belz principality. A wide range of similarities, both the findings and the stamp on it, allowed coming to the following assumptions. The specimen is likely dated to the whole 14th century. An unpreserved blade of the sword was produced by blade masters from Southern German city Passau.

The close similarity of the cross-guard and the pommel of the fragment with analogies from the Western Ukraine made it possible to identify the «combinational form» of hilt, which occurred in this region in the XIV century.

Key words: medieval sword, Oakeshott typology, Belz, Galicia-Volhynia Rus.

¹ Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность за помощь в подготовке публикации: Е.В. Гредунову – за предоставленный материал и консультации; Ю.А. Кулешову, А.В. Куприну, А.В. Николаеву – за консультации и помощь, а также сотрудникам отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа – Ю.Г. Ефимову, Н.Р. Бискуп, А.Е. Богданову.

Коллекция средневековых мечей из собрания Львовского исторического музея насчитывает более двух десятков экземпляров и наглядно показывает основные тенденции в генезисе данного оружия в период с XI до начала XVI вв. В представленной статье мы обратимся к фрагменту меча, найденному в одном из городов летописной Червенской земли – Белзе, расположенном на западе Сокальского района Львовской области. Находку ввёл в научный оборот один из авторов этой статьи – С.В. Терский, в 2002 г.² В последующих работах, где исследователем поднимались вопросы, связанные с материальной, в том числе и воинской, культурой Галицко-Волынской Руси XI–XIV вв., приводился и указанный экземпляр, однако детально он так и не был рассмотрен³. Восполнению этой лакуны и будет посвящена наша статья, где объектом исследования станет упомянутый фрагмент меча. Опираясь на известный нам материал, мы внесем определенные коррективы в датировку артефакта, а также попытаемся расширить представление о средневековых мечах Галицко-Волынской Руси.

Исходя из музейной документации, рассматриваемый экземпляр был случайно найден на рубеже 1940–50-х гг. либо в черте самого города Белз, либо в ближайшей его округе, а чуть позже его предали в фонды Львовского исторического музея.

Данный фрагмент, состоящий из целого эфеса и незначительной части клинка (рис. 2), примыкающей непо-

средственно к крестовине и далее переходящей далее в хвостовик⁴. Сечение сохранившегося клинка линзовидное. На каждой его стороне наблюдается дол, занимавший примерно треть от всей ширины клинка. Также в доле, с обеих сторон, из желтого металла выложены клейма в виде стилизованного сердца, переходящего в своеобразный крест (рис. 3).

Эфес⁵ меча сохранился полностью. Отмечается незначительная деформация хвостовика рукояти. Крестовина железная. Её дужки плавно изогнуты к клинку и выражено расширяются к окончаниям, посередине проходит ребро, в результате чего в сечении дужки ромбические.

Навершие в виде массивного диска с несколько уплощенным верхом, где имеется едва заметный выступ, образованный в процессе расклепывания хвостовика рукояти. По краю каждой окружности навершия, примерно под углом 45 градусов, идут узкие скосы, в результате чего на плоских сторонах образованы круглые площадки меньшего диаметра, а профиль близок к вытянутому восьмиугольнику. Хвостовик длинный, позволял «фехтовать» всем оружием как одной, так и двумя руками.

В предыдущих публикациях экземпляр датировали довольно широкими временными рамками – конец XIII–XIV вв., но не исключалась и вероятность того, что находку следует относить к более узкому временному отрезку – второй половине XIV в.⁶ Для уточнения датировки, мы более

² Терский С. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Львів, 2002. С. 54–55, Рис. 27.

³ Терский С. Середньовічна зброя у Львівських музейних колекціях довоєнного часу: походження I склад. // Держава та Армія. Вісник Національного університету «Львівська політехніка», Вип. 555. Львів, 2006, С. 17, Рис. 1; *Он же*. Галицько-волинське боярство в музейних пам'ятках // Львівський Історичний музей. Наукові записки. Вип. XIV. Київ, 2010. С. 31–32.

⁴ Все метрические и весовые характеристики приведены нами в Приложении № 1.

⁵ В публикации под термином «эфес» понимается верхняя «нерабочая» часть меча, включающая в себя крестовину, хвостовик и навершие.

⁶ Гринчишин Б.В. Археологічні матеріали як важливе джерело для вивчення комплексу озброєння давньоукраїнського воїна XII–XIV ст. // Археологія & Фортифікація Середнього Подністрів'я. II Всеукраїнська науково-практична конференція

детально остановимся на конструктивных особенностях и клейме рассматриваемого фрагмента меча.

Так как клинок полностью не сохранился, то наиболее важными для датировки являются элементы эфеса – навершие и крестовина.

Исходя из морфологических особенностей, навершие меча относится либо к типу Н (диск с узкими боковыми скосами), либо его варианту Н1 (овал с узкими боковыми скосами) по типологии Э. Окшотта. По мнению исследователя, дисковидная форма была одной из распространённых форм наверший на протяжении довольно длительного периода – с конца X до начала XV вв.⁷ Овальная форма наверший тоже часто встречается, но в более узкий хронологический промежуток – с середины XIV до первой четверти XV вв.⁸

Крестовина очертанием дужек близка к стилю б (по Э. Окшотту), но продольное ребро и ромбическое сечение, наоборот, не позволяют отнести её к этой форме. Э. Окшотту описывал дужки крестовины стиля б как сужающиеся к окончанию (при виде сверху), а в сечении дужки прямоугольные. Исходя из этого, вполне возможно, что крестовина меча из Белза является либо локальным вариантом указанного стиля, либо совершенно новой формой. Следовательно, временные границы могут отличаться от тех, что предлагались Окшоттом для стиля б. Он считал, что такие кресто-

вины встречались с конца XII до конца XV вв., но наиболее популярны были в 1280–1370 гг.⁹ Обратимся непосредственно к аналогиям крестовины.

Нами было выявлено три экземпляра мечей, у которых на хвостовике закреплена крестовина, подобная той, которая встречена на фрагменте из Белза. Первая аналогия – одноручный меч из собрания Немецкого Музея Клинка в Золингене (инв. № DKM 1964.W.036). Крестовина короткая, почти прямая, с ассиметрично расширенными дужками. Данное оружие исследователи датировали XIV в.¹⁰ Вторая аналогия – меч, найденный в 1891 г. недалеко от с. Радомля (Рыдомля) в Кременцком уезде Волынской губернии (рис. 4)¹¹. Крестовина также прямая, но в отличие от предыдущего меча, дужки расширены к окончаниям симметрично. Кроме того, на клинке из Радомли с обеих сторон, примерно в верхней трети после расчистки выявили клеймо, полностью совпадающее с тем, что представлено на рассматриваемом фрагменте из Белза. Первоначально находку отнесли к XIV в., но впоследствии российский исследователь А.Н. Кирпичников датировал меч более широко – с XIV до начала XV вв.¹² Третья аналогия – меч, случайно найденный в Кицманском районе Черновицкой области. Крестовина здесь наиболее близка крестовине меча из Белза, т.к. дужки, помимо перечисленных выше особенностей,

Кам'янець-Подільського державного історичного музею-заповідника. Кам'янець-Подільський, 2012. С. 97; *Терський С.В.* Галицько-волинське боярство в музейних пам'ятках // Львівський Історичний музей. Наукові записки. Вип. XIV. Київ, 2010. С. 31–32.

⁷ *Oakeshott R.E.* The sword in the age of chivalry. London, 1964. P. 95

⁸ *Ibid.*, Op.cit., P. 102–103.

⁹ *Ibid.* The archaeology of weapons. London, 1960. P. 233

¹⁰ *Grotkamp-Schepers B., Immel I., Johnsson P., Wetzler S.* Das Schwert. Gestalt und Gedanke / The Sword – Form and Thought. Ausstellungskatalog. Solingen, 2015. S. 84.

¹¹ В современной Украине указанный населенный пункт расположен на севере Тернопольской области.

¹² *Ленц Э.* Императорский Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908. С. 301; *Он же.* О клеймах мастеров на оружии // Записки Разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества Т. I. СПб., 1911. С. 26, Рис. 83; *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 24, Прим. 44.

имеют плавный изгиб к клинку. Эта находка тоже датирована весьма широко – XIV – нач. XV вв.¹³

Каждый из исследователей, который рассматривал один из приведённых выше мечей с подобной крестовиной, опираясь либо на типологические критерии, либо на аналогии клеймам на клинке, приходили, независимо друг от друга, к выводу, что такие мечи датируются широко – 100–125 лет, но не раньше XIV в.¹⁴ Поэтому предлагаемые временные рамки для указанных выше экземпляров вполне могут быть отнесены и к фрагменту из Белза.

Мы полагаем, что подобные крестовины являются новой формой, обладавшей следующими характерными признаками (рис. 5). Дужки крестовины средней длины, равномерно расширяющиеся к окончаниям. На каждой стороне проходит продольное ребро, за счёт чего сечение всегда имеет вид ромба. И в отличие от стиля 6 крестовина могла быть как прямой, так и слегка изогнутой к клинку.

Помимо этого обращает на себя внимание одна общая черта мечей из Радомли и Черновицкой области с рассматриваемым фрагментом из Белза. У всех трех мечей почти одинаковые по форме и сечению крестовина и навершие. Также они практически совпа-

дают друг с другом и по метрическим характеристикам (см. приложение № 2). Поэтому, беря во внимание то, что подобные аналогии пока не выявлены в каких-либо других регионах Европы, мы можем выделить небольшую группу эфесов, обозначенную нами «Радомля-Белз», которая встречалась на территории Волыни и Галиции у полутороручных мечей (рис. 1).

Как указывалось выше, для уточнения датировки важно и клеймо, расположенное в доле, сохранившейся части клинка. В процессе поиска аналогий было выявлено более полутора десятка экземпляров мечей, где на клинках, в верхней трети или четверти, поставлены клейма в виде стилизованного сердца, переходящего в крест. Ареал, где встретились аналогии, весьма обширен. Он охватывает юг и восток Центральной Европы¹⁵, Западные Балканы¹⁶. Присутствуют подобные клейма и на ряде мечей, преподнесенных в качестве даров мамлюкским правителям¹⁷ (рис. 6: 1–4). Известны они и с территории Украины. Помимо отмеченной выше находки из с. Радомля (рис. 6: 5), ещё один меч был найден рядом с г. Яворов (запад Львовской области)¹⁸, другой на экземпляре, происходящем из окрестностей города Черновцы (рис. 6: 6)¹⁹ и третий на мече из

¹³ Гредунов С., Артеменко В. Середньовічна клинкова зброя. Київ. [в печати].

¹⁴ Grotkamp-Schepers B., Immel I., Johnsson P., Wetzler S. Op. cit. S. 84; Кирпичников А.Н. Военное дело. С. 24; Гредунов С., Артеменко В. Середньовічна клинкова зброя.

¹⁵ Gefler E.A. Die ritterliche Bewaffnung von 1386 zur Zeit der Schlacht von Sempach // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. Band.VI. Dresden, 1912–1914. S. 203–204, Fig. 19; Wegeli R. Inventar des Waffensammlung des Bernischen Historischen Museums in Bern. II. Schwerter und Dolche. Bern, 1929. S. 16, Fig. 12–13, Nr. 144; Schneider H., unter Mitarbeit von Stüber K. Waffen im Schweizerischen Landesmuseum. Griffwaffen I. Katalog. Zürich, 1980. S. 39, Nr. 48; Gamber O., Beaufort C. Kunsthistorisches Museum. Wien. Hofjagd und Rüstammer. Katalog der Leibbrüstammer, Teil II. Der Zeitraum von 1530 bis 1560. Bramante Editrice 1990. S. 117–118, Abb. 58, Inv. nr. A 1135; Ehrenthal M. Führer durch das Königliche Historische Museum zu Dresden. Katalog. Dresden, 1899. S.17, Nr.79; Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie z X–XV w. Warszawa, 1984. S. 142, Tab. V, Nr. 57; S. 144, Tab. V, Nr. 93; S. 148, Tab. VIII, Nr. 140; S. 164, Tab. XIV, Nr. 330; S. 166, Tab. XV, Nr. 354; S. 169–170, Tab. XVI, Nr. 399; S. 170, Tab. XVI, Nr. 403; S. 170, Tab. XVI, Nr. 413; S. 172, Tab. XVII, Nr. 426; S. 173, Tab. XVIII, Nr. 444.

¹⁶ Цветковић В. Two medieval swords from the Regional Museum in Jagodina // СТАРИНАР. LIX. Beograd, 2009. P. 238–241, Fig. 1–4.

¹⁷ Thomas C. New Light on a Fourteenth Century Sword in the Burrell Collection // Park Lane Arms Fair. London, 2008. P. 18–22, Fig. 12C–D; Fig. 15.

¹⁸ Заремба А.А. Мечи XIV–XV веков в музеях Юго-Западной Украины // Воинские традиции в археологическом контексте: От позднего латена до позднего средневековья. Материалы конференции, ноябрь 2012 г. Тула, 2014. С. 178, 182. Рис. 5, 6.

¹⁹ Гредунов С., Артеменко В. Середньовічна клинкова зброя.

собрания Львовского исторического музея, который с большей долей вероятности происходит с территории Западной Украины²⁰. Большая часть мечей с такими клеймами специалистами датируются в пределах середины XIV – первой трети XV в.²¹, но отдельные экземпляры встречались и позже, в середине – второй половине XV в.²² По мнению ряда исследователей, подобные клейма указывают на то, что такие клинки производились в Пассау – одном из крупных средневековых центров Германии по изготовлению мечей и кинжалов периода развитого и позднего средневековья²³. В качестве дополнительного аргумента в пользу данной точки зрения служит то, что на некоторых экземплярах, ниже, поставлено ещё одно клеймо, в виде «епископского посоха», в том числе и на экземплярах из Радомли и Черновцов (рис. 6: 5–6)²⁴. Наряду с «бегущим волчком» оно является одним из знаков, которыми маркировалась продукция указанного оружейного центра²⁵. Следовательно, аналогии клейму по-

зволяют уверенно полагать, что несохранившийся полностью клинок меча из Белза, вероятно, немецкого происхождения, изготовлен в период с середины XIV до первой трети XV вв.

Сопоставив рассмотренный круг аналогий, мы можем предполагать, что фрагментированный меч из Белза, скорее всего, относится к XIV – первой трети XV вв. Но допускаем, что верхняя временная граница может быть ограничена периодом войны за Галицко-Волынское наследство (1340–1392 гг.), а точнее между 1350 и 1390 гг., когда Белз трижды (1352, 1366 и 1387 гг.) становился местом боевых столкновений противоборствующих сторон²⁶, в результате чего сломанный меч и мог оказаться в земле.

Дошедший до нас эфес меча из Белза позволил выделить новую форму крестовины, встречавшейся в течении XIV – начала XV вв. В этот период эта крестовина являлась частью эфесов, которые монтировались на полтороручные мечи, применявшихся на территории Волинских и Галицких земель.

²⁰ Гринчишин Б.В. Знахідки середньовічних мечів як важливе джерело до вивчення військової справи в Галицько-Волинській державі // Історія давньої зброї. Дослідження 2014. Збірник наукових праць укладено на основі матеріалів Першої міжнародної зброєзнавчої конференції, що відбулася у м. Київ (Україна) 16–19 лютого 2014 р. Київ, 2014. С. 90, инв. № 3-3374.

²¹ Заремба А.А. Мечи XIV–XV веков... С. 178; Gefler E.A. Op. cit. S. 203–204; Wegeli R. Op. cit. S. 16; Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie z X–XV w. Warszawa, 1984. S. 142, Nr. 57; S. 144, Nr. 93; S. 148, Nr. 140; S. 166, Nr. 354; S. 169–170, Nr. 399; S. 170, Nr. 403; S. 170, Nr. 413; S. 172, Nr. 426; S. 173, Tab. XVIII, Nr. 444; Thomas C., Op. cit. P. 18–22; Cvetković B. Op. cit. P. 238–241.

²² Ehrental M. Op. cit. S. 17, Nr.79; Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie z X–XV w. Warszawa, 1984. S. 164, Nr. 330; Gamber O., Beaufort C. Op. cit. S. 117–118, Abb. 58, Inv. nr. A 1135.

²³ Wegeli R. Op. cit. S. 16; Glosek M. Znaki i napisy na miechach sredniowiecznych w Polsce. Wrocław, 1973. S. 42, 45; Thomas C. Op. cit. P. 18–22.

²⁴ Wegeli R. Op. cit. S. 16, Nr. 144; Schneider H., Op. cit. S. 39, Nr. 48; Glosek M. Miecze srodkowoeuropejskie z X–XV w. Warszawa, 1984. S. 164, Tab. XIV, Nr. 330.

²⁵ Glosek M. Znaki i napisy na miechach sredniowiecznych w Polsce. Wrocław, 1973. S. 42,45; Стрельченко А.В. Немецкий меч XV века из Белоруссии // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 202.

²⁶ Шабуньдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 50, 52.

Приложение №1. Метрическая и весовая характеристики меча из Белза

Длина общая (мм)		360
Клинок	Длина клинка (мм)	95
	Ширина клинка у крестовины (мм)	53
	Ширина дола у крестовины (мм)	14
	Толщина клинка у крестовины (мм)	7
Крестовина	Длина крестовины (мм)	176
	Высота крестовины в середине (мм)	12
	Высота крестовины на концах (мм)	18 (15)
	Толщина крестовины в середине (мм)	24
	Толщина крестовины на концах (мм)	15 (12)
Навершие	Высота навершия (мм)	60
	Ширина навершия (мм)	66
	Толщина навершия в середине (мм)	28
	Толщина навершия по краю (мм)	15 (16)
Хвостовик	Длина хвостовика (мм)	200
	Ширина у крестовины (мм)	29
	Ширина у навершия (мм)	17
	Толщина хвостовика у крестовины (мм)	8
	Толщина хвостовика у навершия (мм)	6
Вес общий (г)		1044

Приложение №2. Метрические характеристики эфесов мечей «стиль Радомля»

	Белз	Радомля	Кицмань
Крестовина, длина (мм)	176	178	190
Хвостовик рукояти, длина (мм)	200	195	204
Навершие, высота x ширина (мм)	60 x 66	54 x 65	62 x 76

Рис. 1. Находки мечей с эфесом «Радомля-Белз».

Рис. 2. Фрагмент меча, г. Белз, Львовская область, Украина.

Рис. 3. Клеймо на мече из Белза (фото и прорисовка).

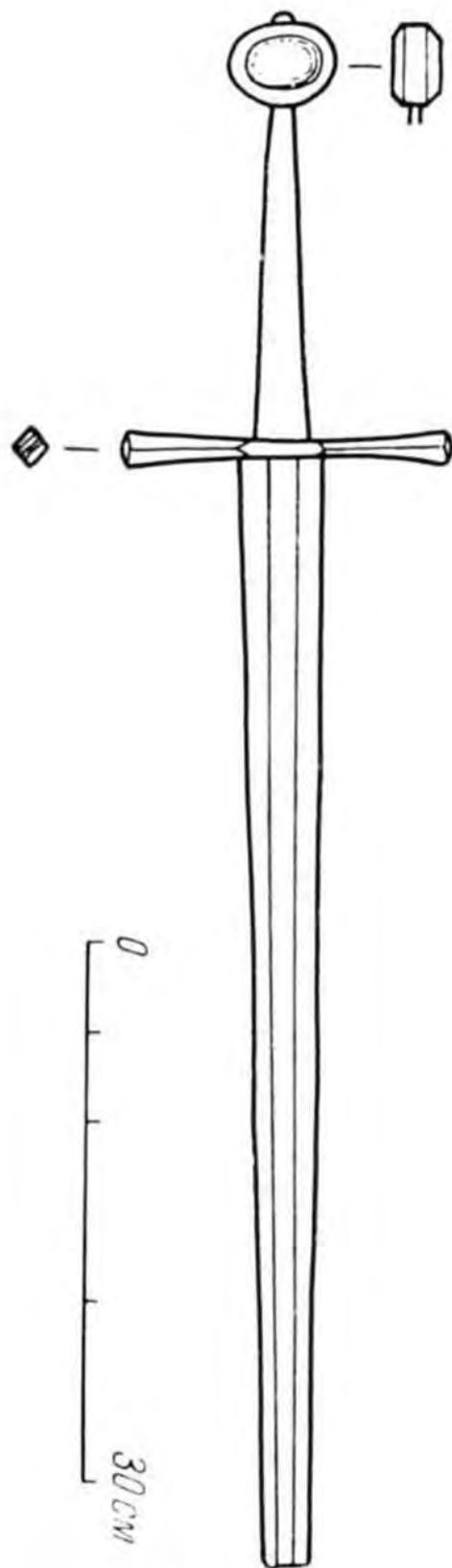

Рис. 4. Меч, с. Радомля (Рыдомля), Тернопольская область, Украина.

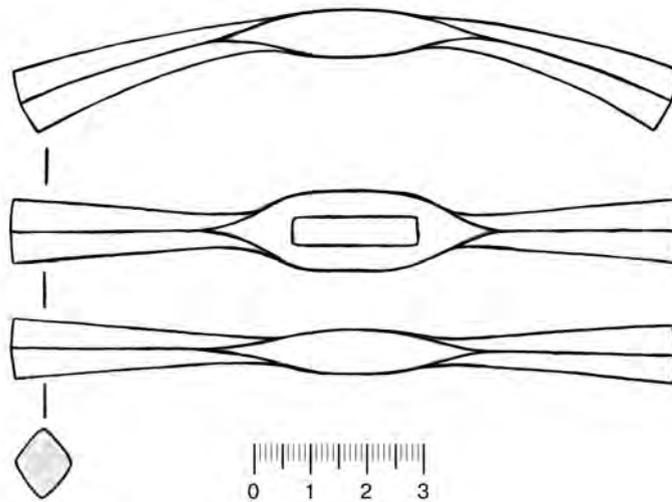

Рис. 5. Крестовина эфесов «Радомля-Белз».

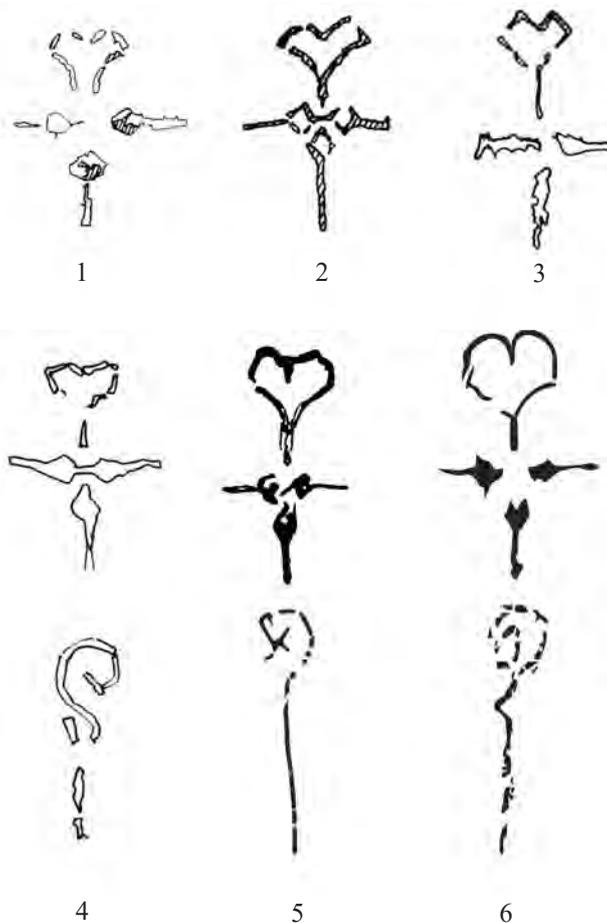

Рис. 6. 1 – частная коллекция (Англия), середина XIV в.; 2 – Швейцарский земельный музей (Цюрих), инв. № LM 10117, вторая половина XIV – первая четверть XV вв; 3 – Военный музей Турции (Стамбул), инв. №2417, середина – вторая половина XIV в.; 4 – Исторический музей (Берн), инв. № 840.4, середина – вторая половина XIV в.; 5 – с. Радомля, XIV – начало XV вв.; 6 – окрестности города Черновцы, Украина, середина XIV – первая треть XV вв.

НАХОДКИ ДЕТАЛЕЙ АРБАЛЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАМКОВОЙ ГОРЫ В ГРОДНО

УДК 903.223+623.446.4(476)

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.77-88

© 2018 г. Плавинский Н.А. (plavinsky_arc@mail.ru)
Белорусский государственный университет, Минск
© 2018 г. Кизюкевич Н.А. (natallia_kiziukevich@tut.by)
Гродненский государственный историко-археологический музей, Гродно
© 2018 г. Плавинский В.А. (plavinsky_v@mail.ru)
Белорусский государственный университет, Минск

Резюме: В ходе исследований Замковой горы в Гродно собрана самая представительная коллекция деталей арбалетов на территории Беларуси. Находки из Замковой горы представляют особую ценность, так как их можно рассматривать в качестве оружия, которое использовалось воинами замкового гарнизона. Соответственно, они представляют собой ценный источник для характеристики вооружения Великого княжества Литовского конца XIV–XV вв. В особенности это касается заготовки «ореха», найденной в 2015 г. Данная находка, несомненно, не только подтверждает использование арбалетов гарнизоном замка, но и свидетельствует о возможности их местного изготовления, или, по крайней мере, ремонта.

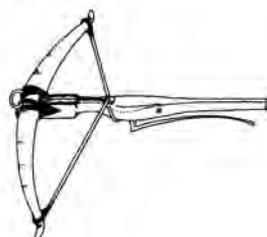
Ключевые слова: Замковая гора в Гродно, Великое княжество Литовское, оружие дальнего боя, арбалет.

Founds of Crossbows Details on the Territory of the Castle Hill in Hrodna.

© 2018 Plavinsky N.A. (plavinsky_arc@mail.ru)
© 2018 Kiziukevich N.A. (natallia_kiziukevich@tut.by)
© 2018 Plavinsky V.A. (plavinsky_v@mail.ru)

Resume: During the excavation of Castle Hill in Hrodna was collected the most representative collection of crossbows details on the territory of Belarus. Finds from the Castle Hill are of particular value, because they can be considered as a weapon, which was used by the soldiers of the castle garrison and, accordingly, they represent a valuable source for the characterization of the 14th–15th centuries weapons of the Grand duchy of Lithuania. This applies particularly to the workpiece of «nut» found in 2015. This finding not only confirms the use of the crossbows by the castle garrison but also indicates the possibility of their local manufacturing or at least repair.

Key words: Castle Hill in Hrodna, Grand duchy of Lithuania, throwing weapons, crossbow.

Арбалет является характерным элементом западноевропейского средневекового вооружения и, фактически, одним из символов эпохи Средневековья. Вместе с тем, на территории Восточной Европы использование арбалетов фиксируется достаточно поздно по сравнению с регионами «классического европейского рыцарства» и является очевидным военно-техническим заимствованием. Причем, можно достаточно уверенно предполагать, что в большинстве регионов, входивших на протяжении X–XIII вв. в состав древнерусской территории, это заимствование не приобрело в средневековое время сколько-нибудь заметной популярности. Несколько иная картина распространения арбалетов в комплексе вооружения фиксируется на современной территории Беларуси. На протяжении второй половины XIII–XIV вв. белорусские земли постепенно вовлекаются в орбиту нового государственного объединения – Великого княжества Литовского, что ведет к изменению их военно-политической ориентации и постепенной эволюции комплекса вооружения. Эта эволюция шла по пути внедрения в комплекс боевых средств местного населения отдельных западно- и центральноевропейских элементов наступательного и защитного вооружения. Следует отметить, что этот процесс особенно ярко фиксируется на основании археологических находок именно элементов арбалетного вооружения – наконечников арбалетных болтов и деталей самих арбалетов. Вместе с тем, находки деталей арбалетов на территории Беларуси остаются крайне немногочисленными,

что требует самого пристального внимания к каждому новому артефакту и тщательного изучения выявленных ранее предметов.

Существующую литературу, посвященную находкам арбалетного вооружения с территории Беларуси, нельзя назвать обширной. Базовой работой по данному вопросу остается фундаментальное исследование древнерусского оружия дальнего боя VIII–XIV вв., осуществленное А.Ф. Медведевым¹. Среди прочих находок автор обобщил сведения об известных к концу 1950-х – началу 1960-х гг. болтах и деталях арбалетов, происходивших с территории Беларуси². Значительное внимание изучению свидетельств использования арбалетов в Восточной Европе уделено в своей монографии, посвященной военному делу на Руси в XIII–XV вв., А.Н. Кирпичников³.

Кроме основополагающих работ А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова, следует упомянуть статью Ю.Н. Бохана, посвященную использованию арбалетов в Великом княжестве Литовском в XIV–XVI вв. Отметим, что Ю.Н. Бохан в своей работе в основном рассматривает письменные источники, а археологические материалы фактически использует в качестве иллюстративного материала. Находки арбалетных болтов автор вообще не рассматривает⁴. В дальнейшем Ю.Н. Бохан неоднократно воспроизводил текст статьи об арбалетах в своих монографиях по истории вооружения населения Беларуси XIV–XVI вв.⁵ Отметим, что выборочный подход к анализу источников (преимущественное и не всегда критическое использование письменных

¹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук и стрелы, самострел) / САИ. Вып. Е1–36. М., 1966.

² Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. С. 90–96.

³ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 67–71.

⁴ Бохан Ю.М. Арбалеты ў Вялікім Княстве Літоўскім у XIV–XVI ст. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 3. Мн., 2001. С. 214–217.

⁵ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мн., 2002. С. 172–177; Бохан Ю.М. Вайсковая

данных) привёл Ю.Н. Бохана к дискуссионному выводу о том, что «письменные источники до конца XV в. дают значительно больше информации об использовании в Великом княжестве Литовском арбалетов, чем луков, что свидетельствует о той важной роли, которая отводилась именно этому виду метательного оружия»⁶. Наконец, данные о находках арбалетных болтов с территории Беларуси были обобщены одним из авторов данного сообщения⁷. Кроме того, им же была проанализирована самая представительная на территории Беларуси коллекция арбалетных болтов из раскопок городища и селища Прудники Миорского района Витебской области⁸.

Что касается других регионов Великого Княжества Литовского, можно утверждать, что на данный момент наилучшим образом изучена история арбалетного вооружения с территории современной Литвы. В своей монографии, посвященной литовскому оружию дальнего боя XIII–XVI вв., Г. Рацкявичюс обобщил и систематизировал находки деталей арбалетов и арбалетных болтов⁹. Кроме того, автор посвятил несколько отдельных публикаций находкам арбалетного вооружения из раскопок в Вильнюсе¹⁰. В последние годы появился ряд работ, посвященных находкам арбалетного вооружения с территории Западной Украины, в частности, Буковины и Побужья¹¹.

Обратимся к находкам деталей арбалетов из раскопок Замковой горы в Гродно. Толчком к подготовке данного сообщения стало выявление в ходе раскопок 2015 г. заготовки детали спускового механизма арбалета – так называемого «ореха» (рис. 1). находка 2015 г. стала уже пятой деталью арбалета, выявленной в ходе изучения Гродненской Замковой горы. До этого, в культурном слое памятника уже были найдены два «ореха» и два фрагментированные фиксатора арбалетных стрел. Таким образом, на данный момент в ходе исследований Замковой горы в Гродно собрана самая представительная коллекция деталей арбалетов на территории Беларуси. Второе место после Гродно занимает Брест, где найдены два «ореха», один фрагментированный фиксатор для стрел и один конец арбалетного лука с пазами для тетивы¹². находки из Замковой горы в Гродно представляют особую ценность в связи с тем, что, насколько можно судить, они не связаны с какими-либо слоями сожжения или иными следами военных катастроф, что позволяет рассматривать их в качестве оружия, которое использовалось воинами замкового гарнизона. Соответственно, данные находки могут быть с определенной степенью уверенности привлечены для характеристики арбалетов, использовавшихся в военной практике Великого княжества Литовского конца

справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мн., 2008. С. 222–229.

⁶ Бохан Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мн., 2008. С. 224.

⁷ Плавинский В.А. Арбалет в комплексе вооружения XIII–XV вв. на территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 59-го заседания. М.–СПб., 2014. С. 329–342.

⁸ Плавинский В.А. О времени появления арбалета на западе Белорусского Подвинья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 57-го заседания. М.–Псков, 2011. С. 210–224.

⁹ Rakevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius, 2002.

¹⁰ Rakevičius G. Arbaletų strėlės laikikliai iš Vilniaus pilies // Lietuvos archeologija. T. 21. Vilnius, 2001. P. 375–382; Рацкявичюс Г. Стрелки из Генуи (Genewel) при осаде Вильнюсского замка в 1394 году // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. С. 104–112.

¹¹ Виноградська Л.І. Предмети озброєння та обладунків XIV–XV ст. з розкопок замків на Побужжі // Держава та армія. № 571. Львів, 2006. С. 74–84; Пивоваров С.В. Арбалетне озброєння в середньовічних старожитностях Буковини // Держава та армія. № 571. Львів, 2006. С. 24–30; Кучинко М., Савицький В. Наконечники стріл лука та арбалета з Перемиля княжої доби (за матеріалами з фондів Волинського краєзнавчого музею) // Волинський музейний вісник. Вип. 2. Луцьк, 2010. С. 136–149.

¹² Лысенко П.Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 224, 283, рис. 194:2–3, 11–12.

XIV–XV вв. В особенности это касается заготовки «ореха», найденной в 2015 г.

Археологические исследования на территории Замковой горы в Гродно начались под руководством Ю. Йодковского в конце 1931 г. После его отстранения от работ в 1934 г., в 1937–1939 гг. раскопками руководил З. Дурчевский. В 1949 г. экспедиция ленинградского отделения ИИМК АН СССР под руководством Н.Н. Ворониной закончила исследования в пределах территории раскопок 1932–1939 гг. В 1970 – начале 1980-х гг. на Замковой горе были проведены небольшие исследования под руководством Я.Г. Зверуги и М.А. Ткачова. С 1977 г. начались исследования замка, проводившиеся археологической экспедицией объединения «Белреставрация» под руководством О.А. Трусова. Они продолжались в 1981 и в 1985–88 гг.¹³ В 2014–2015 гг. исследования на Замковой горе были возобновлены экспедицией Гродненского государственного историко-археологического музея под руководством Н.А. Кизюкевич (рис. 1).

Заготовка «ореха», найденная в 2015 г.¹⁴, сделана из плотного рога (рис. 2: 3). На одной из плоских сторон хорошо видны радиальные следы от обточки на токарном станке. Другая плоская сторона пористая, следы от обработки на токарном станке прослеживаются слабо. Диаметр заготовки – 3,4 см, её толщина – 2–2,1 см, диаметр полукруглого выреза для удержания тетивы – 1,7 см. Диаметр перпендикулярного сквозного отверстия для крепления «ореха» в ложе арбалета –

0,6 см. О том, что перед нами не готовое изделие, а его заготовка, говорят две особенности: в нём не был пропилен продольный паз, предназначенный для прокручивания «ореха» при спуске железного рычага, и отверстие, в которое этот рычаг вставлялся (рис. 4: 2). Исходя из стратиграфических данных, находка связана с расчисткой одного из пожаров конца XIV в. и строительством каменного замка и, соответственно, может быть датирована концом XIV – началом XV вв.

Первый арбалетный «орех» был найден на территории Замковой горы в 1937 г.¹⁵ Находка была опубликована и верно интерпретирована в качестве детали арбалета Н.Н. Ворониным¹⁶. После этого точное описание и правильная интерпретация предмета были предложены А.Ф. Медведевым, который датировал находку XIII–XIV вв.¹⁷ Предмет изготовлен из плотного рога. На обеих его плоских сторонах заметны следы от обработки на токарном станке. «Орех» отличается достаточно миниатюрными размерами: его диаметр – 2,5 см, толщина – 1,5 см, диаметр полукруглого выреза для удержания тетивы – 1,4 см, диаметр перпендикулярного сквозного отверстия для крепления «ореха» в ложе арбалета – 0,4 см (рис. 2: 1). Общий вид «ореха» оставляет впечатление его сильной изношенности. Внутри «ореха» сохранился конец сильно корродированного рычага спускового механизма. Сохранившийся фрагмент имеет близкое к квадратному сечению (0,8×0,6 см). Исходя из современных представлений о хронологии культур-

¹³Трусаў А.А., Собаль В.Е., Здановіч Н.І. Стары замак у Гродне XI–XVIII ст.: гісторыка-археалагічны нарыс. Мн., 1993. С. 14.

¹⁴Полевой шифр – Гр., Ст. 3. – 2015, Ш. 13, пл. 11, кв. А3, № 322.

¹⁵Полевой шифр – Grodna Stary Zamak, 167; ГГИАМ, КП 324.

¹⁶Воронин Н.Н. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) / Материалы и исследования по археологии СССР. №. 41. М., 1954. Рис. 88:18.

¹⁷Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук и стрелы, самострел) / САИ. Вып. Е1–36. М., 1966. С. 93.

ных слоёв Замковой горы, датировка артефакта может быть определена в рамках конца XIV–XV вв.

Второй «орех» был обнаружен в 1986 г. экспедицией под руководством О.А. Трусова¹⁸. В публикации, посвященной результатам раскопок 1977–1981 гг. и 1985–1988 гг., данный предмет был правильно интерпретирован в качестве детали спускового механизма арбалета и датирован XIV в.¹⁹ «Орех» изготовлен из пористого рога (рис. 2: 2). Его диаметр – 3,3 см, толщина – 2,2–2,4 см, диаметр полукруглого выреза для удержания тетивы – 1,5 см. Диаметр перпендикулярного сквозного отверстия для крепления «ореха» в ложе арбалета – 0,4 см. Внутри «ореха» сохранился конец сильно корродированного рычага спускового механизма. Сохранившийся фрагмент имеет прямоугольное сечение (1,5×1 см).

Первый фрагмент фиксатора арбалетных стрел был найден в 1932–1934 гг.²⁰ Фиксатор был изготовлен из роговой пластинки. Фрагмент обломан с одной стороны, он имеет длину 13 см и ширину 2,8 см (рис. 3: 1). Толщина фиксатора составляет 0,4 см и увеличивается до 0,9 см у сохранившегося края, прилегавшего к арбалетному луку. У этого же края имеется два отверстия диаметром 0,5 см, предназначенные для крепления фиксатора к ложу арбалета. С внешней стороны поверхность фрагмента фиксатора хорошо заполирована. С внутренней стороны пластинки видны следы пористой

структуры рога, из которого она была изготовлена. Кроме того, вдоль длинных краёв резцом было проделано по несколько глубоких параллельных бороздок, предназначенных для лучшего сцепления фиксатора с ложем арбалета при склейке. К сожалению, информация о стратиграфическом положении находки отсутствует.

Второй фрагмент фиксатора происходит из раскопок З. Дурчевского 1938 г. Он был найден в осыпавшемся профиле раскопа Ю. Йодковского (раскоп был доведен до пластов середины XII в.)²¹. Фиксатор сделан из роговой пластинки, обломанной с двух сторон (рис. 3: 2). Длина фрагмента – 8,4 см, его ширина – 2,4 см, толщина – 0,3–0,4 см. С внешней стороны поверхность фрагмента фиксатора хорошо заполирована. Внутренняя поверхность пластинки покрыта параллельными бороздками для лучшего сцепления фиксатора с ложем арбалета при склейке. Учитывая обстоятельства выявления находки, ее датировка по стратиграфическим данным не представляется возможной.

Обратимся к рассмотрению восточноевропейских аналогий «орехам» и фиксаторам, найденным в ходе раскопок Замковой горы в Гродно. На территории Великого княжества Литовского находки арбалетных «орехов» на данный момент относительно немногочисленны (рис. 5). Белорусские находки, кроме гродненских, ограничиваются всего двумя экземплярами XV в. из раскопок в Бресте²². Доста-

¹⁸ Полевой шифр – Гр., Ст. 3-86, раскоп II, пласт 13, кв. 10 № 196; ГГИАМ, КП 30846/74. Орех был найден во втором строительном ярусе в границах замкнутого двора, который с севера и запада был ограничен постройками II-1-2, II-II-2 и II-III-2, а с востока и юга – частоколом из колотых плах и небольшими воротами. Второй строительный ярус по данным дендрохронологии датируется 1409 г. Дендрохронологический анализ был выполнен в дендролоборатории Института археологии АН СССР в Москве (Трусов О.А. Археологический отчет о проведении археологических раскопок на территории Старого замка в г. Гродно в 1986 г. / Фонды УК «Гродненский государственный историко-археологический музей». КП 30792/1. С. 124–125; Трусаў А.А., Собаль В.Е., Здановіч Н.І. Стары замак у Гродне XI–XVIII ст.: гісторыка-археалагічны нарыс. Мн., 1993. С. 35).

¹⁹ Трусаў А.А., Собаль В.Е., Здановіч Н.І. Стары замак у Гродне. С. 72, мал. 102: 5.

²⁰ ГГИАМ, КП 3120.

²¹ ГГИАМ, КП 2747/3.

точно представительная серия «орехов» второй половины XIV – первой половины XV в. происходит из Вильнюса²³. Два «ореха» известны из раскопок «горы королевы Боны» в Сураже (Белостокский повет Подляшского воеводства Польши), проведенных Ю. Йодковским в 1936 г.²⁴ Можно упомянуть также два «ореха», найденных в Пскове²⁵. Один из них происходит из Петровских VIII–IX раскопок 2007–2008 гг. и увязывается с военной активностью крестоносцев – следами осады города в 1394 г.²⁶

Фрагменты фиксаторов арбалетных стрел из Замковой горы в Гродно находят себе ближайшие аналогии в материалах раскопок Вильнюсских замков и Бреста (рис. 6). Два подобных артефакта, датируемые второй половиной XIV – началом XV в. и XV–XVI вв., происходят из Верхнего замка в Вильнюсе. Ещё один фиксатор был найден в слое XV в. на Нижнем замке. Сразу несколько фрагментов фиксаторов второй половины XIV – первой половины

XV в. были найдены в ходе исследования мастерской по изготовлению арбалетов, расположенной рядом с Нижним замком²⁷. Один фиксатор найден в Бресте (датировка предмета в публикации не приведена)²⁸.

Таким образом, на данный момент в ходе исследований Замковой горы в Гродно собрана самая представительная коллекция деталей арбалетов на территории Беларуси. Находки из Замковой горы представляют особую ценность, так как их можно рассматривать в качестве оружия, которое использовалось воинами замкового гарнизона и, соответственно, они представляют собой ценный источник для характеристики вооружения Великого княжества Литовского конца XIV–XV в. В особенности это касается заготовки «ореха», найденной в 2015 г. Данная находка, несомненно, не только подтверждает использование арбалетов гарнизоном замка, но и свидетельствует о возможности их местного изготовления, или, по крайней мере, ремонта.

²² Лысенко П.Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 283, рис. 194: 2–3.

²³ Rakevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius, 2002. P. 30–32, 6 pav.

²⁴ Dziedzictwo archeologiczne Podlasia i Grodzieńszczyzny. Białystok, 2006. S. 13.

²⁵ Салмина Е., Салмин С. Детали арбалета (самострела) из Петровского XIII раскопа // Археологи рассказывают. Псков, 2014. С. 52, 55.

²⁶ Салмина Е.В. Работы на Петровских VIII–IX раскопах 2007–2008 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 55-го заседания. Псков, 2010. С. 40. Рис. 2:б.

²⁷ Rakevičius G. Arbaletų strėlės laikikliai iš Vilniaus pilies // Lietuvos archeologija. T. 21. Vilnius, 2001. P. 375–382; Rakevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius: Lietuvos pilys, 2002. 4 pav.

²⁸ Лысенко П.Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 283. Рис. 194:12.

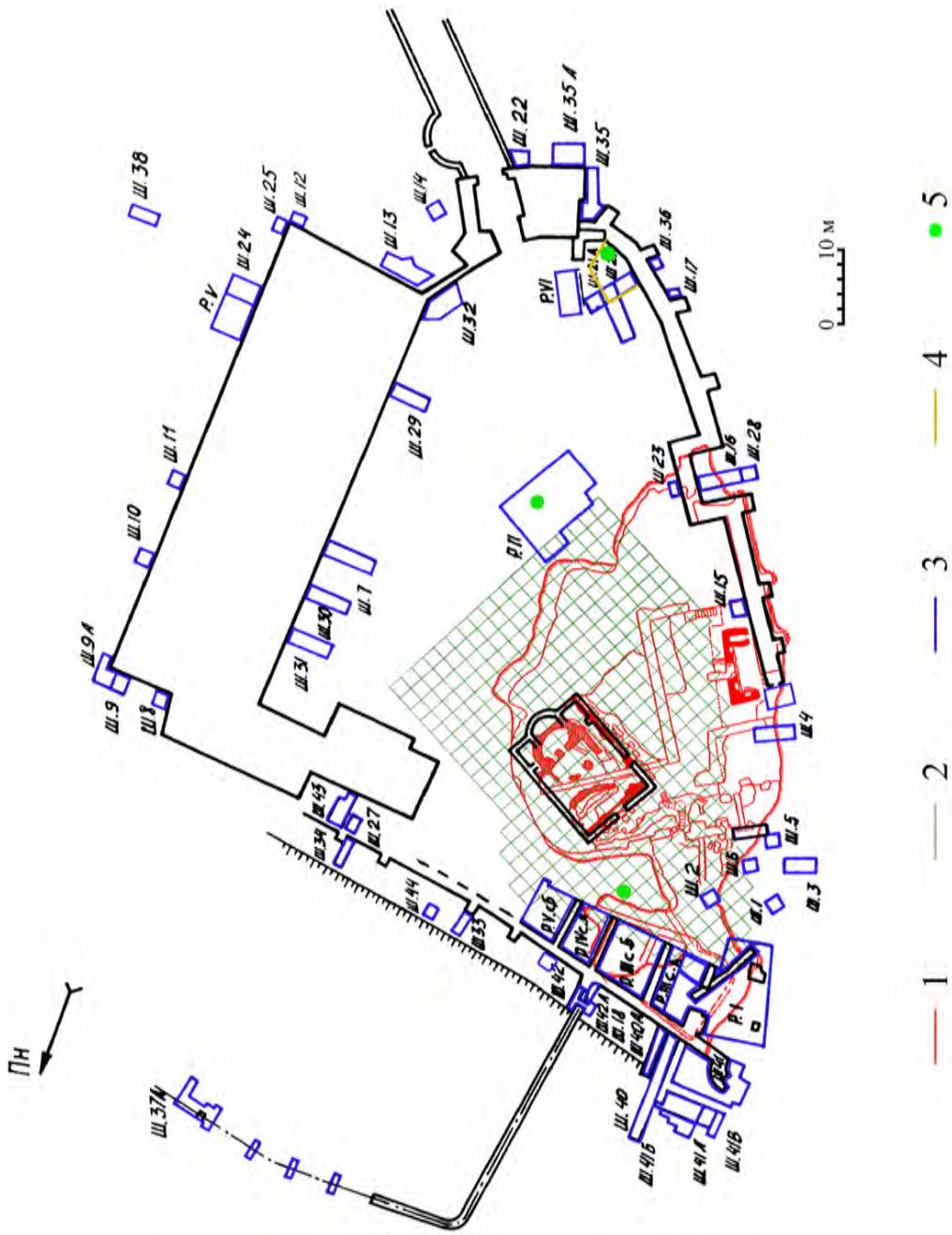

Рис. 1. План Замковой горы в Гродно с обозначением раскопок, шурфов и мест находки арбалетных «орехов»: 1 – план раскопок по состоянию на 1934 г., 2 – сетка раскопа 1937–1938 и 1949 гг., 3 – участки, исследованные в 1970–1980-е гг., 4 – Шурф № 13, 2015 г., 5 – места находок арбалетных «орехов» (рис. Н.А. Кизюкевич).

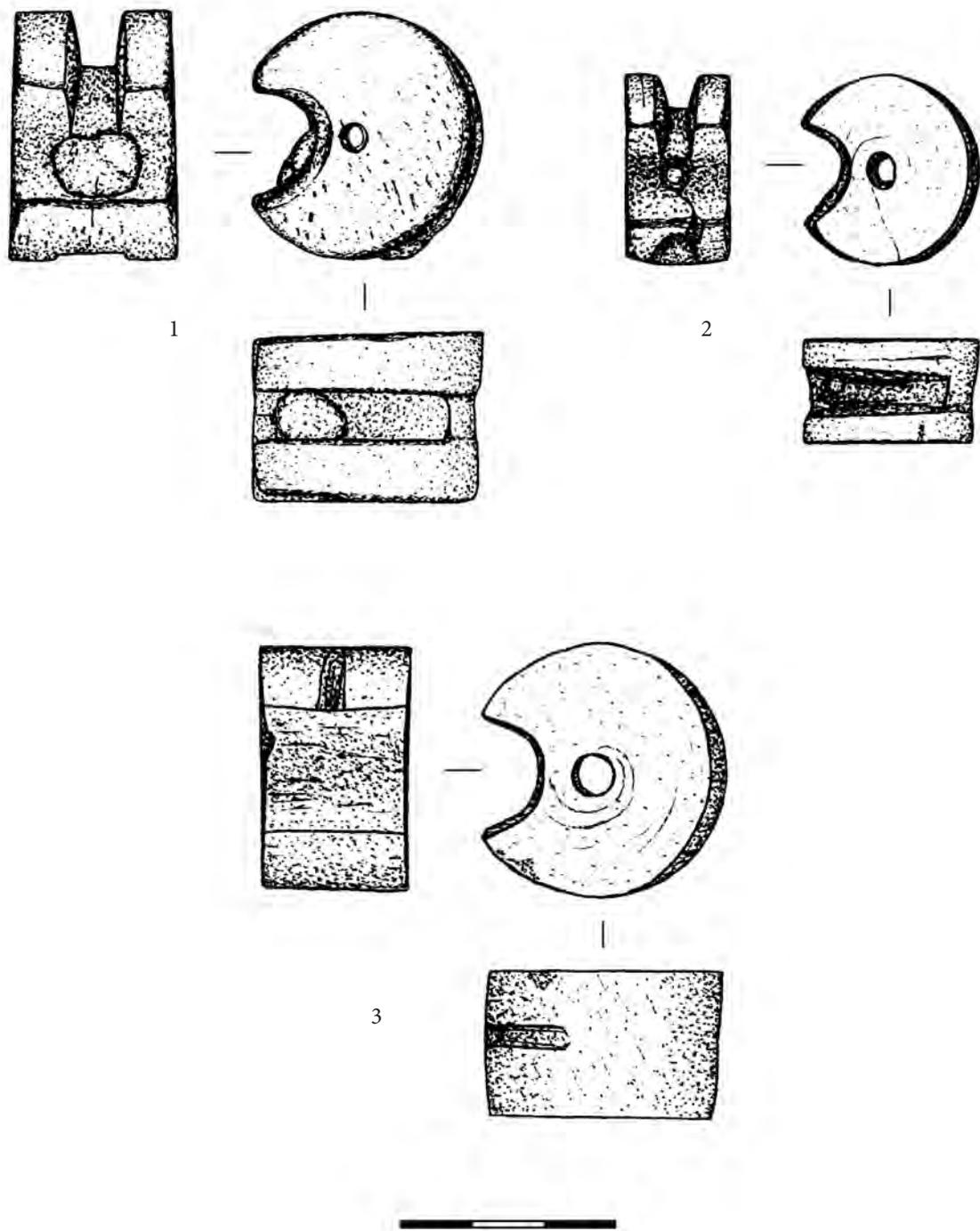

Рис. 2. Арбалетные «орехи» (1–2) и заготовка «ореха» (3) из раскопок Замковой горы в Гродно (рис. Н.А. Плавинского).

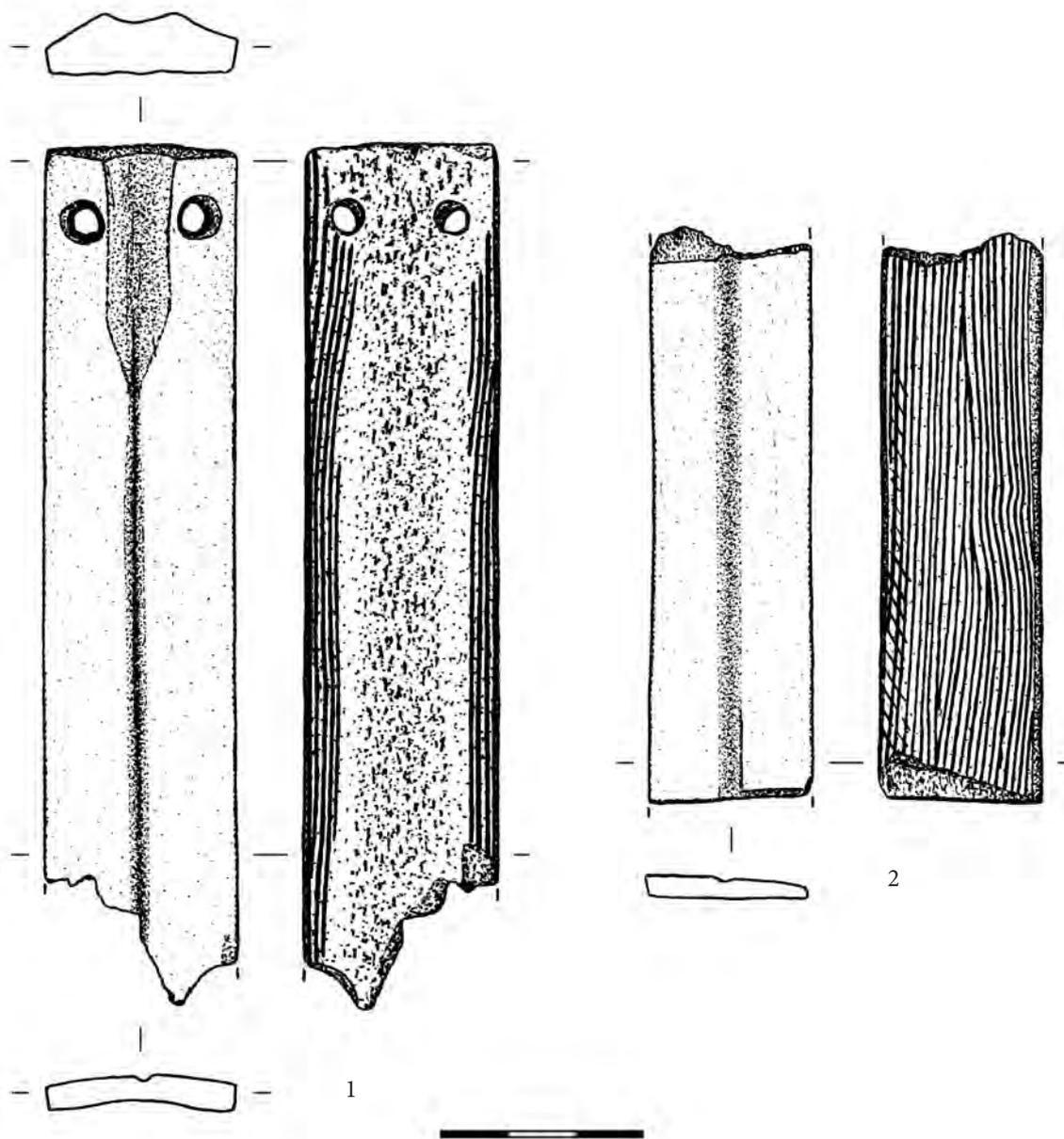

Рис. 3. Фрагментированные фиксаторы арбалетных стрел из раскопок Замковой горы в Гродно (рис. Н.А. Плавинского).

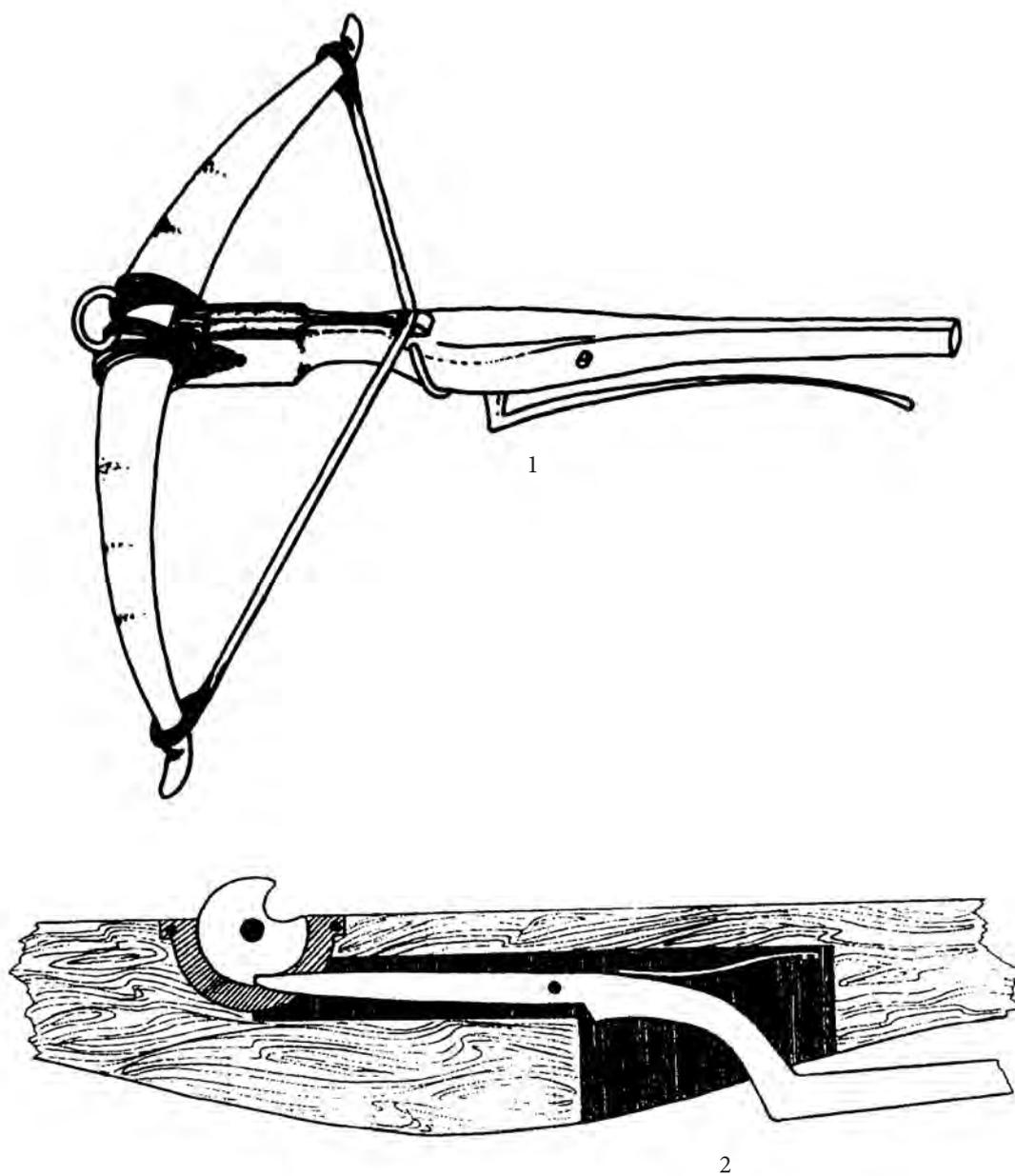

Рис. 4. Реконструкция арбалета (1) и арбалетного спускового механизма (2 (по Г. Рацкявичюсу)).

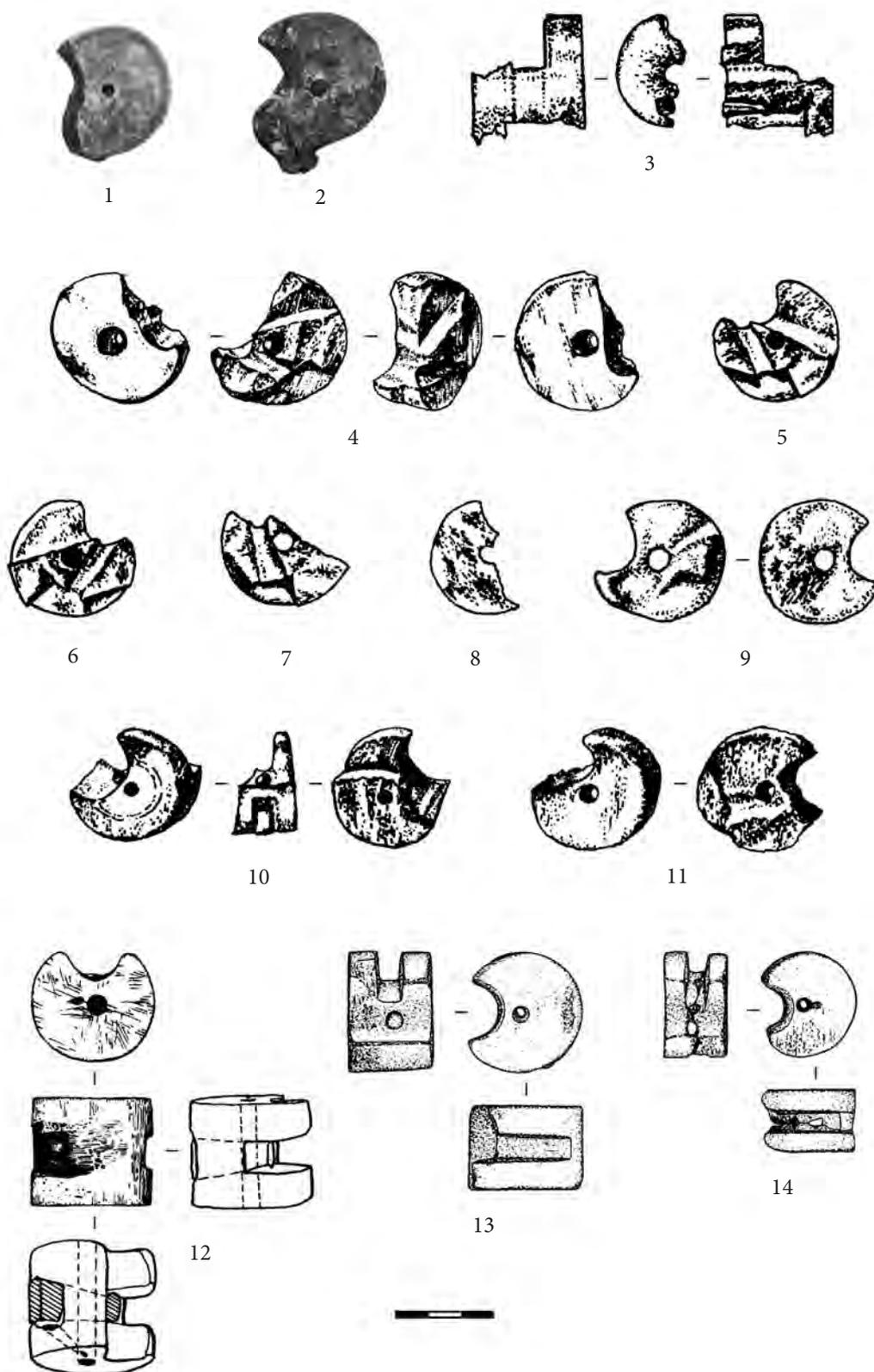

Рис. 5. Арбалетные «орехи»: 1–2 – Брест (XV в.), 3–11 – Вильнюс (вторая половина XIV – первая половина XV в.), 12 – Псков (конец XIV в.), 13–14 – Сураж (1–2 – по П.Ф. Лысенко, 3–11 – по Г. Рацкявичюсу, 12 – по Е.А. и С.А. Салминым, 13–14 – рис. Н.А. Плавинского).

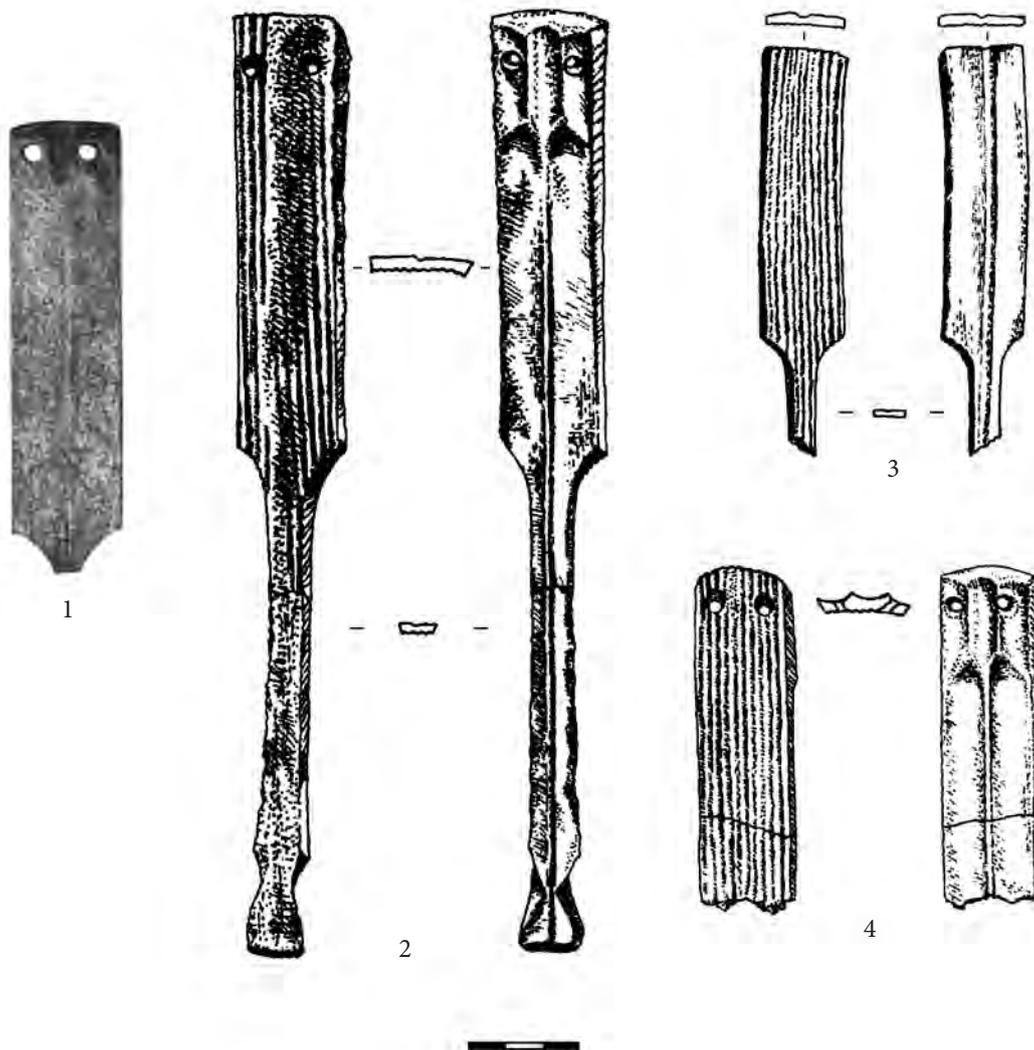

Рис. 6. Фиксаторы арбалетных стрел: 1 – Брест, 2–4 – Вильнюс (вторая половина XIV – первая половина XVI в. (1 – по П.Ф. Лысенко, 2–4 – по Г. Рацкявичюсу).

ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЕ КОЛЮЩЕ-РУБЯЩЕЕ КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ

УДК 903.227+623.444.1/27(571.63)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.89-107

© 2018 г. *Артемяева Н.Г. (artemieva_tg@list.ru)*
ИИАЭ ДВО РАН

Резюме: Исследование чжурчжэньских памятников на территории Приморья, относящихся к периоду государства Восточное Ся (1215–1233 гг.), дали возможность собрать интересную коллекцию предметов вооружения. Среди них большое количество относится к колюще-рубящим клинкам. По форме рукояти они делятся на два вида: рукоятное и древковое. В рукоятном клинковом оружии выделено шесть типов: палаши, сабля, кривой меч, короткий меч, широкий меч, меч-палица; в древковом – один: алебарда.

Оружие чжурчжэней развивалось на основе местных традиций с учетом новейших достижений в военном деле соседних народов, прежде всего киданей, китайцев и корёсцев. Следует при этом отметить, что чжурчжэни, заимствуя те или иные виды вооружения, как правило, совершенствовали его и даже создавали новые виды и формы оружия, которые впоследствии были заимствованы монголами, а через них многими другими народами Евразии.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Восточное Ся, Приморский край, Дальний Восток, предметы вооружения, клинковое оружие, палаши, сабля, кривой меч, короткий меч, широкий меч, меч-палица, алебарда.

Jurchen melee blade weapons

© 2018 *Artemyeva N.G. (artemieva_tg@list.ru)*

Resume: The research of Jurchen artefacts from the territory of Primorye which originate from the period of Eastern Xia (1215–1233) enabled to put together an interesting collection of armament items. A significant part of them are melee weapons. Regarding the shape of the handle they can be divided in two categories: grip and shaft weapons. Among grip blade weapons, six types were defined: backsword, sabre, curved sword, short sword, broad sword and mace sword. Among shaft blade weapons only one type was defined: halberd.

The weapons of Jurchens developed on the basis of local traditions with regard of recent armament innovations of the neighbouring peoples, predominantly Khitan, Chinese and Goryeo. It is worth noticing that by adopting different types of arms the Jurchens usually improved them and even created new types or shapes of weapons which were later adopted by the Mongols and through them by many other peoples of Eurasia.

Key words: Jurchen, Eastern Xia state, Primorye region, Far East, armament items, blade weapons, backsword, sabre, curved sword, short sword, broad sword, mace sword, halberd.

Чжурчжэни, предки маньчжуров, создав на Дальнем Востоке мощное государственное образование – империю Цзинь (1115–1234 гг.), вели постоянные войны за захват Северо-Восточного Китая и оборону своей страны. Они славились своей воинственностью, которая вырабатывалась благодаря соседству сильных и хорошо вооруженных врагов. В конце XIII в. чжурчжэньский военачальник Пусянь Ваньну выступил против династии и создал на территории современного Приморья государство Восточное Ся (1215–1233 гг.), которое было организовано накануне захвата империи монголами.

Более пятидесяти лет ведутся раскопки чжурчжэньских городищ в Приморье, при исследовании которых обнаружено большое количество вещевого материала. Особо выделяются предметы вооружения, которые дают почти полное представление обо всех видах цзиньского оружия. Быстро совершенствуя свое военное дело, чжурчжэни усложняли и свое вооружение, важное место в котором занимало колюще-рубящее оружие. Это оружие, несмотря на то, что входило в состав личного оружия чжурчжэньского воина в качестве наступательного вооружения, не является частой находкой на археологических памятниках. Изредка встречаются обломки клинков и гарды. Они обнаружены в жилищах, за пределами городских стен, под валами, в районе ворот. На Шайгинском городище палаш был спрятан в дымоходном канале отопительной системы кан вместе с копьём. Один меч найден при раскопках чжурчжэньского могильника.

Первое исследование чжурчжэньских мечей было проведено В.Э.Шав-

куновым¹. Давая описание двум предметам – сабли (назван палашом) и кончару, автор подчеркивал, что рубяще-колющее оружие являлось символом доблести и чести. Накопленный за последние два десятилетия материал заставляет вновь обратиться к этому виду оружия, создать его классификацию, описание, поставить вопрос о происхождении, определив сходство или отличие с аналогичными типами оружия в дальневосточном регионе в средние века. В статье использован материал, полученный из раскопок чжурчжэньских памятников Приморья, музеев Северо-Восточного Китая, а также из несанкционированных раскопок на территории края².

Проводя классификацию чжурчжэньского оружия, необходимо обратить внимание на существование разнообразия подходов при классификации, а также на выделение регионов, в которых сложились оригинальные комплексы вооружения. Чжурчжэньское оружие относится к дальневосточному региону, в котором китайская цивилизация, подарившая миру множество оригинальных образцов холодного оружия, влияла на самобытность комплекса вооружения. Хорошо прослеживается взаимопроникновение в комплекс вооружения чжурчжэней китайских традиций. Материалы, полученные из чжурчжэньских памятников Приморья, обладают чистотой культурного содержания и ясно выраженными локальными особенностями, поэтому они могут считаться настоящими образцами чжурчжэньского оружия.

В настоящее время существует много типологических схем колюще-рубящего оружия, в которых предлагаются разные типопределяющие признаки,

¹ Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток, 1993. С. 50–55.

² Барчевский С., Добридень С. Клинки Золотой империи // Оружие. № 7. М., 2012. С. 42–48.

что не позволяет дать четкого определения восточному оружию. Наиболее приемлемая систематизация для чжурчжэньского оружия – это классификация, предложенная С.Е. Мясищевым, разработанная на материале коллекции китайского однолезвийного оружия из фондов ВИМАИВиВС³. Функциональные особенности клинка зависят от его формы, поэтому в основу классификации положен именно этот принцип.

При классификации колюще-рубящего оружия дальневосточного региона исследователи сталкиваются с трудностями терминологии. Соотносят определенные образцы с китайским оружием, используют собственно китайские обозначения, а также одновременно приводят китайские и русские термины или переводы китайских названий⁴. Подобные подходы создают путаницу в названиях. Это можно проследить на примере иероглифа «дао», который входит в название многих видов оружия. Он обозначает нож, саблю и древковое оружие. Чтобы избежать подобной путаницы, проводя классификацию чжурчжэньского клинкового оружия, мы предлагаем использовать русскоязычную оружейно-терминологию.

А. Клинковое оружие

В клинковом оружии боевая часть – клинок, превосходит по длине рукоять. Этот тип оружия делится на два основных вида – однолезвийное и двулезвийное. Определяющей чертой для двулезвийного оружия является клинок, несущий симметричную заточку, то есть имеющий два лезвия. На клинках же однолезвийного оружия можно выделить лезвие – заточенную кромку, и обух – незаточенную часть клинка. На некоторых образцах однолезвийно-

го оружия присутствует елмань – заточенный участок обуха, но в любом случае, заточка однолезвийных клинков всегда асимметрична. Этот тип оружия использовался при рубяще-колющем ударе.

В чжурчжэньском клинковом оружии сейчас выделяются шесть типов: палаш, сабля, кривой меч, короткий меч, широкий меч, меч-«палица».

А.1. Палаш имеет прямой, однолезвийный клинок, сужающийся к острию, в сечении – равнобедренный треугольник (рис. 1: 1). Этот тип клинкового оружия состоит из клинка, черена – основы рукояти, гарды, обоймицы для стягивания рукояти, заклепки в верхней части черена для фиксации рукояти и оковки или муфты сложной формы в виде язычка (тунькоу) или обоймицы, удерживающую гарду от сползания на клинок (рис.1:6). В исследование включено шестнадцать экземпляров: из могильника Новоцкого(1), Шкляевского городища (2), городища Баличэн (пров. Хэйлундзян, КНР) (3), городища Баличэн (пров. Хэйлундзян, КНР) (4), волости Чансинсян уезда Болисянь пров. Хэйлундзянь (5), музея пров. Хэйлундзян (г. Харбин) (2 экз.) (6, 7), Шкляевского городища (8), Горнохуторского городища (9), Красноярского городища (10), Красноярского городища (11), Калининского городища (12), Новопокровского городища (13), Новопокровского городища (14), место находки не определено (15), городища Баличэн (пров. Хэйлундзян, КНР) (16).

1. Общая длина палаша 86 см, длина клинка 75 см, ширина лезвия у рукояти 3,5 см, у конца – 2,7 см, толщина 0,3–0,4 см (рис. 1: 5). Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы, шириной

³ Мясищев С.Е. Типология китайского однолезвийного оружия по материалам коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 282–288.

⁴ Барчевский С., Добридень С. Клинки Золотой империи.

2 см, которая плотно приварена к краю лезвия. Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 11 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина – 0,5 см. Она завершалась изогнутой накладкой эллипсовидной формы (4,7×1,8 см), толщиной 0,2 см. Через центральную часть этой накладки проделано отверстие, через которое пропускалась нижняя часть рукояти меча с деревянной обкладкой, после чего заклепывалась. С внешней стороны накладки ей придали форму ромба (2×1 см). По состоянию меча хорошо видно, что он находился в огне – во многих местах лезвие меча приобрело темно-малиновый цвет. Палаш обнаружен в согнутом состоянии, т.е. «умерщвленный».

2. Общая длина палаша 80 см, длина клинка 68 см, ширина лезвия у рукояти 3,0 см, у конца – 2,1 см, толщина 0,3–0,4 см (рис. 1: 2). Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 2 см и длиной 7 см, которая с одной стороны прижата гардой яйцевидной формы (7×5 см). Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 12 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина – 0,5 см со сквозным отверстием ближе к нижнему краю для крепления рукояти заклепкой. Со стороны гарды деревянная рукоять закреплялась обоймицей, а с конца черена – U-образной обкладкой, через сквозное отверстие которой проходил узкий край черена, расклепанный с внешней стороны. Вес палаша 1,5 кг.

3. Общая длина палаша 84 см, длина клинка 59 см, ширина лезвия у рукояти 5 см, у конца – 3 см, толщина 0,3–0,4 см (рис. 1: 4). Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3,9 см и длиной 10,3 см. Гарда прямоугольной

формы со скошенными углами, длиной 10 см, шириной 5 см. Рукоять откована в виде трапеции ссуженной к краю, со сквозным отверстием для крепления деревянной ручки.

4. Общая длина палаша 76 см, длина клинка 66 см, ширина лезвия у рукояти 3,5 см, у конца – 2 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 6 см. Рукоять откована в виде трапеции, суженной к краю, со сквозным отверстием для крепления деревянной ручки.

5. Общая длина палаша – 100 см, длина клинка – 85 см, ширина лезвия у рукояти – 3 см, у конца – 2 см. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю со сквозным отверстием для крепления деревянной ручки. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 7 см. Гарда круглой формы, диаметром 8 см. Это первая находка меча, на спинки которого почерком кайшу точно указаны год и место его изготовления: «Изготовлен в области Коуфу в 29-ом году Дадин» (1189 г.). «Дадин» это девиз правления цзиньского Ши-цзуна Ваньянь Юна⁵.

6. Общая длина палаша – 90 см, длина клинка – 75 см, ширина лезвия у рукояти – 3 см, у конца – 2 см. Спинка меча к концу плавно опускается, переходя к концу. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю со сквозным отверстием для крепления деревянной ручки. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 8 см. Гарда круглой формы с лепестковыми краями, диаметром 8 см.

7. Общая длина палаша – 109 см, длина клинка – 96 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, у конца – 3 см. Спинка меча к концу плавно опускается, пере-

⁵ Лю Цзиньэнь, Ван Сюань Исследование ляоско-цзиньского оружия // Бэйфан вэнь. Вып. 1. 2004. (на китайском языке).

ходя к концу. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю со сквозным отверстием для крепления деревянной ручки. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 4 см.

8. Общая длина палаша – 64 см, длина клинка – 52 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, в центральной части клинка – 3 см. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю.

9. Меч обнаружен в согнутом состоянии. Общая длина палаша – 58 см, длина клинка – 46 см, ширина лезвия у рукояти – 3 см. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю. Ее конец закреплен овальной клепкой. Гарда яйцевидной формы, длиной 7 см. Со стороны рукояти она закреплялась обоймицей шириной 2,5 см.

10. Общая длина палаша – 73 см, длина клинка – 59 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, в центральной части клинка – 3,5 см. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю и имеет небольшой наклон в сторону лезвия.

11. Общая длина палаша – 80 см, длина клинка – 68 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, у конца – 2,1 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу), шириной 2 см, длиной 6 см, которая с одной стороны прижата гардой яйцевидной формы (7×5 см). Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 12 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина 0,5 см со сквозным отверстием ближе к нижнему краю для крепления рукояти заклепкой, которая сохранилась в виде стержня с двумя шайбами. Со стороны гарды деревянная рукоять закреплялась круглой заклепкой в виде шайбы, через сквозное отверстие которой проходил узкий край черена, расклепанный с внешней стороны.

12. Общая длина палаша – 83 см, длина клинка – 69 см, ширина лезвия у

рукояти – 3,4 см, у конца – 3,2 см, толщина 0,3–0,4 см (рис. 3). Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 7 см, которая с одной стороны прижата гардой яйцевидной формы (7×5 см). Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 12 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина 0,5 см со сквозным отверстием ближе к нижнему краю для крепления рукояти заклепкой. Со стороны гарды деревянная рукоять закреплялась обоймицей, а с конца черена – U-образной обкладкой, край которой оформлен в виде рельефного листа. Через сквозное отверстие U-образной обкладки проходил узкий край черена, расклепанный с внешней стороны.

13. Общая длина палаша – 74 см, длина клинка – 58 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, в конце клинка – 3,5 см. Рукоять откована в виде трапеции суженной к краю. Ее длина 16 см. Гарда овальной формы, размерами 10×3 см.

14. Общая длина палаша – 81 см, длина клинка – 70 см, ширина лезвия у рукояти – 3,4 см, у конца – 3,2 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу) шириной 3 см и длиной 7 см, которая с одной стороны прижата гардой яйцевидной формы (7×5 см). Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 11 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина 0,5 см со сквозным отверстием ближе к нижнему краю для крепления рукояти заклепкой. Со стороны гарды деревянная рукоять закреплялась обоймицей.

15. Общая длина палаша – 84 см, длина клинка – 75 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, у конца – 3,2 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы, шириной 3 см, которая с одной стороны прижата гардой крестообразной формы,

длиной 12 см. Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 9 см, шириной 1,5 см, толщина 0,5 см. Край рукояти заканчивается изогнутым стержнем.

16. Общая длина палаша – 80 см, длина клинка – 70 см, ширина лезвия у рукояти – 4 см, у конца – 3,2 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия с одной стороны прижата гардой прямоугольной формы со скошенными краями (10×5 см). Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 10 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина 0,5 см.

Чжурчжэньские палаши – оружие офицеров цзиньской армии, все однолезвийные, с прямой спинкой клинка, размерами в среднем 70–90 см, ширина клинка 3–5 см, весом до 1,5 кг. Следует отметить, что клинки с гардами дополнялись фигурными «Г-образной» формы муфтами (тункоу), а без них – плотно припаянной обоймицей. Также замечена разница в оформлении края клинка. У мечей с гардами край клинка закруглялся со стороны лезвия, без гард – заужение шло со стороны лезвия и спинки. Палаши использовались для нанесения рубяще-режущих и колющих ударов.

А.2. Сабля – рубяще-колющее клинковое оружие с прямым и длинным клинком, конец которого расширен и загнут (рис. 2: 1). Из письменных источников известно, что «вооружение солдат отрядов состояло из длинных пик, копий с крючьями для стаскивания всадников из седел, сабель и арбалетов»⁶. Чжурчжэньские сабли характеризуются прямым клинком, изогнутым только в нижней части, $\frac{3}{4}$ клинка имеет одностороннюю заточку, заканчивается клинок елманью с двусторонней заточкой (рис. 2: 6).

Противоположная острию часть клинка оканчивалась прямым череном, на который монтировались детали рукояти – перекрестие, обоймицы для стягивания рукояти, заклепки в верхней части чрена для фиксации рукояти. Непосредственно под перекрестием на клинке монтировались муфты сложной формы в виде язычка (тункоу) или обоймицы (рис. 2: 4, 5). Вес сабель составлял около килограмма. При исследовании учтены шесть экземпляров сабель: из Шайгинского городища (17), Красноярского городища (18), Калининского городища (19, 20) (рис. 2: 2), Скалистого городища (21) (рис. 2: 3), Южно-Уссурийского городища (22).

17. Общая длина сабли – 97,5 см. Длина клинка от перекрестия до конца острия – 83,6 см. Клинок плоский, однолезвийный, ширина средней части 2,7 см. На расстоянии 66,6 см от перекрестия клинок расширяется, переходя в елмань, которая имела двустороннюю заточку, длиной 21 см. Ширина обуха клинка – 0,7 см. Место соединения клинка с рукоятью, со стороны лезвия, укреплено дополнительной железной накладкой в виде обоймицы шириной 1,5 см, переходящей в длинный язык длиной 9,8 см (тункоу). Перекрестие овальное в плане, размерами 11×4,5 см. Черен прямой, длиной 13,7 см, с двумя заклепками в виде небольших железных стерженьков с пластинчатыми шайбочками на концах. Один из концов верхней заклепки был снабжен петелькой со свободно вращающимся на ней колечком, в которое продевался темляк – ременная петля для закрепления оружия в руке. В верхней и нижней частях рукояти сохранились железные обоймицы, благодаря которым фиксировалась деревянная обкладка ручки. Навершие пластин-

⁶ Ларичев В.Е. Навершие памятника князю Золотой империи // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 216.

чатое, овальной формы, размерами 2,5×1,8 см. Вес палаша без деревянной обкладки рукояти составляет 930 г.

18. Общая длина сабли – 96 см. Длина клинка от перекрестия до конца острия – 84 см. Клинок плоский, однолезвийный, ширина средней части – 3,2 см. На расстоянии 62 см от перекрестия клинок расширяется, переходя в елмань, которая имела двустороннюю заточку. Ширина обуха клинка – 0,7 см. Место соединения клинка с рукоятью, со стороны лезвия, укреплено дополнительной железной накладкой в виде обоймицы шириной 1,5 см, переходящей в длинный язык длиной 9,8 см (тункоу). Гарда овальная в плане, размерами 11×4,3 см. Черен прямой, длиной 12,5 см, с двумя заклепками в виде небольших железных стерженьков с пластинчатыми шайбочками на концах. В нижней части рукояти сохранились железные обоймица для фиксации деревянной обкладки ручки. Навершие пластинчатое, овальной формы, размерами 2,5×1,8 см.

19. Общая длина сабли – 92 см. Длина клинка – 80 см, рукояти – 12 см. Клинок у основания имеет ширину 3,5 см. Толщина обуха – 0,6 см. Последняя треть клинка имеет изгиб вверх, двустороннюю заточку – елмань. Нижняя часть клинка укреплена тункоу, длиной около 12 см. Черен прямой, с отверстием в нижней части, заканчивается плоской шайбой. Деревянная рукоять закреплялась двумя шайбами. Гарда овальная, восьмигранная, длиной 10 см.

20. Общая длина сабли – 95 см, клинка – 82 см. Основание клинка – 3,5 см. Толщина обуха – 0,6 см. Верхняя часть клинка имеет изгиб. На месте перехода клинка в елмань сделана ступенька-изгиб. Черен прямой с треугольным концом.

21. Общая длина сабли – 80 см, длина клинка – 68 см, ширина лезвия у

рукояти – 3,4 см, у конца – 3,2 см, толщина 0,3–0,4 см. Нижняя часть лезвия оформлена в виде обоймицы с язычком (тункоу), шириной 3 см, длиной 7 см, которая с одной стороны прижата гардой прямоугольной формы (7×5 см). Один (длинный) край гарды оформлен фестонами. Рукоять меча выкована в виде удлиненной трапеции, длиной 12 см, ширина узкого края – 0,5 см, длинного – 1,5 см, толщина – 0,5 см. Конец рукояти у сквозного отверстия обломан.

22. Общая длина – 72 см, длина клинка – 62 см. Толщина клинка – 3 см. Верхняя часть клинка – елмань – имеет подъем вверх и двустороннюю заточку. Нижняя часть клинка оформлена железной обоймицей, шириной 2 см. Черен прямой, заканчивается сквозным отверстием.

Чжурчжэньские сабли легче палашей и их клинок немного тоньше. Оформление же рукояти и формы гарды у них аналогичны.

А.3. Кривой меч (23) был обнаружен в антикварной лавке «Цзиньюань» в районе Ачэн, пров. Хэйлудзянь, датируется цзиньским временем (рис.3). Меч имел серпообразный клинок, с односторонней заточкой. Общая длина меча – 70 см, длина клинка – 60 см, ширина – 3 см, толщина – 0,6 см.

А.4. Короткий меч (большой нож) – это оружие, у которого рукоять (черен) составляет 1/3 общей длины меча. Из-за этого клинок выглядит укороченным. Скорее всего, такой меч при ударе держали двумя руками. Учтено шесть мечей такого типа: Калининское городище (24), Горнохуторское городище (25), Харбинский исторический музей (26).

24. Этот меч напоминает большой нож (рис. 4: 2). Общая длина – 80 см. Длина клинка – 50 см, ширина – 8 см, толщина – 1 см. Заточка клинка односторонняя. Верхняя часть слегка

загнута вверх. На расстоянии 18 см от острия клинка по обуху отковано утолщение в виде небольшого шипа. Черен имеет длину 30 см, ширину 3 см, толщину 0,5 см. Деревянная рукоять крепилась при помощи гвоздя, проходящего через сквозное отверстие в средней части черена. Кроме этого рукоять закрепляли железной обоймицей.

25. Общая длина – 78 см. Длина клинка – 48 см, ширина – 7 см, толщина – 0,8 см. Заточка клинка односторонняя. Обух прямой. На расстоянии 8 см от острия клинка прослежено понижение-ступенька. Черен выкован в виде удлиненной трапеции, длиной 30 см, шириной в верхней части 3 см. Деревянная рукоять крепилась через сквозное отверстие в черене (рис. 4: 1).

26. Общая длина меча – 66 см (рис. 4: 3). Длина клинка – 42 см. Заточка клинка односторонняя. Конец клинка имеет пикообразное острие (16 см). Место перехода обуха в пикообразное острие оформлено в виде ступенчатого изгиба. Лезвие по всей длине почти прямое, с небольшим подъемом вверх к острию. Черен длиной 24 см имеет трапециевидную форму.

А.5. Широкий меч отличается от вышеописанных шириной клинка. Обух клинка прямой, переходящий в черен, который составляет почти 1/3 общей длины меча. Такой меч при ударе держали двумя руками. Экземпляры этих мечей были обнаружены на Аманьевском (27) и Красноярском городищах (28).

27. Общая длина – 68 см. Длина клинка – 47 см, ширина в самой широкой части – 11 см, толщина – 0,7 см (рис. 5: 1). Обух клинка прямой. Лез-

вие от острия имеет закругление. Черен прямой (продолжение обуха), длиной 21 см, шириной 3 см, толщиной 0,7 см, заканчивается полуovalом (6×3 см). На конце рукояти находятся две клепки для крепления деревянной рукояти.

28. Общая длина – 72 см. Длина клинка – 48 см, ширина в самой широкой части – 10 см, толщина – 1 см (рис. 5: 2). Обух клинка прямой, с небольшим понижением к концу. Лезвие от острия закруглено. Черен является продолжением обуха. Его длина – 24 см, ширина – 4 см. Он заканчивается полуovalом (6×4 см), который замыкал деревянную часть рукояти. Деревянная рукоять меча крепилась на черене тремя заклепками.

Изображение цзиньского воина с коротким мечом обнаружено на петроглифах в Ягоу (5 км на восток от поселка Ягоучжэнь Ачэна)⁷. Длина меча около 50 см (рис. 5: 3).

А.6. Меч-«палица» имеет прямой, четырехгранный клинок, ромбический в сечении, с узким, но не острым концом (рис. 6, 1). Черен цельнокованный с клинком, квадратный в разрезе. Гарда всегда пропеллеровидной формы. Ранее в литературу меч этого вида вошел под названием кончар, т.к. впервые обнаружив его на Шайгинском городище, исследователи, обратив внимание на сглаженный конец клинка, решили, что он был обломан и заточен⁸. Когда появились другие находки мечей такого типа с заглаженными концами, стало ясно, что у этого оружия функции не колющего, а ударно-раздробляющего действия. Причем, судя по изображению в цзиньском могильнике Дунну в уезде Хоумасянь пров. Шаньси, этот тип оружия использовали конные во-

⁷ Чжан Ляньфэн Ягоу шикэ тусян (Изображения на петроглифах в Ягоу) // Хэйлунцзян вэньу цункань. № 4. 1983. (на китайском языке)

⁸ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990; Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. С. 52.

ины во время атаки, держа в каждой руке по мечу (рис. 7: 1). Умение действовать двумя мечами в движении, сидя на лошади, – это вершина военного искусства, которым чжурчжэни, скорее всего, владели в совершенстве.

В исследовании учтены 13 экземпляров: из Шайгинского городища (29, 30) (рис. 6: 1), Ананьевского городища (31), Чугуевского городища (32), Вербного городища (33, 34) (рис. 6: 2, 6: 7), Новопроектного городища (35, 36), Музей города Харбин (37), городище Байчэн (38, 39, 40, 41) (рис. 6: 3, 4, 5).

29. Общая длина – 84 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, длиной 70,2 см (рис. 6: 1). Место соединения клинка с перекрестием оформлено в виде обоймицы с двумя язычками (тункоу), длиной 2,8 см. Толщина клинка у основания вместе с оковкой 2,6×2 см, на конце клинка – 1,3×1 см. Черен плоский, слегка сужающийся кверху, заканчивается плоским круглым навершием. Деревянная ручка крепилась на черене при помощи железной обоймицы и заклепки, которая пропускалась отверстием на рукоятке. Судя по размерам обоймицы, рукоять имела ширину 2,7 см, толщину 2,1 см. Черен отделен от клинка перекрестием, которое в центральной части представляло собой овал с расходящимися Х-образно концами. Перекрестие со стороны клинка по кругу украшено 16 полусферами. Вес меча 1,015 кг.

30. Общая длина – 85 см. Длина клинка – 72 см, ширина у основания – 1,5 см, у конца – 1 см. Черен трапециевидный, длиной 13 см, толщиной 0,7 см, заканчивается круглой заклепкой, диаметром 1,5 см. На черене располагалась обоймица для закрепления деревянной рукояти. Гарда пропеллеровидной формы, длиной 10 см.

31. Фрагмент меча. Длина сохранившейся части – около 40 см. Толщина клинка – 1,5 см. Черен – 14 см,

в разрезе прямоугольный, толщиной 1 см. Его конец заклепан, диаметр – 0,7 см.

32. Общая длина – 79 см. Длина клинка – 69 см. Клинок у него четырехгранный, ромбический в сечении, сужающийся к концу. Ребра клинка хорошо заточены. Ширина клинка у основания – 1,5 см, у края – 6 мм. Черен у рукояти цельнокованный с клинком, квадратный в разрезе, шириной 0,8 см, длиной 10 см. Вес меча 990 гр.

33. Общая длина – 78 см. Длина клинка – 64 см, ширина у основания – 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок в нижней части оформлен тункоу в виде двух язычков, края которых заканчиваются трилистниками. Черен длиной 14 см, в разрезе прямоугольный, заканчивается фигурной заклепкой, которая боковыми язычками плотно должна была придерживала деревянную рукоять. В том месте, где гарда соединялась с череном, находилась железная обоймица, а с противоположной стороны между гардой и тункоу находилась ромбовидной формы плоская обкладка (рис. 6: 6, 7). Края этой обкладки оформлены фестонами. Гарда пропеллеровидной формы, длиной 10 см.

34. Общая длина – 84,5 см. Длина клинка – 71,5 см, ширина у основания – 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении. Черен – 14 см, нижний край загнут для удержания деревянной рукояти. На черене ближе к краю находится сквозное отверстие для штыря. Верхний край деревянной рукояти укреплялся железной обоймицей. Перекрестие длиной 9 см имело форму пропеллера.

35. Общая длина – 83 см. Длина клинка – 69,5 см, ширина у основания – 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, в нижней части располагалась обоймица с двумя язычками – тункоу. Черен – 14 см, нижний край загнут для

удержания деревянной рукояти. На черене ближе к краю находится сквозное отверстие для заклепки. Верхний край деревянной рукояти укреплялся железной обоймицей. Перекрестие длиной 9 см имело форму пропеллера.

36. Общая длина – 72 см. Длина клинка – 59 см, ширина у основания – 1,5 см у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении, нижний край оформлен тункоу с двумя короткими язычками. Черен длиной 13 см с загнутым нижним краем, прямоугольный в разрезе. Ближе к краю на черене сделано сквозное отверстие для заклепки, фиксирующей деревянную рукоять.

37. Общая длина – 70 см (рукоять частично обломана). Длина клинка – 65 см, ширина у основания – 1,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении.

38. Общая длина – 72 см. Длина клинка – 59 см, ширина у основания – 2,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении. Черен – 13 см, ближе к краю находится сквозное отверстие для штыря. Гарда длиной 9 см имела форму пропеллера.

39. Общая длина – 84 см. Длина клинка – 70 см, ширина у основания – 1,5 см, у конца – 1 см. Клинок четырехгранный, ромбический в сечении. Черен прямоугольный в сечении, длиной 13 см. Перекрестие длиной 11 см имело форму пропеллера. В месте соединения клинка с перекрестием установлена обоймица, которая разделяла клинок и перекрестие. На черене зафиксированы еще две обоймицы, которые закрепляли деревянную рукоять. К одной из них припаяно кольцо, к которому, скорее всего, крепился темляк, служивший для предотвращения потери оружия при его выпуске из рук (рис. 6: 3; 7: 2). Такая гарнитура встречена впервые.

40. Общая длина – 88 см. Длина клинка – 70 см, в разрезе он прямоугольный, к концу – ромбический. Перекрестие длиной 8 см имело форму пропеллера, со стороны черена она закреплена железной обоймицей. Впервые на оружие такого типа сохранилась деревянная рукоять длиной 16 см, которая закреплена железным штырьком, расклепанным с двух сторон (рис. 6: 4; 7: 3). Конец черена также расклепан для удержания деревянной рукояти. В разрезе она была овальной, выточенной из целого фрагмента дерева.

41. Уникальная находка была обнаружена на городище Баличэн – меч в серебряных ножнах с каменной рукоятью (рис. 6: 5). Ножны длиной 42 см представляют собой узкий, кованый футляр, на концах которого помещены граненые шайбы. Общая длина меча – 58 см. Клинок меча четырехгранный. Черен длиной 16 см, помещен в каменную рукоять длиной 12 см, диаметром 3 см (рис. 6: 5; 7: 4). Нижний край каменной рукояти закруглен.

Б. Древковое оружие

Этот вид оружия характеризуется наличием втульчатого черена, насаженного на длинную рукоять (древко), с неподвижно закрепленным широким клинком (рис. 8, 1). В оружейно-литературе этот тип оружия называют алебардой, глефой, гуань дао. В дальневосточную археологию этот тип оружия вошел под первым названием.

Б.1. Алебарда использовалась для нанесения рубящих ударов. На чжурчжэньских памятниках найдено 5 экземпляров: на Шайгинском городище (42, 43, 44, 46) (рис. 8: 3, 4, 5) и Горнохуторском городище (46) (рис. 8: 2).

42. Общая длина – 81,5 см. Клинок однолезвийный плоский, в виде расширяющейся, неравнобедренной трапеции. Длинные стороны – 55,5 см и

53,5 см, короткие – 9 см и 6 см. Обух прямой, лезвие расширяется кверху. Обух сделан в виде удлиненной трапеции, ширина у основания – 2,6 см, у конца – 1 см. Верхняя часть клинка от обуха до лезвия откована под углом 75°. Нижняя часть обуха переходит в овальный прут, диаметром около 2,5 см, на который крепилась рукоять. Черен представлял собой расширяющуюся втулку, длиной 26 см, диаметром 5 см. Вес алебарды – 3,2 кг.

43. От меча сохранилось лезвие без черена. Длина клинка по лезвию – 57 см, по обуху – 53,6 см, ширина у конца острия – 8,5 см, у начала – 5,5 см. Обух – вытянутая треугольная трапеция: ширина у основания – 2,6 см, у края – 0,5 см. Он имеет небольшой выгиб в средней части.

44. Общая длина – 83 см. Длина клинка по лезвию – 53 см, по обуху – 50 см, ширина у основания – 7 см, у края – 10 см. Обух прямой, в форме равнобедренной трапеции, шириной у основания 2,5 см, у конца – 0,7 см. Втулка длиной 30 см, диаметром 4 см.

45. Общая длина – 83,5 см. Длина клинка по лезвию – 56,5 см, по обуху – 54,3 см, ширина у конца острия – 9 см, у основания – 6 см. Втулка расширяющейся формы длиной 27,5 см, диаметром 4,5 см.

46. Общая длина – 82 см. Длина клинка по лезвию – 52 см, по обуху – 54 см, ширина у основания – 7 см, у края – 9 см. Втулка расширяющейся формы длиной 28 см, диаметром 4 см.

Известно, что после создания империи Цзинь, у чжурчжэней заметно усложняется военная тактика, состав войск и вооружение. Изменившаяся военная организация требовала лучшего вооружения. Именно в это время луки стали делать более стандартными, видоизменяются наконечники стрел и появляются мечи. Если судить

по письменным источникам, то личное оружие чжурчжэньского воина не было ни очень разнообразным, ни особенно оригинальным. Лук со стрелами, копье, меч – вот краткий перечень в порядке убывающей важности предметов наступательного вооружения рядового воина⁹. Представленная коллекция клинкового оружия дает возможность оспорить это и определить уровень военного искусства чжурчжэней в XIII в. Необходимо отметить большое разнообразие клинкового оружия, но при этом хорошо видна его унификация. Следует отметить, что чжурчжэньские сабли легче палашей и их клинков немного тоньше, оформление же рукояти и формы перекрестий у них аналогичны. Довольно оригинальным типом клинкового оружия является меч-«палица» с четырехгранным клинком, с узким, но не острым концом, который имел ударно-раздробляющее воздействие. Безусловно, определенный тип мечей предназначался для соответствующего рода войск и являлся индивидуальным вооружением воина. В данной работе мы не ставили задачи раскрыть все вопросы, связанные с чжурчжэньским колюще-рубящим оружием. Введение в научный оборот новых археологических данных по вооружению чжурчжэней даст возможность выйти на новый уровень интерпретации этого материала.

Оружие чжурчжэней развивалось на основе местных традиций с учетом новейших достижений в военном деле соседних народов, прежде всего киданей, китайцев и корёсцев. Следует при этом отметить, что чжурчжэни, заимствуя те или иные виды вооружения, как правило, совершенствовали их и даже создавали новые виды и формы оружия, которые впоследствии были заимствованы монголами, а через них многими другими народами Евразии.

⁹ Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.–1234 г.). Исторический очерк. М., 1975. С. 77–76, 206.

Рис. 1. Палаш (1): 2 – из Шклаевского городища; 3 – из Калининского городища; 4 – из городища Баличэн; 5 – из могильника Новицкое; 6 – рукоять, гарда, тинькоу.

Рис. 2. Сабля (1): 2 – из Калининского городища; 3 – из Скалистого городища; 4 – рукоять, гарда, тинькоу; 5 – гарда, тинькоу; 6 – елмань.

Рис. 3. Кривой меч (1): 2 – из района Ачэна.

Рис. 4. Короткий меч (1): 2 – из Горнохуторского городища; 3 – из Калининского городища; 4 – из Харбинского исторического музея.

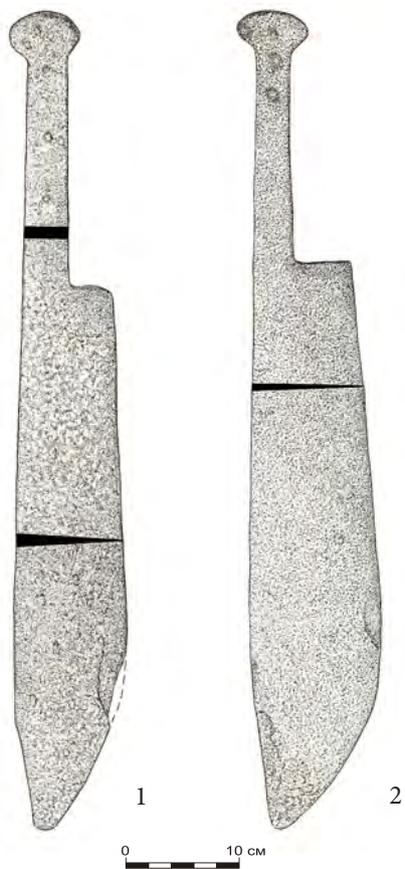

Рис. 5. Короткий меч: 1 – из Красноярского городища; 2 – из Ананьевского городища; 3 – петроглиф в Ягоу.

Рис. 6. Меч-палица (1): 2, 6, 7 – из Вербного городища; 3, 4, 5 – из городища Байчэн.

1

2

3

4

Рис. 7. 1 – горельеф из могильника Дунну; 2, 3, 4 – рукояти мечей-палиц.

Рис. 8. Алебарда (1): 2 – из Горнохуторского городища; 3, 4, 5 – из Шайгинского городища.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ ИВОЛГИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ¹

УДК 902/904+623.445.1(571.54)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.108-117

© 2018 г. Мясников В.Ю. (myasnikov79@mail.ru)
Администрация главы Республики Бурятия и
правительства Республики Бурятия, Улан-Удэ

© 2018 г. Ярославцева Л.Г. (lgyar@mail.ru)
Государственное автономное учреждение культуры
«Национальный музей Республики Бурятия», Улан-Удэ

Резюме: В статье рассмотрены железные панцирные пластины (ламеллярная и бригаантные), найденные на территории Иволгинского района Республики Бурятия. Данные фрагменты защитного вооружения являются подъёмным материалом и относятся к категории случайных находок. В работе приводится описание пластин, их прорисовки и фото. Авторами предпринята попытка датировки и этнокультурной атрибуции указанных предметов защитного вооружения. На основе типологического анализа бригаантные пластины датированы эпохой средневековья, а именно – монгольским временем XIII–XIV вв. Аналогов ламеллярной пластине не найдено, в связи с чем затруднительно определить хронологические рамки бытования указанной пластины. По месту находки данные предметы вооружения связаны с кочевым населением Забайкалья.

Ключевые слова: Бурятия, Иволгинский район, Забайкалье, средневековье, защитное вооружение, панцирные пластины.

Middle Ages armour plates from Ivolga region (Buryatia, Russian Federation)

© 2018 г. Мясников В.Ю. (myasnikov79@mail.ru)
© 2018 г. Ярославцева Л.Г. (lgyar@mail.ru)

Resume: The article deals with iron armour plates (lamellar and brigandine) found in the area of Ivolga region in the Republic of Buryatia. These fragments of protective armament are in the category of accidental finds. The article includes the description of the plates as well as the photographs and drawings. The authors make an attempt at a chronological and ethnocultural attribution of the found items. Based on the typological analysis, the brigandine plates are dated to the Middle Ages, namely the Mongol period of the XIII–XIV cc. There is analog to the lamellar plate which makes it difficult to define its chronological range. The place of finding connects the objects with the nomadic peoples of Transbaikalia.

Key word: Buryatia, Ivolga region, Transbaikalia, Middle Ages, protective armament, armour plates.

¹ Авторы выражают признательность научному сотруднику Автономного учреждения Республики Бурятия «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры» Базарову Беликто Александровичу за сообщение о находке и возможность ознакомиться с ней.

На территории Забайкалья панцирные пластины являются относительно редкой находкой. Как правило, их находят в захоронениях, по несколько штук, иногда отдельные панцирные пластины становятся случайными находками. Набор, состоящий из нескольких сотен пластин, принадлежавших, вероятно, одному панцирю, найден на территории Республики Бурятия пока в единственном экземпляре. Это пластины, найденные в ходе раскопок 1985–1987 гг. в местности Базино в 3 км к северу от с. Дунда-Киреть Бичурского района археологами Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук Н.В. Именохевым и Л.В. Лбовой.

Доспешные пластины, происходящие с территории Забайкалья, рассматривались как в общих работах, посвященных археологии, так и в ряде специальных оружейно-археологических исследований. Пластины от ламеллярных и бригадных панцирей были описаны в исследованиях И.В. Асеева, И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева, О.И. Кириллова¹. Ламеллярные пластины, найденные на Иволгинском гуннском городище, расположенном в 13,8 км к юго-западу от г. Улан-Удэ опубликованы А.В. Давыдовой², а также рассмотрены в статье К.И. Рец и Юй Су-Хуа³.

Наборы панцирных пластин, происходящие с территории современных Забайкальского края и Республики Бурятия, были опубликованы в исследованиях В.Ф. Немерова⁴, Е.А. Бандура⁵, В.Ю. Мясникова, Н.В. Именохоева⁶. Панцирные пластины от ламеллярных и бригадных доспехов с указанной выше территории были опубликованы и проанализированы в статьях и монографиях видного сибирского археолога-оружиеведа Ю.С. Худякова⁷.

Как мы уже отмечали выше, панцирные пластины являются редкой находкой в Забайкалье, в связи с чем публикация вновь найденных фрагментов доспехов, несомненно, представляет значительный интерес, особенно учитывая тот факт, что панцирные пластины происходят непосредственно с территории, входившей в состав Великого монгольского государства.

В сентябре 2007 г. В.Ф. Козловым в местности Янгажинский Тапхар Иволгинского района Республики Бурятия была обнаружена панцирная пластина от доспеха ламеллярного типа (рис. 1; 2; 3). Вместе с пластиной были найдены обломок неизвестного железного предмета и случайный корковый скол камня (рис. 2: 1, 2).

Ламеллярная пластина, изготовленная из черного металла (железа?),

¹ Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984. С. 201; Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000. С. 176.

² Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 49.

³ Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 7–10.

⁴ Немеров В.Ф. Военное снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212–227.

⁵ Бандура Е.М. Доспех из местности Базино // Археология и этнография Сибири и дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 6–8; *Он же*. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха // Наследие древних и средневековых культур северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 6–7.

⁶ Мясников В.Ю., Именохоев Н.В. Набор панцирных пластин из окрестностей с. Дунда-Киреть Бичурского района Республики Бурятия // Военная археология: сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3. М., 2014. С. 245–270.

⁷ Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 135–163; *Он же*. Вооружение центральноазиатских кочевников эпохи раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 190; *Он же*. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 160; *Он же*. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 202; *Он же*. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб, 2003. С. 192.

представляет собой прямоугольник со сторонами 9×7,8 (7,3) см. Толщина пластины 1 мм. В пластине пробито 14 отверстий. Четыре из них пробиты в верхнем крае. Шесть расположены попарно: в верхней трети пластины два отверстия, два – с левого края и еще два – с правого края. Четыре отверстия пробито в нижней части пластины. Пластина удовлетворительной сохранности, имеет общие поверхностные загрязнения, равномерно покрыта ржавчиной, один край пластины деформирован (погнут). У двух отверстий имеются частичные краевые коррозионные утраты. Пластина слегка выгнута в одной проекции.

Ламеллярный доспех известен на территории Прибайкалья с хуннского времени, об этом говорит находка панцирных пластин при раскопках Иволгинского городища⁸. В последующее время, железными ламеллярными панцирями пользовалось население бурхотуйской и курумчинской культур⁹. В эпоху развитого средневековья (X–XIV вв.) ламеллярные панцири использовали уйгуры, кидани, монголы и другие народы Центральной Азии¹⁰. Металлический доспех был известен и населению ундугунской культуры. В интерпретации В.Ф. Немерова ундугунские пластины, найденные в Восточном Забайкалье в могильнике Дворцы, могли соединяться между собой при помощи ремешков или нашиваться на основу¹¹. По мнению Ю.С. Худякова данный доспех был ламеллярным¹². К

сожалению, точных аналогий ламеллярной пластине, найденной на Янгажинском Тапхаре, нами найдено не было. По месту находки данную пластину можно связать с кочевниками Западного Забайкалья. В целом данную пластину можно датировать, по нашему мнению, эпохой средневековья, но, исходя из ее хорошей сохранности, не ранее XIII–XIV вв.

Летом 2009 г. в ходе обследования археологических памятников в местности Иволгинский Тапхар Иволгинского района Республики Бурятия научный сотрудник Автономного учреждения Республики Бурятия «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры» Б.А. Базаров в земельном отвале на плиточной могиле у норки суслика обнаружил шесть пластин от пластинчатого (бригантного) доспеха и сопроводительные находки – две бусины и бронзовую подвеску.

Необходимо отметить, что местность Иволгинский Тапхар Иволгинского района ранее исследовалась Е.А.Хамзиной. В результате археологических раскопок было обследовано 12 мужских захоронений, отнесенных к древнемонгольской культуре и датированных X–XIII вв.¹³ В ходе раскопок были найдены наконечники стрел, фрагменты луков, колчанов, ножей и стремяна. Предметов защитного вооружения обнаружено не было, в связи с чем находки фрагментов средневековых доспехов представляют несомненный интерес.

⁸ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 111.

⁹ Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 190; Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984. С. 201; Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000. С. 176.

¹⁰ Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников. С. 190; *Он же*. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 160; Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163–208.

¹¹ Немеров В.Ф. Военное снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212–227.

¹² Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. С. 102. Рис. 65.

¹³ Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970. С. 113.

Пластины с Иволгинского Тапхара изготовлены из черного металла (железо?), они относительно хорошей сохранности, равномерно корродированы, края у некоторых пластин повреждены от длительного пребывания в земле. У пяти пластин имеются заклёпки (по две на пластине), одна пластина не имеет следов крепления к основе. Данные панцирные пластины, судя по расположению заклепок, крепились изнутри основы и принадлежали панцирю с внутренним креплением пластин – бригадине. Толщина пластин колеблется в пределах 1–1,8 мм.

Пластина № 1 (рис. 3: 1; 4: 1; 5: 1) прямоугольная слегка выгнутая в одной плоскости, немного повреждена, усилена ребрами жесткости. Пластина крепилась к основе посредством двух заклёпок с плоскими головками. Максимальный диаметр головок заклёпок – 1,3 см. Между головкой заклёпки и пластиной имеется зазор. Длина пластины – 9,2 см, ширина – 8,8 см. В пластине имеется дополнительное отверстие диаметром 0,2 см. Один край пластины отогнут наружу.

Пластина № 2 (рис. 3: 2; 4: 2; 5: 2) прямоугольная, изогнутая в одной плоскости. Имеется две заклёпки с плоскими головками диаметром 1,4 см. В пластине пробито дополнительное отверстие диаметром 0,4 см. Длина пластины – 6,2 см, ширина – 6,2 см. Толщина пластины – 1 мм.

Пластина № 3 (рис. 3: 3; 4: 3; 5: 3) прямоугольная, практически плоская. Нижний край едва заметно отогнут наружу. Пластина крепилась к основе посредством двух заклёпок, диаметр головки которых составлял 1,6 см. и 1,4 см. Между головками заклёпки и пластиной сохранились фрагменты ор-

ганических остатков от основы панциря. Длина пластины – 10,5 см, ширина – 5,4 см.

Пластина № 4 (рис. 3: 4; 4: 4; 5: 4) прямоугольная, плоская, имеется две заклёпки. Максимальный диаметр головок заклёпки – 1,3 см. Длина пластины – 8 см, ширина – 6,5 см.

Пластина № 5 (рис. 3: 5; 4: 5; 5: 5). Один конец пластины прямоугольный, второй закруглён. Пластина изогнута в одной плоскости, крепилась к основе при помощи двух заклёпок. У заклёпки, расположенной выше к прямоугольной стороне, между головкой заклёпки и плоскостью пластины сохранились остатки органической основы панциря. Максимальная длина пластины – 6,8 см, максимальная ширина – 5 см.

Пластина № 6 (рис. 3: 6; 4: 6; 5: 6) подпрямоугольная, удлинённая. Края сильно деформированы. Максимальная длина – 12,7 см, максимальная ширина – 2 см. Пластина изогнута в одной плоскости. Толщина пластины у одного края – 2 мм, сужается к другому краю до 1 мм. Следов крепления к панцирной основе не имеется, скорее всего, она не входила в состав панцирного набора, а является фрагментом какого-то металлического предмета.

Аналогии пластинам из Иволгинского Тапхара Иволгинского района хорошо известны по археологическим находкам с территории Южной Сибири, Северной и Центральной Азии. Значительным сходством обладает набор от панциря № 1, обнаруженного в тайнике на горе Ийи-Кулак в Туве¹⁴, датируемый XIII–XIV вв. Близки по геометрии панцирные пластины из Центрального музея Монголии и из Абазы на Енисее¹⁵. Похожие пластины

¹⁴ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 184; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 52, 54. Рис. 33.

входили в состав западносибирских и южносибирских панцирей¹⁶. По мнению Ю.С. Худякова панцири с такими пластинами производились кыргызами на Енисее с XI–XII вв. вплоть до XVIII в¹⁷. Причем пластины, которые крепились к основе доспеха только с помощью заклёпок, относятся к XIII–XIV вв. Мало отличаются, по мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, от пластин из Абазы, остатки панциря из шаманского погребения в могильнике Ортыз-Оба в Минусинской котловине, которые по найденной в погребении русской утвари датируются XVII–XVIII вв. Похожие пластины были обнаружены у с. Шивера Емельяновского района Красноярского края, которые также датируются XVII–XVIII вв., причем в одном наборе находились и рельефные и гладкие пластины¹⁸. Одной из ближайших аналогий являются некоторые пластины, найденные вблизи села Дунда-Киреть (местность Базино) Бичурского района Республики Бурятия, датированные одним из авторов данной статьи XIII–XIV вв.¹⁹

Таким образом, судя по имеющимся материалам, панцирные пластины из местности Иволгинский Тапхар Иволгинского района могут быть довольно широко датированы. Доспехи, состоящие из подобных пластин, использовались в период с XIII в. до начала XVIII в. Судя по аналогам из Южной Сибири, нижняя граница бытования

доспехов, в состав которых входят пластины, крепящиеся к органической основе при помощи заклёпок, относится к XIII–XIV вв. Более ранние пластины кроме заклёпок имели ещё и дополнительные отверстия для пришивания к основе. Однако использоваться такой доспех или пластины, входившие в его состав, могли вплоть до позднего средневековья – начала Нового времени, т.е. до XVII–XVIII вв.

В связи с данной находкой хотелось бы отметить некоторую закономерность, позволяющую проследить обряд, связанный с военным делом и практиковавшийся населением Забайкалья и некоторых прилегающих территорий в средневековье. Панцирные пластины, происходящие с Иволгинского Тапхара, были найдены в плиточной могиле. Пластины из местности Базино были найдены в оградке и на кургане керексура. Вороненая панцирная пластина, от панциря с внутренним креплением пластин – куяка, аналогичная пластинам, входившим в состав маньчжурских, монгольских, бурятских пластинчатых доспехов XVII–XVIII вв. была обнаружена в плиточной могиле могильника Амогон I в Забайкальском крае²⁰. Такого же плана находка – остатки от целого бригантного доспеха, была найдена в ходе археологических раскопок могильника Белое озеро в Пий-Хемском районе Республики Тыва. Могильник относится к уюкской культуре и датирован

¹⁵ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 19. Рис. 8: 3–7, С. 51. Рис. 31; *Он же*. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 173, Рис. 34: 16, 17; *Он же*. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. С. 192.

¹⁶ Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 145. Рис. 5, 6, С. 149. Рис. 6: 1, 2.

¹⁷ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 21.

¹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб., 2008. С. 382.

¹⁹ Бандура Е.А. Бандура Е.М. Доспех из местности Базино // Археология и этнография Сибири и дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 80–84; Бандура Е.М. Проблемы реставрации и реконструкции базинского доспеха // Наследие древних и средневековых культур северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 6–7; Мясников, Именохоев, 2014. С. 257. Рис. 1: 1–3, Рис. 2: 4.

²⁰ Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984. Табл XXV: 11

VI–V вв. до н.э. В насыпи кургана № 4 данного могильника и был обнаружен доспех²¹. Данная находка интерпретирована как «клад» – подношение и была широко датирована концом I – серединой II тыс. н.э.²²

Надо отметить, что вопрос об интерпретации поздних вещей, в том числе датированных эпохой средневековья и позднее (вплоть до начала XX в.) и найденных в плиточных могилах Монголии и Забайкалья, рассматривался А.Д. Цыбиктаровым. Учёный считает, что появление этих предметов может быть объяснено действиями, связанными с жертвоприношениями и почитаниями этих памятников более поздним населением Монголии и Забайкалья. Известно, что монголы

и буряты поклонялись духам той или иной местности и приносили им различного рода дары²³. Во-вторых, появление поздних предметов может быть связано с потревоженными впускными захоронениями²⁴.

Таким образом, мы можем констатировать, что на территории Западного и Восточного Забайкалья, Тувы в эпоху средневековья существовал обряд, когда владельцы доспехов помещали целые панцири или их фрагменты в захоронения более раннего времени, а именно эпохи бронзы и раннего железного века. Для каких целей совершалось данное действие, является на сегодняшний день открытым вопросом и требует дальнейшего изучения.

²¹ Семенов В.А., Килуновская М.Е., Глухов В.О., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 4. СПб., 2014.

²² Там же. С. 345.

²³ Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. С. 109.

²⁴ Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил... С. 110

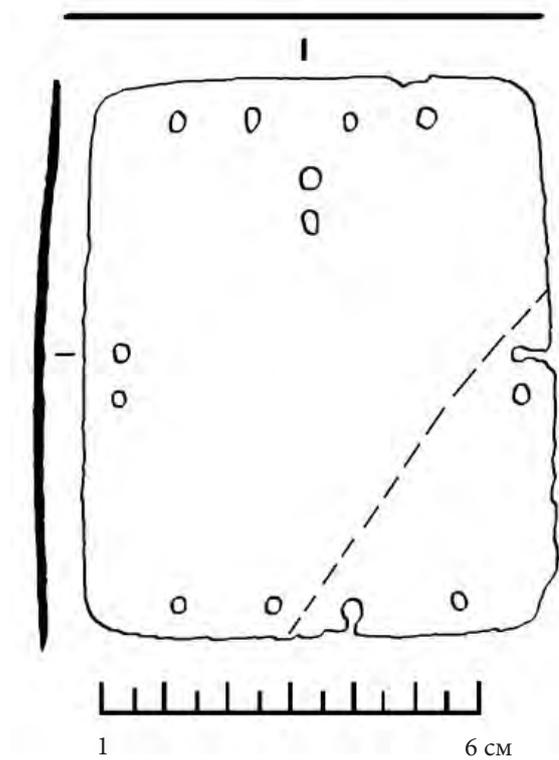

Рис. 1. Ламеллярная панцирная пластина. Иволгинский тапхар. Республика Бурятия.

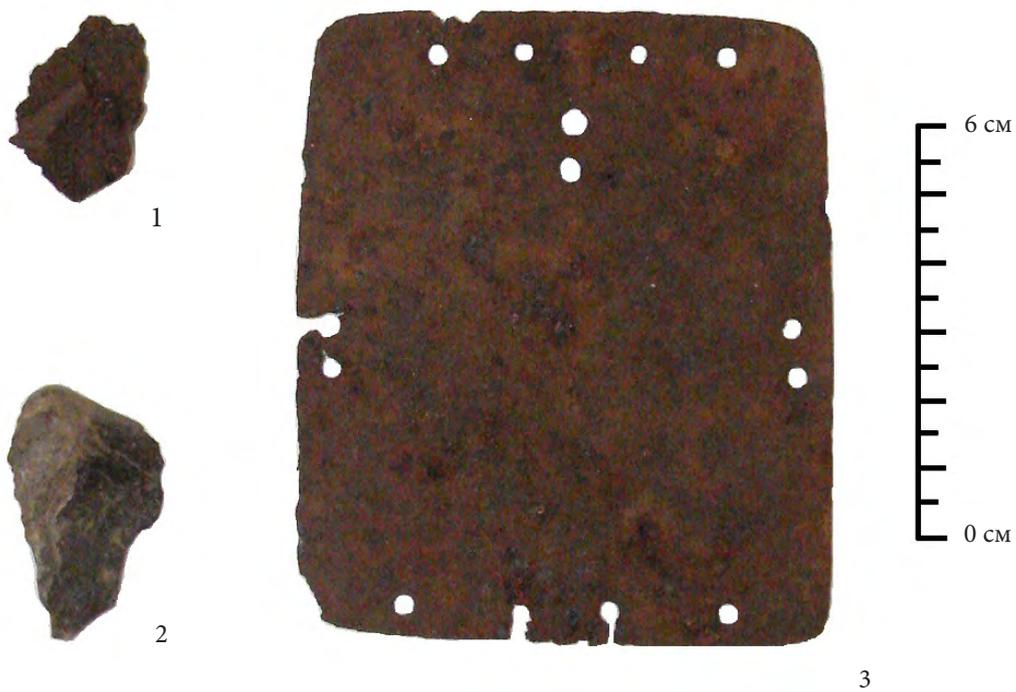

Рис. 2. Ламеллярная панцирная пластина. Иволгинский тапхар. Республика Бурятия (фотография).

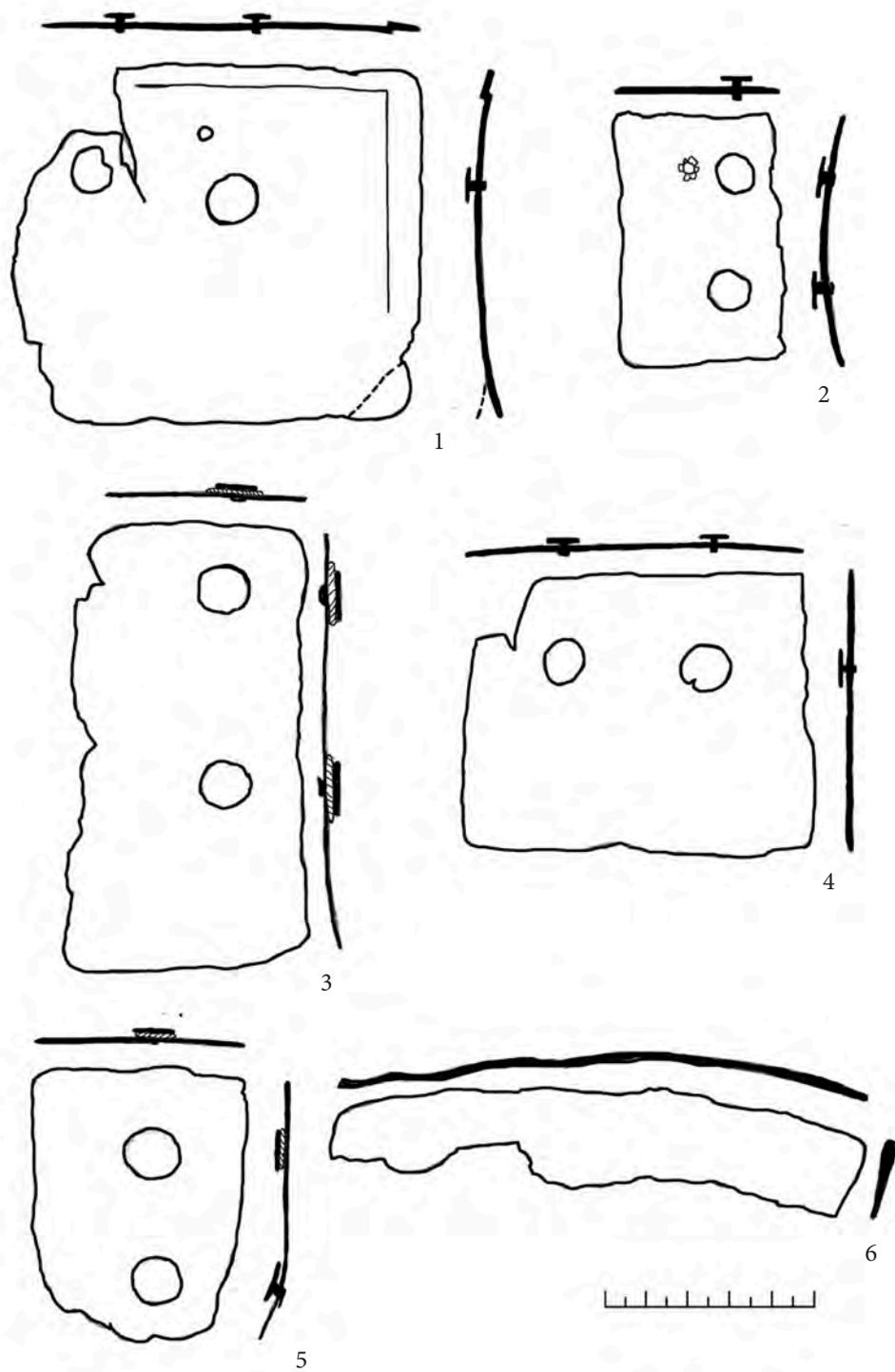

Рис. 3. Панцырные пластины. Янгажинский тапхар. Республика Бурятия.

Рис. 4. Панцырные пластины. Янгажинский тапхар. Республика Бурятия. Вид снаружи (фотография).

Рис. 5. Панцырные пластины. Янгажинский тапхар. Республика Бурятия. Вид с изнанки (фотография).

КОЛЕСЦОВЫЕ ШПОРЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ С ТЕРРИТОРИИ РУССКИХ КНЯЖЕСТВ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XVII вв.

УДК 902.01:685.151(470)"12/16"
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.118-182

© 2018 г. Двуреченский О.В. (nigoraoleg@mail.ru)
Институт археологии РАН (Москва)

Резюме: В статье приводится типологический анализ колесцовых шпор, происходящих с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. Данная систематизация основана на серии из 137 находок целых и фрагментированных шпор, включающих в себя два хронологических этапа. Первый этап датируется XIII–XV вв. Второй этап связан с эпохой Смутного времени начала XVII в.

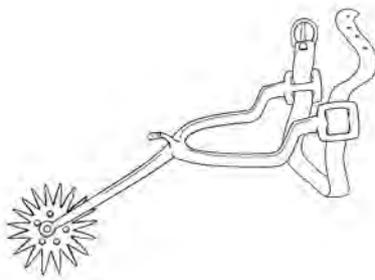
Ключевые слова: Московское государство, Русские княжества, снаряжение всадника, шпоры, воинское сословие XIII–XV вв.

*Spurs with rowels, originating from territories of Russian principalities
and Moscovia in the second half of the XIII–XVII centuries.*

© 2018 Dvurechensky O.V. (nigoraoleg@mail.ru)

Resume: The article provides a typological analysis of spurs with rowels originating from the territory of the Russian principalities and Moscovia in the second half of the XIII–XVII centuries. This systematization is based on a series of 137 finds, intact and fragmented spurs, which are divided into two phases. The framework of the first phase is the XIII–XV centuries. The Second is associated with the time of Troubles in the early XVII century.

Keywords: Moscow State, Russian principality, equipment rider, spurs, military estate, XIII–XV centuries.

В отличие от древнерусских шпор XI–XIII вв., типология и хронология которых разработана в трудах А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова, шпоры Московского государства не получили целостного военно-археологического изучения¹. В предлагаемом исследовании мы ставим целью собрать и систематизировать колесцовые «остроги» развитого средневековья (вторая половина XIII–XV вв.), бытовавшие на территории Северо-Восточной Руси, Новгородской и Рязанской земли, а также шпоры позднего средневековья и Нового времени, использовавшиеся в XVI–XVII вв. на территории Русского государства².

Территориальные рамки исследования во многом определены землями, которые лежали в основе формирования единого Московского государства или были включены в него в течение нескольких десятилетий, т.е. перед нами территория в рамках которой происходил процесс формирования будущей единой военной традиции Русского государства. Хронологические рамки исследования несколько расширены и затрагивают весь Ордынский период в истории русских княжеств с одной стороны, и период в истории Русского государства, доходящий до начала XVIII в. Основание к тому лежит как в историографии вопроса, так и в особенностях рассматриваемого материала. Как уже сказано было выше, отдельная глава в книге А.Н. Кирпичникова, посвященная снаряжению всадника и верхового коня, дает полное исследование древнерусских шпор с фундаментальной проработкой типологии и хронологии бытования

этого вида материальной культуры. Представляется важным продолжить изучение данного вопроса без хронологической лакуны. Доведение нашего исследования до конца XVII в. позволяет выстроить единую типологию и получить целостную картину бытования шпор до введения петровских военных реформ, значительно изменивших как облик русской армии, так и ее материально-техническое обеспечение, находящееся во многом под влиянием западноевропейских традиций. Построение единой типологии XIII–XVII вв. представляется важным не только для интересующихся военной историей и археологией, но и для обычных археологов, т.к. позволит получить дополнительные хронологические индикаторы на базе данного вида материальной культуры.

Начальная история изучения восточноевропейских шпор наиболее полно описана А.Н. Кирпичниковым. В своем труде он обозначил основные тенденции развития представлений о времени появления шпор вообще, и Восточной Европы в частности, причинах их появления и расцвета в средние века³.

Первым и наиболее крупным исследованием, в котором были рассмотрены древнерусские шпоры, стала работа А.Ф. Медведева⁴. В ней он дал первичную систематизацию, которая впоследствии была существенно модифицирована А.Н. Кирпичниковым. Тогда же в отдельный V тип были выделены колесцовые шпоры.

В 1973 г. было опубликовано фундаментальное исследование, посвященное снаряжению коня и всадника

¹ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С.186–191; Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Е1-36. Л., 1973. С. 56–70.

² Рисунки к статье подготовили В.З. Ильяев, М.Д. Тульнова.

³ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника. С. 56–58.

⁴ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 186–191.

в древнерусский период. Отдельная глава этого труда рассматривала шпоры, их типологию, общие черты эволюции, принципы применения⁵. Все построения А.Н. Кирпичникова базировались на богатом материале. Приведенный свод находок насчитывал свыше 500 номеров, включавших в себя шпоры XI – начала XIII вв., бытовавшие на всей территории Древней Руси. Фактически, данный раздел стал определяющим для всех последующих исследователей, сталкивавшихся на территории Восточной Европы с такой археологической находкой, как шпора. Не останавливаясь на общем изложении обобщений исследователя, рассмотрим основные моменты, важные для нас с точки зрения построения общей типологии шпор, рассматриваемого нами времени. К таковым мы отнесем общие принципы систематизации и общие выводы по эволюции этого вида материальной культуры, предложенные автором.

В основу типологии шпор был положен принцип анализа предметов по конструктивно морфологическим составляющим. Общий абрис скобы шпор был положен в основу построения основной типологии. Анализ морфологии петель и рабочей части (шипа или колесца), позволил систематизировать их отдельно. Так же был принят подсчет взаимной встречаемости типов шпор, петель и шипов. Всего было выделено 5 общих типов шпор. Отмечены основные черты эволюции выделенных типов. В частности, была обозначена тенденция перехода от прямой скобы к S-видной. На протяжении всего древнерусского периода отмечалось укрупнение шипа, которое к концу XII – началу XIII вв. закончи-

лось появлением предохранительной муфточки, а затем и нового типа рабочей части шпоры в виде колесца. Взаимный подсчет встречаемости типов петель и шпор не выявил четких хроноиндикаторов. Так же не были четко обозначены причины столь большого разнообразия сосуществующих форм петель и их общая эволюция⁶.

Позднее, в книге, посвященной оружию Древней Руси XII–XV вв., А.Н. Кирпичников развил основные положения, обозначенной им эволюции⁷. Приведя основные находки шпор, которые могли относиться к XIII–XV вв., автор озвучил основные наблюдения. По мнению А.Н. Кирпичникова на протяжении рассматриваемого периода произошло окончательное исчезновение всех типов шпор с шипом. При этом шпоры типа V претерпевают несколько ярких моментов эволюции. На протяжении XIV–XV вв. древнерусские шпоры продолжают эволюционировать в том же направлении, что и шпоры Западной Европы. Даже, по мнению автора, на основании рассматриваемого материала, можно отметить процессы некоторого опережения, появления новых черт, по сравнению с западноевропейскими образцами. Во всяком случае, параллельно с утяжелением защитного снаряжения, как воина, так и всадника происходит процесс укрупнения шпор за счет удлинения держателя колесца, появляются такие новые детали как надпяточный крюк и надпяточное расширение. К первой половине XV в. данная тенденция достигает своего логического завершения в виде крупных шпор, типичных, для Западной Европы и известных по материалам Руси, с держателем колесца длина которого

⁵ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника. С. 56–70.

⁶ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника. С. 68–70.

⁷ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 48–50.

достигала свыше 10 см, и имевших многолучевое колесцо, приближающееся к пластинчатому. Позднее, по мнению А.Н. Кирпичникова, шпоры, в начале на территории Московской Руси, а затем и всего Русского государства, исчезают и возрождаются уже в новое время. Так как это исследование имело обзорный характер, и не претендовало по уровню проработки материала на свод археологических источников, полученные выводы носили предварительный характер.

В 1971 г. в свет вышла книга А.В. Никитина, посвящённая анализу изделий из железа, встречаемых на позднесредневековых памятниках Русского государства. Здесь он впервые, в небольшом разделе, рассмотрел шпоры позднего средневековья и Нового времени⁸. Автор попытался обозначить определенную эволюцию, произошедшую со шпорами с эпохи древнерусского периода, которая, по его мнению, заключалась в исчезновении шпор с шипом. Свои выводы исследователь основывал на небольшой выборке предметов, происходящих с территории Тушинского лагеря. Время появления шпор с колесцом и их эволюция остались за рамками исследования автора.

Начиная с 1975 г. по конец 1990-х гг. специализированных работ, посвященных изучению шпор на территории Древней Руси и Московского государства XIII–XVII вв., не появлялось.

В начале XXI в., появились работы, освещающие такой вид материальной культуры как шпоры, но бытующие на территории Великого княжества Литовского⁹ (ВКЛ). В 2002 г. была

опубликована книга Ю.М. Бохана, посвященная вооружению Великого княжества Литовского. В ней были обзорно рассмотрены и систематизированы шпоры, бытовавшие на данной территории. Автор выделяет четыре основных группы, время распространения которых падает на вторую половину XIV – конец XVI в. Как и в типологии А.Н. Кирпичникова, основой для вычленяемых групп послужила форма дужки, петель и держателя колесца. Выделенные группы рассматривались изолированно друг от друга, как самостоятельные явления, и демонстрировали как известные для Руси типы, так и характерные только для ВКЛ. Отдельно следует упомянуть шпоры (тип III–IV), время распространения которых на территории Русского государства по данным археологии приходится на XVI–XVII вв. Таким образом, возник вопрос о времени и обстоятельствах появления шпор III и IV типа (по Ю.М. Бохану) на территории Русского государства. Данный вопрос тем более представляется актуальным, в свете представлений, озвученных А.Н. Кирпичниковым об отсутствии употребления шпор на протяжении второй половины XV–XVI вв.

Позднее, в стенах Московского университета была подготовлена дипломная работа, посвященная исследованию конского снаряжения по материалам Троицкого раскопа в Новгороде¹⁰. В ней, в частности, были обобщены и сведены факты находок шпор. Была приведена систематизация на основе работ А.Н. Кирпичникова.

В 2008 г., была опубликована полная коллекция предметов вооружения,

⁸ Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М., 1971. С. 40.

⁹ Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжества Литовского другой паловы XIV – канца XVI ст. Минск, 2002. С. 222–226.

¹⁰ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого (по материалам Троицкого раскопа) // Дипломная работа. Истфак МГУ. М., 2004.

происходящих с территории Тушинского лагеря, в которой были опубликованы и систематизированы все целые и фрагментированные шпоры лагеря Лжедмитрия¹¹.

Таким образом, за прошедшие десятилетия произошло накопление материала, который позволяет вернуться к рассмотрению шпор развитого и позднего средневековья на новом этапе.

Как уже было сказано выше, источниковой базой нашей работы стали предметы материальной культуры, полученные в результате археологических исследований, на территории Москвы и таких городов Московской земли, как Коломна, Звенигород, Веря, Можайск и Волоколамск, а так же крепостей Тушков городок и Гальчино, расположенных на западной окраине княжества. Кроме того, шпоры представлены в материалах ряда средневековых московских и рязанских селищ¹². Значительная серия шпор XIII–XV вв. происходит с территории Новгородской и Псковской земель. Опублико-

ванные материалы Неревского раскопа дали 8 шпор рассматриваемого периода¹³. В настоящее время в материалах Новгородской экспедиции учтено 35 «острогов», относимых к V типу, использовавшемуся новгородскими всадниками¹⁴. Шпоры Псковской земли были получены на территории ряда городов. Это, собственно, Псков, Изборск и Воронач¹⁵. Широко различные типы шпор представлены в крепости Орешек¹⁶, Старой Ладоге, Ямгороде, Копорье, Кореле¹⁷. Также шпоры происходят из Вятских городков¹⁸. Известны шпоры по раскопкам в Твери и Старице¹⁹. Четыре фрагмента «острогов» были учтены из раскопок в Суздале²⁰. Богатый материал дали исследования на селищах Куликова поля²¹. Наиболее южной точкой распространения шпор можно считать селища и городища Елецкого княжества²². На подготовительном этапе работы была собрана информация о более чем 250-ти предметах. Из них в рабочую базу данных, на основании которой создавались ти-

¹¹ Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря // Военная Археология. Вып. 1. М., 2008. С. 71–72.

¹² Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря. С. 71, 72; Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М., 2004. Рис. 8: 4; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Городище у д. Гальчино на реке Протве // Макарьевские чтения. Вып. VII. Можайск, 2000. С. 605. Илл. 12: 8; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. VIII. Можайск, 2001; Никольская Т.Н. К пятисотлетию «стояния на Угре» // СА. 1980. № 3. Рис. 5: 2; Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам археологических работ 1991–2006 гг. // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., 2008. Рис. 7: 1; Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском кремле // СА. М., 1979. № 2. Рис. 2: 10; Беляев, Архив ИА РАН. Р1 № 16803/ Коллекция МИГМ; Вишевский, Архив ИА РАН. Р1 № 10979а; Голубева, Архив ИА РАН. Р1 № 161,162; Дворников, Архив ИА РАН. Р1 № 14341–1436; Ивченков, Архив ИА РАН. Р1 № 12341, № 13789, № 15820; Рабинович, Архив ИА РАН. Р1 № 434 и 1433; Цыбин, Гак, 2006. Архив ЦАИ Куликова поля; Чернов, Архив ИА РАН. Р1 № 14024; Юшко, Архив ИА РАН. Р1 № 5258, рис. 48: 5; архив ЦАИ г. Москвы.

¹³ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 186, Табл. 21.

¹⁴ Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М., 1992. Рис. 57: 10; Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. С. 9–12.

¹⁵ Артемьев А.Р. Города Псковской земли. 1998. М., С. 108; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси. М., 1976. Табл. II: 6; Овсянников. Архив ИА РАН № 4288; Кильдюшевский, Архив ИА РАН № 8923 и № 9908.

¹⁶ Кильдюшевский В.И. Оружие XIV–XVI вв из раскопок крепости Орешек // Военная археология. 1988. СПб., С. 75.

¹⁷ Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 48. Табл. XX, XXI.

¹⁸ Макаров Л.Д. Военное дело вятчан в XII–XV вв. // Военная Археология. М., 1998. Рис. 1.

¹⁹ Дашкова И.А. Архив ИА РАН № 17682.

²⁰ Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-востока Руси. М., 1991. Рис. 7: 4.

²¹ Гоняный М.И., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона // Военная археология. Вып. 3. Тула, 2014. С. 119, 145. Рис. 20.

²² Тропин Н.А. Десять лет археологических исследований Елецкого пединститута // Археологические памятники Среднего Пooчья. Вып. 7. Рязань, 1998. Рис. 3: 11; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999. Рис. 16: 1.

пологические и хронологические таблицы, было включено 137 образцов.

На основании данной серии нами была предложена систематизация позднесредневековых шпор, которая мыслилась логическим продолжением созданной А.Н. Кирпичниковым классификации. В основу классификации были положены те же подходы, за исключением ряда моментов. Мы посчитали необходимым объединить в предложенной классификации различные систематизации петель и колес, которые отразились, соответственно, в вариантах и подвариантах типов. Тип, как и у А.Н. Кирпичникова, выделялся на основании установленной устойчивой и повторяющейся формы дужки. Вариант типа характеризовался по наличию устойчивых и повторяемых дополнительных элементов на шпоре (надпятничный крюк, расширение в пяточной части и пр.), подвариант типа характеризовался формой петель, и как следствие, способом крепления шпоры на ноге. Последняя градация представлялась особенно важной, так как позволяла увидеть шпору не с точки зрения формальной типологии, а с точки зрения ее характерного и устойчивого использования. Одни и те же шпоры, но собранные под разные типы крепления, должны были восприниматься теми, кто их употреблял как различные по своим свойствам предметы, при их общей схожести. Именно поэтому мы посчитали целесообразным выделить такую классификационную единицу как подвариант. На основании предложенной систематизации мы выделили 8 основных типов, которые получили порядковый номер, начиная с цифры V, тем самым продолжая нумера-

цию, предложенную А.Н. Кирпичниковым (рис. 1)²³.

Типология

V тип шпор был выделен А.Н. Кирпичниковым на основании ряда признаков. Основным конструктивно-морфологическим элементом этого типа стало появление в качестве рабочей части вместо шипа, двусоставного элемента – держателя и звездочки или зубчатого колесца. По форме дужки шпора имела по типологии два абриса – приближающийся к полукругу С-видный, или слегка S-видный.

Появление шпор этого типа было датировано 20-ми годами XIII в. Общее наблюдение за временем появления их в Западной Европе и на территории Древней Руси привело А.Н. Кирпичникова к мысли о первоначальном распространении шпор V типа в пределах русских княжеств в предмонгольскую эпоху. В последнее время были опубликованы серии западноевропейских шпор с зубчатым колесцом, которые позволяют говорить о времени появления таких образцов не позднее середины XIII века²⁴. Таким образом, в настоящее время можно говорить, что время появления шпор V типа и причины их появления были во многом схожими как на Западе, так и на территории Древней Руси. Данный тезис подтвердился и на базе наших материалов. На рассматриваемой нами территории удалось собрать информацию о 22 находках шпор этого типа, происходящих как из городов, так и селищ, датированных первой третью XIII – начала (возможно, третья четверть) XIV вв. (рис. 2–10). Несколько колесиков и звездочек, по всей видимости, относящихся к этому типу происходит из

²³ В своей работе мы учли все шпоры типа V, отраженные в своде по древнерусскому конскому снаряжению, за исключением тех, которые выходили за территориальные рамки нашего исследования.

²⁴ Clark J., Ellis B. M. A., Egan G., Griffiths N., Rackham D. J., Spenser B., Wrangle A. The medieval horse and its equipment. London, 2004. P. 133–137.

домонгольских селищ Куликова поля. Данный факт особенно примечателен, так как здесь мы видим их бытование не только на территории больших городских центров Древней Руси, но и на окраинных землях Рязанского княжества. По форме крепления держателя колесца и оформления пяточной части дужки выделяются два варианта.

К первому варианту (Va) относятся шпоры, пяточная часть дужки которых имеет характерный килевидный абрис с угловатым, чуть наклоненным, подтреугольным в плане окончанием (рис. 2, 3; Табл. 63, 102, 136). Держатель колесца этой разновидности шпор крепился в торец пяточной части. Таким образом, он перекрывал собой всю заднюю сторону дужки. В настоящее время известны три такие шпоры, происходящие из Новгорода²⁵, Корелы и Серенска²⁶. Малое число находок шпор этой разновидности не позволяет делать сколько-нибудь надежные заключения. Но, тем не менее, можно отметить, что по материалам Новгорода этот вариант относится к наиболее ранним находкам шпор V типа, где он датируется 10–40-ми годами XIII в.²⁷ Известны они в переотложенном состоянии и в начале – первой половине XIV столетия. Важно отметить, что по материалам лондонской коллекции шпор, этот вариант так же относится к самым ранним типам и датируется в пределах XIII в.²⁸

Шпоры V типа, варианта 1 (Va) имеют не крупные размеры и достигают в длину 132–146 мм, ширина 67–68 мм, длина держателя 24–27 мм. Данные

размерные характеристики полностью совпадают с аналогичными шпорами из лондонской коллекции. Звездочка сохранилась как у новгородского так и серенского образца и имеет диаметр около 30 мм. Они имели семь и девять крупных лучей-шипов.

Сохранившиеся петли крепления варианта Va несколько отличаются от аналогичных лондонских образцов. Английские образцы имеют характерное крепление под один держатель ремня и одну пряжку. Они монтировались на кольцевидном окончании дужки, а сам ремень, пройдя сквозь петлевидное окончание, крепил шпору на ногу при помощи пряжки. Шпоры из Корелы и Серенска имели два кольцевидных крепления, а, следовательно, имели более сложное двуремное (или веревочное) крепление, то есть с нижней части в кольцевидных петлях крепились два держателя которые крепили стационарно нижний (стремянной) ремень²⁹. Верхний ремень крепился при помощи держателя на внутренней стороне, а с внешней стороны шпоры утягивался пряжкой. Не исключено, что наиболее ранний и хорошо датированный новгородский экземпляр имел такое же крепление, как и лондонские образцы, так как одна из петель крепления у него не сохранилась.

Второй вариант (Vb) шпор V типа совпадая по основным характеристикам, отличался формой скобы в ее пяточной части (рис. 4–10; Табл. 1, 3, 4, 55, 75, 76, 86, 91, 95, 112, 115, 124, 129, 130–134). В отличие от варианта

²⁵ Новгород, Троицкий раскоп XII, 7-1482.

²⁶ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. Прил. II. Рис. 38; Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 48. Табл. XX, 1; Никольская Т.Н. Военное дело в городах земли вятичей // КСИИМК. № 139. М., 1974. Рис. 12: 19.

²⁷ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. Прил. II. Рис. 38.

²⁸ Clark J. The medieval horse and its equipment... P. 133–137.

²⁹ Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 48. Табл. XX, 1; Никольская Т.Н. Военное дело в городах земли вятичей. Рис. 12: 19.

Va, форма задней части дужки этих шпор имела пластинчатый, вертикально поставленный край, образующий в плане полуовальную форму. Держатель колеса крепился к нижней части пластины и не заходил в точку крепления на всю ее высоту. В этой связи наклон держателя был чуть больше направлен вниз, чем у шпор первого варианта (Va). У поздних вариантов данное расположение держателя вынуждало мастеров чуть загибать его вверх. Тем самым держатель получал небольшой коленчатый изгиб. Нам известно 17 целых шпор и их фрагментов, относящихся к этому варианту. Большинство находок происходит из раскопок в Новгороде³⁰. Известны они так же в культурном слое Изборской крепости³¹, Ростиславля Рязанского³², Московского кремля³³ и Замошкворечья³⁴, так же небольшая серия шпор происходит из подмосковного селища Мякинино 2³⁵, и селища Куликова поля ордынского периода Федоровка 6³⁶. Время бытования данного варианта приходится на конец (90-е гг.) XIII – середину (возможно, третью четверть) XIV вв. Данный вариант распространяется и существует чуть позже рассмотренного выше варианта Va. Интересно отметить, что подобные шпоры не известны по материалам лондонской коллекции и формируют особую группу³⁷.

Останавливаясь на размерных характеристиках, следует отметить, что шпоры варианта Vb в целом совпадают с описанными выше, но имеют небольшую тенденцию к их увеличению.

По способу крепления на ноге, а, следовательно, по форме дужки, выделяются 5 подвариантов, которые могут свидетельствовать как о центрах производства со своими традициями, так и о существующих предпочтениях у тех, кто их использовал, и, возможно, о ценовом разбросе и их престижности.

К подварианту Vb1 (Рис. 5; Табл. 91, 95) относятся шпоры, имеющие кольцевидные петли, аналогичные шпорам подварианта Va. Близки они и по дуговидному абрису скобы. «Остроги» данной разновидности известны по материалам раскопок в Ростиславле Рязанском, где одна такая шпора узко датируется серединой XIV в., по хорошо представленному комплексу из ямы № 86³⁸. Аналогичная шпора происходит из Изборской крепости, где она датируется по сопутствующим находкам XIV–XV вв.³⁹ Судя по изборскому образцу, длина таких шпор достигала 148 мм, при ширине около 80 мм. Миниатюрные размеры ростиславской «остроги» позволяют предположить, что перед нами образец детской шпоры, которая при обычной ширине имела длину около 90 мм.

³⁰ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого Прил. II. Неревский раскоп, 11-894; Неревский раскоп, 13-1244; Неревский раскоп, 9-1629; Неревский раскоп, 12-1652; Дубошин раскоп, 18-7; Тихвинский раскоп, 15-47; Троицкий раскоп II, 6-110; Троицкий раскоп V, 4-360; Троицкий раскоп VII, 3-520; Троицкий раскоп VIII, +1-744; Троицкий раскоп X, 2-1039.

³¹ Артемьев А.Р. Города Псковской земли. С. 108, Рис. 79: 6.

³² Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии. Рис. 8.

³³ Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. М., 1979. № 2. Рис. 2: 10.

³⁴ Москва. Ул. Ордынка 40, Раскоп 3, кв. 150, гл. –370 (Архив ЦАИ г. Москвы).

³⁵ Мякинино-2, кв. 617, п.с. гл. –41; Мякинино 2, кв. 812, п.с. гл. –85 (Архив ЦАИ г. Москвы).

³⁶ Гоняный М.И., Дуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона. С. 119.

³⁷ Clark J. The medieval horse and its equipment... P. 130–149.

³⁸ Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии. Рис. 8.

³⁹ Артемьев А.Р. Города Псковской земли. С. 108, Рис. 79: 6.

К подварианту V62 (Рис. 6; Табл. 1, 4) относятся шпоры, имеющие прямоугольные пластинчатые петли (тип 2 по А.Н. Кирпичникову) с двумя прорезными прямоугольными отверстиями под ремень. Два учтенных экземпляра этого подварианта происходят из Москвы и подмосковного селища Мякинино 2, где они встречены в переложном состоянии⁴⁰. Форма скобы у подобных шпор уплощенная, С-видная со смещением перегиба в сторону петель, где она имеет коленчатый перегиб. Появление подобного перегиба связано со стационарным (не шарнирным как у шпор с ремнем, крепящимся на скобках) способом крепления единого ремня сквозь прямоугольные отверстия. Только при таком положении петель у шпор подварианта V62 ремень правильно охватывал ступню и позволял надежно и удобно носить шпору. Подобные петли и шпоры являлись более простыми по конструкции элементом крепления. Размеры шпор данного подварианта не сильно отличаются от образцов описанных выше. Длина – 145–150 мм, ширина – 75–80 мм, длина держателя – 34 мм. На фрагменте шпоры, обнаруженном при новостроечных раскопках на улице Ордынка в Москве, сохранилось колесо в 8 лучей-зубьев. Его диаметр – 25 мм.

К подварианту V63 (Рис. 7; Табл. 129, 132, 134) относятся шпоры, имеющие круглые пластинчатые петли (тип 3 по А.Н. Кирпичникову) с двумя прорезными прямоугольными отверстиями под ремень. Все подобные шпоры происходят из Новгорода и обнаружены в слоях XIV в. на Неревском и Троицком раскопах⁴¹. В силу того, что по способу крепления к ноге

подобные шпоры были аналогичны подварианту V62 форма скобы у них уплощенная, С-овидная.

К подварианту V64 (Рис. 9; Табл. 112) относятся шпоры имеющие уплощенную С-видную дужку с небольшим угловатым переломом в срединной части при помощи которого изгибались петли тип 5 (по А.Н. Кирпичникову), расположенные на внутренней стороне стопы, с таким расчетом чтоб ремень проходивший сквозь нее был перпендикулярен стопе, а следовательно надежно охватывал ее. С внешней стороны стопы у таких шпор располагалась кольцевидная петля тип VI, к которой крепилась пряжка, и зажим который держал кожаный ремень. Таким образом, эти шпоры имели одновременное крепление, монтирующееся с одной стороны на скобе, прикрепленной к кольцевидной петле, затем ремень проходил в овальное ушко петли тип V (по А.Н. Кирпичникову), и утягивался пряжкой, которая крепилась также на кольцевидной петле, расположенной с внешней стороны. Шпоры с подобным креплением очень характерны для английской традиции. Они были по конструкции чем-то средним между наиболее сложными по системе крепления шпорами подварианта V61, и шпорами, имевшими пластинчатые прорезные квадратно-прямоугольные и круглые петли, сквозь которые проходил ремень или веревка. Обращают на себя несколько большие размеры шпор данного варианта, чем у других подвариантов типа V. Длина шпор доходит до 150–165 мм при ширине 95–105 мм. Также несколько отличается форма держателя колеса. Держатель получает небольшое колено, которое направ-

⁴⁰ Москва. Ул. Ордынка 40, Раскоп 3, кв. 150, гл. –370; Мякинино 2, кв. 812, п.с гл. –85 (Архив ЦАИ г. Москвы).

⁴¹ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого Прил. II. Новгород, Неревский раскоп, 12-1652; Троицкий раскоп II, 6-110; Новгород, Троицкий раскоп VIII, +1-744; Новгород Троицкий раскоп X, 2-1039.

ляет колесо не вниз, как у описанных выше подвариантов, а выгибает его параллельно земле. Длина держателя достигает 33 мм. Шпора данного подварианта, учтенная нами в настоящее время, происходит из Новгорода и датируется по культурному слою, в котором она обнаружена, в пределах XIV–XV вв.⁴² С нашей точки зрения, скорее всего, данный подвариант может быть датирован в пределах XIV в.

Подвариант V65⁴³ (Рис. 8; Табл. 86). К данной разновидности относятся шпоры, имеющие аналогичную описанным выше форму скоб, оканчивавшуюся двумя одинаковыми овальными петлями тип V (по А.Н. Кирпичникову). Судя по конструкции петель, данные шпоры крепились к ноге по той же схеме, что и шпоры подвариантов V62 и V63, то есть на одном ремне или веревке, которые утягивали шпору на ноге при помощи узла или пряжки, крепившейся на одном конце ремня. Перед нами наиболее простая схема крепления, но довольно сложная при изготовлении самой шпоры. Одна целая шпора с сохранившимся колесцом была обнаружена при охранных раскопках в Московском Кремле. Авторы раскопок с определенной долей условности датировали культурный слой, из которого происходила шпора, XIII веком⁴⁴. Шпора имела в длину

140 мм, и была шириной 81 мм, длина держателя, опущенного вниз с небольшим перегибом составляла 36 мм. Он крепил небольшое колесо диаметром 25 мм, которое имело 6 лучей.

Тип VI (Рис. 11–14; Табл. 5–7, 26, 27, 33, 45, 46, 62, 69–71, 73, 114). Характерным признаком шпор данного типа является ярко выраженная S-видная скоба и средние размеры, как самой шпоры, так и держателя с колесцом. Подобные шпоры не известны для домонгольского периода. В настоящее время нет ни одной «остроги» данного типа, которая бы датировалась ранее XIV в. К данному типу, нами были отнесены 14 предметов. Они распространены преимущественно на территории Московской и Новгородской земли, и происходят из культурных слоев таких памятников как Новгород⁴⁵, Ямгород⁴⁶, Москва⁴⁷, городищ Гальчино⁴⁸ и Тушков городок⁴⁹, Коломна⁵⁰, Звенигород⁵¹, Мякининское 2 селище⁵². Все шпоры по форме скобы и ряду дополнительных конструктивных деталей относятся к одному варианту. По форме петель выделено три подварианта.

Подвариант Va1 (Рис. 12; Табл. 46, 69, 70, 114). К первому подварианту относятся 4 шпоры имеющие парные петли тип V (по А.Н. Кирпичникову). Все шпоры имеют характерную S-видную форму скобы, средний по длине

⁴² Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. Прил. II. Новгород, Неревский раскоп, 9-1629; Новгород, Дубошин раскоп, 18-7.

⁴³ Возможно, из-за плохой сохранности и не качественного изображения в публикации данная шпора относилась к варианту V64.

⁴⁴ Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле. Рис. 2: 10.

⁴⁵ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 186. Табл.21; Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. Прил. II. Новгород, Усадьба Онцифира Лукича, Неревский раскоп, 13-1116; Неревский раскоп, 5-565; Новгород, траншея ул Горького; Неревский раскоп, 14-2097.

⁴⁶ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси... Табл. XXI: 1.

⁴⁷ Москва, Гостинный двор, Раскоп 6, кв. 24, гл. –773 (Архив ЦАИ г. Москвы).

⁴⁸ Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Мастерская медника на городище Гальчино. С. 275, Илл. 2.

⁴⁹ Рабинович, Архив ИА РАН. Р1. № 434 и 1433.

⁵⁰ Мазуров А.Б. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосквья. М., 2000. С. 67–69. Рис. 113; Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосквья. Вып. 4. М., 2008. Рис. 7: 3.

⁵¹ Юшко, Архив ИА РАН. Р1. № 5258, Рис. 48,5.

⁵² Мякинино-2, кв. 1185, я. 860, гл. –58 (Архив ЦАИ г. Москвы)

держатель с округлым или чуть уплощенным окончанием и отверстием, куда крепил звездочка. Скоба у всех шпор данной разновидности украшена характерными зубчиками. Почти все шпоры имеют характерное пяточное расширение. «Остроги» подварианта VIa1 происходят в частности из Новгорода. Одна такая шпора была найдена в усадьбе Онцифора Лукича и датируется серединой XIV в.⁵³ Еще два довольно близких, как по форме, так и по орнаментике образца были найдены в слоях XIV в. на Неревском раскопе⁵⁴ и в Ямгороде⁵⁵. За исключением Новгородской земли, удивительно близкий по морфологии образец был обнаружен в Коломне в слое второй трети XIV в.⁵⁶ Таким образом, можно говорить, что перед нами устойчивый для середины XIV в. вариант шпор, бытовавших по всей территории Руси. Как и подвариант Vb5, данные шпоры крепились на ноге при помощи одного ремня (веревки) и пряжки закрепленной на ремне, и, по всей видимости, не имели дополнительных элементов крепления. Размер шпор по длине варьировался от 137 до 170 мм, при ширине от 85 до 105 мм. Длина держателя колесца несколько больше, чем у шпор типа V и составляет от 35 до 40 мм. Так же, как у поздних подвариантов вышерассмотренного типа, имеет характерный коленчатый изгиб. Единственное колесцо на 12 лучей, которое сохранилось на шпорах данного подварианта, имеет диаметр 40 мм, что так же отличает его и по размеру и по количеству лучей от шпор типа V.

Подвариант VIa2 (Рис. 13; Табл. 6, 5, 71, 73). К данному подварианту относятся четыре шпоры, имеющие петли типа IV (по А.Н. Кирпичникову). В настоящее время не найдено ни одной шпоры, у которой бы сохранились сразу две петли. Все шпоры имеют характерную S-видную форму скобы, имеющую надпяточное расширение, выгнутый и чуть опущенный держатель звездочки длиной 35–40 мм с округлым окончанием. Одна шпора имела характерный отросток, предохраняющий ногу от повреждения о колесцо. Шпоры имеют характерные для VI-го типа размерные характеристики, достигая в длине 140–160 мм, при ширине 82–90 мм. У двух образцов сохранилось колесцо диаметром 30 и 35 мм. Все шпоры происходят из Новгорода⁵⁷, или Москвы и ее округи⁵⁸. К сожалению, в нашем распоряжении нет надежно датированных предметов, и все они происходят из слоев XIV–XV вв.

Подвариант VIa3 (Рис. 14; Табл. 7, 26, 62) представлен тремя шпорами, происходящими из Звенигорода, и крепостей Тушков городок и городище Гальчино расположенных на западной границе с Великим княжеством Литовским. Все шпоры датируются широкими рамками XIV – первой половиной XV вв. Они характеризуются типичным S-видным абрисом скобы, крупным отростком в пяточной части, предохраняющим сухожилия от контакта с шипами звездочки, и петлями тип VI на двух ветвях скобы. Данные шпоры имели наиболее сложную конструкцию крепления к ноге, состоящую из

⁵³ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 187. Рис. 21: 4.

⁵⁴ Андриенко А.В. Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого. Прил. II. Новгород, Неревский раскоп, 14-2097, № КП 35338 1361, Новгородский музей.

⁵⁵ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси. Табл. XX1: 1.

⁵⁶ Мазуров А.Б. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосквья. М., 2000. С. 67–69. Рис. 113.

⁵⁷ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого С. 21–24. Рис. 216 5; Рис. 21: 1. Новгород, Неревский раскоп, 5-565; Новгород, траншея ул. Горького.

⁵⁸ Москва, Гостинный двор, Раскоп 6, кв. 24, гл. –773; Мякинино 2, кв. 1185, я. 860, гл. –58 (Архив ЦАИ г. Москвы).

двух ремней, прикрепленных зажимами и пряжкой, крепящейся также на внешней петле шпоры. Размер шпор достигает по длине 145–150 мм. Держатель колесца так же имеет характерный перегиб, как и у большинства шпор типа VI, и имеет длину 33–42 мм. Сохранившиеся звездочки имеют диаметр 33–35 мм.

Тип VII (Рис. 15–19; Табл. 48, 49, 64, 68, 81, 82, 90, 94, 99, 100, 104, 129) Данный тип шпор характеризуется С-видной в профиле скобой, расширением пластины дужки шпоры в пяточной части и VII типом петель (по А.Н. Кирпичникову). У некоторых образцов расширение в пяточной части плавно переходит в небольшой отросток. Длина шпор варьирует от 130 до 150 мм. Отдельный экземпляр достигал длиной 175 мм, за счет увеличенного размера держателя колесца. Если у большинства находок длина держателя составляла 35–45 мм, то у наиболее крупного образца из Новгорода его длина составляла 65 мм. Диаметр сохранившихся репеек (колесиков) был равен 30–35 мм. При этом обращает на себя внимание, что для данного типа шпор характерны многозубчатые звездочки, такие же, как на шпорах типа VI. Тип представлен 12 экземплярами, происходящими из Москвы⁵⁹, Коломны⁶⁰, подмосковного селища Котово 1⁶¹. Кроме того в переотложенном слое Дмитровского раскопа найден прекрасной сохранности образец шпоры данного типа⁶².

Несколько находок известны по материалам раскопок в Пскове и псковской крепости Воронач⁶³, вятского Никулинского городища⁶⁴, Серенска⁶⁵ и крепости Спас-городок, расположенной в верховьях Оки⁶⁶. Самой южной находкой шпоры этого типа является находка на селище 5 у села Аргамач-Пальна, раскопанного в пределах Елецкой земли⁶⁷.

Таким образом, данный тип шпор распространен на всей рассматриваемой нами территории и датируется широкими рамками XIV–XV вв. Там, где по археологическому контексту удавалось получить более точную датировку, как правило, дата бытования данного типа шпор не выходила за пределы XIV – середины XV в. Подобные шпоры хорошо известны в западноевропейской традиции. По данным крупнейшего за последние десятилетия в Европе свода по конскому снаряжению, введенного в научный оборот серию находок шпор из Лондона, аналогичные как по типу, так и по размерным характеристикам образцы датируются второй половиной XIV – серединой XV в.⁶⁸ При этом для первой половины XV в. характерны образцы с длинными держателями колесца, аналогичными новгородской находке. Менее крупные образцы характерны для последней трети XIV века⁶⁹. Широко известны подобные шпоры на территории Польши и Великого княжества Литовского, где они датируются второй половиной XIV – первой половиной XV в.⁷⁰

⁵⁹ Беляев Л.А. Керамический комплекс из коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл. 103, е.

⁶⁰ Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков). Рис. 6, 7.

⁶¹ Истринский район. Поселение Котово 1, Раскоп 1. Яма 6; Раскоп 1. Яма 14 (Архив ЦАИ № «Куликово поле»).

⁶² № КП26519 А44–100. Новгородский музей.

⁶³ Артемьев А.Р. Города Псковской земли. С. 108. Рис. 79: 3.

⁶⁴ Макаров Л.Д. Военное дело вятчан в XII–XV вв. С. 218.

⁶⁵ Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Табл. XX: 6.

⁶⁶ Никольская Т.Н. К пятисотлетию «стояния на Угре» // СА. 1980. № 3. Рис. 5: 4.

⁶⁷ Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999. Рис. 16: 1.

⁶⁸ Clark J. The medieval horse and its equipment... P. 144–147.

⁶⁹ Clark J. The medieval horse and its equipment... P. 142.

По способу крепления и форме петель выделяются две основные разновидности шпор VII типа. Либо это небольшая прямоугольная пластинка, в которой проделаны два круглых отверстия, либо края пластинки имеют форму восмёрки.

Характерная для этого типа полукруглая или S-видная в профиле форма дужки шпоры во многом объясняется формой петли не требующей специального выгиба, столь необходимого для шпор типа VI, где петли со стационарным расположением ремня требовали такого расположения, при котором прорези в них должны были располагаться параллельно ступне. В данном случае, при креплении в четырех отверстиях трех зажимов и одной пряжки, свободно вращающихся на шарнирном креплении, такого изгиба дужки не требовалось. При такой конструкции, по всей видимости, шпора более удобно сидела на ноге. Но дополнительные элементы значительно усложняли саму технологию изготовления и использования. Несмотря на это, именно этот тип крепления, стал наиболее востребован во второй половине XIV в. по всей Европе⁷¹.

Датируются подобные образцы XIV – первой половиной XV в. Необходимо отметить, что появление именно таких деталей, как расширение пяточной части, удлинение шипа, появление предохранителя, сильно отличает шпоры этого времени от более ранних колесцовых шпор типа V, датирующихся XIII – началом XIV в.

Тип VIII (Рис. 20–26; Табл. 25, 29, 30, 32, 44, 65–67, 74, 78, 87, 88, 103, 105–107, 113). Данный тип шпор ха-

рактеризуется уплощенной S-видной в профиле скобой. Дужка шпоры в сечении цилиндрическая, имеет длинный держатель и прямоугольные петли 2 разновидности (по А.Н. Кирпичникову). Нами было учтено 17 экз. Для рассматриваемого периода это самые крупные шпоры по размерным показателям. Длина целых образцов варьирует от 140 до 240 мм. При этом увеличение длины шпоры происходит за счет вытянувшегося держателя, достигавшего длиной 45–115 мм. Для шпор этого типа окончательно становятся характерными многозубчатые колесики с увеличенным диаметром центральной части. Именно этот тип шпор А.Н. Кирпичников связывал с комплексом вооружения тяжелой кавалерии – кованной рати⁷². Присутствие предохранительного крючка свидетельствует об осознаваемой опасности, которую могла принести шпора со столь крупным держателем. Таким образом, скорее всего, подобные шпоры крепились к ноге, задняя часть которой не была защищена доспехом. В этом же смысле, можно говорить, что единичные образцы шпор данного типа не имевшие отростка, возможно, применялись всадниками, чья нога была защищена, и изготовление дополнительного предохранителя-отростка, скорее всего, не требовалось. Конструкция скобы так же недвусмысленно говорит, что шпора пристегивалась на один ремень с пряжкой на нем. С эти же связана характерная форма дужки, выгнутая S-видно, с тем расчетом, чтобы ее прорези становились параллельно линии подошвы. Происходят шпоры этого типа со всей рассматриваемой

⁷⁰ Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжства Литовского другой паловы XIV – канца XVI ст. С. 223; Пивоваров С.В. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі I // II Археологічні студії. Вип. 2. К. – Чернівці, 2003. С. 204–215.

⁷¹ Clark J. The medieval horse and its equipment. P. 142–147; Пивоваров С.В. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі. С. 204–215.

⁷² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 49.

нами территории. Значительная их серия известна по раскопкам в Москве, Волоколамске, Радонеже, Коломне и Верее⁷³. Хорошо они известны так же в Суздальской, Елецкой и Новгородской земле⁷⁴. По данным, наиболее хорошо датированных экземпляров, происходящих из Новгорода, шпоры VIII типа датируются в пределах первой половины XV в. Примечателен тот факт, что подобные шпоры в рассматриваемое время совершенно не характерны для материалов всаднической культуры средневековой Западной Европы, не распространены они и на территории Польши и Литвы. Последнее говорит о том, что либо они являются местными, либо центр производства в Европе нам пока не известен.

Тип IX (Рис. 27, 28; Табл. 109, 119, 121, 128). Шпоры этого типа представляют собой некрупные образцы длиной 85–98 мм, плоская в сечении скоба которых расположена в одной плоскости с держателем колесца. Держатель имел длину 30–40 мм. Единственное сохранившееся колесцо сформировано из круглой пластины, которую путем пробивки желобков снабдили слабо вступающими зубьями. Крепилась шпора при помощи двух отверстий и небольшого выступающего отростка. Судя по системе крепления, они монтировались на твердую основу. Это могла быть и жесткая пяточная основа обуви, и часть поножи. Данный тип представлен малочисленной серией шпор, происходящей преимущественно с территории Новгорода⁷⁵. В настоящее время удалось собрать информацию о

4-х находках. Судя по сопутствующему материалу, культурный слой, в котором они были обнаружены, датируется XIV–XV вв.

Тип X (Рис. 29–32; Табл. 12, 28, 35–37, 41, 43). Характерной особенностью шпор этого типа является расположенная в одной горизонтальной плоскости с держателем колесца и петель пластинчатая дужка. Держатель колесца так же пластинчатый. Высота ветви дужки достигает 15–20 мм. Всего к данной группе относятся 7 предметов. Петли данной группы относятся к двум подвариантам. Петли первого варианта представляют собой прямоугольные расширения на конце с двумя просечными прямоугольными отверстиями с каждой стороны (тип II по А.Н. Кирпичникову). Два других изделия, происходящие только с территории Тушинского лагеря, с сохранившимися петлями, относятся к подварианту в виде пластины с полукольцом на верхней грани, куда крепились пряжка и дополнительное отверстие в пластине шпоры. Возможно, перед нами эволюция раннесредневековых петель тип VI или VII⁷⁶. Шпоры данного типа имели длину от 100–187 мм, и отражали весь спектр возможных предпочтений использовавших их всадников, как по размерам шпор, так и по длине самого держателя. Колесцо так же отличалось от шпор более раннего времени. Оно имело форму плоской «шестерни» с нарубленными зубцами.

Все образцы происходят с территории Тушинского лагеря, а так же встречены в слоях начала XVII в. в

⁷³ Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле. Рис. 2: 11; Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков). Рис. 7: 1; Ивченко. Архив ИА РАН. Р1 № 12341, № 13789; Вишневецкий. Архив ИА РАН. Р1 № 10979а; Голубева. Архив ИА РАН. Р1 № 161,162.

⁷⁴ Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля. Рис.7: 4, 5; 8: 2; Тропин Н.А. Десять лет археологических исследований Елецкого пединститута // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. Рис. 3: 11; Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. Табл. 21, 22; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Табл. XX: 3; Раскопки Корзухиной Г.Ф. Эрмитаж, ОИПК, ЛК, 32.

⁷⁵ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. Табл. 21, 23.

⁷⁶ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 63. Рис. 38.

Можайске и Волоколамске⁷⁷. Этим же временем датируется шпора, происходящая из раскопок на территории Казанского собора в Москве⁷⁸. Данная группа шпор по европейской исторической традиции относится к так называемым «гусарским» шпорам, распространившимся в XVI – середине XVII в. Ближайшие аналогии им являются шпоры из Витебска и Крычева⁷⁹. Фактически шпоры тип X являли собой совершенно новую традицию, которая развилась за пределами русского государства и была привнесена в эпоху Смутного времени.

Тип XI (Рис. 33–36; Табл. 11, 39, 40, 83, 108, 137). Последним типом шпор, бытовавшем в рассматриваемое время, были образцы, известные на территории Германии, Польши и Литвы⁸⁰. Характерной особенностью шпор этого типа является держатель колеса, имеющий коленчатый перегиб направленный вниз, на расщепленном конце которого закреплено колесико. Всего нами было учтено 6 экземпляров, происходящих из слоев XVI–XVII вв., таких городов как Тула, Орешек, Суздаль, Тверь, известны они и на территории Тушинского лагеря⁸¹. Шпоры имеют горизонтально расположенные, полукруглые или подтреугольные в сечении дужки. Такую же форму имеют держатели колеса. Шпоры XI-го типа, как правило, мелкие, длиной 85–130 мм. Сохранившиеся колеса у шпор, характеризуются большим количеством (от 15 до 24) мелких зубцов, что резко отличает их от более ранних образцов

шпор с колесцовым шипом. Шпоры XI типа относятся к так называемым «острогам немецким», распространение которых связывается с западно-европейской традицией. Именно такими шпорами с короткими изогнутыми шейками снаряжались рейтарские и кирасирские полки Западной Европы⁸². Такие образцы вытеснили в Центральной Европе «гусарские» шпоры. Присутствие в материалах из Тушино шпор двух основных разновидностей (тип X, тип XI), характерных для Центральной Европы конца XVI – начала XVII в., ярко иллюстрирует снаряжение контингента иностранных воинов, присутствовавших в Тушино.

Таким образом, рассмотренные типы формируют две группы, подразделяемые по хронологическому признаку. К первой группе относятся шпоры, время бытования которых приходится на первую треть XIII–XV вв. Ко второй группе относятся шпоры, распространение которых на рассматриваемой территории связывается с концом XVI – серединой XVII в., но, скорее всего, непосредственно связано с периодом Смутного времени. В данном аспекте имеет смысл рассматривать каждую из этих двух групп, с точки зрения общей эволюции, самостоятельно.

Наиболее распространенным среди шпор первой хронологической группы являлись шпоры V типа, которые составляли 32 %. В настоящее время можно отметить, что среди шпор с колесцом, «остроги» V типа являются

⁷⁷ Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжение всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря // Военная Археология. Вып. 1. М., 2008. Рис. 20: 1, 2, 6, 7; Ивченко. Архив ИА РАН. Р1 № 15820.

⁷⁸ Чернов. Архив ИА РАН. Р1 № 14024.

⁷⁹ Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжества Литовского другой паловы XIV – канца XVI ст. С. 222–226.

⁸⁰ Бохан Ю.М. Узбраенне войска... С. 222–226.

⁸¹ Буров. Архив ИА РАН. Р,1 № 8958; Кильдюшевский В.И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Военная археология. 1988. СПб., Рис. 4: 8; 6; Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля. Рис. 8: 3; Дашкова. Архив ИА РАН № 17682; Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжение всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря. Рис. 20: 3–5.

⁸² Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжества Литовского другой паловы XIV – канца XVI ст. С. 225.

наиболее широко представленными в культурных слоях древнерусских городов и селищ, датируемых временем ордынского владычества. К этому же типу (разновидность Va1) относятся самые ранние образцы шпор с колесиком, время появления которых, относится к первым десятилетиям XIII в. В конце (90-е гг.) XIII – середине (возможно третья четверть) XIV в.⁸³ распространяются шпоры варианта Vб. Для типа V, бытовавшего на протяжении XIII в., характерно наибольшее разнообразие способов крепления шпоры к ноге всадника. Такое же разнообразие способов крепления фиксируется для шпор III, IV типа (по А.Н. Кирпичникову), бытовавших в XII–XIII вв. Таким образом, можно отметить, что для данного хронологического отрезка характерно сосуществование как одновременного, так дву-временного крепления шпоры к ноге. Разнообразие петель может также говорить о различных производственных центрах, которые в настоящее время мы выделить не можем. В целом V тип по строению скобы шпоры, и по способу крепления держателя колесца, и по размерным характеристикам (для этого времени характерны сравнительно малые размеры скоб и держателя колесца) демонстрирует четкую преемственность со шпорами III и IV типов, характерных для домонгольской Руси.

Распространение VI типа во второй трети XIV в. знаменовало собой появление целого ряда характерных черт, разительно отличающих шпоры с колесцом от шпор раннего периода. К таковым следует ярко выраженную S-овидную скобу, при сохраняющихся общих размерах, заметное удлинение держателя колесца, увеличение

диаметра самого колесца и, как следствие, – выгибание держателя колесца в сторону от ноги, дабы предотвратить возможное касание шипа колесца с пяткой или основанием икроножной мышцы. С этой же целью ближе к середине XIV в. изготовители шпор начали расширять заднюю часть скобы шпоры или монтировать на ней небольшой отросток, выполнявшего функции стопора. Появление характерной S-овидной скобы во многом определено конструкцией петель крепления, которые выгибаются параллельно линии ступни. Данный выгиб необходим для характерной одновременной системы крепления к ноге (подвариант VIa1 и VIa2). Шпоры подварианта VIa1 распространены по всей рассматриваемой нами территории и судя по технологическим особенностям могли принадлежать к одной производственной традиции, возможно, даже одной мастерской. В любом случае, перед нами яркий образец снаряжения русских воинов второй трети XIV в. Об этом свидетельствуют факты нахождения их в таких знаковых с точки зрения археологии Руси местах, как усадьба Онцифора Лукича, основание второго периода крепостного вала города Коломны и пр. Третий подвариант шпор VI-го типа отличается сложной дву-временной системой крепления (тип VI по А.Н. Кирпичникову). Следовательно, S-овидный изгиб скобы шпоры был не обязателен. Тем не менее, обнаруженные образцы данного подварианта, распространенные преимущественно в городках Московской земли происходящих из слоев, датированных XIV–XV вв. имеют данную форму скобы и характерный стабилизирующий отросток, расположенный в задней

⁸³ Возможно, хронологические рамки бытования данного типа были чуть уже, и датируются 20-ми годами XIII – первыми десятилетиями XIV вв. Фрагменты шпор, обнаруженные в более поздних слоях, могли попасть туда уже в переоплавленном состоянии.

части скобы. Возможно, перед нами более поздний подвариант этого типа, который может быть выделен в отдельный тип при увеличении количества находок, полученных при археологических исследованиях.

Вторая половина XIV в. – период, когда шпоры V типа уже выходят из употребления, распространяется шпора VII типа. Они характеризуются S-овидной формой скобы, увеличенным держателем колеса, и типичной для них единственной формой крепления петли (тип VII по А.Н. Кирпичникову). Перед нами наиболее сложная с точки зрения крепления на ноге конструкция, включающая в себя два ремня, крепившиеся к шпоре зажимами и пряжкой. Для этих шпор характерно применение тех же самых предохранительных мер, что и для шпор VI типа. Не исключено, что применение расширения пяточной части скобы относится к чуть более раннему периоду, которое затем сменилось распространением более простого отростка. Во всяком случае, более поздние шпоры VIII типа уже не имеют расширения в пяточной части, а несут на себе только предохранительный отросток. Рассмотренный тип имеет широкие аналогии в западноевропейской археологии. Фактически данный тип является единственным типом шпор, бытовавшим во второй половине XIV – начале XV в. от Британии до Волыни и Литвы⁸⁴.

В конце XIV – первой половине XV в. на территории русских княжеств, находившихся под владычеством Золотой Орды, массово распространяется новый, VIII тип шпор. Данные шпоры имели одновременное крепление к ноге с пряжкой, прикрепленной к ремню. Также они могли крепиться при помощи веревки. Наиболее круп-

ные образцы имели держатель колеса длиной свыше 10 см. Выделяются два варианта: с наличием предохранительного отростка и без такового. Не исключено, что те шпоры, которые имели предохранительный отросток, употреблялись теми всадниками, которые не имели достаточной (металлической) защиты ног. К слову сказать, шпоры этого типа без крючка (отростка) представлены в значительно меньшем количестве. Представляется важным отметить, что шпоры этого типа по западноевропейским материалам нам не известны. В Западной Европе в это время продолжают развиваться шпоры, выделенного нами VII типа в сторону увеличения размеров держателя колеса и самого колеса. Таким образом, можно предположить, что шпоры типа VIII могли изготавливаться на территории русских княжеств, и оставались последним массовым типом, распространенным в рамках рассматриваемой территории до середины XV в.

Шпоры, как обязательный атрибут «кованых ратей», сражающихся в характерной манере таранных сшибок, довольно широко представлены в археологии Руси средневекового периода. Находки же колесцовых шпор, датируемых XIV–XV вв., ряд которых имели держатель колеса до 10 см, маркировали полный доспех, включающий защиту ног, и крупа лошади, а так же характерную посадку в седле с упором в длинные стремяна вытянутых вперед ног, что позволяло русским воинам выдерживать мощные таранные удары.

Важно отметить, что общее развитие западноевропейских шпор второй половины XV – начала XVI в., отразившееся в появлении так называемых готических шпор, представленными не только на территории Западной и Цен-

⁸⁴ Clark J. The medieval horse and its equipment. P. 142–147; Пивоваров С.В. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Ліпці. С. 204–215.

тральной Европы, но и известных в материальной культуре Великого княжества Литовского, совершенно не отразилось в материальной культуре русских княжеств⁸⁵.

Таким образом, эмпирически подтверждается вывод, сделанный А.Н.Кирпичниковым, об исчезновении из материальной культуры Руси такого вида предметов, как шпора, которая сменяется новыми способами как посадки, так и управления конем при помощи нагайки, имеющими свои истоки в восточной традиции, доминирующей со второй половины XV в. в русском военном деле.

Все полученные выводы, отмеченные выше, в настоящее время носят предварительный характер и могут быть значительно уточнены при пополнении серии находок, которые как мы надеемся, поступят в распоряжение археологов, занимающихся изучением военного дела развитого средневековья.

Возвращение шпор на территорию Московского государства, по всей видимости, следует связывать либо непосредственно с эпохой Смутного времени, либо с периодом, непосредственно предшествующим ей. В это время распространяется два типа, характерных для Центральной Европы, гусарских и рейтарских шпор (тип X–XI), которые наиболее хорошо представлены в материальной культуре Тушинского лагеря и русских городов рубежа XVI–XVII вв.

Таким образом, мы можем выделить два основных периода распространения шпор на рассматриваемой территории. Это период, который имеет общеевропейскую тенденцию развития шпор, которая отмечается с XI в. Распространение разного способа кре-

пления и оформления шпор говорит о сосуществовании различных центров производства этого вида материальной культуры, о безусловном западном влиянии, о разных предпочтениях, которые в различные периоды становятся доминирующими. В настоящее время мы можем говорить о том, что шпоры изготавливались и на территории русских княжеств, отличаясь более простым способом крепления. Они претерпевали общую схему развития в сторону увеличения их размеров, которое требовалось для воздействия на лошадь, при учете распространения сложного пластинчатого доспеха, как всадника, так и верхового коня на протяжении всего рассматриваемого периода от XII – до первой половины XV в. Шпоры со второй половины XV в., являясь ярким маркером развития всего комплекса вооружения, исчезают вместе с копейно-мечевым боем, применявшимся в Западной и Восточной Европе, сменяясь на территории Руси ориентализирующим боем с применением сабли и лука. Следовательно, изменения затронули и способ посадки и управления конем, не подразумевающим столь сложные предметы, как шпоры VIII типа, или еще более серьезные по воздействию на лошадь «готические шпоры», которые продолжают использоваться в пределах Великого княжества Литовского.

Возвращение шпор в конце XVI – начале XVII в. ознаменовало собой закат эпохи ориентализации русского военного дела. Не исключено, что первыми носителями шпор, выпавших в культурные слои этого времени на Руси, были западные наемники или представители воинских формирований самозванцев.

⁸⁵ Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжества Литовского другої паловы XIV – канца XVI ст. С. 225.

Отчеты ИА РАН, на которые дается ссылка в тексте.

1. № 16803. *Беляев Л.А.* Отчет об археологических исследованиях в 1991 г. Московская область, г. Москва. 1991.
2. № 8958. *Буров В.А.* Отчет об археологических раскопках на территории Тульского кремля. 1982.
3. № 10979. *Вишневецкий В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Загорского государственного историко-художественного музея заповедника в Московской области. 1986.
4. № 161, 162. *Голубева Л.А.* Отчет о раскопках 1948 г. в г. Рузе. 1947.
5. № 17682. *Дашикова И.А.* Отчет об охранных работах экспедиции ТНИ ИР центра на Затверецком посаде в 1992 г.
6. № 14342. *Дворников А.С.* Отчет об охранных раскопках экспедиции Тверского государственного музея в г. Твери. 1989.
7. № 12341. *Ивченков В.Л.* Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища Московской области. 1987.
8. № 13789. *Ивченков В.Л.* Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища Московской области. 1989.
9. № 15820. *Ивченков В. Л.* Отчет об исследованиях на территории Волоколамского района Московской области. 1990.
10. № 8923. *Кильдюшевский В.И.* Отчет о раскопках в г. Пскове на ул. Первомайской. 1981.
11. № 9908. *Кильдюшевский В.И.* Отчет о раскопках в Пскове. 1979.
12. № 4288. *Овсянников О.В.* Отчет об археологических раскопках в Копорье. Ленинградская область. 1970.
13. № 434. *Рабинович М.Г.* Отчет о раскопках Тушкова городка. 1950.
14. № 1443. *Рабинович М.Г.* Отчет о раскопках Тушкова городка. 1957.
15. № 14024. *Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москва и Московской области 1988.
16. № 5258. *Юшко А.А.* Отчет о раскопках в г. Звенигород. 1974.

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип, Вар-г
1	134	Москва, Ул. Ордынка 40, Раскоп 3, кв. 150, пл. -370	1994	XIV-XV, слой XVII (?)	архив ЦАИ г. Москвы.	150	72	34	8 лучей, d 25	2 ?	V62
2		Псков	1961-1965	XIII(?)	<i>Кирпичников А. Н.</i> Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1 - 36. Л. 1973. С. 104. № 25. Раскопки Гроздилова Г.П. и Белецкого В.Д.	140		30		7	фр-г
3	78	Мякинино 2, кв. 617, п.с. пл. -41	1995		архив ЦАИ г. Москвы.	120 фр-г	90 деформ.	37	нет	нет	V6
4	160	Мякинино 2 кв. 812 п.с. пл. -85	1995		архив ЦАИ г. Москвы.	130-150	фр-г	фр-г	фр-г	2 ?	V62
5	76	Мякинино 2, кв. 1185, я 860, пл. -58	1997	XIII-XV	архив ЦАИ г. Москвы.	130-150				4	V1a2
6	545	Гостинный двор, Раскоп 6, кв. 24, пл. -773	1998	XIV-XV	архив ЦАИ г. Москвы.	145	82	38		4	V1a2
7	8	Звенигород, пласт 3	1974	XIV-XV	<i>Юшко А.А.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 5258. Рис. 48, 5	150		36		6	V1a3
8	51	Старция, Раскоп 5	1982	XVI-XVII	<i>Хворостова Е.Л.</i> Архив ИА РАН № 10619	83×36				7	фр-г
9	68	Старция, Раскоп 5	1982	XVI-XVII	<i>Хворостова Е.Л.</i> Архив ИА РАН № 10619	94×26				7	фр-г
10	80	Старция, Подземный материал	1982	XVI-XVII	<i>Хворостова Е.Л.</i> Архив ИА РАН № 10619	?					фр-г
11	23	Тула, Раскоп 1, Пл. 1 кв. 9	1982	XVII-XVIII	<i>Буров В.А.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 8958	130		35	9 лучей, d 23	7,1	XI
12	67	Москва, Исторический проезд Москва РБ. Северн. уч. верх слой	1988	XVI-XVIII	<i>Чернов С.З.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 14024?	145	80	85		2,2	
13	413	Москва, Казанский собор АИ, АПС пол под Аркой, строит. слой храма.	1991	XV	<i>Беляев Л.А.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 16803/ Коллекция МИГМ						фр-г
14	22	Казанский собор, Москва, уч. АИ-Д, кв. 1 пл. -265	1992	XVII	<i>Беляев Л.А.</i> Архив ИА РАН № 17947						фр-г
15	1	Псков, Комсомольский пер. Кв. 20, пл. -242	1991	XVI-XVII	<i>Королева Э.В.</i> Архив ИА РАН № 16880						фр-г
16		Бородино, Смоленская область	1958-1959	п.п. XIII	<i>Кирпичников А. Н.</i> Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1 - 36. Л. 1973. С. 104. № 141. Раскопки Селова В.В.; МИА, № 92, 1960, рис. 57, 9	160	90	50		7	фр-г

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петьель по А.Н. Кирпичникову	Тип. вар-г
17		Псков, Романова Горка, раскоп 8, уч. А, кв. 26, пл. 18	1991	XVII-XVIII	<i>Кильдошевский В.И.</i> Архив ИА РАН № 16355						фр-г
18	4	Псков, ул. В.И.Ленина, раскоп V, пл. 6, уч. А, кв. 442, гл.-103	1983	XVII-XVIII	Архив ИА РАН № 9869-9870 а-д	103 фрагмент	80	43			фр-г
19	8	Псков. Изборский III Раскоп, уч IX, кв 227, пл.6	1987	XV	Архив ИА РАН № 12161-12662				11 лучей бронза d 38-40 мм		колесо
20	8	Псков, Никольский раскоп 2, кв. 4, гл. -64	1994	XVI-XVIII (переполжен)	<i>Харлашов Б.Н.</i> Архив ИА РАН № 18714	103 фрагмент	73	26			фр-г
21		Псков, раскоп на ул. Первомайская 4, уч. Б, кв. 52, пл. 5	1979	XVI-XVII?	<i>Кильдошевский В.И.</i> Архив ИА РАН № 9908	90 фрагмент	64	38			фр-г
22		Псков, раскоп на ул. Первомайская 4, уч. В, кв. 114, пл. 6	1979	XVI-XVII?	<i>Кильдошевский В.И.</i> Архив ИА РАН № 9908	80	73	30			фр-г
23		Псков, раскоп на ул. Первомайская 4, уч. Д	1979	XVI-XVII	<i>Кильдошевский В.И.</i> Архив ИА РАН № 9908			25			фр-г
24	858	Псков, раскоп на ул. Первомайская 4, уч. К, кв. 241, пл. 5.	1981	XVI-XVII	<i>Кильдошевский В.И.</i> Архив ИА РАН № 8923	фр		30			фр-г
25	161	Вероя, раскоп 2, кв. 1, гл. -140	1947	переполжен в слоях XVII-XVIII	<i>Голубева Л.А.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 161, 162	158		50		2,2	VIII
26	79	Тушков городок, раскоп 1, кв. 27, гл. -217	1950	XIV-XV	<i>Рабинович М.Г.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 434	145-155		39-42		6	Via3
27	5	Тушков городок, раскоп 5, кв. 24, гл. -144	1957	XIV-XV	<i>Рабинович М.Г.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 1433	140-145		40	фр-г		VI
28	59	Волоколамск, раскоп 2, кв. 9, пл. 1.	1990	XV-XVII	<i>Ивченко В.Л.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 15820	120 без репейки	50	60		2,2	X
29	73	Волоколамск, раскоп 2, кв. 11, пл. 3.	1989	XIV-XV	<i>Ивченко В.Л.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 13789	130 без шипа	86	50		2,2	VIII

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-т	
30	12	Волоколамск, раскоп 3, кв. 1, пл. 2	1987	XV–XVII(переот-лож)	<i>Ивченко В.Л.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 12341					2,2	VIII	
31	39	Волоколамск, раскоп 3, пл. 5, кв. 23	1987	XIV–XV						7	фр-г	
32		Радонезское селение, р. 1, яма 1, пл. -105	1987	XIV–XV	<i>Вишневецкий В.И.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 10979а				7лучей, d 17	2,2	VIII	
33	353	Тверь, уч. 2, кв ж.10, пл.-47	1989	XV	<i>Дворников А.С.</i> Архив ИА РАН. Р1 № 14341-1436	140–150	65	45	фр-г	2,2	VI	
34	560	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII	<i>Двуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящий из сборов на территории Тушинского лагеря. Военная Археология. Вып. 1. М., 2008	83 обло-ман	90	27 обло-ман			фр-г	
35	607\753	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		147 без репейки	92	85 без репейки			2,2 9	X
36	614	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		128	95	65			10	X
37	616	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		90 без репейки	86	50 обло-ман				X
38	617	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		104 без репейки	68	30 без репейки			2,2	X
39	619	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		105 без репейки	95	30 без репейки				XI
40	817	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		100	89	42			2,2 или 8	XI
41	826	Тушинский лагерь	1898	нач. XVII		187	95	114			11	X
42	1	Елифанские слободы. Голино 3	1996	нач. XVII		<i>Двуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения, снаряжения коня и всадника из казачьих слобод Елифанского уезда. Военная Археология. Вып. 2. М., 2011			35			фр-г
43	184	Можайск, раскоп 1	2005	нач. XVII		<i>Янишевский Б.Я.</i> Полевая опись	140	75	85		2,2	X
44	52	Коломна, Соборная пл., ш. 1	1991	переот-ложена (вторая пол. XIII–XV)	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVIII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М. Рис. 7,1	143 без репейки		45		2,2	VIII	
45	4	Коломна, ул. Лажечникова 7	1996	пм	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVIII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., Рис. 7,3	152	110	30		5	VI	

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-т
46	71	Коломна, ул Лажечникова 7, II строгит. горизонт крепостной стены		вторая треть XIV	<i>Маузов А.Б.</i> Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. 2000. С. 67–69. Рис. 113	156	105	40	12 лучей d 40	5	V1a1
47	65	Коломна, Лазарева 17, тр. Г, кв. 7, пл. -105, я. 8.	1998	п.л. XVI	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.						фр-г
48	868	Коломна, Гранатная, кв. 198, пл. -147	1999	XIV – сер. XV	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., Рис. 7, 6	130	75	45		?	VII
49	918	Коломна, Гранатная, пл. -188, я. 235	1999	кон. XIV – п.л. XV	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., Рис. 7, 7	ф	ф	ф	фр-г	?	VII
50	1	Коломна, пер. Москворецкий, кв. 14, 15, пл. -36.	2001	п.м., XIII–XV	<i>Ульянова Т.Н.</i> Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., Рис. 7, 8	115	75	33		8 отверстие маленькое	фр-г
51	346	Селище Устье 3	2003	XIII–70-е годы XIV	<i>Гоняный М.И., Девуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона. Военная Археология. Вып. 3. Тула., 2014			петля		3	фр-г
52	528	Селище Устье 3	2002	XIII–70-е годы XIV				петля		3	фр-г
53	526	Селище Устье 3	2002	XIII–70-е годы XIV	<i>Гоняный М.И., Девуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона. В печати			петля		3	фр-г
54	51	Селище Федоровка 6	2006	XIII–70-е годы XIV					6 лучей, d 36		колесо
55	73	Селище Федоровка 6	2006	XIII–70-е годы XIV	<i>Гоняный М.И., Девуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона. Военная Археология. Вып. 3. Тула., 2014	140		30		5	V6

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колесца	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-г
56		Селище Куликовка 4		п.п. XIII	<i>Гоняный М.И., Двуреченский О.В.</i> Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XIII – последней трети XIV вв., происходящий с территории поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона. В печати				8 лучей, d 40		колесцо
57	126	Селище Архангельское 1	2007	п.п. XIII					19 лучей, d 45		колесцо
58		Селище Куликовка 4		п.п. XIII				петля		3	фр-т
59		Городище Корнике		XIII–п.п. XIV	<i>Клянин Р.В.</i> Находки предметов вооружения с городища летописного города Корнике // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 128, 132. Рис. 3, 15				7 лучей, d 35		колесцо
60		Городище Корнике		XIII–п.п. XIV	<i>Клянин Р.В.</i> Находки предметов вооружения с городища летописного города Корнике // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 128, 132. Рис. 3, 16				12 лучей, d 32		колесцо
61		Городище Гальчино, подъемный материал	1996	XIII–XV	<i>Кренке Н.А., Янишевский Б.Е.</i> Городище у д. Гальчино на реке Протве // Макарьевские чтения. Вып. VII. Можайск, 2000. С. 605. Илл. 12, 8				13 лучей, d 43		колесцо
62		Городище Гальчино, подъемный материал с северного склона площадки городища		XIV–XV	<i>Кренке Н.А., Янишевский Б.Е.</i> Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. VIII. Можайск, 2001. С. 275. Илл. 2	144	83	33	6 лучей, d 33	6	Vla3
63		Корела Дегинец	1972–1973	п.п. XIV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. С. 48. Табл. XX, 1	135	67	24		6 6	Va
64		Бывш. Переяславский уезд Владимирской губернии		XIV–XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX, 2.					7	VII
65		Старая Ладога	1958	XIV–нач. XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX, 3. Раскопки Корзухиной Г.Ф. Эрмитаж, ОИПК, ЛК, 32	135		41		2,2	VIII
66		Случайная находка, бывш. Санкт-Петербург. губ		XIV–XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX, 4	170		41	8 лучей	2,2	VIII
67		Корела Дегинец.	1972–1973	п.п. XIV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. С. 48. Табл. XX, 5	140		42		2,2	VIII
68		Серенск		в.п. XIV–п.п. XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX, 6	145		50	8 лучей	7,1	VII
69		Ямгород	1996	в.п. XIV–п.п. XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX, 11	170		39		5	Vla1

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип пегель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-г
70		Новгород, усадьба Онцифры Лукича, Неревский раскоп 13-1116	1959	середина XIV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С. 187. Рис. 21, 4	151	85	35		5	V1a1
71		Новгород, Неревский раскоп, 5-565	1959	в.п. XV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С. 189. Рис. 23, 11	160	90	40	9 лучей, d 30	4	V1a2
72		Никульино, ок. Вятки, из слоя городища.	1960	XIII(?)	<i>Кирпичников А.Н.</i> Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. С. 104. № 19 в табл. Раскопки Гусаковского ЛП. Сведения Гусаковского ЛП.					7	фр-г
73		Новгород, траншея на ул. Горького	1959	XIV-XV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С. 187. Рис. 21, 5	160	80-90	35	10 лучей, d 35	4	V1a2
74		Новгород, Неревский раскоп, 3-1625	1955	п.п. XV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XX 16. № КП 35338 1346 Новгородский музей	240	100	115	18 лучей, d 38	2	VIII
75		Новгород, Неревский раскоп, 11-894	1954	середина XIV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С. 186. Табл. 21. № КП 35338 1352 Новгородский музей	135	90	20		5	V6
76		Новгород, Неревский раскоп, 13-1244	1959	середина XIV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. С. 186. Табл. 21. № КП 35338 1363 Новгородский музей	103	95	20	15 лучей, d 25		V6
77		Новгород, Неревский раскоп, 16-835	1959	XIV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. Табл. 21.	150					фр-г
78		Новгород, церковь Параскевы Пятницы	1959	XV	<i>Медведев А.Ф.</i> Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. Табл. 21	170		100	30		VIII
79		Новгород, Нутный раскоп	1988	в.п. XIV – п.п. XV	<i>Гайдужов П.Г.</i> Нутный раскоп						инд
80		Новгород, Нутный раскоп	1988	в.п. XIV – п.п. XV	<i>Гайдужов П.Г.</i> Нутный раскоп. Рис. 57, 10	78	48	38	12 лучей, d 14	10	инд
81		Москва, Коломенское, раскоп у ц. Вознесения	1976	XIV – перв. треть XVI	<i>Беляев Л.А.</i> Керамический комплекс из коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. Табл. 103,е	150		45		7	VII
82		Никулинское городище	1998	XII-XV	<i>Макаров Л.Д.</i> Военное дело вятчан в XII-XV вв // Военная археология. 1998. СПб., С. 218.				8 лучей	7	VII

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колесца	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-г
83		Орешек	1998	XVI-XVII	<i>Кильдюшевский В.И.</i> Оружие XIV-XVI вв из раскопок крепости Орешек // Военная археология. 1988. СПб., Рис. 4, 7	85	80	35	9 лучей, d 20	10	XI
84		Орешек	1998	XVI-XVII	<i>Кильдюшевский В.И.</i> Оружие XIV-XVI вв из раскопок крепости Орешек // Военная археология. 1988. СПб., Рис. 4, 12			75			фр-т
85		Орешек	1998	XVI-XVII	<i>Кильдюшевский В.И.</i> Оружие XIV-XVI вв из раскопок крепости Орешек // Военная археология. СПб., 1988. С. 75, 77						фр-т
86		Москва, Кремль, Ивановская площадь	1975	XIII	<i>Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д.</i> Предметы военного снаряжения и оружие из раскопок в московском кремле // СА. 1979. № 2. Рис. 2, 10	140	81	36	6 лучей d 25	5	V65
87		Москва, Кремль, раскоп 1, юго-западная часть Теремов	1959	XIII-XIV	<i>Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д.</i> Предметы военного снаряжения и оружие из раскопок в московском кремле // СА. 1979. № 2. Рис. 2, 11	132?		45	более 9 лучей		VIII
88		Спас-Городок	1980	XIV-XV	<i>Никольская Т.Н.</i> К пятисоплетию "стояния на Угре" // СА. 1980. № 4. Рис. 5, 2					2,2	VIII
89		Спас-Городок	1980	XIV-XV	<i>Никольская Т.Н.</i> К пятисоплетию "стояния на Угре" // СА. 1980. № 4. Рис. 5, 3						фр-т
90		Спас-Городок	1980	XIV-XV	<i>Никольская Т.Н.</i> К пятисоплетию "стояния на Угре" // СА. 1980. № 4. Рис. 5, 4					7	VI
91		Ростиславль Рязанский, яма 86	1995	середина XIV	<i>Коваль В.Ю.</i> Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М., 2004. Рис. 8	91	79	13	9-10 лучей, d 20	6 6	V61
92		Изборское городище		XIII	<i>Артёмьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108	нет	нет	нет	нет	н	фр-т
93		Изборское городище		XIII	<i>Артёмьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108	нет	нет	нет	нет	н	фр-т
94		Воронач		XIII?	<i>Артёмьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108. Рис. 79, 3	135		30		7	VII
95		Изборская крепость		XIV-XV	<i>Артёмьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108. Рис. 79, 6	148	нет	30	8 лучей, d 38	6 6	V61
96		Изборская крепость		XIV-XV	<i>Артёмьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108	нет	нет	нет	нет	н	фр-т

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип Варт
97		Изборская крепость		XIV–XV	<i>Артемьев А.Р.</i> Города Псковской земли. М., 1998. С. 108	нет	нет	нет	нет	н	фр-т
98		Изборская крепость		XIV–XV		нет	нет	нет	нет	н	фр-т
99		Поселение Котово 1, раскоп 1, яма 6	2004	XV	<i>Гонялый М.И.</i> Архив ЦАИ Куликово поле. Московская область Истринский район поселение Котово. Рис. 3, 1	145	95	45		7	VII
100		Поселение Котово 1, раскоп 1, яма 14	2004	посл. треть XV – сер. XVI	<i>Гонялый М.И.</i> Архив ЦАИ Куликово поле. Московская область, Истринский район, поселение Котово. Рис. 3, 2			35		7	VII
101		Крестцы городище	1974	XIII (?)	<i>Никитин А.В.</i> Городище у мог. Крестцы // КСИА. № 139. М., 1974. Рис. 32, 8				10-11 лучей, d 30		колесо
102		Серенск	1974	XIII–XV	<i>Никольская Т.Н.</i> Военное дело в городах земли вятичей // КСИИМК. № 139. М., 1974. Рис. 12, 19.	132?			9 лучей, d 30	6 6	Va
103		Лавское селище, раскоп 1, постройка 6	1991	в.п. XIII – п.п. XIII (?)	<i>Тропин Н.А.</i> Десять лет археологических исследований Елецкого пединститута // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. Рис. 3, 11	164	95	58	8 лучей, d 38	2,2	VIII
104		Селище 5 у с. Аргамач-Пальна		XIII–XV	<i>Тропин Н.А.</i> Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999. Рис. 16, 1	140 без репейки	83	30 без репейки	нет	7	VII
105		Суздаль	1991	XIII (?)	<i>Данилов В.В.</i> Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-востока Руси. М., 1991. Рис. 7, 4	б/м	б/м	б/м	б/м	2	VIII
106		Суздаль, окольный город	1991	XIV–XV	<i>Данилов В.В.</i> Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-востока Руси. М., 1991. Рис. 7, 5	б/м	б/м	б/м	б/м	2	VIII
107		Суздаль, окольный город	1991	XIV–XV	<i>Данилов В.В.</i> Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-востока Руси. М., 1991. Рис. 8, 2	б/м	б/м	б/м	б/м	2	VIII
108		Суздаль	1991	XVI–XVII	<i>Данилов В.В.</i> Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-востока Руси. М., 1991. Рис. 8, 3	138					XI

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колеса	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Вар-г
109		Новгород, Неревский 7-(421-470)	1959	XIV-XV	<i>Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА 65. М., 1959. Рис. 23, 12</i>	98	70	30	колесо из пластины, d 20	инд	IX
110		Копорье, раскол. 1 строит горизонт.	1970	XVI-XVII	<i>Овсянников О.В. Архив ИА РАН № 4288</i>	100	78	24			фр-г
111		Селище Дмитровское 2, раскол 4-110-01	2007	XIV-XV	<i>Цыбин М.Г., Гак Е.И. Архив ЦАИ Куликова поля.</i>	110 фр-г		35 фр-г			фр-г
112		Новгород, Неревский раскол, 9-1629	1957	XIV-XV	КП 35338 1350 Новгородский музей	165	95	31		5,6	V64
113		Новгород, Неревский раскол, 28 (?) - 1815	1958		КП 35338 1351 Новгородский музей	147	89	6м		2	VIII
114		Новгород, Неревский раскол, 14-2097.	1961	XIV	КП 35338 1361 Новгородский музей	137	85?	35		5	VIa1
115		Новгород, Неревский раскол, ?-?	1957		КП 35338 1353 Новгородский музей	128		35			V6
116		Новгород, Неревский раскол, 12-1652	1957	XIII-XIV	КП 35338 1349 Новгородский музей	133	81	28		3	фр-г
117		Новгород, Неревский раскол, 10-191	1952	XIV	КП 35338 1365 Новгородский музей				12 лучей, d 40		колесо
118		Новгород, Никитинский раскол 23-135			Новгородский музей				32 лучей, d 47		колесо
119		Новгород, Торговый раскол, колодец-32	1971		КП 25295 A14-160 Новгородский музей	95	90	24			IX
120		Новгород, Дмитриевский раскол, выброс	1976		КП 26519 A44-100 Новгородский музей	175	105	65	19 лучей, d 35	7	VII
121		Новгород, Дмитриевский раскол, 6-3	1976		КП 26519 A44-101 Новгородский музей			40		инд	IX
122		Новгород, Людопоцкий раскол, 10-19	1972		КП 25295 A17-56 Новгородский музей			45	12 лучей, d 45		колесо
123		Новгород, Дубошин раскол, 18-7	1977		КП 27359 A47-232 Новгородский музей	150	105	33		5,6	фр-г
124		Новгород, Тихвинский раскол, 15-47	1969		КП 25291 a3-282 Новгородский музей	110		25		6	V6

п/п	№ в описи	Объект	Год	Дата	Источник	Общая длина	Ширина	Длина держателя	Форма и размеры колесца	Тип петель по А.Н. Кирпичникову	Тип. Ва-т
125		Новгород, Ильинский раскоп IVa?, 14-312	1965		КП18202 А84-643 Новгородский музей						фр-т
126		Новгород, Ильинский раскоп, IVa? 26-65	1964		КП118202 А84-370 Новгородский музей	120		30			инд
127		Новгород Ильинский раскоп, IVa?, подъемка	1966		КП20043 А61-180 Новгородский музей	120		30			инд
128		Рюриково городище, подъемный материал	1976		КП25402 А26-147 Новгородский музей	85	80	40		инд	IX
129	107	Новгород, Троицкий раскоп II, 6-110	1974	кон. первых лет – кон. 20-х гг. XIV	<i>Кирпичников А.Н.</i> Военное дело на Руси в XIII-XV вв. М., 1976. Табл. II, 6	136		25	6	3?	V63
130	5(68)	Новгород, Троицкий раскоп V, 4-360	1978	руб. XIII – XIV	<i>Андрienko А.В.</i> Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого (по материалам Троицкого раскола) // Дипломная работа Истфак МГУ. М., 2004			26		5	V6
131	127 (20)	Новгород, Троицкий раскоп VII, 3-520	1983	руб. XIII – XIV –40-е гг. XIV		111		18		6	V6
132	179 (26)	Новгород, Троицкий раскоп VIII, +I-744	1984	50-е – 90-е гг. XIV		130?		26		3,3?	V63
133	315 (27)	Новгород, Троицкий раскоп IX, 2-901	1989	40-е – 60-е гг. XIII	<i>Андрienko А.В.</i> Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого (по материалам Троицкого раскола) // Дипломная работа Истфак МГУ. М., 2004						фр-т
134	194 (5.6)	Новгород, Троицкий раскоп X, 2-1039	1989	90-е гг. XIII – 60-е гг. XIV		150	62	26	10 лучей, d 25	3, 3	V63
135	18	Новгород, Троицкий раскоп XII, 3-1542	1996	80-е – 90-е гг. XIV				20			фр-т
136	225 (66)	Новгород, Троицкий раскоп XII, 7-1482	1997	10-е – 40-е гг. XIII	<i>Андрienko А.В.</i> Снаряжение коня и всадника Новгорода Великого (по материалам Троицкого раскола) // Дипломная работа Истфак МГУ. М., 2004	146	68	27	7 лучей, d 30	6 6	Va
137	106	Тверь, Затверецкий посад, раскоп 5, уч. 1	1992	XVII-XVIII	<i>Дашкова И.А.</i> Архив ИА РАН. № 17682	83	76	25	15 лучей, d 25	2,2	XI

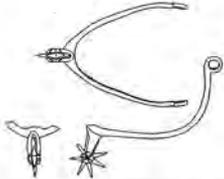
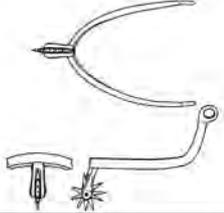
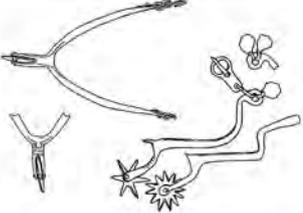
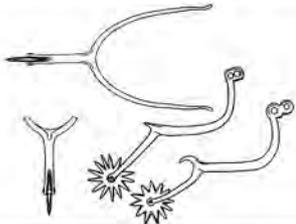
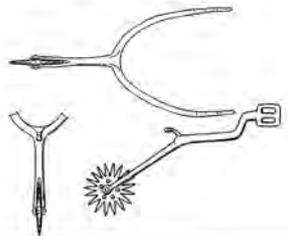
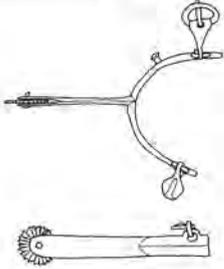
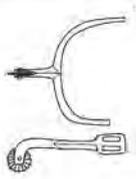
	Вариант А	Вариант Б
Тип V		
Тип VI		
Тип VII		
Тип VIII		
Тип IX		
Тип X		
Тип XI		

Рис. 1. Общая типология шпор второй половины XIII–XVII вв.

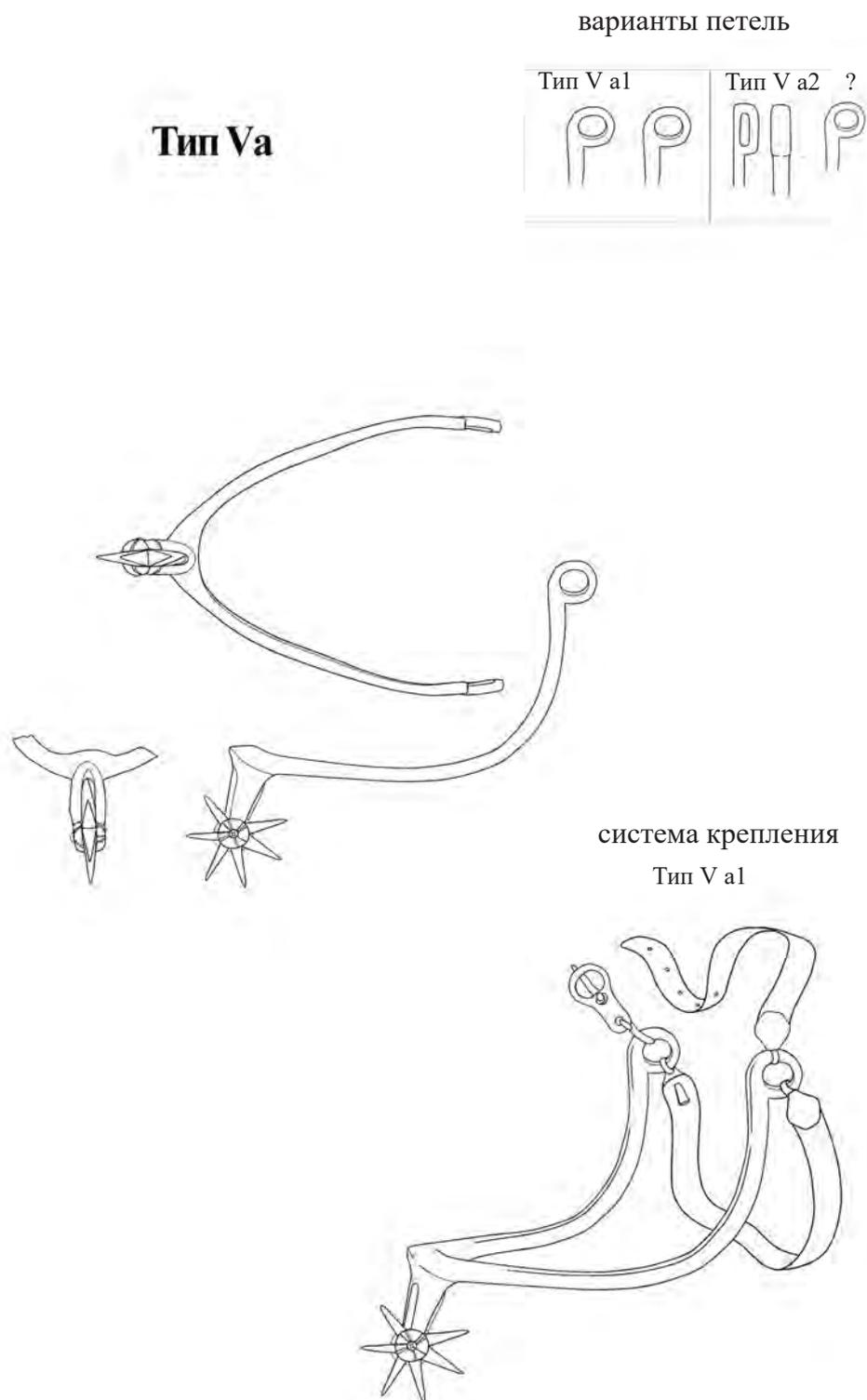

Рис. 2. Колесцовые шпоры Тип Va. Примерная система крепления для шпор тип Va1. Варианты петель, известные для данного варианта.

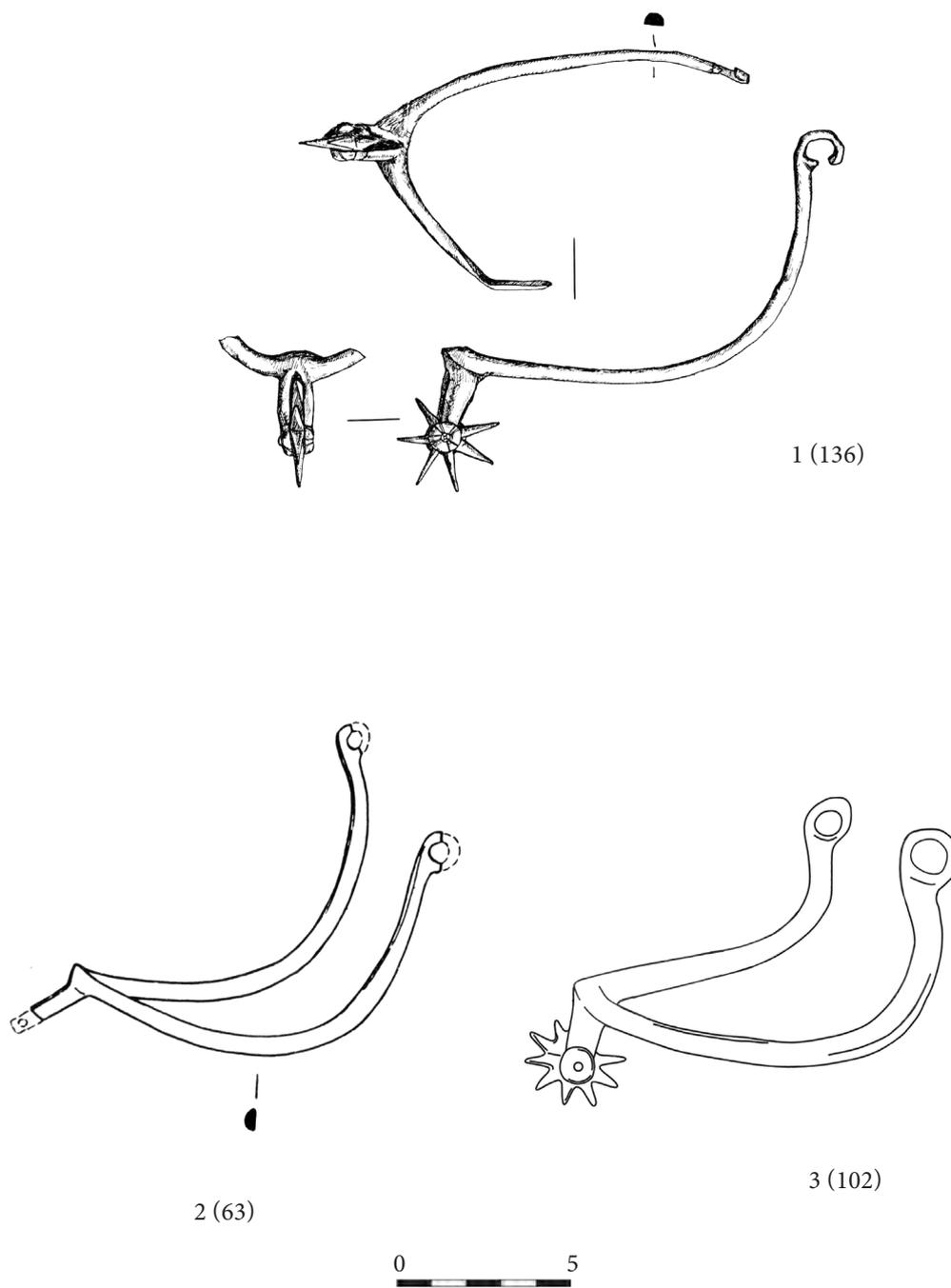
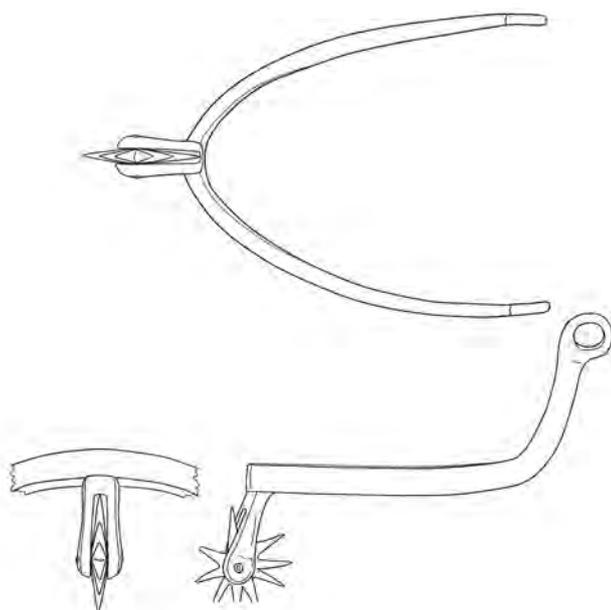

Рис. 3. Колесцовые шпоры Тип Va: 1 – (163) Новгород Троицкий раскоп XII 7-1482; 2 – (63) Корела; 3 – (102) Серенск.

варианты петель

система крепления

Тип V 64

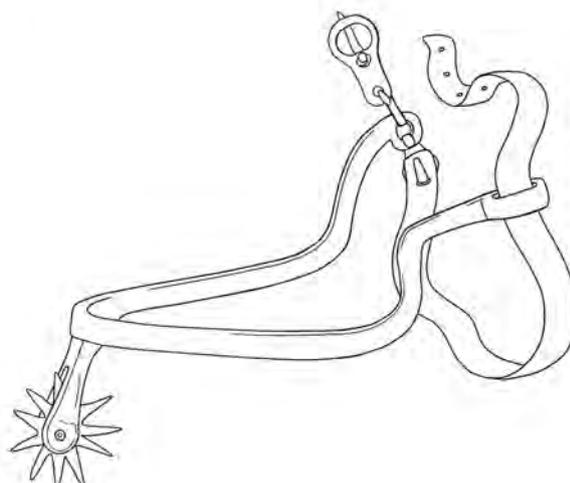
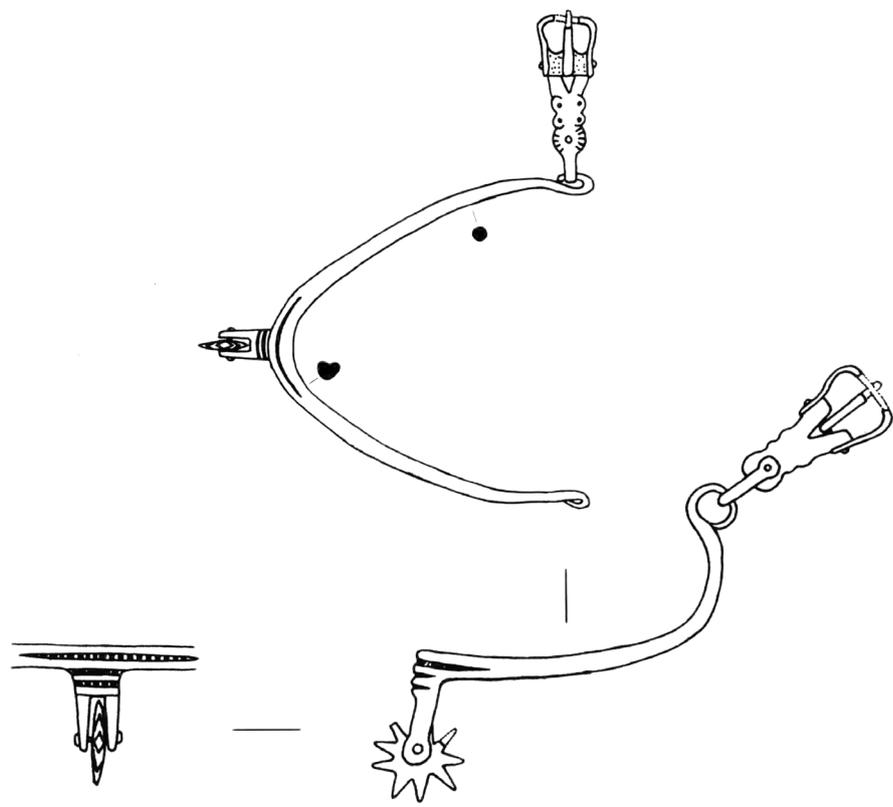
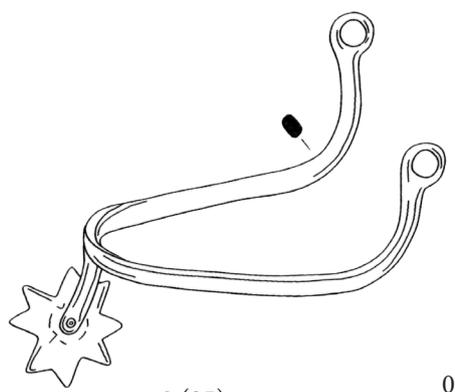

Рис. 4. Колесцовые шпоры Тип V6. Примерная система крепления для шпор тип V64. Варианты петель, известные для данного варианта.

1 (91)

2 (95)

Рис. 5. Колесцовые шпоры Тип Vб1: 1 – (91) Ростиславль Рязанский, яма 86; 2 – (95) Изборская крепость.

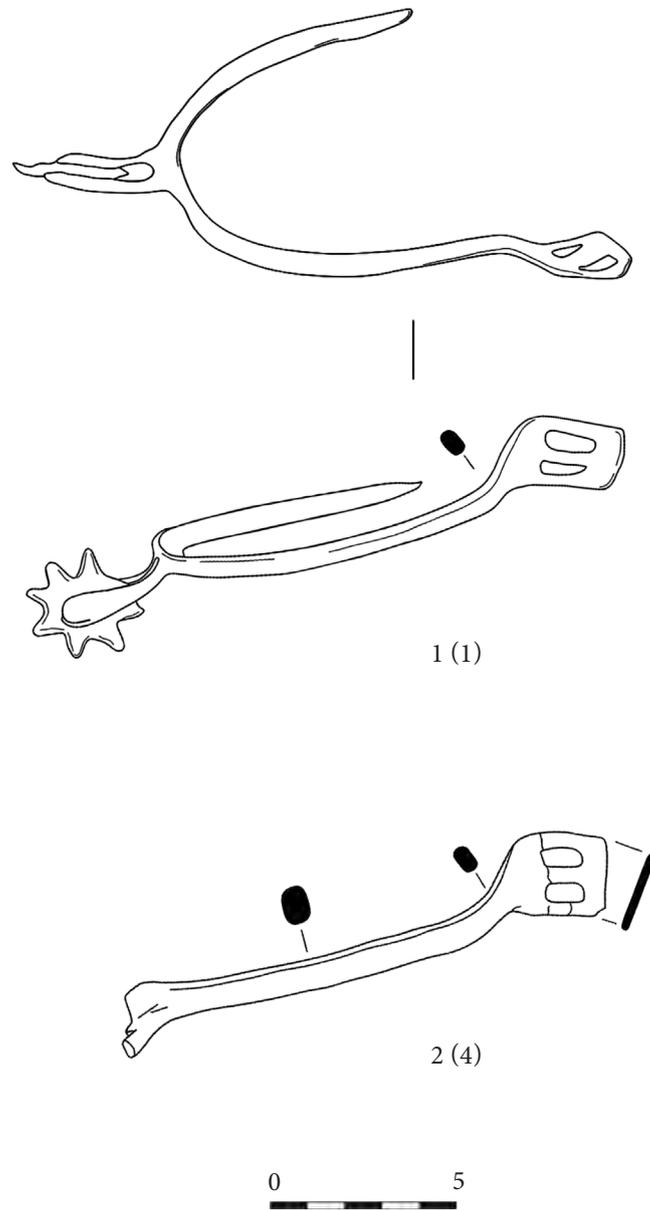

Рис. 6. Колесцовые шпоры Тип V62: 1 – (1) Москва. Ул. Ордынка 40, Раскоп 3.; 2 – (4) Мякинино 2, пахотный горизонт.

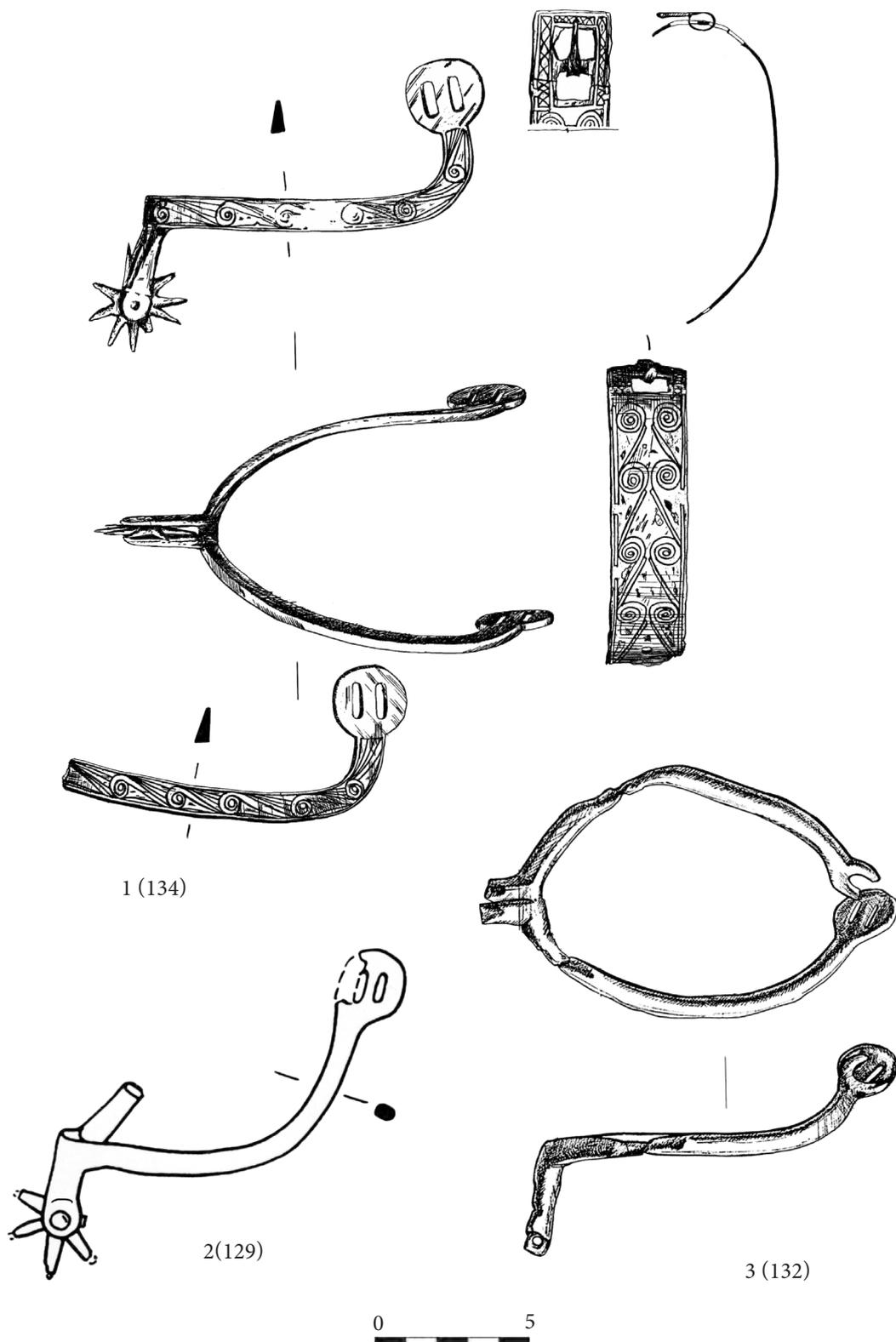

Рис. 7. Колесцовые шпоры Тип V63: 1 – (134) Новгород, Троицкий раскоп X 2-1039; 2 – (129) Новгород Троицкий раскоп II 6-110; 3 – (132) Новгород, Троицкий раскоп VIII +1-744.

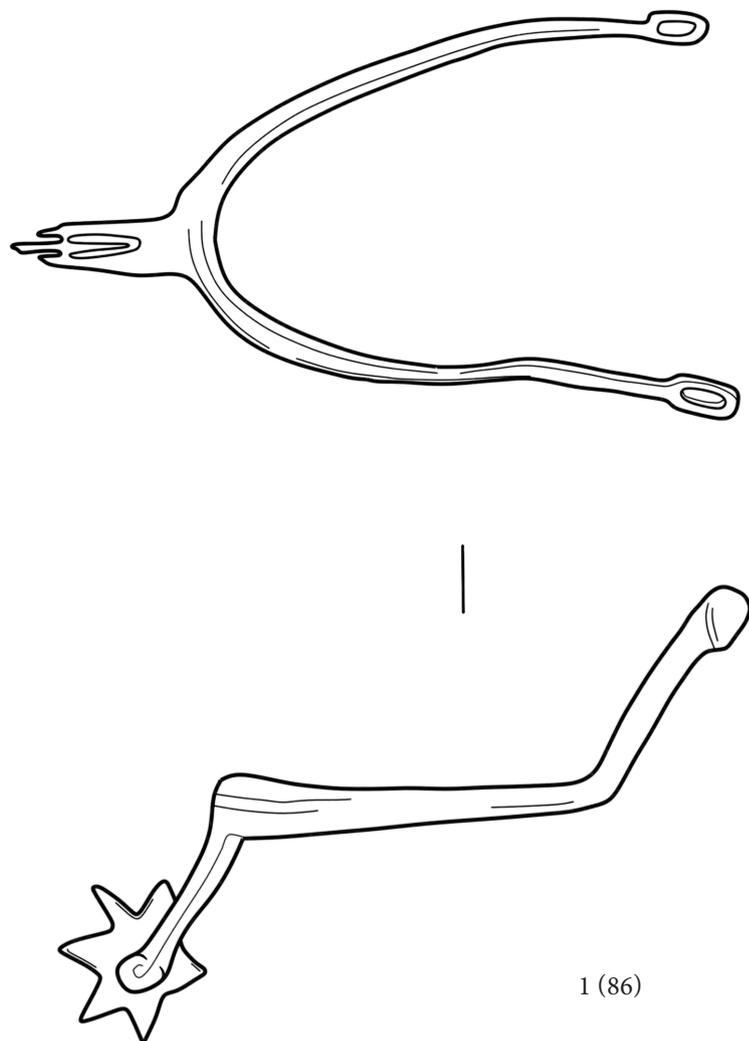

Рис. 8. Колесцовые шпоры Тип V65: 1 – (86) Москва, Кремль, Ивановская площадь.

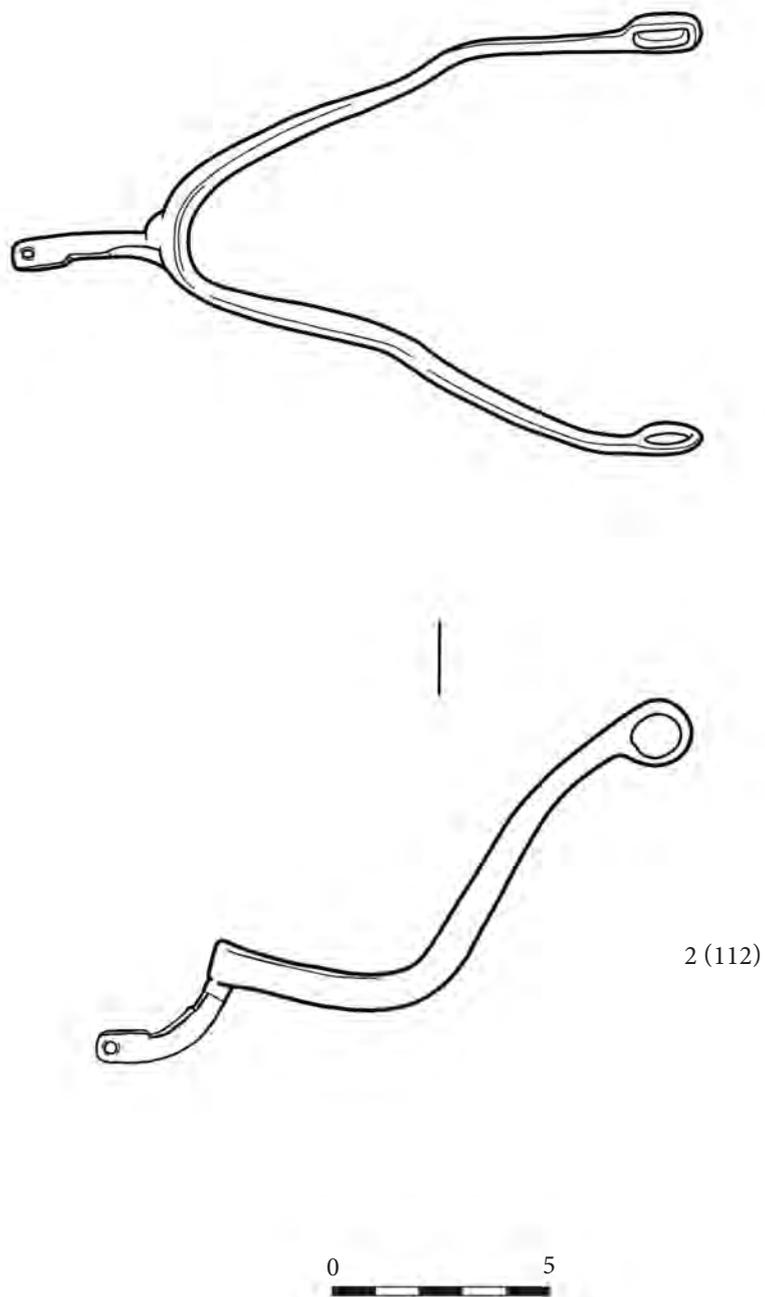

Рис. 9. Колесцовые шпоры Тип V64: 1 – (112) Новгород, Неревский раскоп, 9-1629.

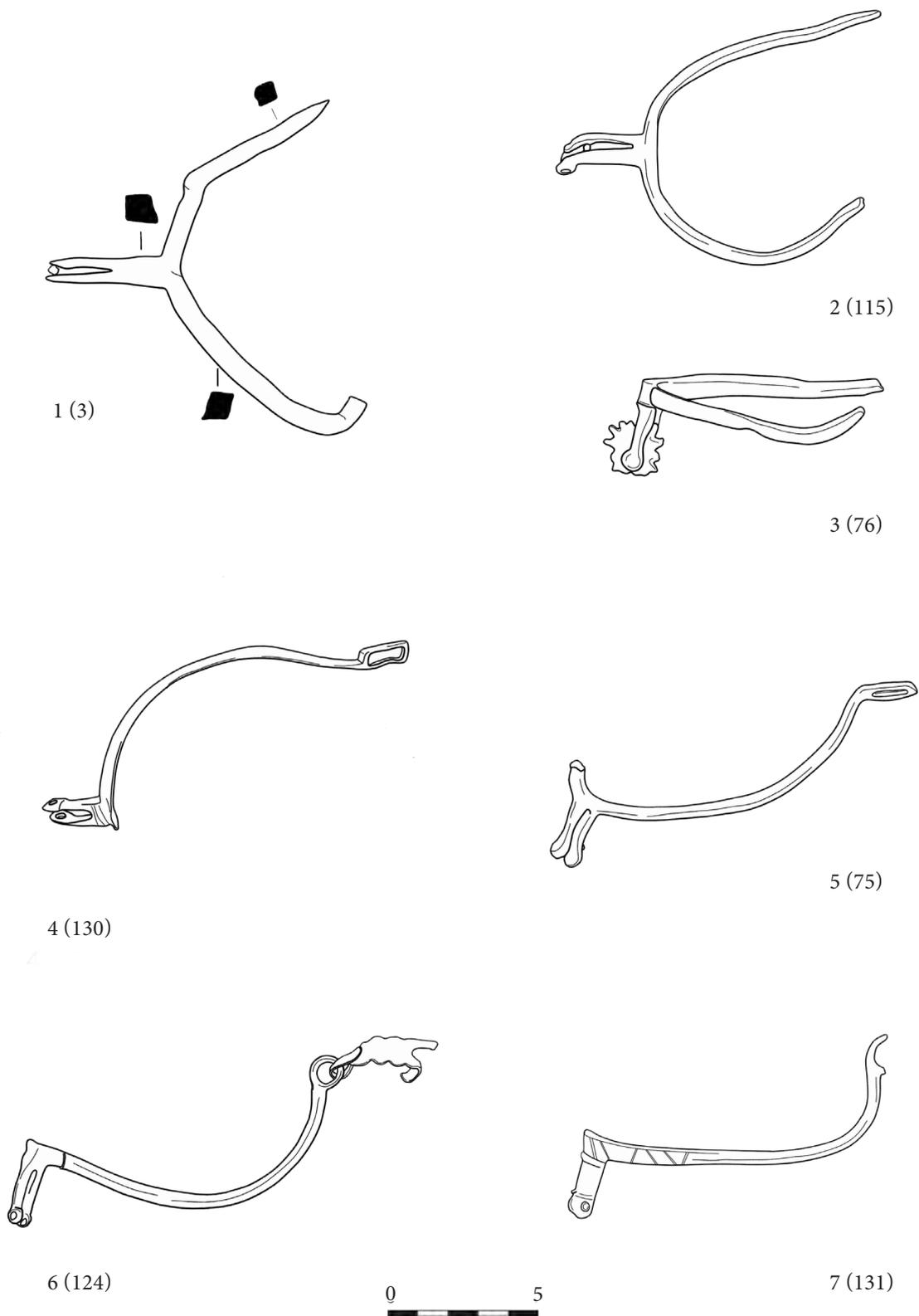

Рис. 10. Колесцовые шпоры Тип V6 (фрагментированные): 1 – (3) Мякинино 2, пахотный горизонт.; 2 – (115) Новгород, Неревский раскоп; 3 – (76) Новгород, Неревский раскоп, 13-1244; 4 – (130) Новгород, Троицкий раскоп V 4-360; 5 – (75) Новгород, Неревский раскоп, 11-894; 6 – (124) Новгород, Тихвинский раскоп 15-47; 7 – (131) Новгород, Троицкий раскоп VII 3-520 .

варианты петель

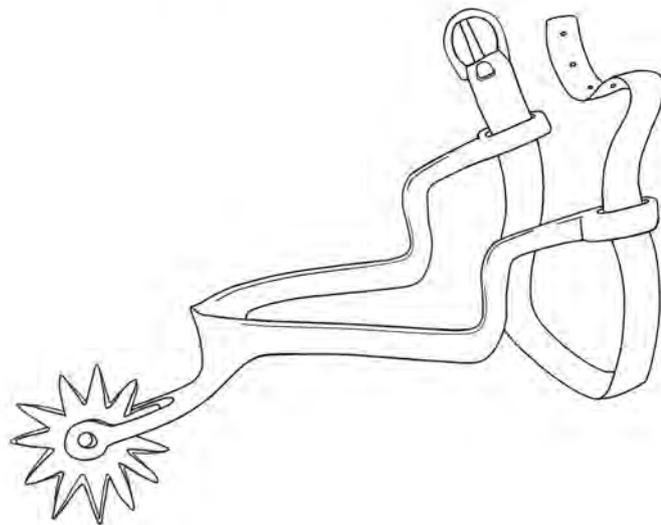
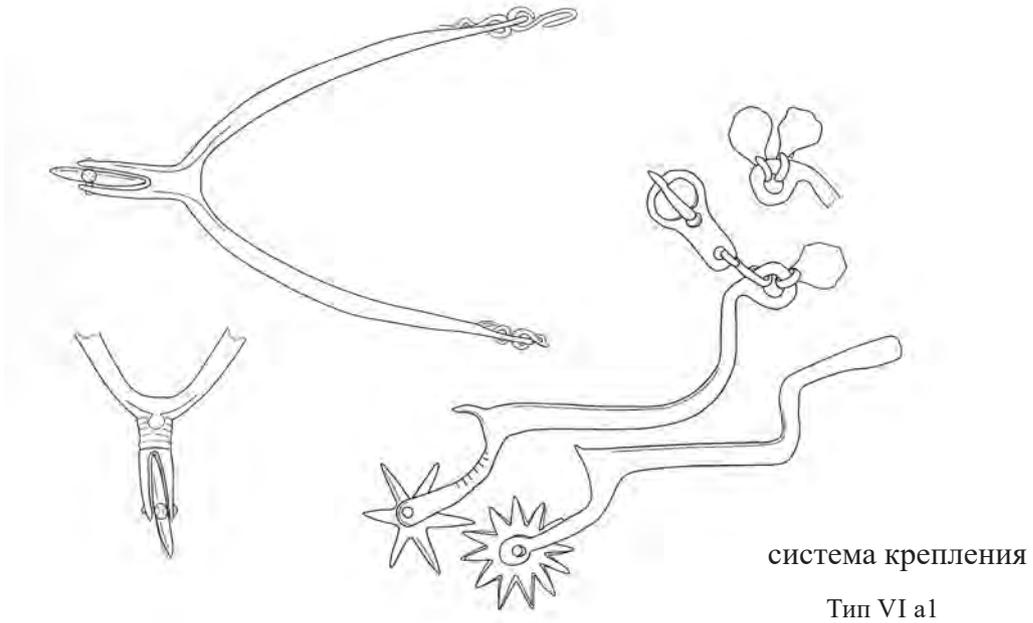
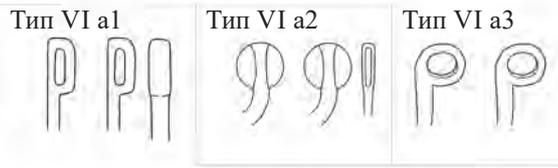

Рис. 11. Колесцовые шпоры Тип VI. Примерная система крепления для шпор тип VIa1. Варианты петель, известные для данного типа.

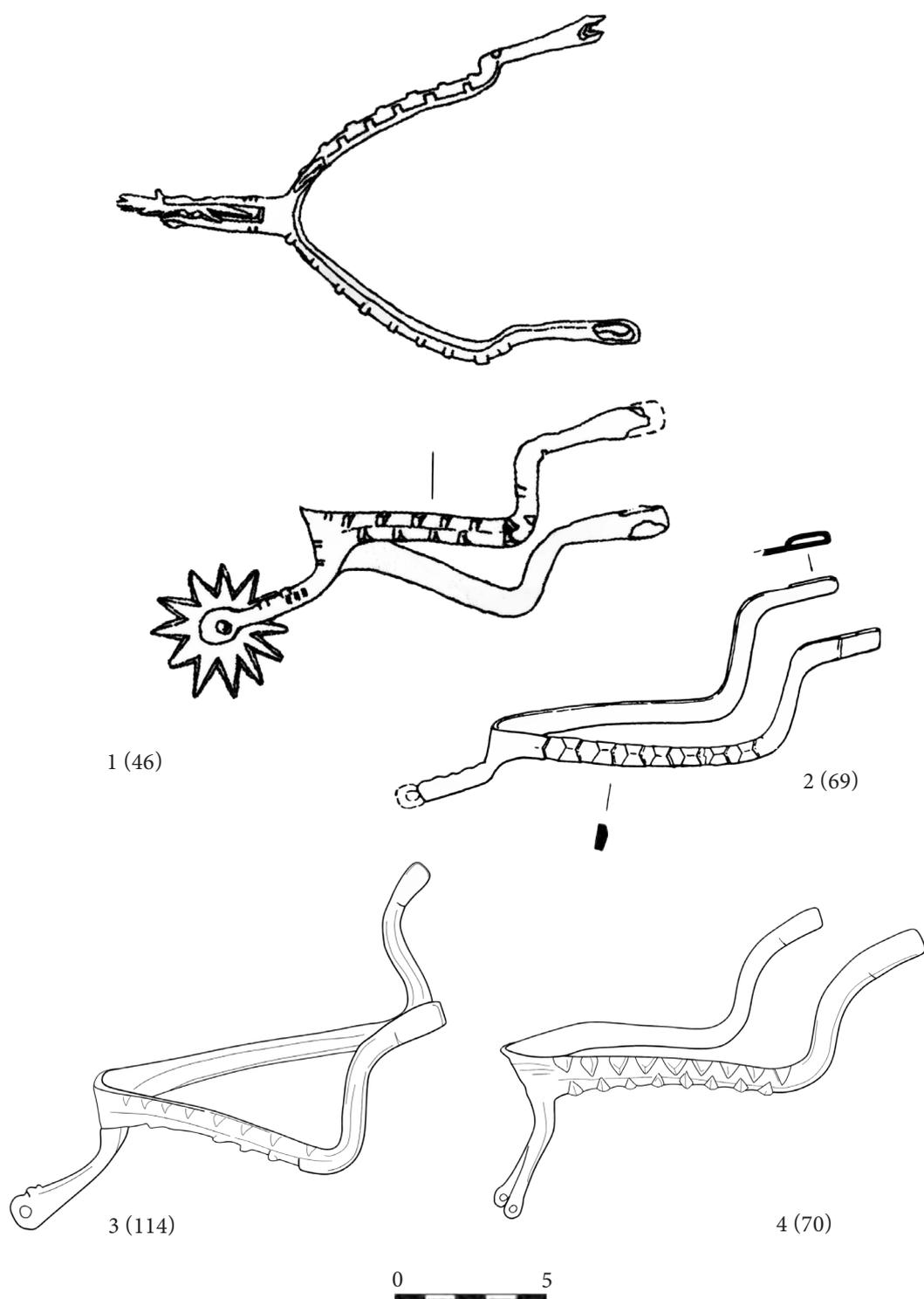

Рис. 12. Колесцовые шпоры Тип VIa1: 1 – (46) Коломна. Ул. Лажечникова 7, II строит. горизонт крепостной стены.; 2 – (69) Ямгород; 3 – (114) Новгород, Неревский раскоп, 14-2097; 4 – (70) Новгород, Усадьба Онцифира Лукича, Неревский раскоп, 13-1116.

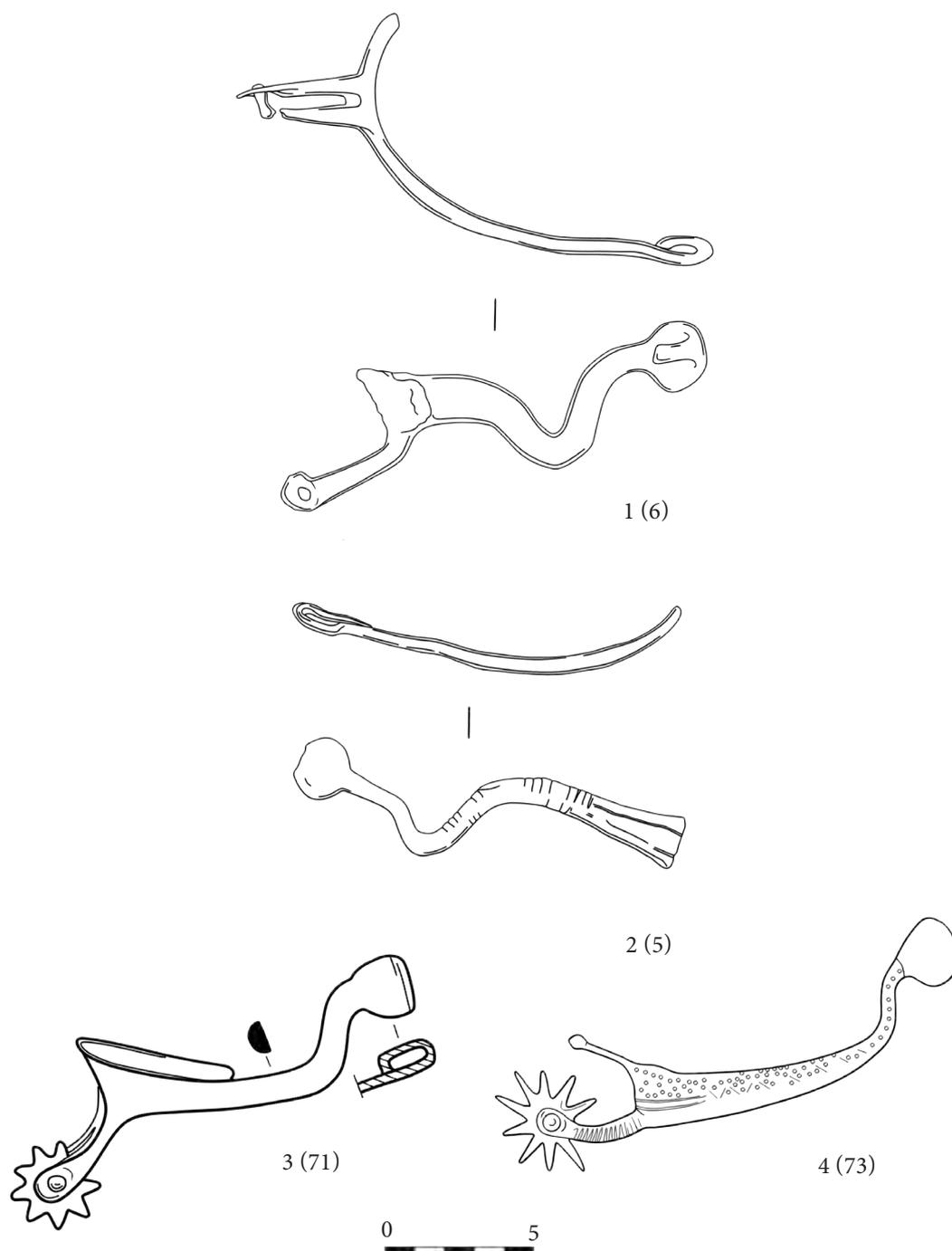

Рис. 13. Колесцовые шпоры Тип VIa2: 1 – (6) Москва, Гостинный двор. Раскоп 6. кв. 24, гл. -773; 2 – (5) Мякинино 2, кв. 1185, я 860; 3 – (71) Новгород, Неревский раскоп, 5-565; 4 – (73) Новгород, траншея ул. Горького.

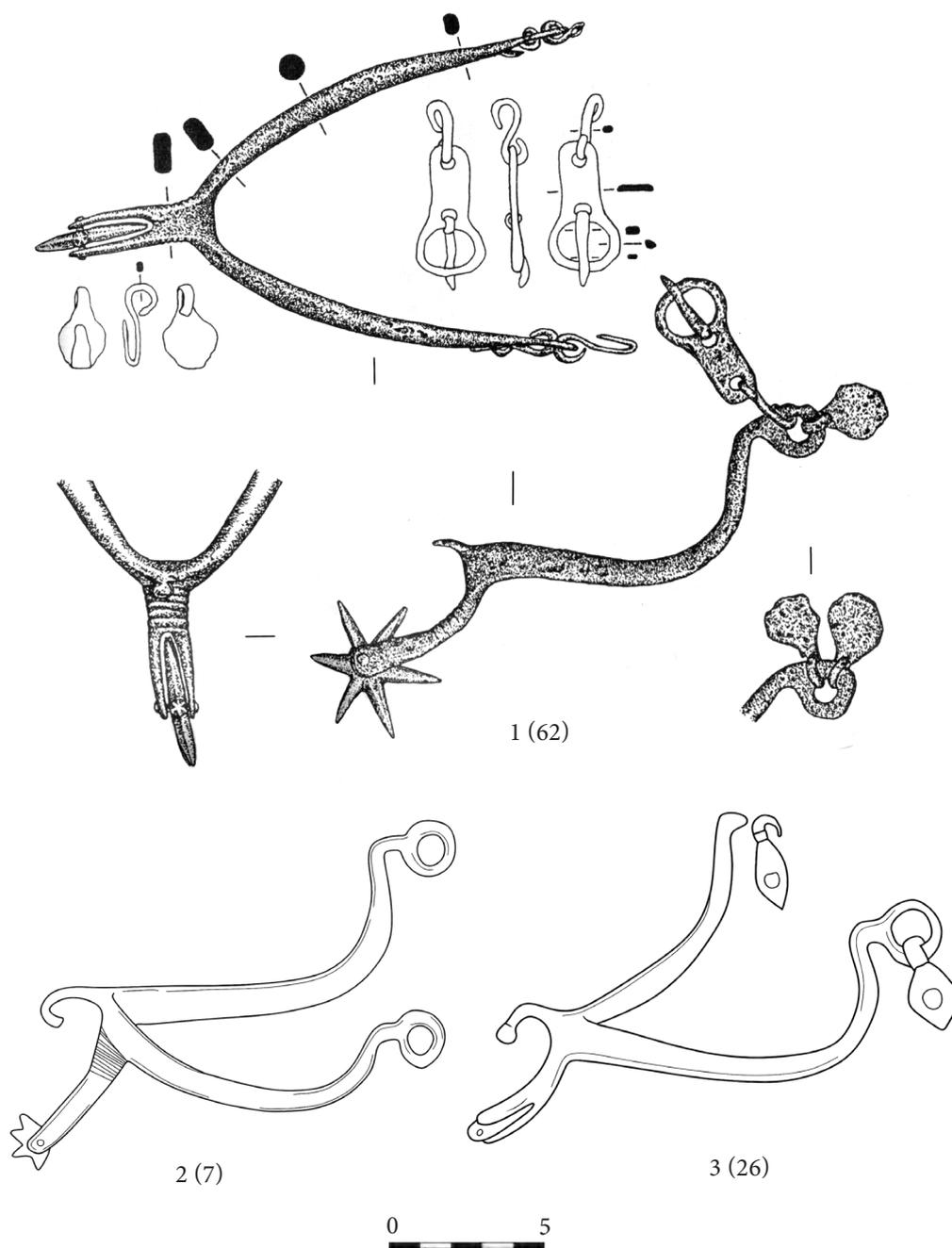

Рис. 14. Колесцовые шпоры Тип VIa3: 1 – (62) Городище Гальчино, подъемный материал с сеерного склона площадки городища; 2 – (7) Звенигород, пласт 3; 3 – (26) Тушков городок. Раскоп 1, кв. 27, гл. -217.

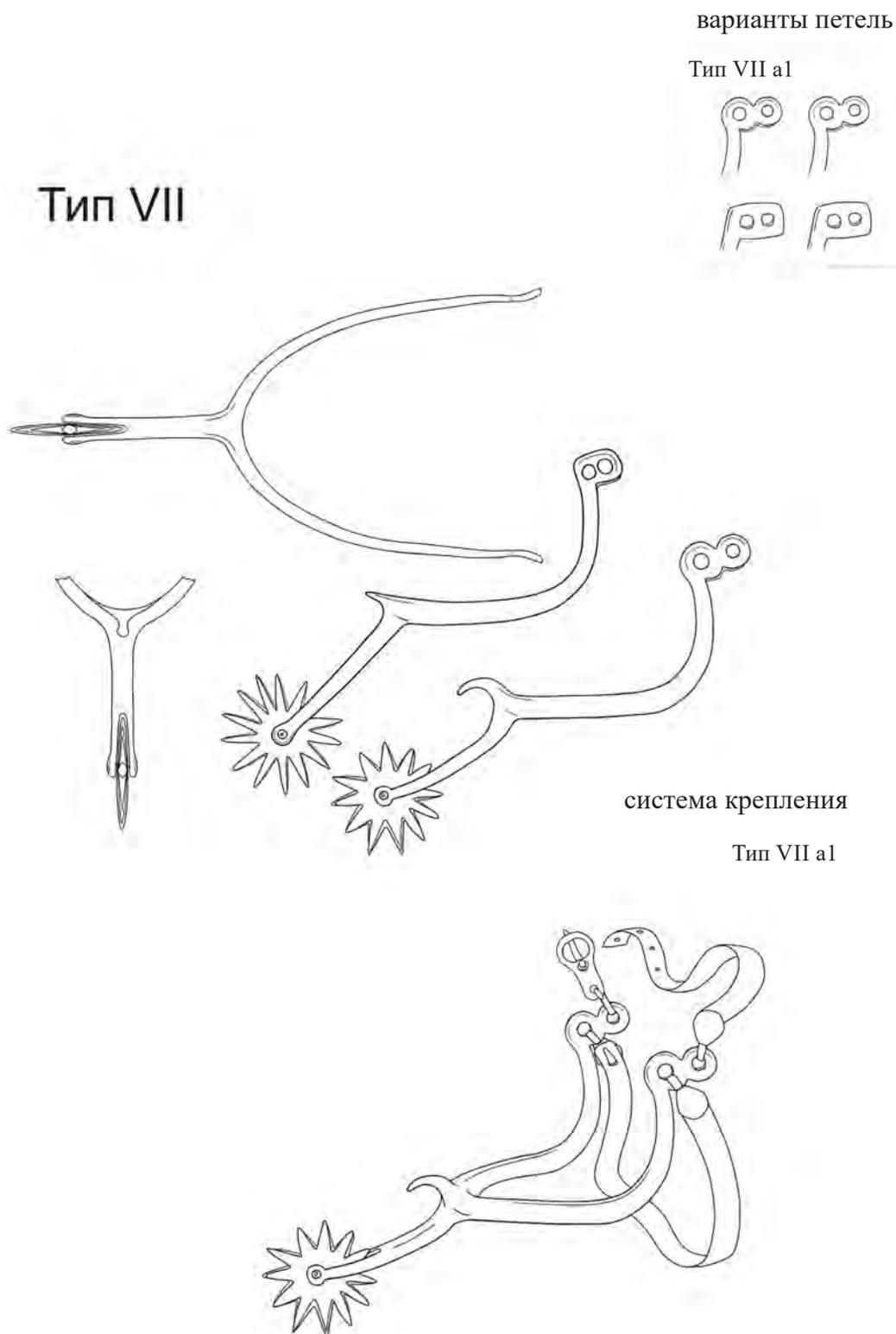

Рис. 15. Колесцовые шпоры Тип VII. Примерная система крепления для шпор тип VII. Варианты петель, известные для данного типа.

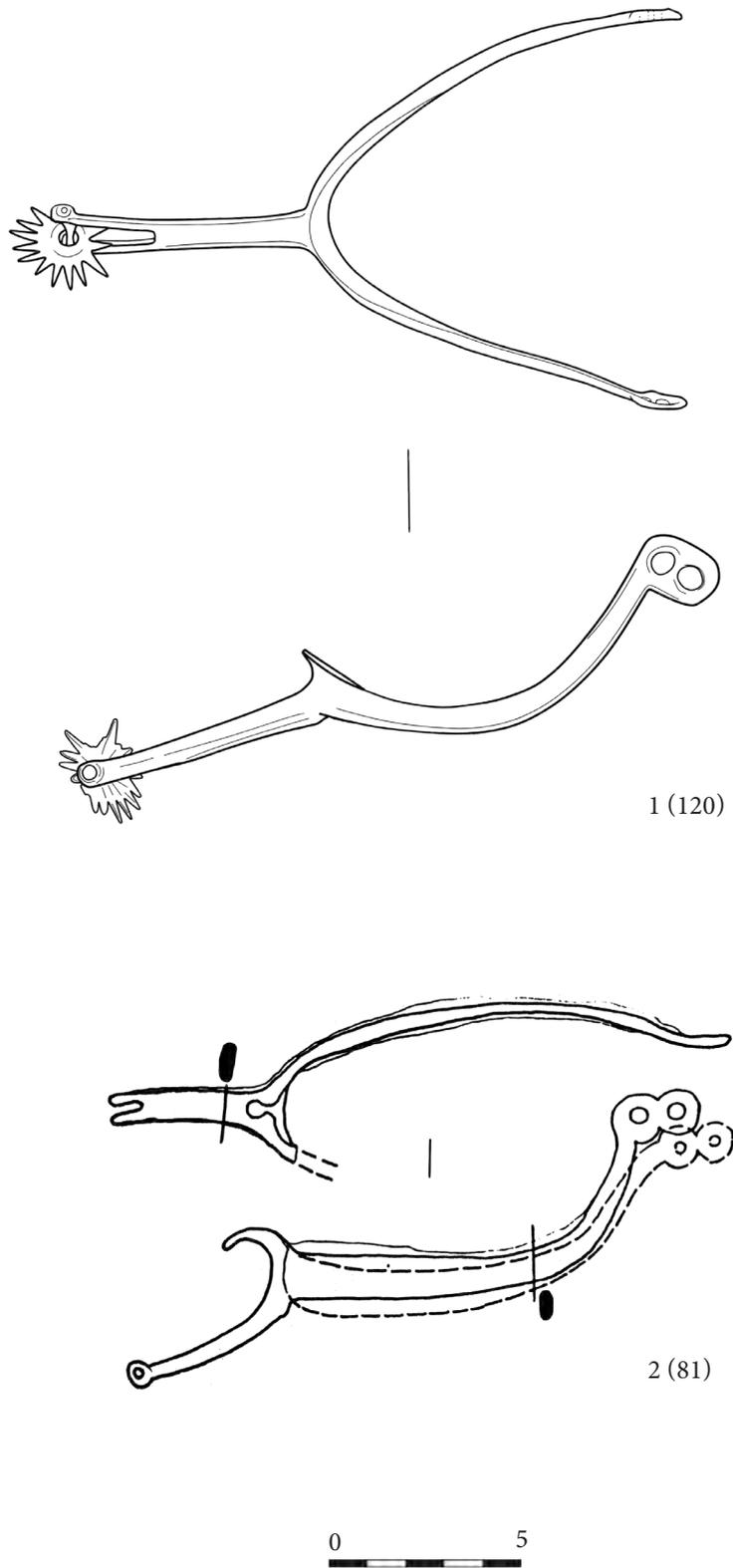

Рис. 16. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (120) Новгород. Дмитриевский раскоп, выброс.; 2 – (81) Москва, Коломенское. Раскоп у ц. Вознесения.

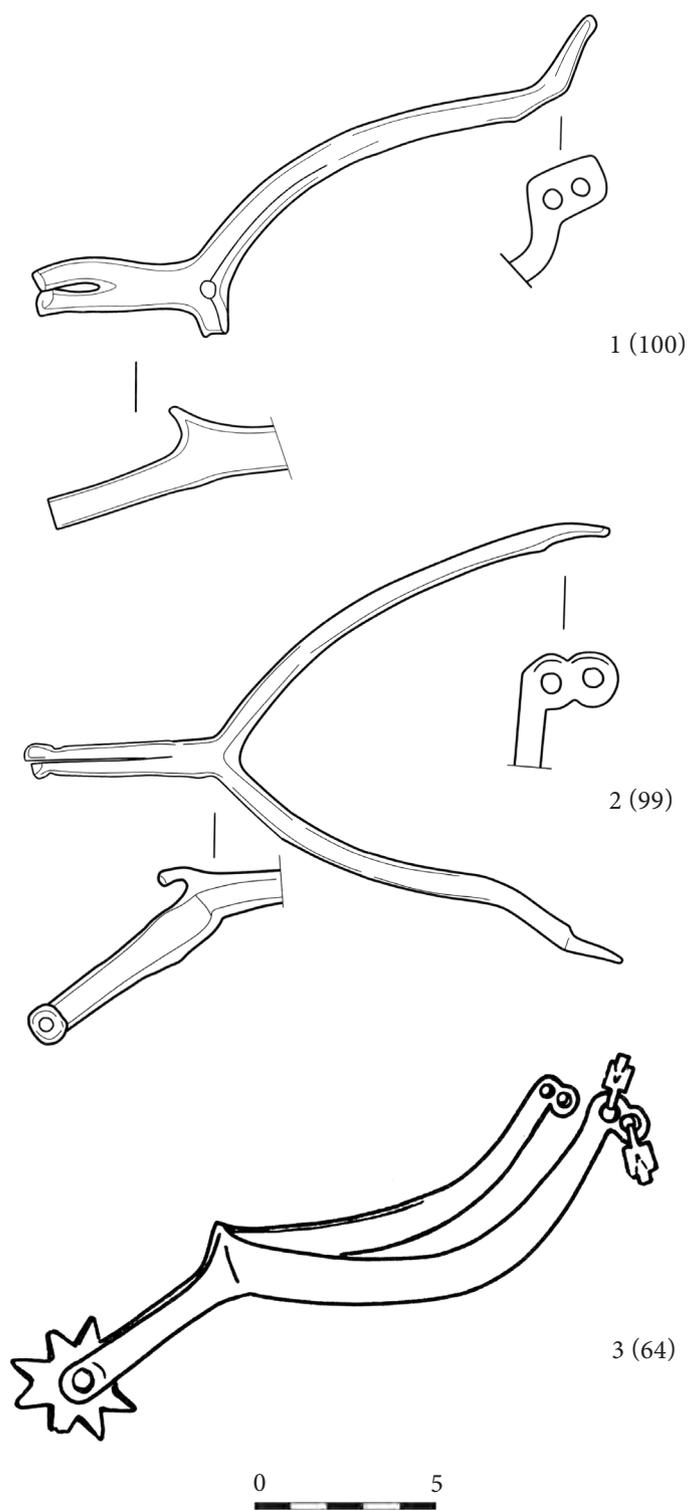

Рис. 17. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (100) поселение Котово1, Раскоп 1. Яма 14; 2 – (99) поселение Котово1, Раскоп 1. Яма 6; 3 – (64) бывш. Переяславский уезд Владимирской губернии. Случайная находка.

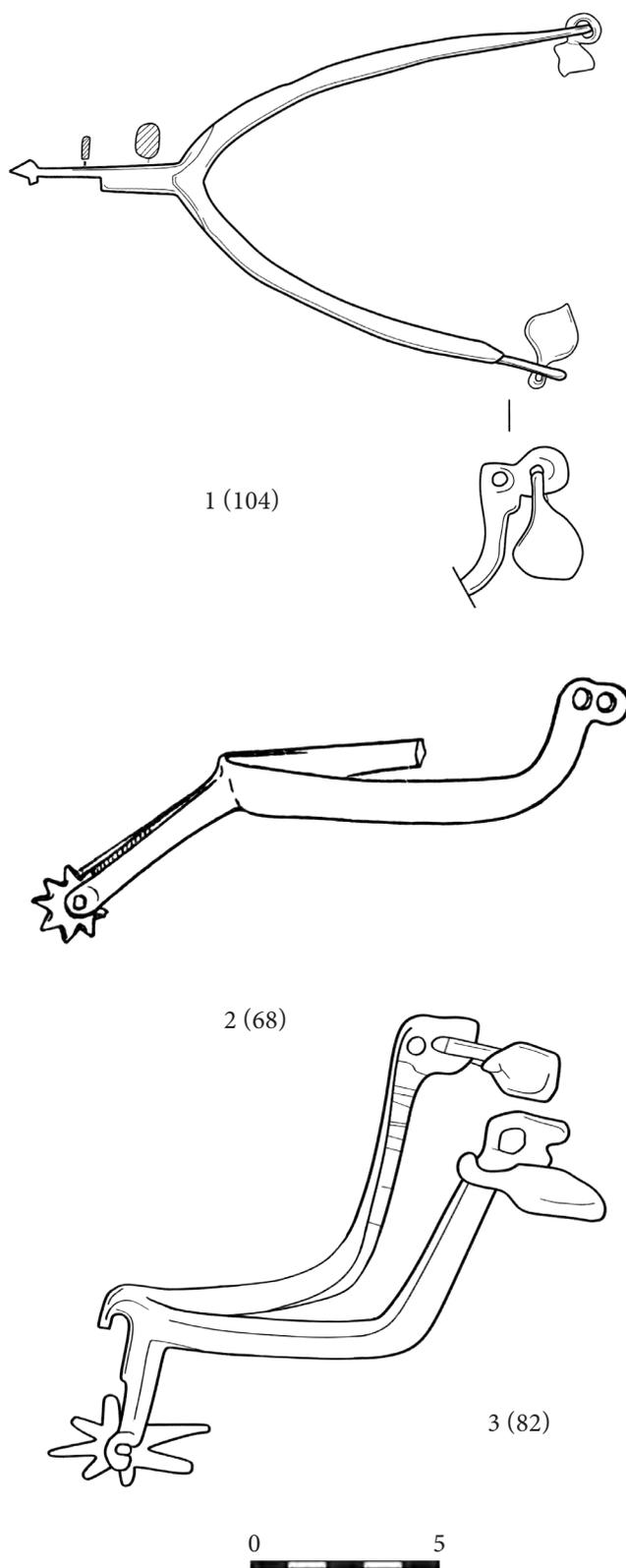

Рис. 18. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (104) селище 5 у с. Аргамач-Пальна; 2 – (68) раскопки в Серенске; 3 – (82) Никулинское городище.

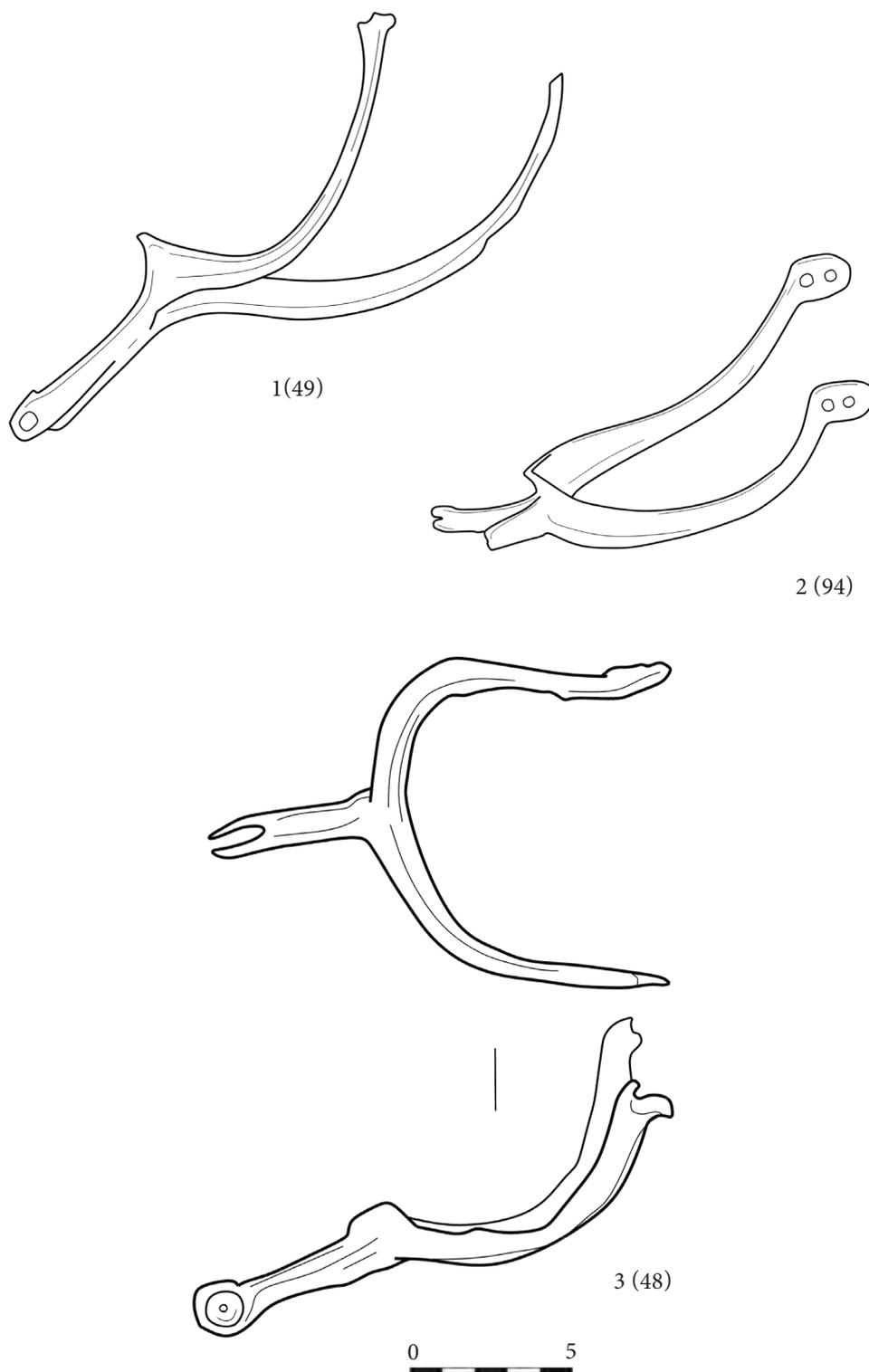
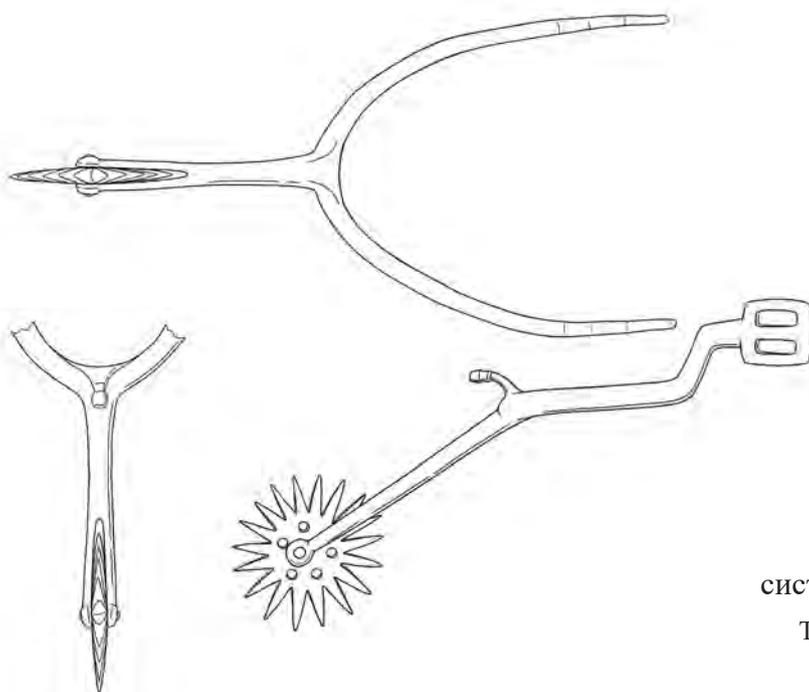
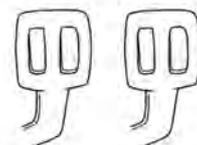

Рис. 19. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 - (49) Коломна. Гранатная. Гл.-188. я. 235.; 2 - (94) Воронач; 3 - (48) Коломна. Гранатная. Кв. 198. Гл.-147.

Тип VIII

варианты петель

Тип VIII a1

система крепления

Тип VIII a1

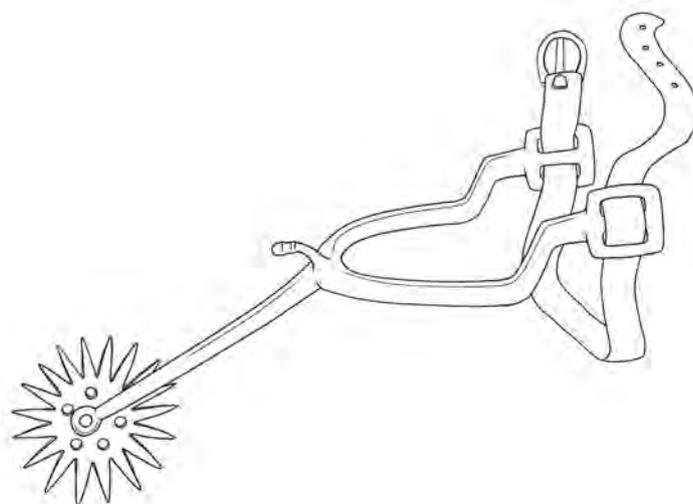

Рис. 20. Колесцовые шпоры Тип VIIIa. Примерная система крепления для шпор тип VIII. Варианты петель, известные для данного типа.

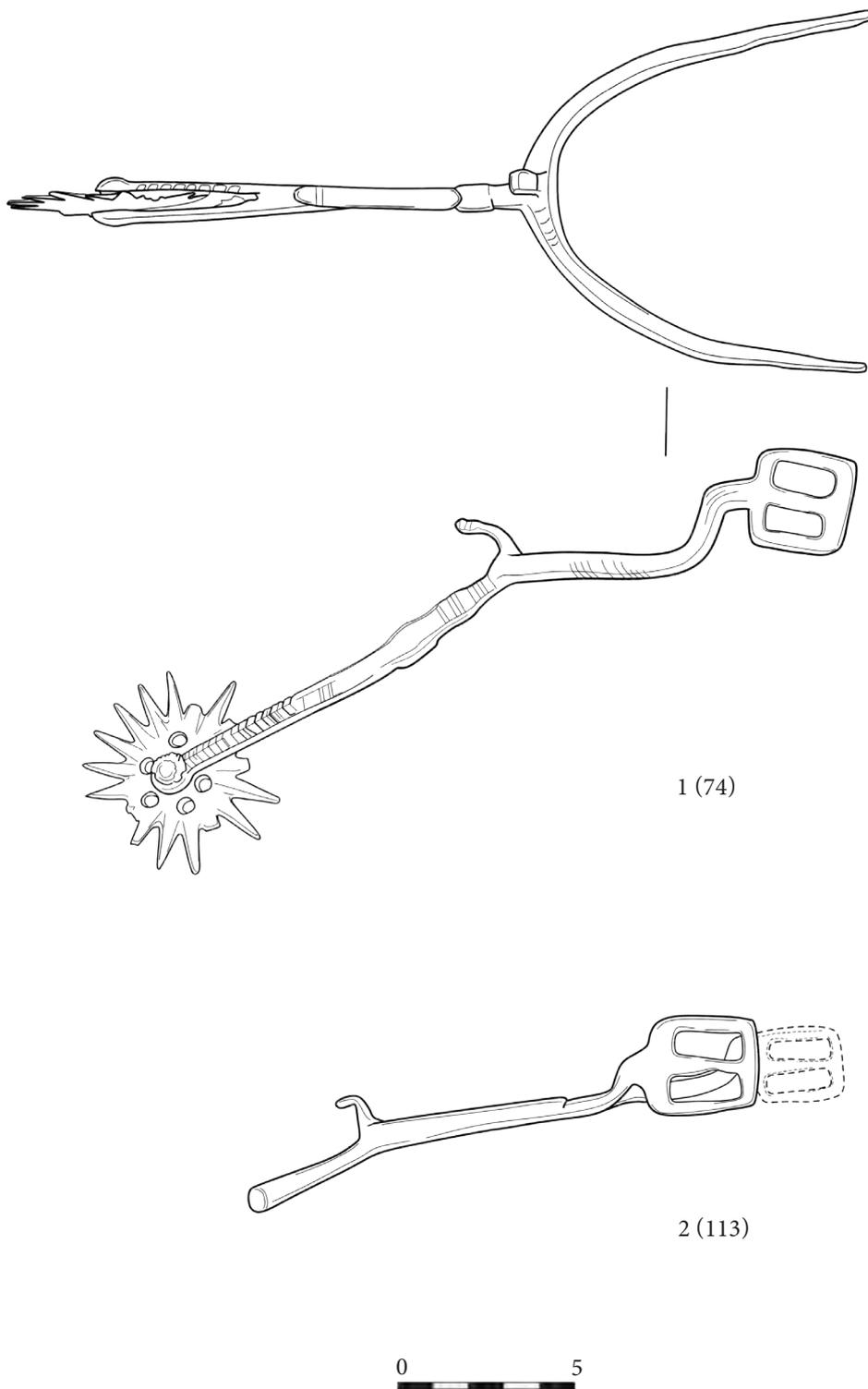

Рис. 21. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (74) Новгород, Неревский раскоп 3-1625; 2 – (94) Новгород, Неревский раскоп, 28 (?) -1815.

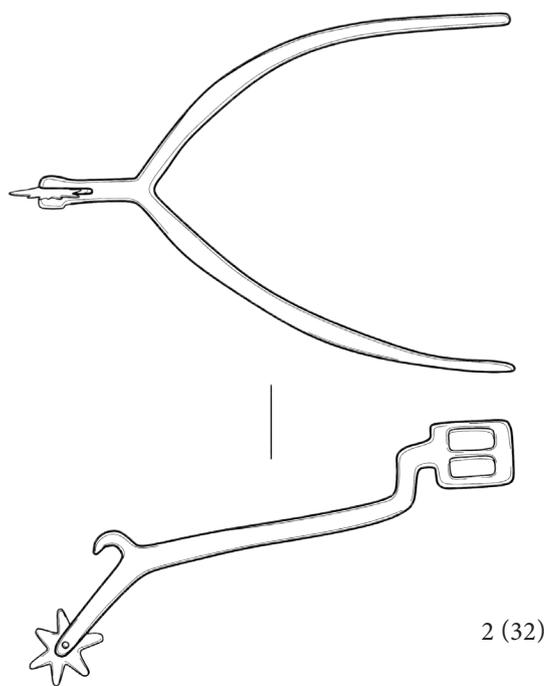
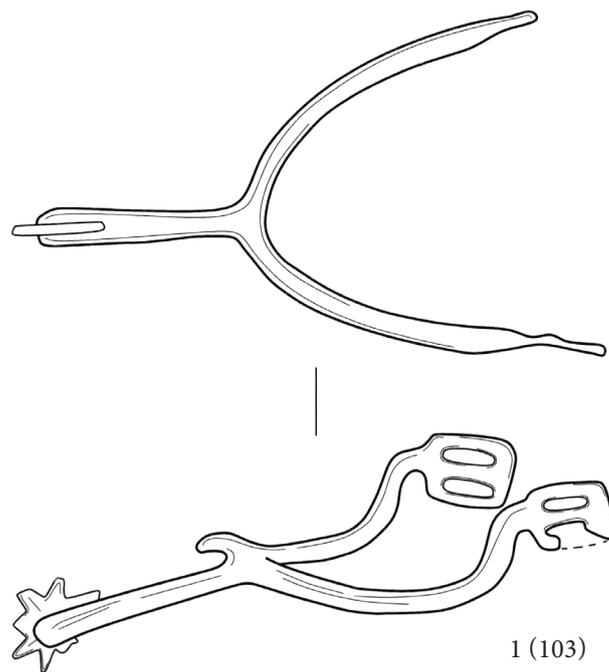

Рис. 22. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (103) Лавское селище. Раскоп 1, постройка 6; 2 – (32) Радонежское селище, р.1, яма 1, гл. -105.

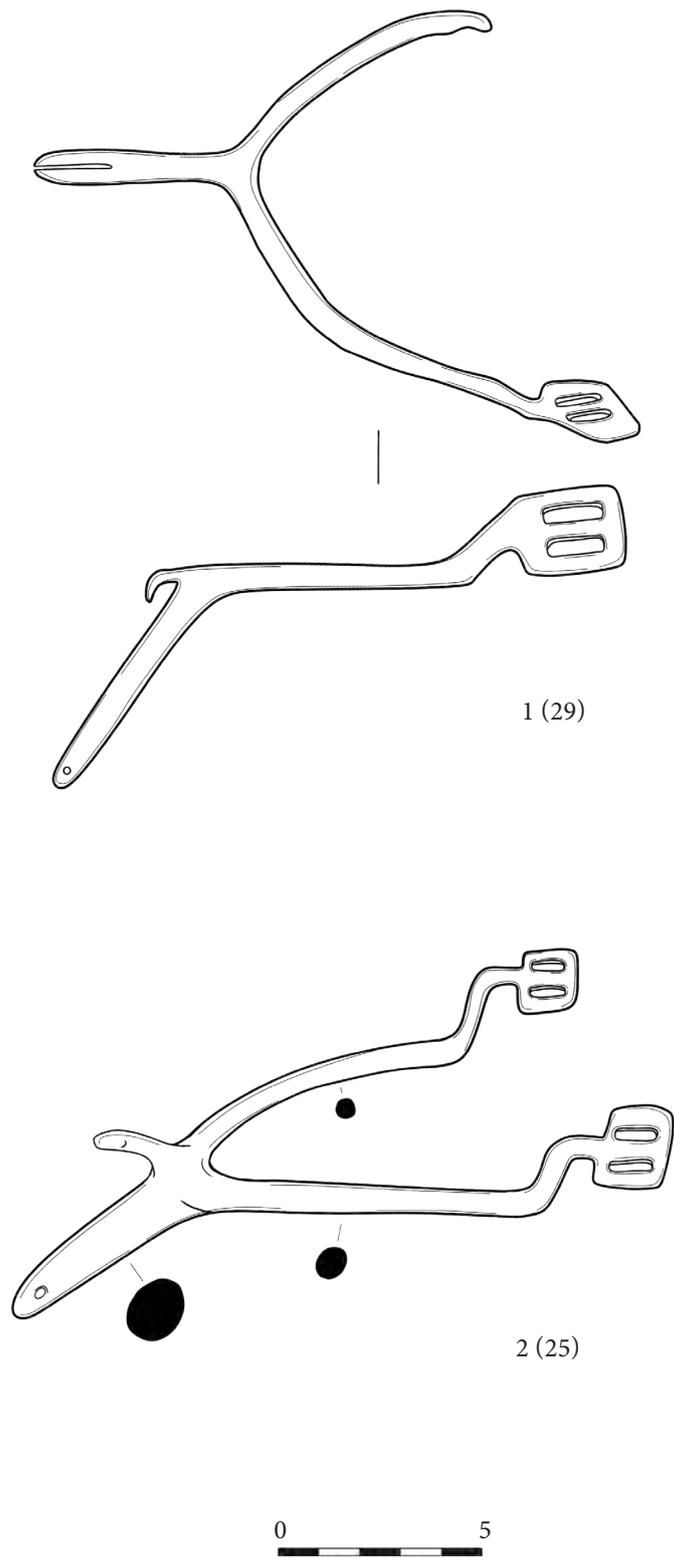
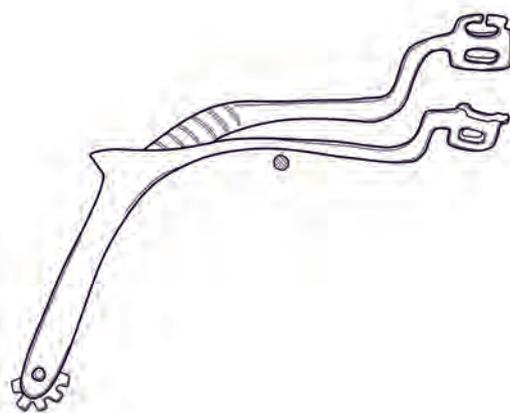
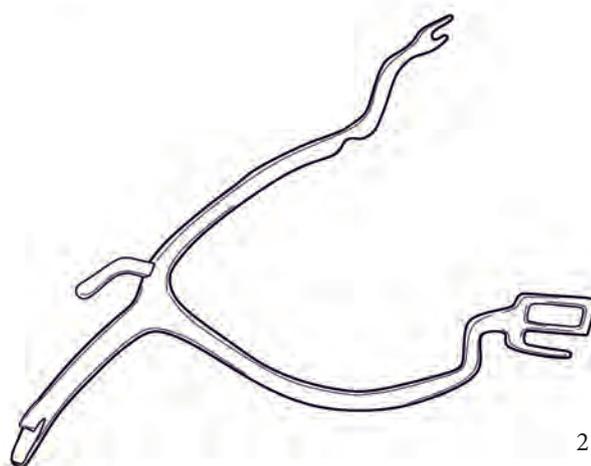

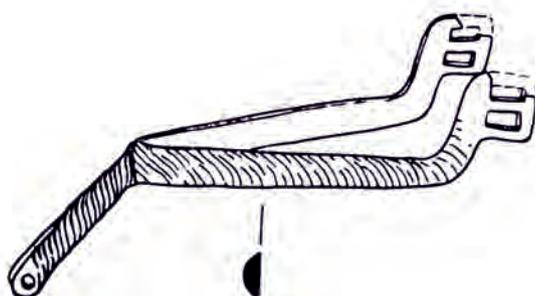
Рис. 23. Колесцовые шпory Тип VII: 1 – (29) Волоколамск. Раскоп 2, кв. 11, пл. 3.; 2 – (25) Верея, Раскоп 2, кв 1, гл. -140.

1 (105)

2 (88)

3 (67)

Рис. 24. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (105) Суздаль; 2 – (88) Спас-городок; 3 – (67) Корела. Детинец.

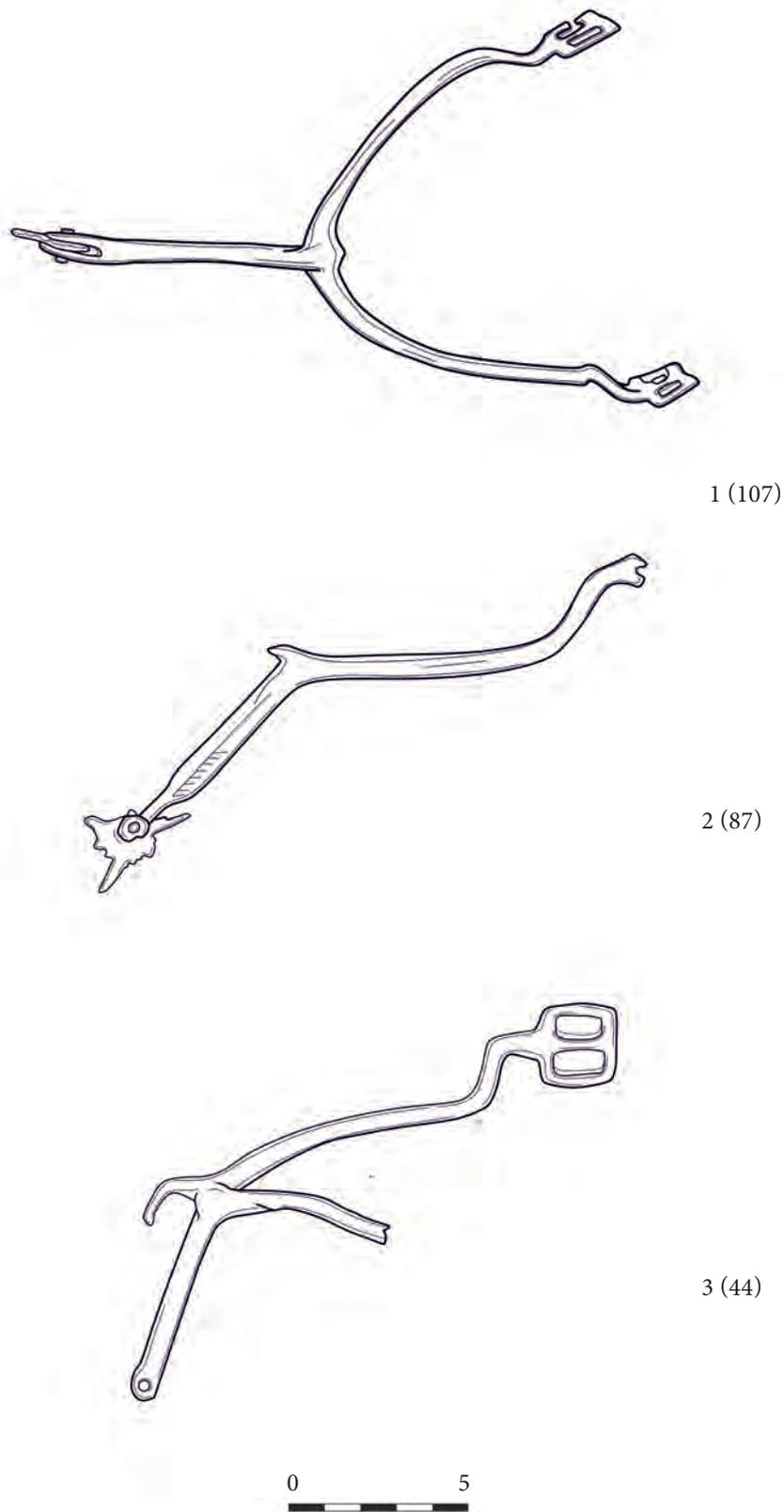
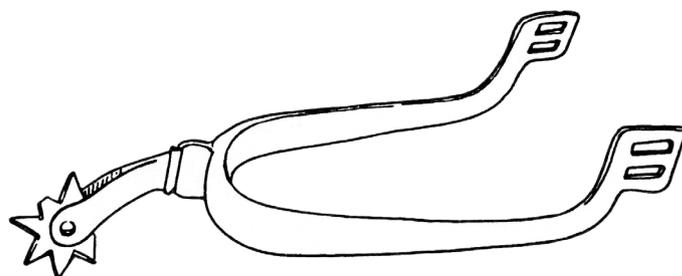
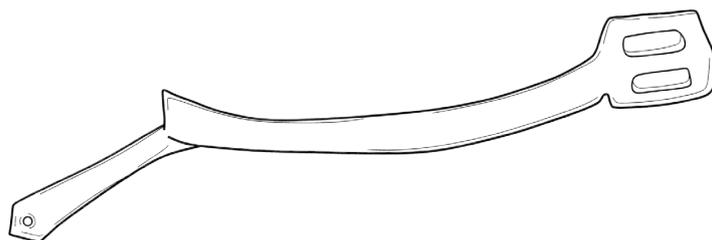

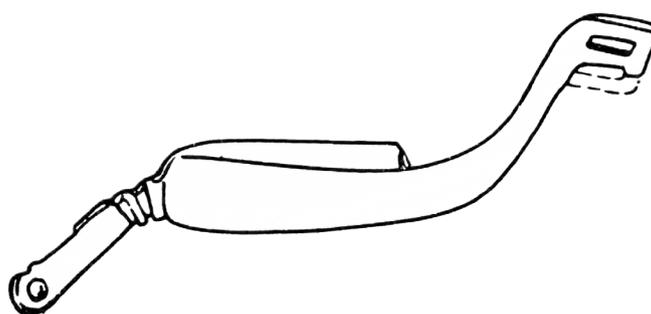
Рис. 25. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (107) Суздаль, окольный город; 2 – (87) Москва, кремль, Раскоп 1, юго-западная часть Теремов; 3 – (44) Коломна. Соборная пл. Ш.1.

1 (66)

2 (106)

3 (65)

Рис. 26. Колесцовые шпоры Тип VII: 1 – (66) случайная находка. Бывш. Санкт-Петербург. губ; 2 – (106) Суздаль, окольный город; 3 – (65) Старая Ладога.

Тип IX

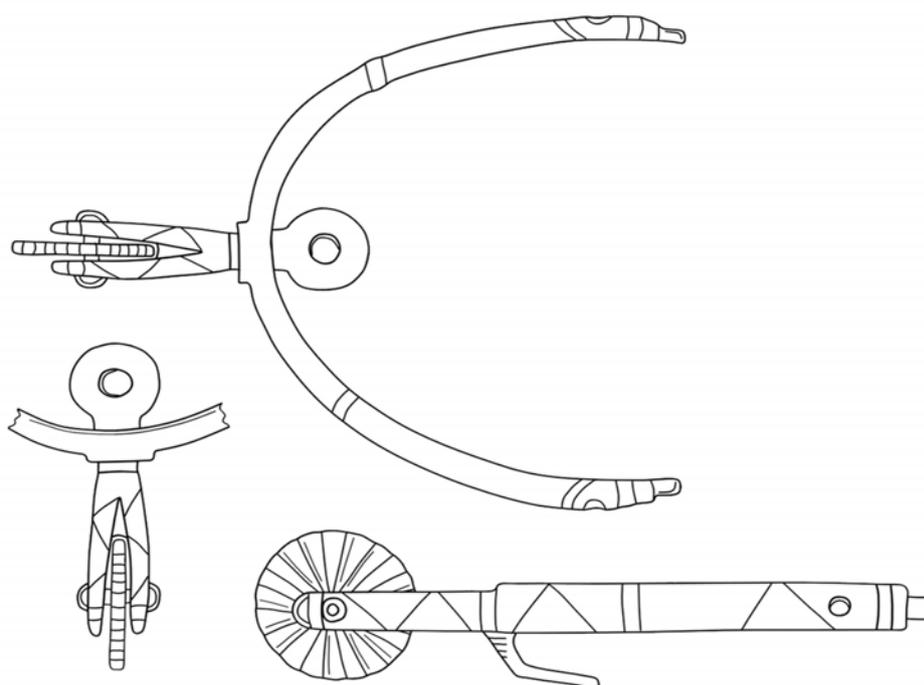
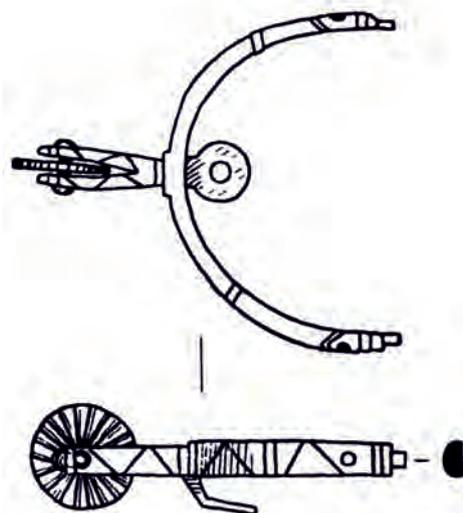
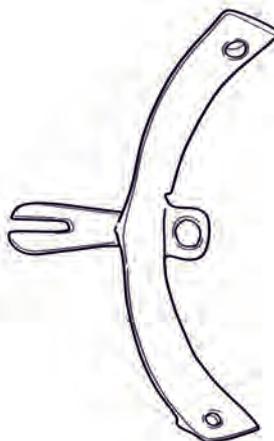

Рис. 27. Колесцовые шпоры Тип IX.

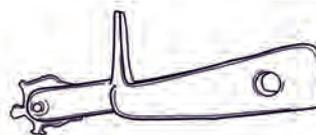
1 (109)

2 (128)

3 (121)

4 (119)

Рис. 28. Колесцовые шпоры Тип IX: 1 – (109) Новгород, Неревский 7(421-470); 2 – (128) Рюриково городище. Подъемный материал; 3 – (121) Новгород, Дмитриевский раскоп 6-3; 4 – (119) Новгород, Торговый раскоп, колодец-32.

Тип X

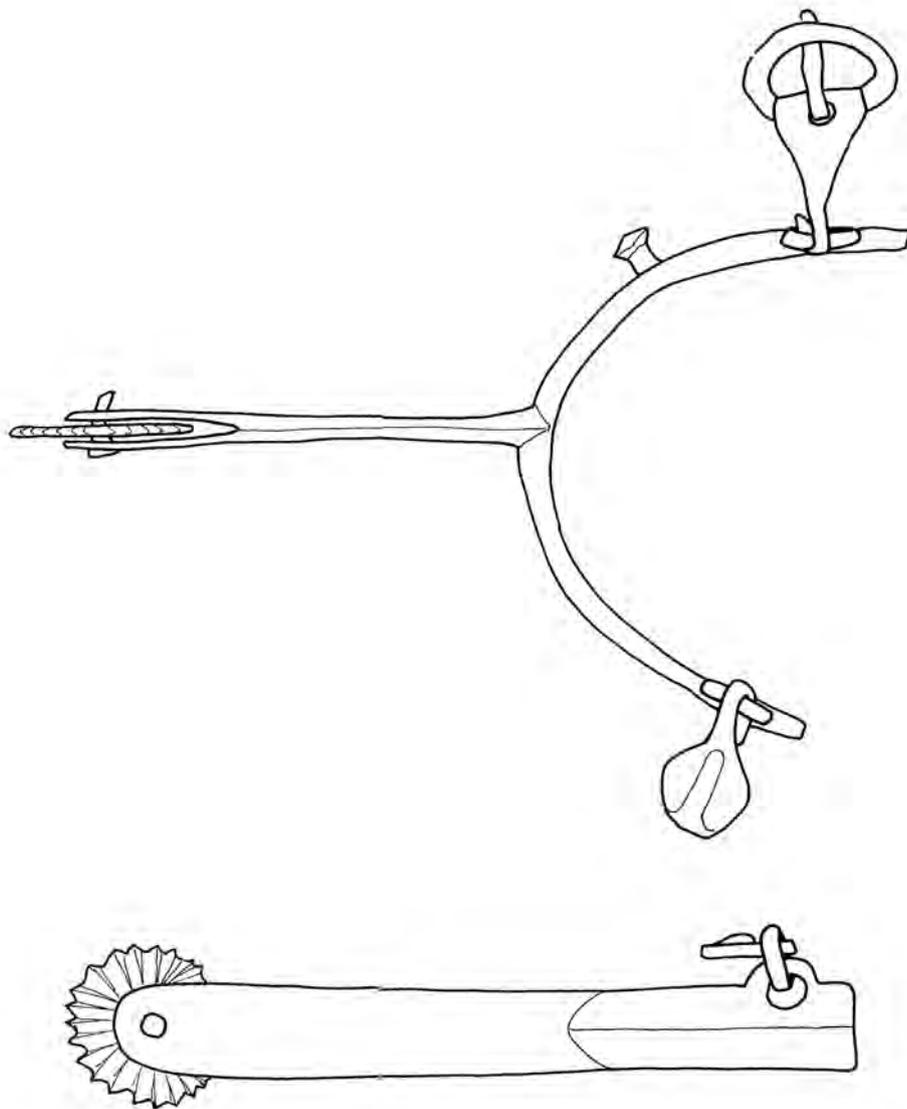
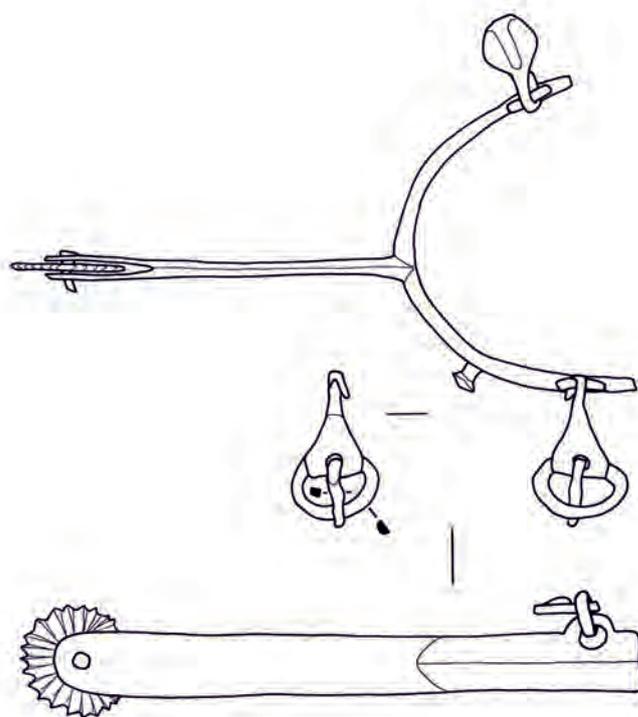
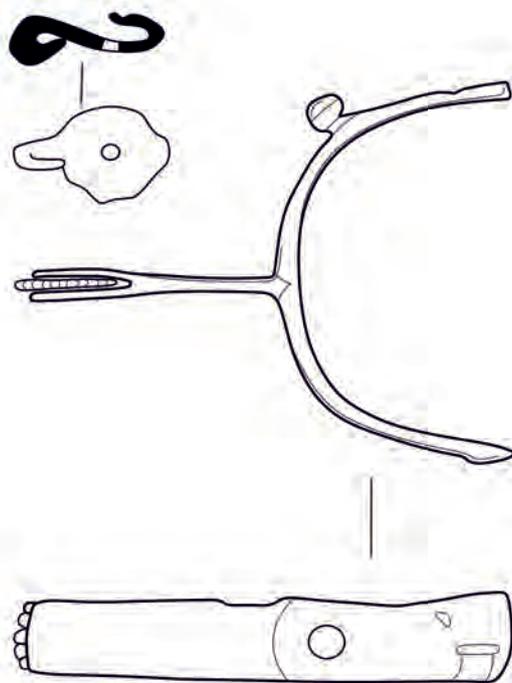

Рис. 29. Колесцовые шпоры Тип X.

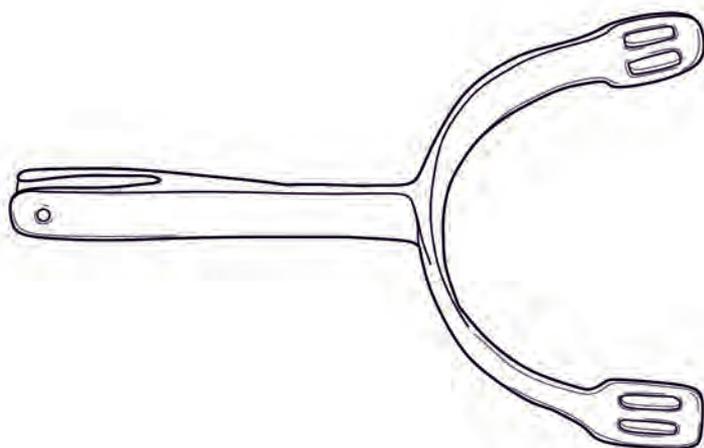
1 (41)

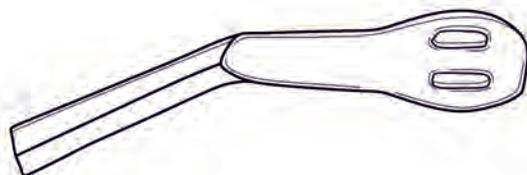
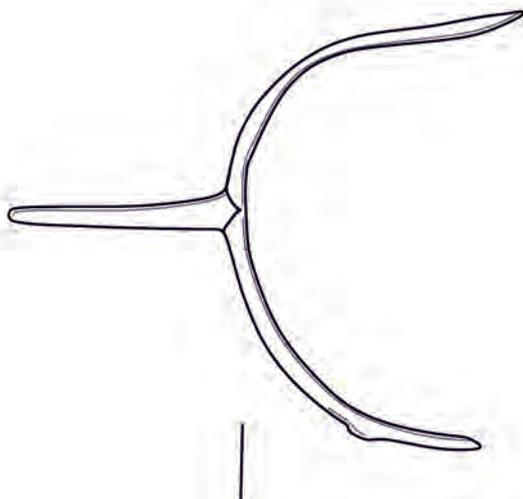
2 (36)

Рис. 30. Колесцовые шпоры Тип X: 1 – (41) Тушинский лагерь; 2 – (36) Тушинский лагерь.

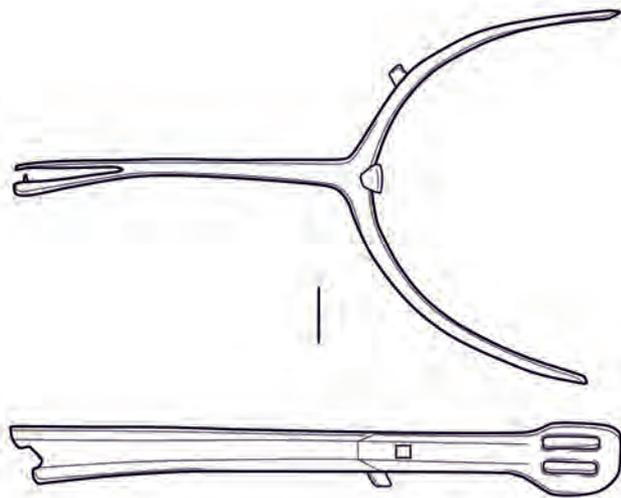
1 (12)

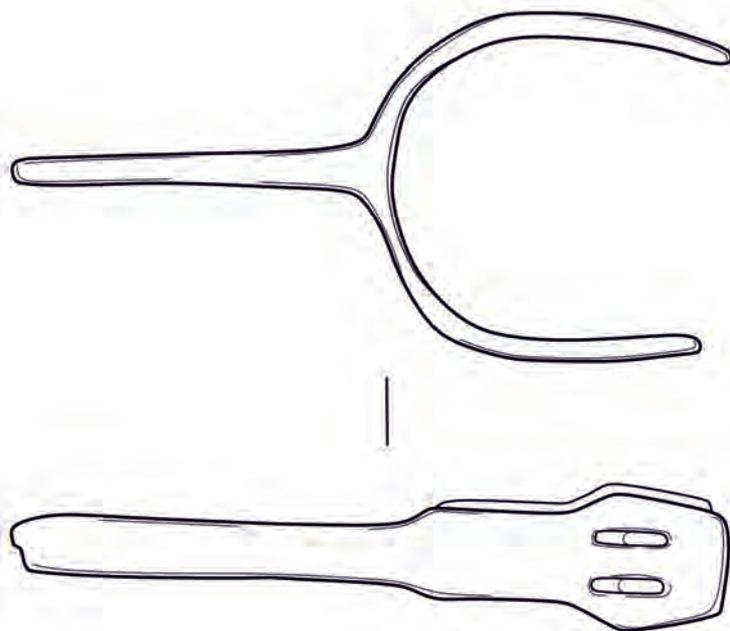
2 (37)

Рис. 31. Колесцовые шпоры Тип X: 1 – (12) Москва. Исторический проезд, Москва Р.Б. Северн. уч. верх слой; 2 – (37) Тушинский лагерь.

1 (35)

2 (38)

Рис. 32. Колесцовые шпоры Тип X: 1 – (35) Тушинский лагерь; 2 – (38) Тушинский лагерь.

Тип XI

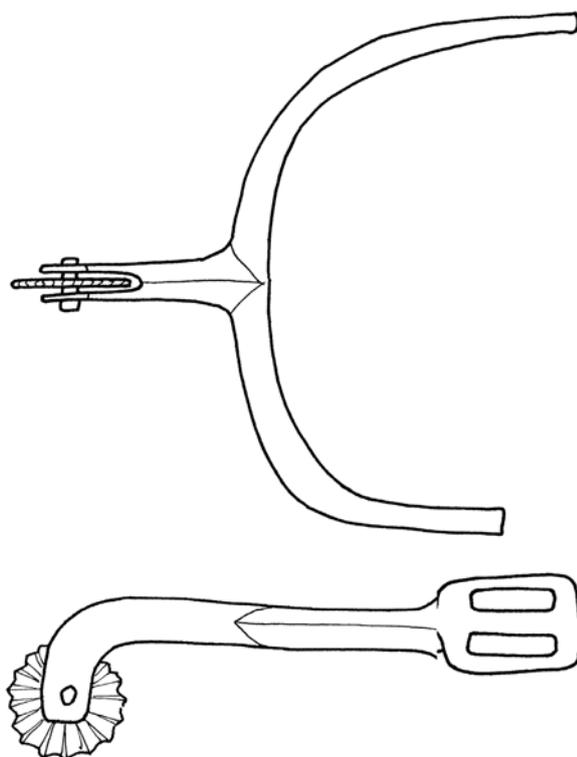
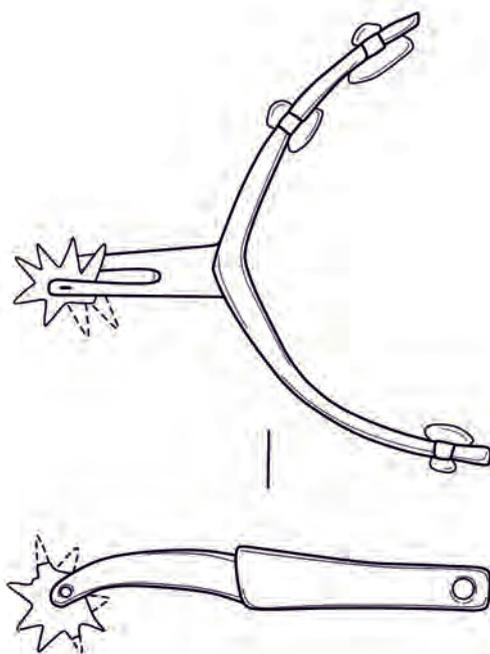
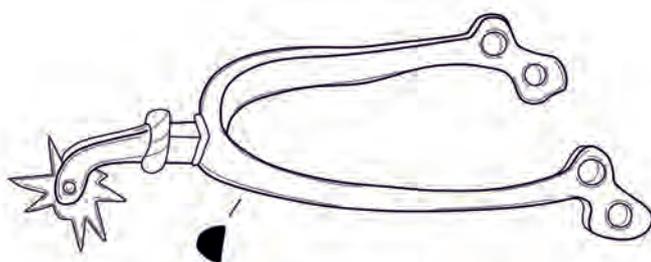

Рис. 33. Колесцовые шпоры Тип XI.

1 (83)

2 (11)

Рис. 34. Колесцовые шпоры Тип XI: 1 – (83) Орешек; 2 – (11) Тула. Раскоп 1. Пл. 1, кв. 9.

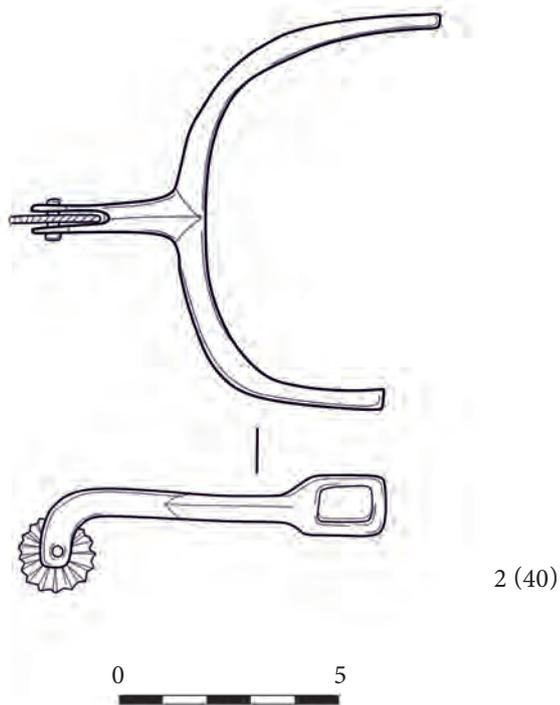
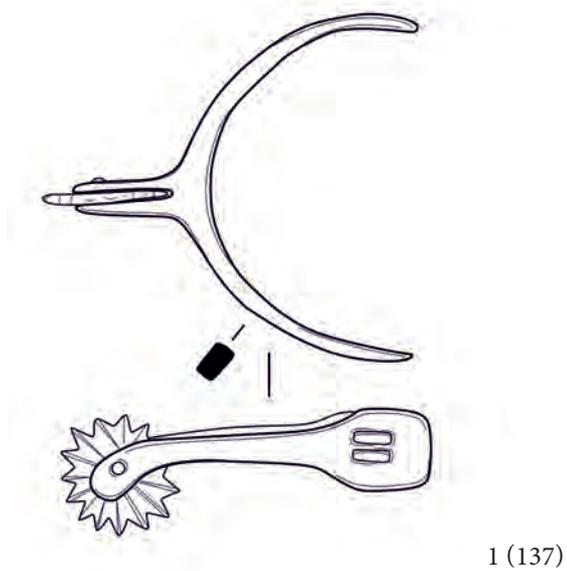
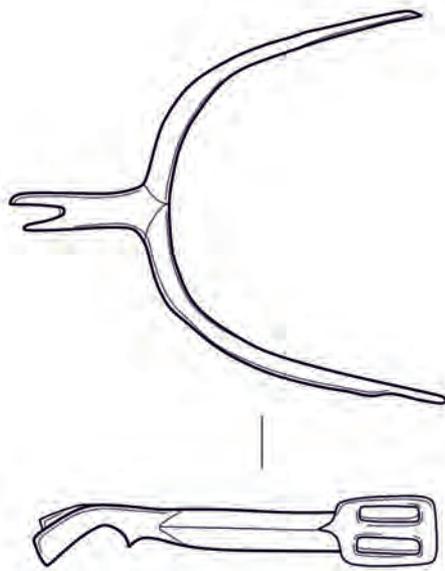
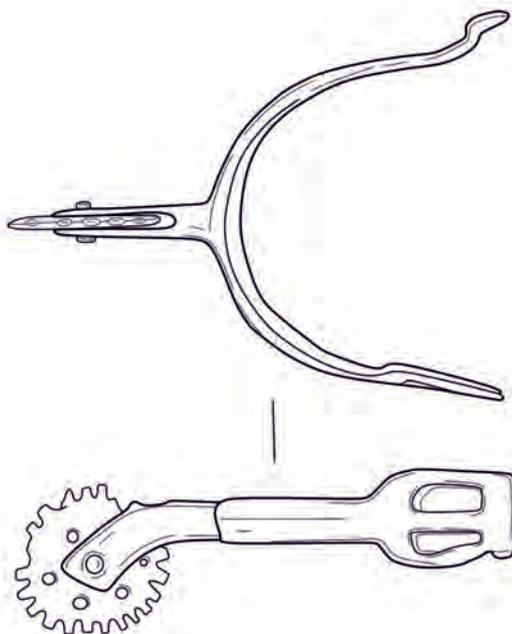

Рис. 35. Колесцовые шпory Тип XI: 1 – (137) Тушинский лагерь; 2 – (40) Тверь, Затверецкий посад. Раскоп 5. уч. 1.

1 (39)

2 (108)

Рис. 36. Колесцовые шпоры Тип XI: 1 – (39) Тушинский лагерь; 2 – (108) Суздаль.

УНИКАЛЬНЫЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШЛЕМ С ЮГА РОССИИ

УДК 623.445.2(470.620) DOI: 10.25681/IAR
AS.2018.978-5-94375-241-4.183-201

© 2018 г. Кулешов Ю.А. (yurah1@mail.ru)
Научный семинар «Военная археология» (Москва)

Резюме: Представленное исследование вводит в научный оборот уникальный средневековый шлем, найденный на рубеже 1990-х и 2000-х гг. в ходе несанкционированных раскопок на юге Российской Федерации.

В течение 10 лет эта уникальная находка находилась в разных частных коллекциях. За это время была произведена его полупрофессиональная реставрация, вследствие чего была утрачена позолота, изначально покрывавшая весь шлем. В 2011 г. публикуемый памятник был задержан на Выборгской таможне при попытке вывоза за границу. На основании российского законодательства шлем был передан в коллекцию Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Изображения шлема и упоминания о нём уже несколько раз приводилось российскими исследователями. Но все они были или искажёнными, или неполными. В данной работе приводится исчерпывающая информация об этой уникальной находке. Для атрибуции публикуемого шлема авторами привлечён широкий круг памятников. Отдельно были рассмотрены аналогии формы и конструкции купола и его орнаментации, а также аналогии технологическому исполнению шлема. Проанализировав весь имеющийся материал, авторы пришли к выводу, что шлем, скорее всего, является продукцией мамлюкских оружейников. А его попадание в Восточную Европу стоит связывать с одной из оружейных поставок мамлюками в Золотую Орду в первой четверти XIV в. Также, на основании конструктивных особенностей, авторы считают, что изначально данное боевое наголовье имело в качестве дополнительного защитного элемента антропоморфное забрало.

Ключевые слова: шлем, средневековое оружие, Ближний Восток, мамлюки, Золотая Орда.

A unique medieval helmet from the South East of Russia.

© 2018 Kuleshov Y.A. (yurah1@mail.ru)

Abstract: This work by Kuleshov and Baryshev enters into the scientific exchange a unique medieval helmet which was found in late 90s-early 2000s during unsanctioned excavations of late nomadic burials in the South of Russian Federation.

For 10 years this finding has changed many private owners within the country. It underwent an unprofessional process of restoration during which the gilding that covered the entire helmet was lost. In 2011 this artifact was confiscated by Vyborg customs service when it was being illegally taken out of the country. According to the Russian law the artifact was given to the Krasnodar state history and archeology culture preserve named after E.D. Felitsyn.

Pictures of this helmet as well as pieces of information about it were presented by Russian researchers. However they were either incomplete or misinterpreted. This article presents the complete information about this unique finding as well as about its construction and metric characteristics. In order to properly attribute this helmet the authors attracted a wide range of sources. Separately were taken into consideration the analogs of the dome and its construction, the ornament and technological process of the helmet's creation. Having analyzed the available information the authors decided that the helmet is most probably the product of Mameluke weapons masters. Its appearance in Eastern Europe was due to one of the facts of import of weapons for the Golden Horde in the 1st quarter of the XIV century. Also the authors concluded that according to several peculiarities of its construction the helmet initially had an anthropomorphic visor as a means of additional protection.

Keywords: helmet, medieval armour, Middle East, mamelukes, Golden Horde.

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. на печально известном в среде археологов московском рынке антиквариата «Вернисаж» появился уникальный позднесредневековый шлем. Информация о появлении данного шлема весьма скупа, доподлинно только известно, что он был похищен браконьерами во время грабительских раскопок на Юге России, с большой долей вероятности – в Краснодарском крае. находка была вырезана вместе с грунтом, видимо грабители боялись её повредить, и в таком виде, будучи помещённой в коробку, доставлена к месту продажи. Никаких других вещей по нашей информации с ней не поступило, что, в свою очередь, не позволяет точно судить о характере памятника, с которого она происходит. Между тем, с большой долей вероятности можно предполагать, что интересующий нас шлем происходит из разрушенного погребения. Дело в том, что для позднего средневековья находки шлемов на поселениях восточно-европейского степного пространства весьма редки, пока отмечено только два случая, причём в одном случае это не целый шлем, а только фрагмент¹. В то же время, на территории Краснодарского края шлемы достаточно часто находят в позднесредневековых погребениях. Так, исследователями зафиксировано не менее 18 находок в позднекочевнических погребениях², и не менее 15 находок, происходящих из адыгских погребений³.

Возвращаясь к судьбе шлема, стоит отметить, что за последние 10 лет он сменил не одного владельца. Так, по имеющимся у нас данным, шлем достаточно длительное время находился в так называемой «Коллекции Сатановского», а последним местом хранения находки была коллекция Фонда Марджани, так называемое собрание Suleiman Collection, из которого она была якобы похищена⁴.

За время нахождения шлема в разных коллекциях была произведена не совсем профессиональная его реставрация, следствием которой явилась утрата позолоты, которая изначально читалась на всём куполе шлема.

На этом трагическая судьба этой уникальной находки не закончилась и в 2011 г. данный шлем и ещё целый ряд археологических ценностей, были задержаны на Выборгской таможне при попытке вывоза контрабандным путём. Как бы там ни было, но, в конечном итоге справедливость восторжествовала, и по решению Выборгского городского суда Ленинградской области весь изъятый материал, включая шлем, включая шлем, был передан в коллекцию Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. В коллекции которого ему был присвоен инвентарный № КМ 13912/7.5⁵

Забегая вперёд, стоит отметить, что публикуемый нами шлем уже несколько раз попадал в поле зрения иссле-

¹ Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 96.

² Зеленский Ю.В. Структура войска у половцев Предкавказья // Магистеріум: Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения. Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Вып. 2. Краснодар, 2004. С. 56.

³ Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 189.

⁴ Горелик М.В. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 104.

⁵ Пользуясь случаем автор хотел бы выразить свою благодарность хранителю переданной коллекции, научному сотруднику отдела археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына Саморуковой Е.В. за возможность опубликовать находку.

дователей. Так, его не совсем точные и не совсем удачные изображения, с краткой аналитикой, в трёх своих работах приводил известный отечественный исследователь М.В. Горелик⁶. Напротив, петербургский оружейвед К.А. Жуков ограничился лишь его описанием, и тоже поверхностным, в своей статье по шлемам с полумасками⁷. Между тем данная находка заслуживает отдельного внимания, чтобы на ней остановился более подробно и более детально.

Интересующий нас шлем представляет собой глубокое боевое наголовье цилиндро-полусферической формы с трапециевидным вырезом в лицевой части, увенчанное навершием (рис. 1). Общая высота шлема – 21,5 см, высота купола – 18,5 см, диаметр – 23×20 см. Конструктивно оно собранно из 3 подтреугольных вертикальных секторов изготовленных из листового железа толщиной от 1 до 1,2 мм, в передней лобной части толщина металла увеличивается до 1,6 мм. Компоновка секторов следующая: передний сектор наложен на два боковых, области стыковки располагаются в районе висков, в свою очередь, боковые сектора зафиксированы внахлест, левого на правый, на затылке (рис. 2; 3б). Все три стыка соединены впопай, с нахлестом 15 мм. Каждый из них соединён 9–10 заклёпками, диаметр головки которых изнутри – 6–7 мм. С внешней стороны заклёпки снивелированы и не просматриваются, при этом швы читаются чётко, с перепадами 0,3–0,5 мм (рис. 2; 3а). В нижней части шлема, на расстоянии 1–1,5 см от края, пробито 11 отверстий, при этом одно из них, в районе

затылочного шва, разрушено коррозией. Все отверстия пробиты снаружи вовнутрь, их диаметр варьируется от 2,5 до 4 мм (рис. 2; 3г). Располагаются они следующим образом: с каждой стороны лицевого выреза, на трёхсантиметровом участке сгруппировано по три отверстия, при этом пробиты они не на равномерном расстоянии друг от друга. Так, первые два отверстия с каждой стороны, располагаются ближе к границе выреза, а последующие, расположены со смещением чуть дальше и чуть выше линии оси первых двух. Оставшиеся пять отверстий пробиты по периметру шлема, на расстоянии 7,5–9,7 см. друг от друга. При этом получается, что, кроме шести отверстий расположенных у лицевого выреза, передней конструктивный сектор отверстий больше не несёт, а на боковых конструктивных секторах располагается всего по два отверстия, и одно на их стыке.

Лицевой вырез изготовлен не совсем аккуратно, верхняя граница слегка скошена по направлению с право налево, и имеет рваный край, который, в свою очередь, отогнут под углом в 10° (рис. 2; 3д). Неравномерно вырезаны и боковые края, левый вырезан ровным, под углом 10°, а правый имеет слегка изогнутое очертание. Общие размеры лицевого выреза: ширина – 10,5 см, высота в центре – 4,5 см. Выше лицевого выреза, по его центру, пробито два отверстия. Первое – на расстоянии 0,5 см от верхнего края выреза, диаметром – 2 мм. Второе – на расстоянии 2,5 см., диаметром – 4 мм. Оба отверстия, как и отверстия по нижнему краю шлема, пробиты снаружи вовнутрь. С обеих

⁶ Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. С. 78. Рис. 1; *Он же*. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // *Степи Европы в эпоху Средневековья*. Т. 8: Золотоордынское время. Донецк, 2010. С. 260–261. Рис. 4,7; *Он же*. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. С. 91, 104. Рис. 10: в.

⁷ Жуков К.А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси // *Международная научно-практическая конференция: «Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем»*. 29–31 марта 2005 г. Санкт-Петербург. М., 2006. С. 154–155.

сторон лицевого выреза имеются по одной заклёпки. Расположены они не равномерно, первая – на расстоянии 2 см от правого угла лицевого выреза, и на 8 мм выше его, вторая – расстоянии 2,5 см от левого угла лицевого выреза, и на 2 мм ниже его. Обе заклёпки отличаются по форме шляпок, правая – широкопирамидальная, левая – полусферическая.

Навершие смонтировано на макушке, по центру, через сквозное отверстие, проходящее через все три конструктивных сегмента, и расклёпано изнутри. Оно представляет собой профилированный штырёк высотой 3,4 см, верхняя часть которого оформлена в форме кольца, диаметр отверстия – 4 мм (рис. 2; 3в).

Купол шлема украшен чеканным орнаментом, состоящим из четырёх сердцевидных секторов, внутри которых сделано по одному трёхлистному крину – лилии (рис. 2; 1–2). На каждом побеге лилии прочеканено по одному полусферическому возвышению, в основании лилии расположено ещё по одному полусферическому возвышению. Также, по одному более крупному полусферическому возвышению расположено между сердцевидными секторами, за исключением лицевой части. Таким образом, в общей сложности, на шлеме прочеканено всего 19 полусферических возвышений: 12 – на побегах лилий, 4 – в основании лилий, и 3 – между секторами. Их общая высота, на побегах лилии 3 мм, в основаниях лилий – 4 мм, между секторами – 3,5 мм. Помимо полусферических возвышений выпуклую форму имеют границы секторов и сами лилии. При этом, вся чеканка выполнен грубо, линии не имеют чётких границ, всё скруглено, чётких границ полусферических возвышений уловить не возможно, три из четырёх верхних побегов лилий имеют приострѐнную

форму, задний правый, наоборот, скруглённую. Высота чекана линий секторов и границ лилий – около 3 мм.

Во время чеканки мастером-чеканчиком в лицевой части в двух местах, по центру – на границе секторов, и в основании левого побега, был пробит металл. Вследствие этого, с внутренней стороны имеются две заплатки, первая – фигурная, посажена на 3 заклёпки, вторая – ромбической формы, на 4 заклёпки. Ремонт выполнен впоптай, заклёпки использованы такие же, как и при сборке шлема.

Как отмечалось выше, несмотря на грубость изготовления, шлем изначально был полностью позолочен, включая навершие, в технике амальгамирования.

Сохранность шлема, в целом, удовлетворительная, за исключением небольшой утраты по нижнему краю на затылке, вызванной коррозией, и дыры, вызванной теми же процессами, в правой части заднего левого сектора. В последнем случае коррозия образовалась на месте вмятины, которая была нанесена в период использования шлема. Изначально диаметр вмятины был около 6 см., видимо, она была нанесена оружием типа булавы, вследствие чего произошёл разрыв металла около 3–4 см и разрушение шва.

Общий вес находки – 1100 гр.

Переходя непосредственно к атрибуции шлема, первое, на что стоит обратить внимание это его форма. На территории Восточной Европы нам известно всего одно боевое наголовье цилиндрико-полусферической формы, это шлем с поселения Лукашевка-V, которое являлось пригородом золотоордынского г. Шехр-аль-Джедит (Старый Орхей), Молдова (рис. 3: 1)⁸. Ранее он уже был рассмотрен нами, в одной из наших работ, где на основании разностороннего анализа было установлено, что данный шлем является мам-

люкским импортом⁹. В тоже время, в других регионах известны ещё две находки схожей формы. Первая – это шлем, скорее всего, мамлюкский по происхождению, из коллекции Музея-дворца Раккада близ г. Кайруан, Тунис (рис. 3: 2)¹⁰. Второй шлем был случайно найден в Англии в замке Пэвенси графства Суссекс, при этом, подобная форма не характерна для Западной Европы (рис. 3: 3). В тоже время, как показывает анализ изображений¹¹, такая форма боевых наголовий появляется на Ближнем Востоке в середине XIII в., где её используют как воины-мусульмане, так и европейские колонисты. На основании этого ранее нами уже было высказано предположение, что шлем из замка Пэвенси имеет ближневосточные корни¹².

Здесь сразу стоит оговориться, что все три шлема имеют существенные отличия от публикуемого. Во-первых, их лицевые вырезы значительно выше и шире, чем у нашего. Но, возможно, это объясняется разными функциональными назначениями, на чём более подробно мы остановимся ниже. Во-вторых, все три приведённых аналогии конструктивно отличаются, как между собой, так и от предмета публикации. У лукашевского и кайруанского шлемов купол собран из двух половин, а у шлема из замка Пэвенси он цельнокованый. При этом в случаях с кайруанским шлемом и находкой из замка Пэвенси, цилиндрический венеч является отдельной конструктивной

деталью, которая приклёпана к куполу. В тоже время конструкция из трех подтреугольных вертикальных секторов, собранных впопай, как у рассматриваемого нами шлема, хорошо известна в Восточной Европе. Речь идёт о целой серии шлемов куполовидной формы с дополнительным защитным элементом – полумаской.

Мы не видим необходимости останавливаться отдельно на каждой находке этой группы, так как все они уже описаны и изучены не один раз. Наиболее полная их выборка и историография дана в монографии А.Е. Негина, одной из последних работ, посвящённой проблемам этой серии шлемов¹³. В целом «классические» представители упомянутой серии – находки из позднеочевнических погребений в курганах «Фулджера», близ румынской коммуны Моску (рис. 4: 1), у с. Заможное, на р. Чингул в Запорожье, Украина (рис. 4: 2), и случайные находки в г. Киеве, в г. Городец и у с. Никольского бывшей Курской губернии (рис. 4: 3), по многим признакам наиболее близки публикуемому экземпляру. Так, помимо общей конструкции, три шлема из выше указанных – из погребений в курганах Фулджера, на р. Чингул и случайно обнаруженный у с. Никольское – полностью позолочены в технике амальгамирования, как и публикуемый шлем. Также навершия шлемов из курганов Фулджера и на р. Чингул практически аналогичны навершию нашего экземпляра. При этом

⁸ Хынку И.Г. Поселения XI–XIV веков в Оргеевских Кодрах Молдавии. Кишинёв, 1969. С. 23,76. Рис. 22.

⁹ Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 94–97. Рис. 5–7. В статье ошибочно указано, что шлем был найден на городище Старые Орхеи.

¹⁰ Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения... С. 96.

¹¹ См. к примеру, миниатюры поэмы «Варга и Гульша» (список библиотеки Топкапы-сарай), написанные азербайджанским художником Абд аль-Муминном аль-Хойи аль-Наккашем, и миниатюры хроники Вильяма Тирского «История Святой Земли» (список Британской библиотеки), написанные предположительно в Иерусалимском королевстве.

¹² Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения. С. 96–97.

¹³ Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород, 2013.

стоит указать, что наверху сохранились только у четырёх из пяти шлемов группы.

Что касается датировки и происхождения этой группы шлемов, то на этот счёт существует ряд мнений. Так, А.Н. Кирпичников, первым выделивший данную группу шлемов, связал их происхождение с древнерусскими землями, а период бытования отнёс ко второй половине XII – первой половине XIII в.¹⁴ Позднее его версию поддержали Ю.Ю. Петров и К.А. Жуков¹⁵. Но, на наш взгляд, здесь не всё так однозначно. Дело в том, что в домонгольский период для Восточной Европы характерны всего две конструктивные схемы, используемые в изготовлении шлемов. Первая – из 4 вертикальных подтреугольных секторов, клёпанных внахлёт 2×2, уходящая своими корнями ещё в «дружинный» период¹⁶, и вторая – из двух вертикальных половин, также клёпанных внахлёт, которая, судя по всему, является развитием первой вариации¹⁷. При этом, А.Н. Кирпичников считает группу куполовидных шлемов с полумасками развитием первой конструктивной схемы, которая приходит ей на смену в XII в.¹⁸ В то же время для этого нет никаких оснований, как показывает археологический материал, эта конструктивная схема продолжает существовать на протяжении всего XIII в., и даже в XIV в.¹⁹ Более того, в нашей последней совместной с С.Ю. Каиновым работе, мы пришли к выводу, что действительно среди общего материала

выделяется ранняя группа полумасок, которая датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. Но, при этом, это либо отдельные находки без шлемов, либо находки с их малоинформативными обломками, которые не позволяют однозначно судить о конструкции и внешнем виде тех боевых наголовий, с которыми могла использоваться эта ранняя группа дополнительной защиты. В то же время, серия «классических» шлемов данного типа, которая пока найдена исключительно с поздней группой полумасок, появляется в Восточной Европе не ранее середины XIII в.²⁰ Таким образом, выше изложенные факты упорно заставляют ставить под сомнение версию о древнерусском происхождении куполовидных шлемов с трёхчастевой конструкцией.

В пику версии А.Н. Кирпичникова другой отечественный оружейвед М.В. Горелик считает, что эта группа шлемов и дополнительные защитные элементы в виде полумасок являются монгольскими по происхождению, и их появление в Восточной Европе нужно связывать с монголо-татарским нашествием²¹. Но, во-первых, как мы уже указали выше, внутри данного типа чётко выделяется ранняя группа полумасок, которая имеет надёжную датировку второй половиной XII – первой половиной XIII в. Во-вторых, как показывают новейшие исследования по оружию монголо-татар, боевые наголовья, характерные для их комплекса вооружения, не имеют ни-

¹⁴ Кирпичников А. Н. Русские шлемы X–XIII вв. // Советская археология. № 4. М., 1958. С. 63–66.

¹⁵ Петров Ю.Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб., 1997. С. 142; Жуков К.А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси. С. 156.

¹⁶ Девуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. М. – Тула, 2012. С. 16.

¹⁷ Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением коня на средневековом могильнике Андреевская шель // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 33

¹⁸ Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золочёные шлемы: новые находки и наблюдения. СПб., 2009. С. 29.

¹⁹ Девуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. С. 10–17.

²⁰ Каинов С.Ю., Кулешов Ю.А. Позднесредневековые боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // Stratum plus. №6: Время войны. Победители и побеждённые. К 85-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. СПб. – Кишинёв – Одесса – Бухарест, 2014.

²¹ Горелик М.В. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная археология. Оружие и военное

чего общего ни внешне, ни конструктивно с упомянутой группой²². Всё это делает данную версию не состоятельной.

В свою очередь А.Е. Негин, посвятивший данной группе шлемов отдельную монографию, затруднился ответить на вопрос об однозначном происхождении данного типа боевых наголовий, но, при этом, связал их распространение в Восточной Европе с гегемонией Золотой Орды²³, что, в принципе, не противоречит датировке «классических» находок серии куполовидных шлемов.

Следующее, что обращает на себя внимание при атрибуции публикуемого шлема, это его орнаментация. Орнамент в виде трилистника-лилии, как мы видели выше, абсолютно не характерен ни для первой, ни для второй групп шлемов, привлечённых нами в качестве аналогий. Между тем, изображения лилий используемых в качестве орнаментального мотива для боевых оголовий, известны и присутствуют на ряде находок шлемов. Первый шлем, где встречается схожая орнаментика, был случайно найден в 1877 г. в Будапеште при забивании свай железнодорожного моста в русле р. Дунай. Это цельнокованое боевое наголовье цилиндрико-конической формы с дополнительным защитным элементом в виде козырька. Вся поверхность шлема богато орнаментирована в технике гравировки, при этом орнамент разделён на несколько композиций (рис. 5: 1). Композиция, пущенная по венечной части, сходясь спереди, в лицевой части, и на

затылке, образует трилистники, переходящие в зону композиции тульи. Оба трилистника одинаковые по форме, и их внутренне пространство заполнено вьющимися растительными побегами. Исходя из этого можно возразить, что оба орнамента, на нашем шлеме, и на шлеме из русла р. Дунай, совершенно непохожи, а значит, не имеют ничего общего. На самом деле это не так, в чём можно будет убедиться ниже. В данном случае важен сам факт присутствия схожего орнаментального мотива.

Данный шлем относится к типу боевых наголовий, хорошо известных в Восточной Европе, их бытование надёжно связано с Золотой Ордой. На сегодняшний день известна целая серия подобных находок от Побужья до Среднего Поволжья, и от Среднего Подонья до Северного Кавказа²⁴. Но, при этом, в отличие от дунайской находки, они все клёпанные из нескольких сегментов. Хотя в ряде публикаций можно встретить указание на то, что та или иная публикуемая находка является цельнокованой, но это явная ошибка, вызванная невнимательностью публикаторов.

О. Бонзь, первым опубликовавший шлем из русла р. Дунай, установил, что стиль орнамента является ближневосточным по происхождению, и датировал находку XIV в.²⁵ Позднее венгерский оружейвед Я. Кольмар высказал предположение, что находку стоит датировать XII в., а её происхождение связывать с Ираном²⁶. В то же время, один из последних исследователей

дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 268; Он же. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 26.

²² Кулешов Ю.А., Гусьнин В.А. Находки шлемов «цзиньского типа» в Восточной Европе // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX в. Вып. 2. Владивосток, 2012. С. 33–50.

²³ Негин А.Е. Шлем из Городца. С. 61–67.

²⁴ Перечень находок см.: Нарожный Е.И., Чахидзе В.Н. Золотоордынское воинское погребение в Калининском районе Краснодарского края // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. № 1–2. 2012. (№ 4–5). М., 2014. С. 104.

²⁵ Boncz Ö. Egy XIV. századbeli sisak a Nemzeti Múzeum Régiségtárában // Archeológia Értesítő. № 5. Budapest, 1885. P. 373–374.

²⁶ Kalmár J. A Történeti Múzeum Fegyvertárának középkori sisakjai // Archeológia Értesítő. № 85. Budapest, 1958. P. 191.

данного шлема Т.Ш. Ковоч считает его продуктом оружейников государства хорезмшахов, а утерю соотносит с походом монголо-татар на Венгрию в 1241 г.²⁷ Между тем, как справедливо заметил отечественный оружейвед М.В. Горелик, также обращавшийся к данному боевому наголовью, фениксы, которые присутствуют в композиции рассматриваемого шлема, получают распространение в ближневосточном искусстве не ранние конца XIII в.²⁸

Следующая находка, где присутствует в качестве украшения изображение лилии, происходит из цитадели г. Дамаск. Речь идёт о частично сохранившемся органическом шлеме (рис. 5: 2а–б). Он собран из деревянных узких подтреугольных секторов сверху обтянутых тканью, на которую положена грунтовка с последующей раскраской. На красном фоне снизу и посередине изображены две широкие белые полосы, выше – белая лилия. Д. Никол, опубликовавший находку, датировал её в общем контексте XIII – началом XIV в., а происхождение связал с франкскими трофеями²⁹. Между тем, для этого нет никаких оснований.

Во-первых, у нас нет ни одного упоминания об использовании в Западной Европе и Латинском Востоке в это время шлемов, изготовленных из органических материалов. При этом такие шлемы, в том числе и деревянные, хорошо известны в комплексе вооружения мамлюков, на сегодняшний день их найдено не менее 8 экземпляров³⁰.

Во-вторых, изображение лилий на шлемах мамлюкских воинов хорошо известны на примере искусства. В данном случае мы имеем ввиду изображения на так называемом «Баптистерии Св. Людовика» – богато украшенном золотом и серебром медном тазе работы мамлюкского мастера Мухаммада ибн аль-Зайни (рис. 5: 3а–б). В батальных сценах I2 и I3 внутренней композиции, на шлемах 3 из 4 изображённых мамлюкских воинов нарисованы лилии. Также, самая правая фигура сцены E1 внешней композиции, где, как считается, изображён мамлюкский офицер, имеет изображение лилии на головном уборе – предположительно шлеме. В целом данный памятник датируют 1320–1340 гг.

И в-третьих, лилия являлась у мамлюков широко используемым геральдическим символом. Так, к примеру, в разное время лилия в окружении 4 точек, на что стоит обратить особое внимание, возможно этим объясняется наличие умбонов на шлеме, изображалась на монетах султанов аль-Адила Китбуги (правил 1295–1297 гг.) и Ал-Музаффара-Саифа Хаджи I (правил 1346–1347 гг.)³¹. А изображение лилии в усечённом круге являлось ранком – личным гербом султана Баркука (правил 1382–1399 гг.)³². В то же время, примеры изображения у мамлюков ранка на оружие известны и среди археологического материала³³. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с устоявшейся традицией маркировки

²⁷ Kovács S.T. Egy keleti díszsisak a tatárjárás korából // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Studia Archaeologica. T. 9. Szeged, 2003. P. 363–364.

²⁸ Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2003. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. С. 238.

²⁹ Nicolle D. Trésors oubliés: Dépôts d'armes et d'armures médiévales en Syrie. // Histoire et Images Médiévales. Thématiques, №14. Paris, 2008. P. 29, Fig. c-d.

³⁰ Nicolle D. Leather Armour in the Islamac World: a classic Problem // «Тахийфт»: Арабистика – Исламоведенье – Этнография. Сборник статей в честь Н.Н. Дьякова. СПб., 2013. С. 97–102. Fig. 12–20.

³¹ Николае Е. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра // Stratum plus. №6: Время денег. СПб., Кишинёв – Одесса, 1999. С. 144–145.

³² Голубев Л.Э. Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир – М., 2002. С. 144–145. Рис. 2,3.

³³ Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей

оружия государственными символами.

Следующее, на что стоит обратить внимание при атрибуции публикуемого шлема, это техника нанесений орнамента. Чеканный орнамент, нанесённый на купол, не характерен для боевых наголовий Восточной Европы. Исключением являются две группы шлемов, одинаковых по функциональному назначению, но изготовленных в разных технологических схемах. Речь идёт о шлемах с дополнительными защитными элементами в виде козырьков, представленных двумя сериями находок; первая – из золотоордынского погребения у с. Плоское бывшей Херсонской губернии, на высокогорном плато Озана, близ г. Габрово, Болгария (рис. 6: 2), и неизвестного происхождения из коллекции Черкасского областного краеведческого музея Украины, вторая – из позднекочевнических погребений у церкви в местечке Ченгеле (рис. 6: 3) и в местечке Чойош в Венгрии, а также у с. Томашевца, на северо-востоке сербского Боната³⁴. Обе группы шлемов в лицевой части несут чеканное изображение маскарон. Последние хорошо известны по цзиньскому типу шлемов, где они помещались на козырьках (рис. 6: 1). При этом, ранее нами уже было установлено, что обе группы находок являются подражаниями цзиньских шлемов и существовали достаточно короткий отрезок времени. Первая серия находок – из золотоордынского погребения у с. Плоское, на высокогорном плато Озана, и из коллекции Черкасского областного

краеведческого музея, изготовлены в балканских и центральноевропейских технологических традициях, скорее всего захваченными и вывезенными в ходе Западного похода 1241–1242 гг. мастерами³⁵. Вторая серия находок – из позднекочевнических погребений в Ченгеле и Чойош, а также у с. Томашевца, вероятно, имеет иранское происхождение, в пользу чего свидетельствует технология их изготовления – цельнокованный купол. Этому не противоречат и письменные сообщения, свидетельствующие об изготовлении иранскими мастерами оружия в монгольском стиле³⁶.

Между тем, есть регион, где присутствует, судя по всему, устойчивая традиция украшения шлемов трёхмерным орнаментом. Речь идёт об Иране, так в нашем распоряжении имеется два шлема представляющих собой полусферические боевые оголовья, вся поверхность которых украшена орнаментом в технике выпуклой оброчной гравировки. Первый, цельнокованный, происходит из коллекции фонда Фарусия, он датируется VIII–IX вв. (рис. 7: 1)³⁷. Вторым, из цельнокованой тульи и приклёпанного венца, хранится в лондонской коллекции доктора Нассера Халили, он датируется XIII в. (рис. 7: 2)³⁸. На фоне этого ещё раз стоит обратить внимание на группу шлемов с чеканными маскаронами – из Ченгеле, Чойош и Томашевца. Как мы отметили выше, эта группа шлемов несёт на себе чёткую спроецированную традицию, которая существует короткий от-

формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 92–94. Рис. 1.

³⁴ Кулешов Ю.А. Об одной серии ранних золотоордынских шлемов из музейных коллекций Украины и Болгарии // Добруджа. № 32: Сборник в честь на 60 години проф. д.и.н. Георги Атанасов. Силистра, 2017.

³⁵ Кулешов Ю.А. Об одной серии ранних золотоордынских шлемов...

³⁶ Рашид-ад-Дин Сборник летописей. Т.3. М.–Л., 1946. С. 302.

³⁷ Mohamed B. The arts of the Muslim knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano, 2008. P. 314–315. № 302.

³⁸ Alexander D. The Arts of War: Arms of the 7th to 19th Centuries. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI. London, 1992. P. 64. № 24.

резок времени и не получает дальнейшего развития. Но вполне возможно, что она могла послужить импульсом для смены более сложной технологии – выпуклой обронной гравировки, на менее сложную – чеканку, при наличии бытования традиции трёхмерного орнамента в целом.

Помимо упомянутых находок ещё один шлем, найденный в Краснодарском регионе, несёт на себе украшения в технике чеканки. Это опубликованное М.В. Гореликом боевое наголовье, происходящее из несанкционированных раскопок в Прикубанье (рис. 7, 3). К сожалению, публикация данной находки весьма поверхностная, кроме чёрно-белых фотографий очень низкого качества и явно искажённой прорисовки, не дано ни конструктивного описания, ни метрических характеристик³⁹. Поэтому до нормального введения этого очень интересного экземпляра в научный оборот какие-то серьёзные выводы преждевременны. Единственное, что можно пока констатировать это то, что данная находка внешне очень близка группе шлемов куполовидной формы с дополнительным защитным элементом в виде полумаски. И, видимо, также собрана из трёх подтреугольных вертикальных секторов. Что, возможно, сближает её с публикуемым шлемом. Но, в этом случае мы опять же не имеем однозначного ответа о месте изготовления.

Таким образом, подводя итог, стоит констатировать, что публикуемый шлем сочетает в себе ближневосточные, в частности иранские и мамлюкские, традиции, такие как форма, орнамент, а также его тип. С большой долей вероятности можно утверждать,

что это уникальное боевое наголовье попало в Восточную Европу в ходе оружейных поставок из хулагидского Ирана или мамлюкского Египта в Золотую Орду⁴⁰. Принимая во внимание высказанное нами выше предположение о том, что техника чеканки, в процессе перехода изготовления оружия иранскими мастерами на монгольский стиль, сменила технику выпуклой обронной гравировки при использовании трёхмерного орнамента и период бытования серии шлемов Ченгеле, Чойош и Томашевец, верхняя дата которых ограничена правлением в Золотой Орде хана Токты⁴¹, с большой долей вероятности можно констатировать, что публикуемый шлем входил в поставки оружия именно мамлюков, которые относятся к первой четверти XIV в. Именно в этот период, не раньше, мамлюкские мастера и могли перенять инновации иранских оружейников.

Что касается конструктивной схемы, в которой изготовлен данный шлем, то здесь пока чётких ответов нет. На основании выше изложенного становится очевидно, что её истоки нужно искать на Ближнем Востоке. Но, в каком именно ближневосточном регионе она могла появиться, из-за скудности археологического материала всей затронутой территории, ответить однозначно на этот вопрос на сегодняшний день не представляется возможным.

Что до функционального назначения публикуемого шлема, то на сегодняшний день существует две версии. Первую версию высказал М.В. Горелик при первой публикации данного шлема; он предположил, что боевое наголовье предназначалось под антро-

³⁹ Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний. С. 256–259. Рис. 3: 1.

⁴⁰ Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып.3. Казань, 2010. С. 80, 82–83.

⁴¹ Кулешов Ю.А. Об одной серии ранних золотоордынских шлемов из музейных коллекций Украины и Болгарии // Добруджа. № 32: Сборник в чест на 60 години проф. д.и.н. Георги Атанасов. Силистра, 2017. С. 552.

поморфное забрало – личину⁴². Вторую версию высказал К.А. Жуков – исходя из конструктивной схожести с группой куполовидных шлемов с дополнительным защитным элементом в виде полумаски, он посчитал, что шлем предназначался под полумаску⁴³. Между тем, на наш взгляд, прав оказался первый исследователь. В пользу версии о предназначении публикуемого шлема под антропоморфное забрало свидетельствуют два отверстия спереди, расположенных вертикально друг над другом чуть выше лицевого выреза. Если бы к шлему крепилась полумаска, то второе отверстие было бы функционально не обосновано. Более того, расположение по бокам от лицевого выреза заклёпок, при этом разных по форме, и прилегающих вплотную к поверхности шлема без зазоров, а также отогнутый верхний край лицевого выреза, указывают на то, что они предназначены не допустить плотного прилегания лицевой защиты. В случае использования полумаски эти конструктивные приёмы не могут быть объяснены. В то же время, в нашем распоряжении имеются не менее трёх изобразительных свидетельств, подтверждающих использование с цилиндрико-полусферическими шлемами антропоморфных забрал. Первая – это миниатюра «Гюльшах подъезжает к армии Раби» из поэмы «Варга и Гюльшах», написанная азербайджанским художником аль-Мумином аль-Хойи аль-Наккашем (рис. 8, 1). Она хранится в библиотеке Топкапы-сарай, её тра-

диционно относят к домонгольскому стилю Ирана и датируют первой половиной – серединой XIII в. Две другие миниатюры принадлежат списку одного «Шах-намэ», выполненного в багдадском стиле и датированного 1300–1330 гг. Первая – «Рустам перевязывает раненого коня», хранится в коллекции Метрополитен-музея в г. Нью-Йорк (рис. 8: 2), вторая – «Рустам свергает Пулада», хранится в дублинской Библиотеке Честера Битти. Мы сейчас не возьмёмся однозначно ответить, что за тип личины изображён на первом памятнике, а вот во втором случае это явно маски обезличенной группы, хорошо известные по находкам из золотоордынских погребений у с. Ротмистровка и с. Куйбышево, а также из итум-калинского «клада», и неизвестного происхождения из коллекции Национального Музея Республики Татарстан⁴⁴. Как нам кажется, к публикуемому шлему лучше всего может подойти маска из коллекции Национального Музея Республики Татарстан (рис. 8: 3). Во-первых, она имеет ряд отличительных черт от других масок серии – форма глаз, форма носа и ноздрей, устройство ротового вентиляционного отверстия, да и в целом она менее грубая. Во-вторых, орнаментация, не присущая другим находкам серии. При этом изображение на лбу птицы, видимо, феникса так характерного для ближневосточного искусства, может свидетельствовать в пользу её не местного происхождения.

⁴² Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Военное искусство, оружие, снаряжение. С. 23.

⁴³ Жуков К.А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси. С. 154–155.

⁴⁴ Кулешов Ю.А. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Militaria Mediaevalia. T.V. Krakov–Sanok, 2009. S. 165–173.

Рис. 1. 1–4 – шлем, изъятый на Выборгской таможне (фотография).

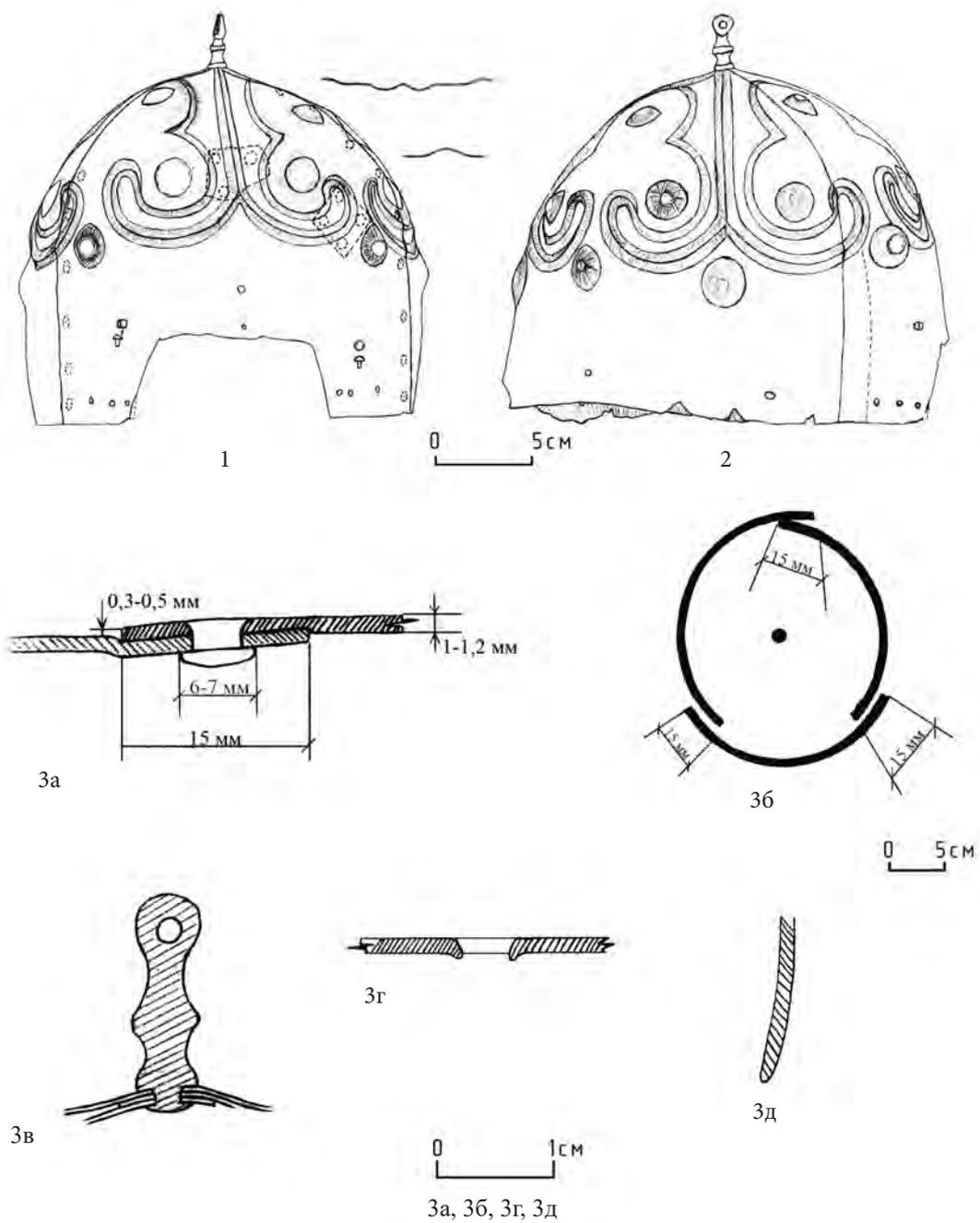

Рис. 2. 1–2 – шлем, изъятый на Выборгской таможне (прорисовка); 3 – а – шов купола в разрезе, б – схема сборки купола, в – конструкция навершия в разрезе, г – вид отверстий пробитых по нижнему краю в разрезе, д – верхняя граница лицевого выреза в разрезе.

Рис. 3. 1 – шлем с поселения Лукашевка-V, пригород золотоордынского г. Шехр-аль-Джедит (Старый Орхей), Молдова; 2 – шлем из коллекции музея-дворца Раккада близ г. Кайруан, Тунис; 3 – шлем, случайно найденный в Англии в замке Пэвенси графства Суссекс.

Рис. 4. 1 – шлем из позднекочевнического погребения в кургане «Фулджера», близ румынской коммуны Моску; 2 – шлем из позднекочевнического погребения у с. Заможное, на р. Чингул в Запорожье, Украина; 3 – шлем, случайно найденный у с. Никольского бывшей Курской губернии.

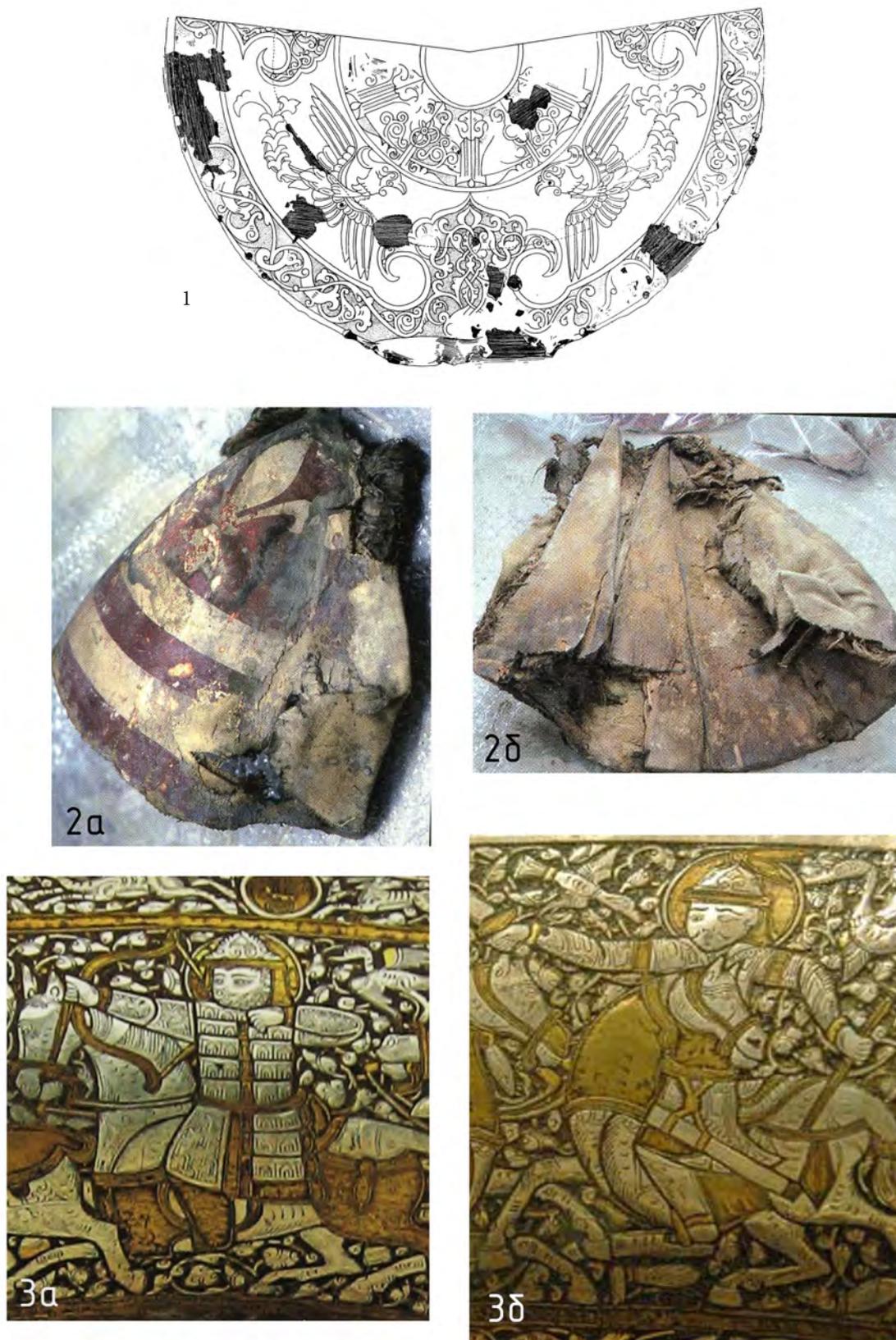

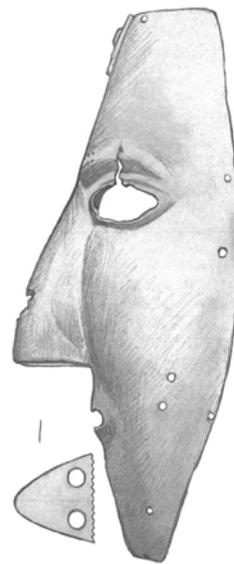
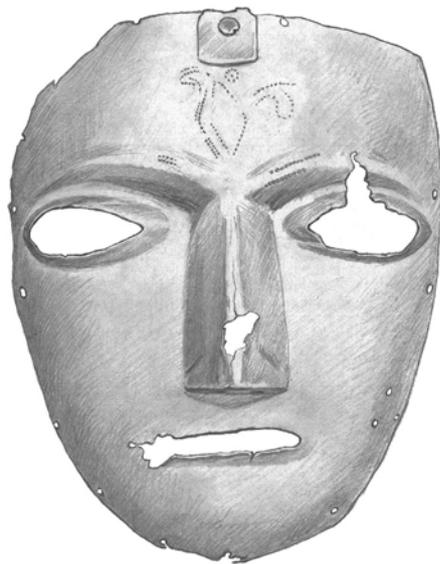
Рис. 5. 1 – орнамент шлема из русла р. Дунай, Венгрия; 2 а-б – органический шлем из цитадели г. Дамаска, Сирия; 3 а-б – батальная сцена I2 и I3 внутренней композиции на Баптистерии Св. Людовика, работы мамлюкского мастера Мухаммада ибн аль-Зайни.

Рис. 6. 1 – козырёк шлема «цзиньского» типа, несанкционированные раскопки, Приморье; 2 – шлем с плато Озана, близ г. Габрово, Болгария; 3 – шлем из позднекочевнического погребения у церкви в местечке Ченгеле, Венгрия.

Рис. 7. 1 – шлем из коллекции фонда Фарусия; 2 – шлем из лондонской коллекции доктора Нассера Халили; 3 – шлем, происходящий из несанкционированных раскопок в Прикубанье.

3

Рис. 8. 1 – миниатюра «Гюльшах подъезжает к армии Раби» из поэмы «Варга и Гюльшах», написанная азербайджанским художником аль-Мунином аль-Хойи аль-Наккашем, хранится в библиотеке Топкапы-сарай; 2 – миниатюра из «Шах-намэ» «Рустам перевязывает раненого коня», хранится в коллекции Метрополитен-музея в г. Нью-Йорк; 3 – маска из коллекции Национального Музея Республики Татарстан.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК 2007 Г. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

УДК 903.22+623.444/446+623.411+685.15(470-25)
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.202-232

© 2018 г. Курмановский В.С. (kurmanovskiy@mail.ru)
Институт археологии РАН (Москва)

© 2018 г. Панова Т.Д. (panova@kremlin.museum.ru)
Музей-заповедник “Московский Кремль” (Москва)

Резюме: Статья посвящена находкам предметов вооружения из раскопок на Подоле Московского Кремля в 2007 г. В ходе работ 2007 г. было обнаружено значительное количество предметов вооружения, датируемых преимущественно XV в. и началом XVII в.

Ключевые слова: Москва, Кремль, предметы вооружения.

Weapons from the excavations of 2007 in the Moscow Kremlin (brief review).

© 2018 Kurmanovsky V.S. (kurmanovskiy@mail.ru)

© 2018 Panova T.D. (panova@kremlin.museum.ru)

Abstract: The article is devoted to findings items of armament while excavations at Podol of the Moscow Kremlin in 2007. During the excavation works of 2007 a significant number of weaponry items were found mostly dated to the period between XV and XVII centuries.

Keywords: Moscow, Kremlin, items of armament.

Предметы воинского снаряжения и оружие в том или ином количестве являются постоянными находками при изучении жилого слоя средневековых русских городов. Наиболее многочисленны они, как правило, при проведении археологических работ на территории крепостей, защищавших население городских центров при набегах и осадах.

Московский Кремль размещается на Боровицком холме и является древнейшей территорией столицы России. Удобный мыс при впадении реки Неглинной в Москву-реку начал заселяться в середине XII в. Тогда же здесь были устроены первые деревоземляные укрепления, позволявшие жителям Москвы укрываться за их валами в случае военной опасности. Русские летописи зафиксировали как сооружение (или поновление) оборонительной системы Москвы в XIV–XV вв., так и выпавшие на долю города нападения врагов, осады и разорения.

История Москвы в первые столетия существования города, в период позднего средневековья и раннего Нового времени, не могла не оставить в ее жилом слое свидетельств тех военных событий, о которых повествуют письменные источники (летописи, записки иностранцев и т.п.). И подтверждения этому археологи постоянно фиксируют в процессе исследования исторического центра столицы России.

Во второй половине XIX – начале XXI в. в Кремле неоднократно обнаруживали как остатки деревоземляных и белокаменных укреплений середины XII–XIV в., так и предметы воинского дела этого и последующих периодов истории города. Не стали исключением и крупномасштабные раскопки

2007 г., проведенные на Подоле Боровицкого холма. Изучив застройку и планировку этого района города на конец XIV–XVII в., археологи смогли также обнаружить многочисленные свидетельства занятий его населения в разные периоды истории Москвы.

Значительную группу среди огромного числа находок составили предметы воинского снаряжения и оружие. Но прежде чем обратиться к анализу этих артефактов, отметим наличие в археологической коллекции музеев Московского Кремля предметов аналогичного назначения, уже введенных в научный оборот. Среди них не только обычные для жилого слоя многих древнерусских центров наконечники стрел и копий, обрывки кольчуг и пластины доспехов, но и редчайший меч XII в. с подписным клинком, и не менее редкий клад предметов вооружения рубежа XV–XVI вв.¹

Группа находок 2007 г. – это комплекс из более чем 170 артефактов. Они представляют разные виды оружия ближнего и дальнего боя, а также снаряжение воина и его боевого коня. Особняком в этой группе стоят предметы, связанные с метательными орудиями и артиллерией, например, белокаменные ядра – составная часть в том числе и артиллерийского выстрела, использовавшиеся по летописным данным для обороны Кремля уже с конца XIV в. Отдельные их экземпляры несомненно относятся к метательным средствам – они калечили и убивали живую силу противника, будучи сброшенными с высоких стен крепости. Белокаменные ядра изображены на многих миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. в сценах обстрела осажденных городов

¹ Шеляпина Н.С., Авдусина Т.Д., Панова Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. 1979. № 2. С. 214–228. Шеляпина Н.С. Меч из раскопок в Московском Кремле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 196–203.

и как запас при орудиях. Художники второй половины XVI в. несомненно были хорошо знакомы с этими предметами и системой их использования, что и отразили в своих рисунках, как и другие предметы вооружения – сабли, копья, луки со стрелами, а также осадные приспособления. Для ручного огнестрельного боя применяли ружья, стволы которых были обнаружены вместе с большим количеством свинцовых пуль при раскопках в Кремле на территории Подола.

Анализ материалов из раскопок 2007 г. следует начать с оружия ближнего боя. В коллекции из раскопок на Подоле Боровицкого холма оно представлено клинковым оружием (навершие меча или шпаги, гарды сабель), наконечниками копий и шестопером.

Перекрестия клинкового оружия представлены 4 экземплярами. Самым ранним из них является сабельное перекрестие № 1179и (раскоп 1)². Находка планиграфически и стратиграфически тяготеет к безынвентарному сооружению 115, хронологически предшествующему сооружению 96, содержащему значительный археологический материал и датирующемуся первой половиной – серединой XV в. Перекрестие имеет хорошо выраженные вертикальные срединные отростки и незначительно отогнутые к клинку концы с плоскими ромбовидными завершениями. Данное перекрестие представляет собой результат прямого развития форм перекрестий золотордынского периода (вариант 3

типа III по типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной)³, от которых отличается отсутствием выраженной ассиметрии и более четко выделенными вертикальными отростками. Кроме того, концы перекрестия фактически прямые, и, в сравнении с рядом более ранних перекрестий, менее отогнуты к клинку. Внутренняя конструкция перекрестия демонстрирует сходство с перекрестиями XVI–XVII вв.: упор для плечиков клинка и рукояти образуется за счет различной ширины отверстий в верхней и нижней частях перекрестия: большей в нижней части (со стороны клинка) и меньшей в верхней (со стороны рукояти), в то время как у более ранних экземпляров перекрестий подобной формы, происходящих, например, из Белореченских курганов, размер отверстия в верхней и нижней частях примерно одинаковый, а упор обеспечивается за счет перегородки в средней части перекрестия. Наиболее близкий аналог имеется на сабле из собрания Национального музея республики Татарстан, данные об источнике поступления которой в музей отсутствуют. В публикации сабля датирована XIV в. и выдвинуто предположение о ее происхождении из раскопок золотордынского г. Укека⁴.

Ширина предмета – 9,5 см, ширина завершений – 1,7–2,1 см, высота по отросткам – 6,8 см (рис. 1).

Перекрестие № 784и (раскоп 1) имеет симметричные дуговидно изогнутые к клинку концы с выделенными завершениями в виде схематиче-

² Работы 2007 г. проводились на двух раскопах двумя организациями – ЗАО «ФРОМ» (начальный этап работ) и Институтом археологии РАН (последующий этап). Находки в раскопах 1 и 2, ИА РАН и ЗАО «ФРОМ» были учтены в отдельной нумерации. Здесь и далее указывается номер раскопа и номер находки с буквенным индексом, обозначающим название организации, производившей работы (и – Институт Археологии РАН, ф – ЗАО «ФРОМ»). Все находки хранятся в Музеях Московского Кремля. Отчет о раскопках ИА РАН хранится в архиве ИА РАН (Панова, Коваль. 2007. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г.). По раскопкам ЗАО ФРОМ отчет о раскопках отсутствует.

³ Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. С. 129–131.

⁴ Гасимов О.Р. Оружие в собрании Национального музея республики Татарстан. Казань, 2003. С. 22.

ски выполненных зооморфных голов. Вертикальный отросток сохранился только с нижней стороны перекрестия, похоже, полностью (следы слома не прослеживаются). Он имеет вид короткого широкого подтреугольного щитка. Таким образом, данное перекрестие нельзя отнести к формам перекрестий с развитыми вертикальными отростками, типичным для сабель XVI–XVII вв. При этом, также как у предыдущего предмета, верхнее и нижнее отверстия имеют различную ширину. Перекрестие достаточно нетипично для средневековой Восточной Европы. Определенную аналогию представляют перекрестия парадных палашей восточного образца XVII в., имеющие опущенные к клинку концы и завершения в форме голов дракона, однако пропорции и особенности оформления у них иные⁵. Перекрестия с опущенными концами и завершениями в виде голов дракона известны на клинковом оружии Ближнего Востока и в более ранний период, причем преимущественно встречаются на оружии с прямым клинком – мечах и палашах, реже – на саблях⁶. Достаточно близки по форме к перекрестию из Кремля перекрестия меча (палаша) мамлюкского султана Кансуха аль-Гаури (1501–1516 гг.) (инв. № 1/125) и мамлюкской сабли середины XV в. из собрания Музея дворца Топ-Капы в Стамбуле (инв. № 1/212), однако, последние представляют собой единое целое с рукоятью оружия и имеют несколько отличное оформление драконьих голов на концах⁷. Ширина (размах) изделия –

10,3 см, ширина окончаний – от 1,3 до 3,6 см. находка обнаружена в сооружении 108а, датируемом по материалу первой четвертью XVI в. (рис. 1).

Перекрестие № 96ф (раскоп 2) изготовлено из медного сплава, прямое, с расширяющимися прямо обрезанными концами без конструктивно выделенных расширений и хорошо выраженными, достаточно высокими вертикальными отростками. Один из концов, а также верхний и нижний вертикальные отростки соответственно с разных сторон перекрестия обломаны. Ширина изделия – 13,2 см, длина верхнего отростка – 3,0 см, нижнего – 4,0 см. Ширина – от 0,8 до 1,2 см на расширяющихся концах (рис. 1 а). Размеры и пропорции изделия позволяют датировать его XVI – серединой XVII в.

По типологии сабельных перекрестий Московской Руси XVI – первой трети XVII в., разработанной О.В. Двуреченским, данное перекрестие может быть отнесено к варианту 1а (с простыми стержневидными окончаниями) типа 1 (простых или стержневых перекрестий с симметричными продолговатыми отростками в средней части)⁸. Форма перекрестия, а также использованный материал (медный сплав) указывают на связь с северокавказской («черкасской») традицией производства сабель. Фактически аналогичное перекрестие встречено на сабле в одном из поздних курганов Белореченского могильника (ГИМ, инв. № 37258)⁹. Близкие по форме железные перекрестия происходят из Тушинского лагеря¹⁰, а также из сооружения се-

⁵ См. напр.: Государева Оружейная Палата. Спб., 2002. С. 174–179, 342–346. Кат. № 46–48.

⁶ *Yücel Ü.* Islamic swords and swordsmiths. Istanbul, 2001. P. 74. Pl. No. 31; P. 76. Pl. No. 33.

⁷ *Op.cit.* P. 111, Pl. No. 70; P. 98, Pl. No. 55.

⁸ *Двуреченский О.В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула, 2015. С. 55–56.

⁹ *Курмановский В.С.* Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья.* Тула, 2014. С. 152–153; С. 162. Рис. 11.

¹⁰ *Двуреченский О.В.* Ук. соч. С. 56. Рис. 12,1.

редины XVI в. на посаде Радонежа¹¹ (рис. 2).

Перекрестие № 145ф (раскоп 2), железное, имеет крупные размеры, простые стержневидные концы (сохранился один), длинные вертикальные отростки (сохранился нижний отросток с одной из сторон) и кольцо для пальца в средней части. Вторая половина крестовины – ее задний конец – утрачена. Подобные перекрестия характерны для сабель венгерско-польской традиции рубежа XVI–XVII вв. В типологии О.В. Двуреченского такие перекрестия выделены в качестве типа 2. Два аналогичных перекрестия происходят из сборов на территории Тушинского лагеря¹². Сабля с подобным перекрестием была также обнаружена в слоях начала XVII в. в г. Рузе¹³ (рис. 2).

К деталям клинкового оружия может быть также отнесен предмет, предположительно представляющий собой *обоймицу сабельных ножен* (№ 1224и, раскоп 1). Обоймица состоит из узкой железной гайки потругольно-овального сечения с ребром на внешней стороне и заклепанной в ней на внутренней стороне петлей с кольцом для подвешивания к португее. Ребро на внешней стороне ножен и смещение португейных колец на их внутреннюю сторону весьма характерны для сабель «черкасской» традиции¹⁴. По стратиграфии и археологическому контексту находка связана с тем же комплексом, что и перекрестие № 1179 (рис. 1).

Имеется также артефакт, возможно, представляющий *навершие меча или шпаги* западноевропейского образца (?) (№ 85ф, раскоп 2), обнаруженный в отложениях XVII в. Массивное навершие имеет шестигранную форму и отличается значительным весом. Размеры навершия: высота – 5,9 см, ширина вверху – 2,8 см, внизу – 3,6 см. Ширина по шейке – 1,7 см, диаметр насадки – 2,4 см. Навершие имеет сквозное отверстие, сужающееся к верхней части, соответственно – 1,0–0,4 см (рис. 1б). Аналогичные по конструкции навершия имеются на довольно многочисленных образцах европейского клинкового оружия второй половины XVI – первой половины XVII в. в отечественных и зарубежных собраниях¹⁵ (рис. 3).

В коллекции имеются также три предмета, интерпретируемые как *оковки ножен*. По определению Ю.А. Кулешова, фурнитура ножен подобной конструкции характерна для средневековых европейских кинжалов. Аналогии подобной конструкции можно видеть на известном ноже (кинжале) князя Андрея Ивановича Старицкого, хранящимся в Оружейной Палате. Подобные оковки на ножнах кинжалов (боевых ножей) присутствуют в материале Белореченских курганов¹⁶. Аналогичные оковки ножен известны также из Переяславля-Рязанского¹⁷. Вместе с тем обращают на себя внимание небольшие размеры предметов и наличие в коллекции двух ножен с вытисненными полосами, соответству-

¹¹ Савельев Н.И., Сергеев А.Ю., Чернов С.З. Усадьба служилого человека 1540-х – 1550-х гг. на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 г. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 306. Рис. 5; С. 330.

¹² Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 59–61. С. 60, Рис. 15.

¹³ Двуреченский О.В. Ук. соч. С.50, 53. Рис. 10, 1.

¹⁴ Курмановский В.С. Ук. соч. С. 152–153.

¹⁵ Новоселов В.Р. Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия. СПб., 2005. С. 204; 2, 3; Норт Э. От рапиры к шпаге // Харрис В., Коз М.Д., Коннолли П. и др. Холодное клинковое оружие. М., 2006. С.60; Müller H., Kölling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen. Berlin, 1981. S. 205. Kat. No. 127; S. 216. Kat. No. 150; S. 218. Kat. No. 152.

¹⁶ ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 9. Рис. 57. С. 22. Рис. 108а.

¹⁷ Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 173, 181. Рис. 70: 9–10.

ющими контурам подобных оковок, по размерам и пропорциям сходных скорее с универсальными бытовыми ножами. Возможно, кинжалу также принадлежит небольшое бронзовое навершие № 358 (?) (рис. 4).

Из материалов первого этапа археологических работ 2007 г. в Московском Кремле (раскоп 2ф, б/н) происходят два *наконечника копий*, обнаруженные в слоях начала XVII в. Первый экземпляр более массивен. Его длина составляет 34 см, длина втулки – 9,3 см, пера – 24,7 см. Диаметр втулки достигает 0,9–2,2 см. Ширина пера – 0,8–2,6 см (рис. 5, 1). Наконечник имеет относительно выраженные плечики, в сечении представляет собой уплощенный ромб. Данный наконечник может быть отнесен к наконечникам удлиненно-треугольной формы. По типологии наконечников копий XV–XVII вв., разработанной О.В. Двуреченским, он может быть отнесен к типу 2, в целом аналогичному типу III VIII–XIV вв. по типологии А.Н. Кирпичникова¹⁸.

Второй наконечник копья, меньшего размера, имеет фактически ланцетовидную форму, сближаясь, таким образом, с наконечниками типа I по типологии А.Н. Кирпичникова, верхняя граница бытования которых определяется серединой XI в.¹⁹ От наиболее архаичных образцов наконечников пик XV–XVII вв., варианта 1а типа I по типологии О.В. Двуреченского, соответствующего типу V по типологии А.Н. Кирпичникова, он отличается более уплощенным ромбическим сечением пера, полным отсутствием расширения в его нижней части и почти

цилиндрической втулкой²⁰. Вероятно, для XV–XVII вв. такой наконечник представляет собой индивидуальную форму (рис. 5, 2). Его длина – 22,7 см, длина втулки – 9,6 см. Диаметр втулки составляет 1,3–2,0 см. Длина пера – 13,1 см, ширина – 0,7–1,8 см. Интересную особенность обоих наконечников из Кремля представляет небольшой диаметр втулки и, соответственно, древка копья.

В коллекцию оружия из раскопок в Кремле в 2007 г. входит также *вток* (№ 134и, раскоп 1). Кремлевский вток близок находке из крепости Орешек, также имеет граненое острие²¹. Если вток из Орешка датируется первой половиной XIV в., то кремлевская находка обнаружена в сооружении 58а, датируемом второй половиной XV в.

К редким находкам в жилом слое средневековых русских городов относится шестопер с остатками деревянной рукояти (№ 741и, раскоп 1). Железная боевая ударная часть шестопера закреплена в рукояти крупным железным гвоздем с круглой шляпкой (рис. 6). Размеры боевой ударной части этого оружия: высота – 9,2 см, диаметр втулки – 2,3 см, размах лопастей – 9,4 см, наибольшая ширина лопасти – 3,3 см, высота ее – 5,0 см. По постройке, в которой шестопер был обнаружен, он датируется началом XVI в. Шестопер принадлежит к выделенному О.В. Двуреченским варианту шестоперов с секторовидными перьями. Очень близкий по форме шестопер, предположительно датируемый XIV–XV вв., был обнаружен при раскопках в Зарядье²².

¹⁸ Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 93.

¹⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.–Л., 1966. С. 8.

²⁰ Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 73.

²¹ Кильдюшевский В.И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 73. Рис. 2(9).

²² Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 199, 200. Рис. 116: 1.

Интересной находкой, опосредованно связанной с комплексом вооружения, оказывается миниатюрный (общие размеры порядка 40×50 мм) вотивный (?) топорик из свинцово-оловянного сплава (№ 52ф, раскоп 1) (рис. 7), на обеих сторонах которого читаются изображения людей и животных в окружении растительности в технике низкого рельефа, возможно, представляющие собой сцены охоты. На правой стороне читается изображение скачущей лошади (вероятно, с сидящим на ней всадником), на левой – изображения двух человеческих фигур, а также, предположительно, носорога (!) и антилопы с винтообразно закрученными рогами. Изображенная фауна, а также стилистика изображений могут свидетельствовать об иранском, индийском или среднеазиатском происхождении изделия. Форма топорика – широкое лезвие полулунной формы, округлый выступ на обухе, характерное оформление втулки – находит аналогии на восточных (мамлюкских, турецких, персидских и индийских) боевых и парадных топорах XV–XVIII вв.²³ В России XVII в. топоры подобной формы составляли церемониальное оружие царских телохранителей-рынды и именовались «посольскими»²⁴. Судя по изображениям на гравюрах к базельскому изданию сочинения С. Герберштейна и на картине «Битва под Оршей», подобные топоры в первой половине XVI в. находились на вооружении русской поместной конницы.

Снаряды метательного оружия представлены наконечниками стрел и арбалетных болтов. Железные наконечники стрел представлены 17 экз. Все наконечники стрел являются че-

решковыми. Форма большинства из них вписывается в классификацию наконечников стрел Московской Руси XV–XVII вв., разработанную О.В. Двуреченским (рис. 8).

Бронебойные наконечники с объемным в сечении граненым пером представлены 3 экз. Все они относятся к типу 1 (шиловидные граненые). Из них 1 (№ 201ф, раскоп 2) принадлежит к варианту 1а (шиловидные, в сечении квадратные, треугольные или ромбические со слабовыраженным упором). Большая толщина и некоторая грубость выполнения позволяют предположить, что данное изделие может являться заготовкой наконечника. Вариант 1б (шиловидные квадратного или ромбического сечения с простым упором) также представлен 1 экз. (№ 767и, раскоп 1). Третий бронебойный наконечник (№ 74), имеющий перо семигранного сечения и вытянутую граненую шейку с рельефным пояском в нижней части, представляет собой индивидуальную форму и отличается тщательностью исполнения. Стратиграфически он датируется второй половиной XV в.

Наибольшее количество наконечников (8 экз.) принадлежит к числу универсальных. Шесть наконечников могут быть отнесены к типу 6 (ромбовидные, уплощенные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера). Вариант 6а (ромбовидные вытянутые уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении с расширением в нижней трети длины пера), представляющий собой одну из наиболее распространенных форм наконечников Московского государства XV–XVII вв., представлен 3 экз. (№ 62ф, раскоп 1; № 366ф, раскоп 2, и № 488и, раскоп 1).

²³ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. СПб., 2002. С. 184; Носов К.С. Традиционное оружие Индии. М., 2011. Илл. на С. 251–253.

²⁴ Государева Оружейная Палата. СПб., 2002. С. 208–211, 356–357. Кат. № 62, 63.

Два наконечника (№ 875и, раскоп 1 и № 252ф, раскоп 2) принадлежат к варианту бд – ромбовидные вытянутые сплюсненные с расширением в нижней трети длины пера. Наконечники данного варианта в целом датируются первой половиной XV–XVII вв. Наконечник № 252 стратиграфически датируется началом XVII в., наконечник № 875 – второй половиной XV – первой половиной XVI в.

Одним образцом представлен также вариант бв (№ 886и, раскоп 1) – ромбовидные уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении с расширением в нижней трети длины пера. Наконечники фактически аналогичной формы имели хождение как в IX–XIV вв., так и в более позднее время – вплоть до второй половины XVII в. Стратиграфически наконечник датируется второй половиной XV – началом XVI в.

Еще один наконечник (находка депаспортизирована) может быть отнесен к варианту ба или же типу 7 (ромбические, клиновидные уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении, с расширением в нижней трети длины пера без упора) (сохранность предмета не позволяет проследить наличие или отсутствие упора).

Один наконечник (№ 315ф, раскоп 2) принадлежит к варианту 9а (ромбовидные, уплощенные в сечении наконечники с расширением в верхней трети длины пера с вытянутыми плечиками и упором). Наконечник № 219ф (раскоп 2), похоже, представляет собой индивидуальную форму, близкую к варианту 9б (ромбовидные, сплюсненные в сечении наконечники с расширением в верхней трети длины пера с вытянутыми прямыми или вогнутыми плечиками и упором), отличающуюся сильно вытянутым узким основанием пера и резко выступающими плечиками.

Универсально-рассекающие наконечники представлены 5 экз. От собственно универсальных наконечников они отличаются более широким пером укороченных пропорций. Из них большинство – 3 экз. (№ 142ф и 398ф, раскоп 1, и № 13и – шурф 2, раскоп 2) могут быть отнесены к типу 11 (ромбические с наибольшим расширением в средней трети длины пера и упором). Образец № 13 выделяется крупными размерами (общая длина 14,7 см, максимальная ширина пера 3,8 см). Наконечник № 1357и (раскоп 1) тяготеет к типу 15 (ромбовидные с расширением в нижней трети длины пера и упором), но отличается укороченными пропорциями. Стратиграфически наконечник датируется второй половиной XIV в. Наиболее близким аналогом в типологии А.Ф. Медведева оказываются наконечники варианта 2 типа 41, наиболее широко распространенные в XII–XIV вв. К универсально-рассекающим наконечникам относится также наконечник № 1521и (раскоп 1), принадлежащий к типу 12 (ромбические наконечники с наибольшим расширением в средней трети длины пера без упора).

К собственно рассекающим наконечникам принадлежит находка № 583, представляющая собой двурогий срезень. Данный наконечник не относится к числу типов, вошедших в типологии О.В. Двуреченского, и вписывается в рамки типа 60 по типологии А.Ф. Медведева. Распространение подобных наконечников в Восточной Европе связывается с татаро-монгольским нашествием. Стратиграфически наконечник датируется первой половиной XV в.

Состав коллекции наконечников стрел из раскопок 2007 г. в Московском Кремле демонстрирует преобладание специфических для XV–XVII вв. универсальных наконечников вытянутых

пропорций (варианты ба и бд), а также универсальных же форм с широкой датировкой. Подобное распределение форм соответствует тому, что значительная часть находок происходит из верхних слоев раскопов, связанных с позднейшим этапом функционирования данного вида оружия. В то же время выделяются наконечники специализированных форм, характерных для более раннего периода. К таковым, в частности, относятся двурогий срежень (№ 583) и тщательно изготовленный броневой наконечник (№ 74).

Наконечники *арбалетных болтов* представлены 4 экземплярами (№ 101и, 622и; № 413ф, 417ф – раскоп 1). Наконечник № 622 – черешковый, № 413 и 417 – втульчатые. Втульчатые наконечники могут быть отнесены к типу 3 по типологии А.Н. Кирпичникова, принятой также О.В. Двуреченским для наконечников XV–XVII вв., – пирамидальные квадратного сечения²⁵. Черешковый наконечник № 622 принадлежит к типу 2 – вытянутые пирамидальные наконечники с квадратной или ромбической гранью со срезанными углами²⁶. У наконечника № 101 насад утрачен, поэтому принадлежность его к втульчатым или черешковым в точности не может быть определена. Перо наконечника имеет пирамидальную форму и квадратное сечение. У основания пера наконечник сужается, но в то же время не обнаруживает следов перехода к черешку. Следующая за основанием пера часть наконечника, таким образом, может являться шейкой, либо началом втулки. Поскольку наконечники арбалетных болтов с шейкой неизвестны, более вероятным представляется второй вариант. Соот-

ветственно, данный наконечник также следует отнести к втульчатым наконечникам типа 3.

К принадлежностям метательного оружия относятся также *фрагмент цельнодеревянной охотничьей стрелы-томара* (№ 150и, раскоп 1), костяной пулевидный *втульчатый наконечник стрелы-томара* (№ 418, там же); *фрагмент орнаментированной костяной накладки колчана* (№ 206и, раскоп 1), возможно, *фрагмент железной подвесной петли колчана* (?) (№ 335и, раскоп 1), *железные подвесные крюки колчанов* (?) (№ 1091и, 1295и, раскоп 1), *костяная подвесная петля колчана или налучья* (№ 1370и, раскоп 1) (рис. 9). Среди них наибольший интерес представляет находка № 206 – костяная накладка колчана с художественным гравированным орнаментом, включающим в себя изображение оленя. Подобные накладки хорошо известны по золотоордынским памятникам Поволжья XIII–XIV вв.²⁷ Стратиграфически кремлевская находка датируется рубежом XIII–XIV вв.

Защитное вооружение представлено кольчатыми и пластинчатыми доспехами.

Детали пластинчатых доспехов. В общей сложности 40 предметов (раскоп 1 – № 77и, 82и, 341и, 394и, 527и, 637и, 759и, 793и, 800и, 801и, 929и, 1006и, 1054и, 1092и, 1093и, 1096и, 1098и, 1102и, 1116и, 1173и, 1183и, 1200и, 1201и, 1208и, 1218и, 1219и, 1223и, 1257и, 1285и, 1355и, 1405и, 1472и, 1485и; № 453ф; раскоп 2и – № 15а, 15б, 15в, 20, 34а, 34б) могут быть опознаны как детали пластинчатых доспехов (рис. 10–12)²⁸. Все они принадлежат пластинчато-нашивным (пластинча-

²⁵ Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 283.

²⁶ Двуреченский О.В. Ук. соч. С. 283.

²⁷ Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 278. Рис. 99.

²⁸ Приносим глубокую благодарность Ю.А. Кулешову за определение деталей пластинчатых доспехов.

то-клепаным) доспехам, включая такие их разновидности как бригадины и корацины, предполагавшие крепление пластин к внутренней стороне кожаной или матерчатой основы. В средневековой Руси такие доспехи были известны под восточным термином «куяк». Большинство предметов представляет собой пластины прямоугольной формы с заклепками и характерным изгибом, находящие довольно многочисленные аналогии на различных территориях средневековой Руси. Это, в частности, находки из Зарядья в Москве, Новгорода²⁹, летописного Никульцына (Микульчинское городище в районе Вятки)³⁰, Переславля-Рязанского³¹. Все они датируются периодом от рубежа XIV–XV вв. до первой половины XVI в., преимущественно относясь к XV в. Находки деталей корацин (мелкопластинчатых бригадин покроя куртки) известны из Коломны³², Твери³³, крепости Орешек³⁴, Ростиславля-Рязанского³⁵, поселения Аргамач-Пальна 3 в районе Ельца³⁶ и селища Кибол в Суздальском Ополе³⁷. Пластины № 800и (раскоп 1); 15 б, 34а и 34б (раскоп 2(и)) принадлежат набору пластинчато-нашивного доспеха.

Среди находок можно отметить ряд более редких и специфичных предметов. Это, в частности, пластины скругленно-трапециевидных очертаний, принадлежащие *оторочке горловины корацины* (№ 1183; 1200; 1208; 1223 (1006, 1092?)). Их ближайшие аналогии происходят с городища Бубяй в Литве³⁸ (XV в.), площади Св. Манга в Кемптене (Бавария, Германия) (между 1343–1535 гг.)³⁹, а также в составе итальянской корацины из коллекции Земельного музея замка Тироля (Южный Тироль, Италия) (в пределах 1460–1530 гг.)⁴⁰. Найденный фрагмент доспеха из 10 пластин (№ 1218) может быть предположительно интерпретирован как лицевая часть *оторочки горловины пластинчато-нашивного доспеха*. Ближайшую аналогию представляет собой комплект доспеха, найденный на территории Довмонтова города во Пскове (рубеж XV–XVI – начало XVI в.)⁴¹. Пластина № 1533 принадлежит *оторочке подмышки бригадины или корацины*. Аналогии можно видеть на упомянутой выше корацине из Земельного музея замка Тироля⁴², а также на бригадине XV в. из состава «клада» из Халкиса (Греция)⁴³. Пла-

²⁹ Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА №2. М., 1959. С. 131, Рис. 5, 13. *Его же*. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 174, 180, Рис. 16: 7.

³⁰ Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха... С. 131, Рис. 5: 2.

³¹ Монгайт А.Л. Ук. соч. С. 174, 180, Рис. 69.

³² Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII века) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М., 2008. С. 200–202, Рис. 4: 4–6.

³³ Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 91, 321, Рис. 71: 7–13.

³⁴ Кильдюшевский В.И. Ук. соч. С. 75, 76, Рис. 5: 7–8.

³⁵ Коваль В.Ю. Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 382, 384, Рис. 1, 6–8; 1, 15.

³⁶ Иншаков А.А., Иншакова А.В. Комплекс вооружения служилого человека второй половины XIV – начала XV вв. Елецкого княжества // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец, 2011. С. 32–45.

³⁷ Шполянский С.В. Датирующие находки второй половины XIII – первой половины XV вв. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.–Вологда, 2015. С. 202–203. Рис. 2: 14–15.

³⁸ Zabiela G. Lietuvos medinės pilys. Vilnius, 1995. С. 129, Рис. 116.

³⁹ Atzbach R., Elser A. Spätmittelalterliche Fragmente einer Plattenpanzerung aus Kempten im Allgäu // Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Tirol, 2004. P. 37, Fig. 4: 3.

⁴⁰ Spindler K., Stedler H. Eine neuerwordene Brigantine im Südtiroler Landesmuseum Schloss Tirol // Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Tirol, 2004. P. 201, Fig. 6: 17.

⁴¹ Курпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 35, Табл. XXX.

⁴² Spindler K., Stedler H. Op. cit. P. 201., Fig. 6: 13.

⁴³ Nicolle D. Late Mamlük Military Equipment // Travaux et Études de la Mission Archéologique Syro-Française Citadelle de Damas (1999–2006). Vol. III. Damas, 2011. P. 271. Fig. 28.

стины № 77 и 82 предположительно представляют собой *мишени куяка или корашины*. Аналогичная находка, датированная XIV в., происходит с городища Прудники в Белоруссии⁴⁴. Железная накладка № 1093, возможно, является *фестоном корашины*. Ближайшая аналогия, датированная XV в., происходит из цитадели Дамаска (Сирия)⁴⁵. Из раскопа 2 происходит узкая изогнутая пластина с заклепками, предположительно интерпретируемая как фрагмент *доспешной перчатки* (№ 20и).

Возможна постановка вопроса о принадлежности деталей, найденных на отдельных участках, конкретным доспехам.

Детали и части кольчатых доспехов (рис. 13–15). В средневековой Руси известны два основных вида кольчатого доспеха – кольчуга и панцирь. Для кольчуг были характерны круглые в сечении кольца, склепанные «на гвоздь» (с выходом стержня заклепки с двух сторон), для распространившихся позднее панцирей – плоские кольца, скрепленные «на шип» (с выходом стержня только с одной стороны)⁴⁶.

В материалах раскопа 1 встречены четыре крупных фрагмента полотна (№ 96и, 378и и 402и и 494и), один из которых (№ 378), возможно, представляет собой целый образец кольчатой рубахи (рис. 13). Последний был обнаружен в заполнении перекопа XIX в. В кремлевской коллекции имеется также ряд более мелких фрагментов полотна (№ 419и – 2 фрагмента, 1539и – раскоп 1; № 190ф – раскоп 2); два соединенных кольца (№ 623и, раскоп 1), отдельные клепаные кольца (№ 106и;

429и; 1543и; 830ф, 884ф – раскоп 1, № 52и – раскоп 2). Среди находок присутствует также ряд сваренных и сеченых железных колец различного сечения диаметром 0,8–1,9 см, которые могут принадлежать кольчатым доспехам.

Фактически во всех случаях, когда сохранность предмета позволяет проследить сечение и конструкцию заклепки кольца (№ 106и, 378и, 402и, 419и – один из фрагментов; 429и; 623и; 1543и; № 190ф), кольца оказываются плоскими либо уплощенными (прямоугольного сечения) и скрепленными «на шип». Кольцо № 52и из раскопа 2 имеет уплощенно-овальное сечение. Таким образом, данные доспехи могут быть определены как панцири. Покрытые окислами кольца, в том числе на указанных выше доспехах выглядят круглыми в сечении. Прослеживаются два стандартных размера колец – диаметром 5–6 мм (№ 378, 419 – один из фрагментов) и 9–12 мм (№ 402, 494, 419 (второй фрагмент), 1543). Размер колец в пределах 9–12 мм типичен для русских (в том числе «московских») и «черкасских» панцирей их собрания Оружейной Палаты⁴⁷. Очень мелкие кольца встречены на некоторых «немецких» панцирях⁴⁸.

Предметы снаряжения боевого коня представлены стременами, шпорами, удилами, подпружными пряжками, подковами, ледоходными шипами и скребницами.

От одного из 3 *стремян* сохранилась верхняя часть с петлей для путлица (№ 490ф, раскоп 1). Это прямоугольной формы выступ над

⁴⁴ Плавінскі М.А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск, 2001. С. 145. Мал. 6: 3.

⁴⁵ Nicolle D. Op.cit. P. 280–281. Fig. 50–53.

⁴⁶ Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная Палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной Палаты. М., 1954. С. 79.

⁴⁷ Гордеев Н.В. Ук.соч. С. 87–88.

⁴⁸ Там же. С. 92–93.

вершиной дужки с широким прямоугольным отверстием. Размеры выступа 5,7×1,5 см, отверстия в нем – 2,8×0,5 см. Отсутствие основной части стремена затрудняет его точный анализ, но аналогии такой разновидности стремян есть в материалах Тушинского лагеря⁴⁹. По стратиграфии находка датируется началом XVI в. Стремена с подобным оформлением верхней части представлены в древностях Западной и Центральной Европы XIV–XVII вв.⁵⁰. От второго стремена (№ 1341и, раскоп 1) сохранилась часть дуги высотой 13,5 см и шириной от 0,5 (у основания) до 1,3 в верхней части. Третье стремя (№ 426и, раскоп 1) сохранилось фактически полностью, имеет массивную прямоугольную в сечении дужку равной ширины по всей высоте и овальную подножку. Петля для путлища отсутствует (возможно, утрачена).

Шпоры представлены 5 предметами (3 – из раскопа 1, одна – из раскопа 2) (рис. 16). Большинство из них (3 экз.) принадлежат к разновидности шпор с колесиком и лишь одна (№ 926ф, раскоп 1) – с шипом (шип утрачен). Три шпоры с колесиком сохранились полностью (№№ 44и и 598и из раскопа 1, № 109и из раскопа 2), от третьей до нас дошел обломок выступа для крепления колесика, но само оно утрачено (№ 28и, раскоп 2, из отвала). Обе целиком сохранившиеся шпоры из раскопа 1и по слою датируются в пределах середины – второй половины XV в. Целая шпора из раскопа 2 также датируется в пределах XV в.

Удила представлены в коллекции 2007 г. 8 находками (№ 569и, 688и, 986и, 1264и, № 66ф, 645ф – раскоп 1; № 59и, 118и – раскоп 2). Принадлеж-

ностями удил могут быть некоторые из обнаруженных железных колец.

При исследованиях встречены также, предположительно, *подпружные пряжки* (№ 992и, 8ф, 60ф, 512ф; 615ф; 912ф; 914ф – раскоп 1, – раскоп 1; № 4и, 37и, 101и – раскоп 2); *детали украшения сбруи* (раскоп 1- № 537ф, 560ф, 693ф, 902ф; раскоп 2 - № 64и, 65и, 81и и 93и) и конские *подковы* (№ 700и, № 182ф, 187ф, 850ф, 894ф – раскоп 1, № 81ф, 182ф – раскоп 2). Имеются также *ледоходные шипы* (№ 1255и, 1265и, 1389и – раскоп 1), *скребницы* (№ 412ф, 678ф, 849ф – раскоп 1, № 189и – раскоп 2). Обнаружено также *седло* (№ 1393и – раскоп 1).

Такой вид вооружения, как *чеснок* представлен 1 экз., обнаруженным в заполнении сооружения 47, датируемого второй половиной – концом XV в. (№ 975и, раскоп 1).

Артиллерийское вооружение представлено серией *белокаменных* (раскоп 1 – № 323 – 324и, 346и, 525и, 824и, 918и; раскоп 2 – № 5-7и, 136и, 171 – 172и, 224и, № 9ф, 32ф, 263ф, 415ф), и *чугунных ядер* (№ 321и, № 16ф – раскоп 1; № 6ф, 73ф, 79ф, 152ф, 274ф – раскоп 2), зафиксированных в отложениях XVI–XVII вв.

Следует отметить, что белокаменные и чугунные ядра не представляли собою хранившегося в одном месте (складированного) запаса – на территории Кремля были и такие находки. В данном случае это были отдельно лежащие в культурном слое ядра или их фрагменты.

Стрелковое оружие представлено в археологической коллекции двумя *стволами* (раскоп 2 – № 273ф, б/н(ф)) (рис. 17). Были также обнаружены *свинцовые пули* в количестве

⁴⁹ Дзуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. Вып. 1. М., 2008. С. 80. Рис. 18 (2).

⁵⁰ Дзуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня... С. 73.

35 экз. Наиболее часто они встречены в поздних слоях, датируемых XVII в. Представлены также два *навершия шомполов* (раскоп 2 – № 213ф; 234ф) изготовленные из рога, представляющие собою небольшие цилиндры с углублением для крепления на шомпол.

Коллекция предметов вооружения из раскопок 2007 г. на Подоле Кремля распадается на два тематико-хронологических блока, по случайным обстоятельствам приблизительно совпавших с двумя этапами работ. Первый блок составляют специфические предметы вооружения XVI–XVII вв., представленные материалом из верхних пластов раскопок. Это детали огнестрельного оружия, перекрестия сабель, наконечники стрел «позднего» облика. Их выпадение в культурный слой достаточно правомерно может быть связано с событиями Смутного времени, в том числе пребыванием здесь польско-литовского воинского контингента. Второй блок, представляющий, пожалуй, наибольший интерес, составляют находки XIV–XVI вв., характеризующие «вооруженность» обитателей усадеб кремлевского Подола данного периода. Здесь достаточно определенно выделяются участки концентрации находок предметов вооружения.

Наиболее значительная концентрация предметов вооружения отмечена в западной части участка 4 раскопа 1 на гл. –475 /–518 – 15 доспешных пластин. Находки тяготеют к комплексу сооружений 96-96а-96б, датируемому первой половиной – серединой XV в., а также предшествующему ему сооружению 115, являвшимся частью комплекса усадебных построек, занимавшего северо-западную часть участка. В той же планиграфической зоне ниже по стратиграфии (гл. –534) были обнаружены перекрестие № 1179 и обоймица сабельных ножен (?) № 1224

(гл. –551), также по материалу из заполнения слоя, датируемые в пределах первой половины XV в. Характер находок (обилие различного назначения изделий из черного и цветного металла, фрагменты тиглей, выплески, матрица, медная проволока) позволяет связать сооружение 96 с ремесленной мастерской, специализирующейся на черной и цветной металлообработке, расположенной на территории аристократической усадьбы. О последнем свидетельствуют, в частности, находки предметов из драгоценных металлов (включая золотой перстень со вставкой) а также импортной керамической и стеклянной посуды. На том же участке, но существенно ниже обнаружены фрагмент кольчатого полотна (№ 1539, гл. –580/–620), наконечник стрелы (№ 1357, гл. –605), а также фрагмент стремени (№ 1531, гл. –593), датируемые по слою второй половиной XIV – началом XV вв.

Второй участок концентрации находок предметов вооружения планиграфически связан с другой усадьбой, выявленной в восточной части того же участка 4 и прилегающей к нему части участка 3, и отделенной от первой усадьбы улицей. Здесь обнаружено 7 доспешных пластин в культурном слое вне сооружений на отметках от –433 до –557. По археологическому материалу слой на данных отметках датируется от первой половины XV в. до второй половины XV – начала XVI в. Еще по одной пластине было обнаружено в этой же части раскопа в заполнении заглубленного сооружения 117а, датируемого концом XIV – началом XV в. и сменившего его сооружения 117 (первая половина XV в.). В заполнении этого же сооружения была обнаружена берестяная грамота Москва-3. На том же участке раскопа, в заполнении заглубленной постройки 74, датирующейся временем сере-

дины – третьей четверти XVI в., были обнаружены доспешная пластина (№ 394) и панцирное кольцо № 429.

Третий участок концентрации предметов вооружения связан с сооружением 108а (впускной сруб начала – первой четверти XVI в.), в восточной части раскопа 1 на участке 3, вероятно, составлявшей единый усадебный комплекс со вторым участком. Данное сооружение представляло собой заглубленную часть постройки, погибшей в пожаре. Здесь были обнаружены 4 доспешных пластины и перекрестие № 784.

Четвертый участок – сооружение 58а – погреб второй половины XV в. в юго-западной части участка 1. Отсюда происходят наконечник стрелы № 74; наконечник арбалетного болта № 101; мишени корацины № 77 и 82; фрагмент кольчуги № 96; кольцо № 106; вток (№ 134). Из сменившего сооружение № 58а сооружения № 58 происходят шпора № 44 и оковка ножен № 43.

Пятый участок концентрации «оружейных» находок – сооружение № 32 (погреб первой половины – середины XV в.) в юго-западной части участка 3 – здесь обнаружены наконечник арбалетного болта № 622; два скрепленных панцирных кольца № 623; доспешная (?) пластина № 637.

К усадебному комплексу, объединяющему выделенные участки 2 и 3, принадлежит также датированное первой четвертью XVI в. заглубленное сооружение 102, непосредственно связанное с сооружением 108а, в заполнении которого был обнаружен шестопер. Среди других находок в заполнении данного сооружения найдены удила, скопление шильев (93 шт.), куски воска и необработанного янтаря, а также 7 свинцовых товарных пломб и пластины белого металла. Вероятно, данная постройка, также как и комплекс сооружения 96, могла иметь

производственный характер, связанный с обслуживанием нужд богатого владельца.

Анализ планиграфии участков концентрации находок предметов вооружения на раскопе 1 позволяет объединить их в три или четыре планиграфических комплекса, связанных с усадьбами, по-видимому, сохранявшими свои границы на протяжении всего периода XIV–XVI вв. Крупнейший из них объединяет выделенные выше второй, третий и шестой участки, расположенные в восточной части раскопа, и представляет собой, таким образом, усадебный комплекс, максимально попавший в площадь раскопа. К нему же, возможно, принадлежит выделенный пятый участок – сооружение 32. Два других комплекса, соседствующие с ним соответственно с запада и северо-запада, соответствуют выделенным первоначально первому и четвертому участкам. Несомненно принадлежность каждой из них представителям высокостатусных и вооруженных слоев общества, воинам-аристократам (рис. 18).

Неизбежно встает вопрос о возможности исторической интерпретации археологических объектов, тем более сопряженный с находкой такого уникального источника как берестяная грамота Москва-3. Реконструкция расположения кремлевских объектов в данный период на основе данных письменных источников была осуществлена Т.Д. Пановой в сотрудничестве с И.И. Кондратьевым. В районе заложения раскопа 1 2007 г. в XIV–XVI вв. локализуется два объекта (рис. 19). Первый из них – это «место под зарубом», ранее принадлежавшее Ивану Сукову, переданное по духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева (1418–1499 г.), жене последнего Евдокии. Иван Иванов сын Суков с 1509 г. известен как великокняжеский ясель-

ничий – дворцовый чин⁵¹, ведавший стадами и находившийся под началом конюшего. Неизвестно, был ли упомянутый в духовной Иван Суков, владевший этим дворовым местом до князя Ивана Юрьевича, предположительно в середине – второй половине XV в., тем же лицом, что и ясельничий Иван Суков первой четверти XVI в., или же, скажем, его отцом. Отметим также, что связь с конюшениным хозяйством перекликается с содержанием обнаруженной грамоты рубежа XIV–XV вв. Возможно, связь владельцев данного двора с ведением «конюшего» пути могла носить традиционный характер. В ближайшем соседстве с запада локализовано подворье коломенских владык, известное по упоминанию в духовной грамоте вдовы князя Владимира Андреевича Серпуховского Евпраксии (Елены Ольгердовны)⁵² 1433 г. Последнее существовало здесь до приобретения участка семьей князя Владимира Андреевича. Гипотетически можно предположить, что выпадение в культурный слой предметов вооружения в районе сооружения 96, датируемое первой половиной XV в., может быть связано с периодом существования в этом районе владения семейства серпуховского князя.

Что касается собственно оружейно-археологических итогов проведенной работы, то следует отметить получение довольно значительного объема «оружейных» находок, преимущественно относящихся к малоизученному периоду XV в., в достаточно надежном археологическом контексте. Данный период по современным представлениям является переломным моментом в истории московского вооружения и характеризуется т.н. «ориентализацией» – переходом от в целом европейского характера вооружения к

восточным образцам. Этот перелом, как правило, датируется серединой – второй половиной столетия. Кремлевская коллекция, по крайней мере, на данном этапе ее изучения, похоже, не позволяет проследить этот переход – напротив, например, пластины корацин-куяков и детали кольчатых доспехов из слоев конца XIV – первой половины XV в. и второй половины XV–XVI в. выглядят достаточно единообразно. Вместе с тем обнаружены весьма яркие образцы предметов вооружения – шестопер, перекрестия клинкового оружия, наборы доспешных пластин, позволяющие представить вооружение XV – начала XVI в. более определенно. Заслуживает внимания находка в едином комплексе первой половины XV в. набора пластин корацины (куяка) – вида доспеха, в тот период широко распространенного как на Востоке, так и на Западе и деталей монтировки сабли, явно обнаруживающей восточные, золотоордынские связи. Эти находки вступают в определенный контраст с обнаруженным в 2004 г. на Манеже европейским мечом, датирующимся почти синхронным периодом. Интересна также находка шпор в слоях второй половины XV в., эпохи уже свершившейся или совершающейся ориентализации. Возможно, в данном случае здесь имеет место «переживание» вещами периода своей актуальности. Не менее важна также роль предметов вооружения в общем контексте материальной культуры высшей страты раннемосковского общества. В любом случае, коллекция предметов вооружения из раскопок в Московском Кремле 2007 г. нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

⁵¹ Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI вв. М., 2013. С. 166; цв. вкл. 24.

⁵² Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля... С. 186–187.; цв. вкл. 24

Рис. 1. Московский Кремль-2007. Детали клинкового оружия: перекрестия; обоймица сабельных ножен (?). Раскоп 1 (и). Здесь и далее (кроме Рис. 5) номера на иллюстрациях соответствуют номерам предметов в коллекции.

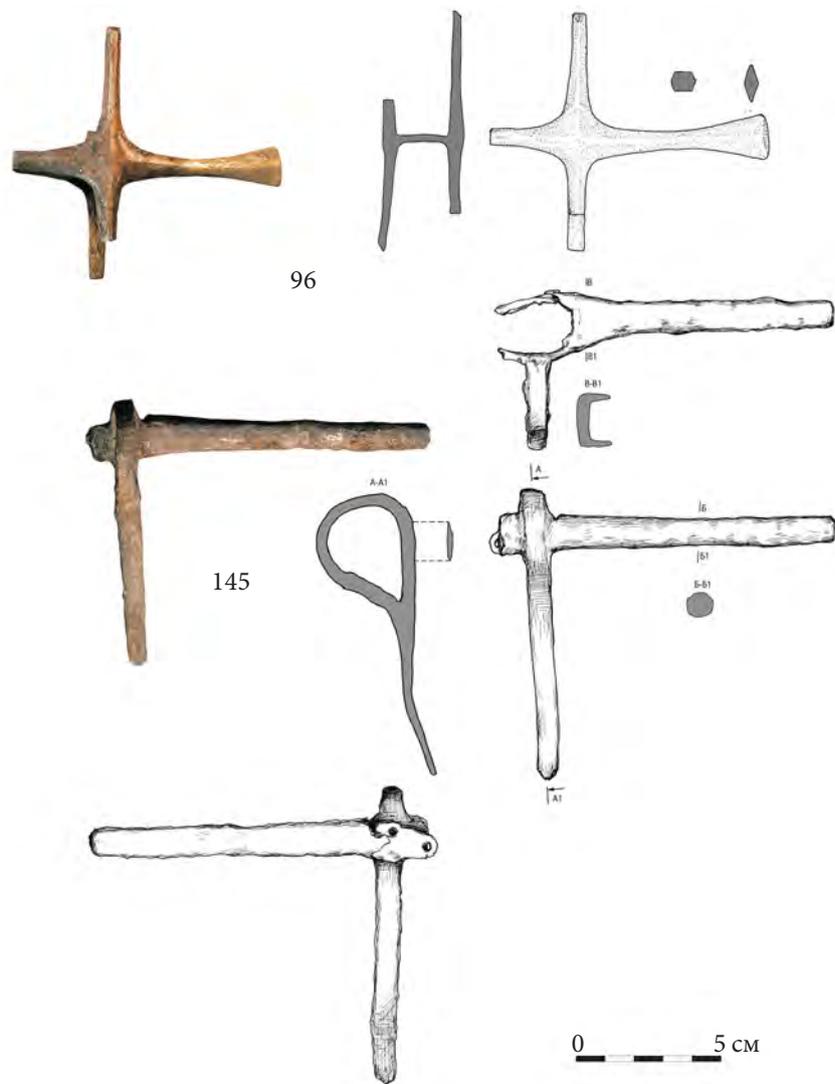

Рис. 2. Московский Кремль-2007. Перекрестия сабель. Раскоп 2 (ф).

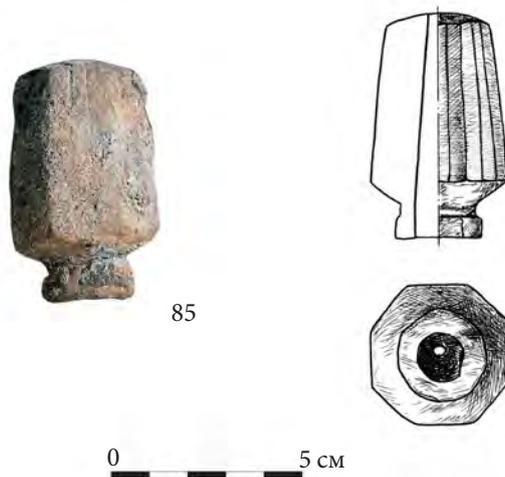
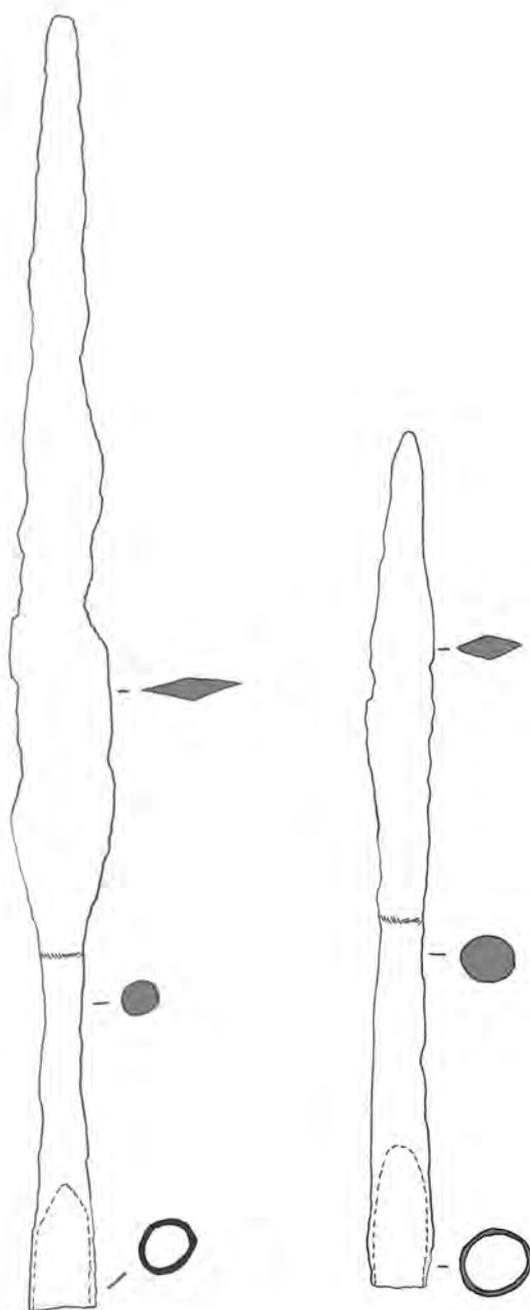

Рис. 3. Московский Кремль-2007. Раскоп 2 (ф). Навершие меча (шпаги) (?).

Рис. 4. Московский Кремль-2007. 43, 604, 1089 - оковки ножен; 203 – ножны ножа с тисненными полосами под оковки; 358 – навершие кинжала (?).

0 5 см

Рис. 5. Московский Кремль-2007. Раскоп 2. Наконечники копий 2(ф).

Рис. 6. Московский Кремль-2007. Раскоп 1 (и). Шестопер.

Рис. 7. Московский Кремль-2007. Вотивный (?) топорик.

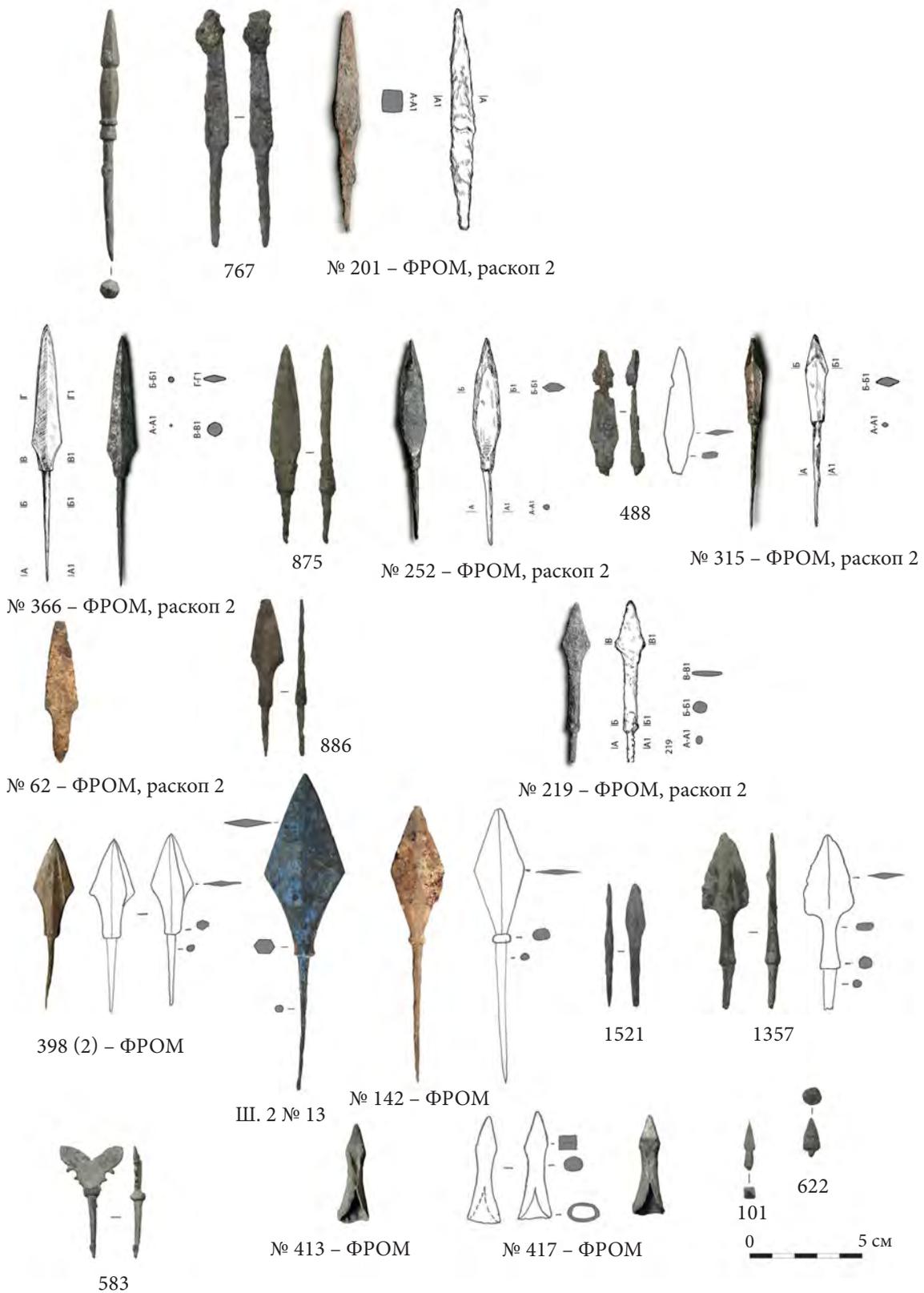

Рис. 8. Московский Кремль-2007. Наконечники стрел и арбалетных болтов.

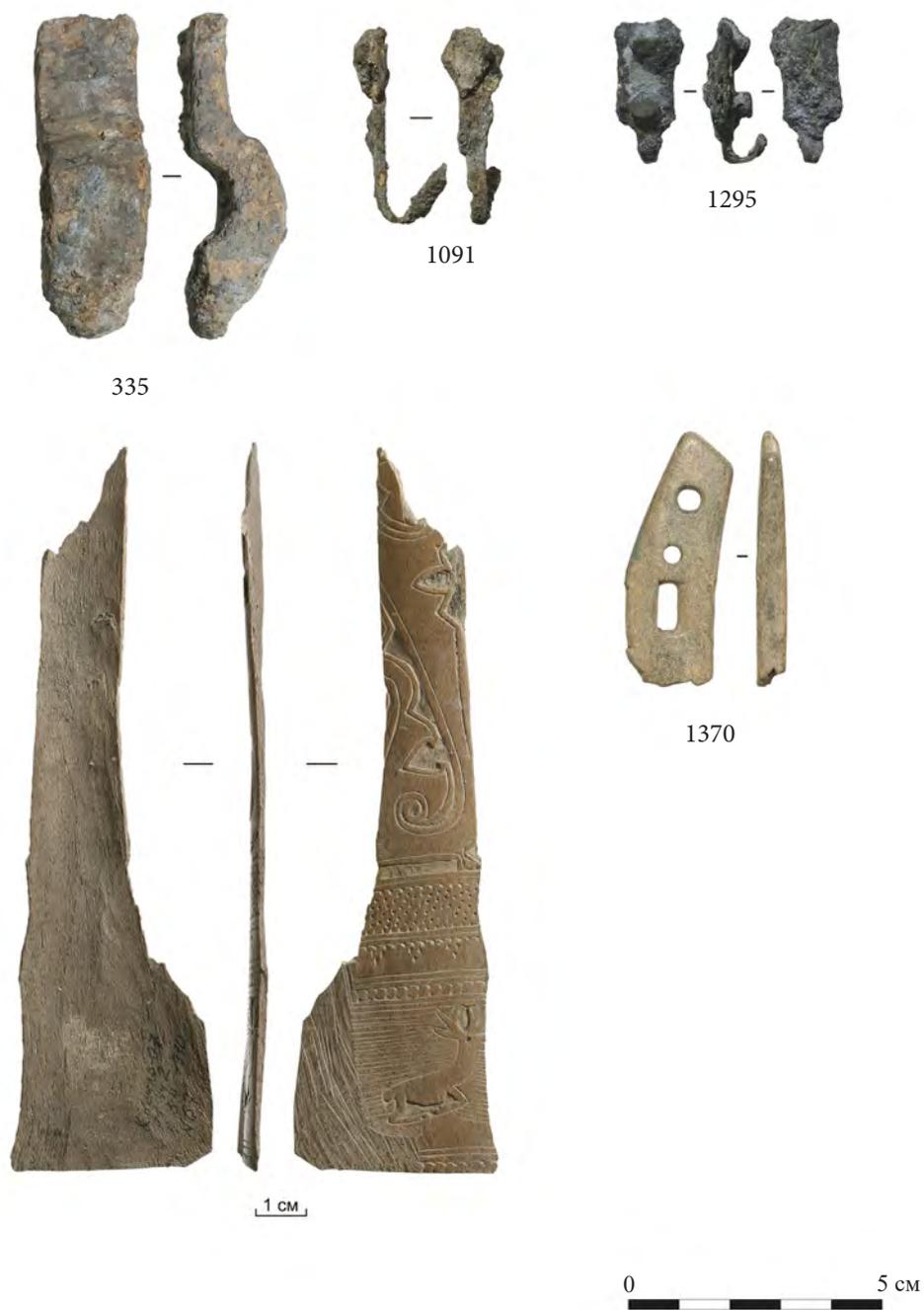

Рис. 9. Московский Кремль-2007. Детали принадлежностей метательного оружия: подвесные петли и крюки колчанов (?); орнаментированная обкладка колчана.

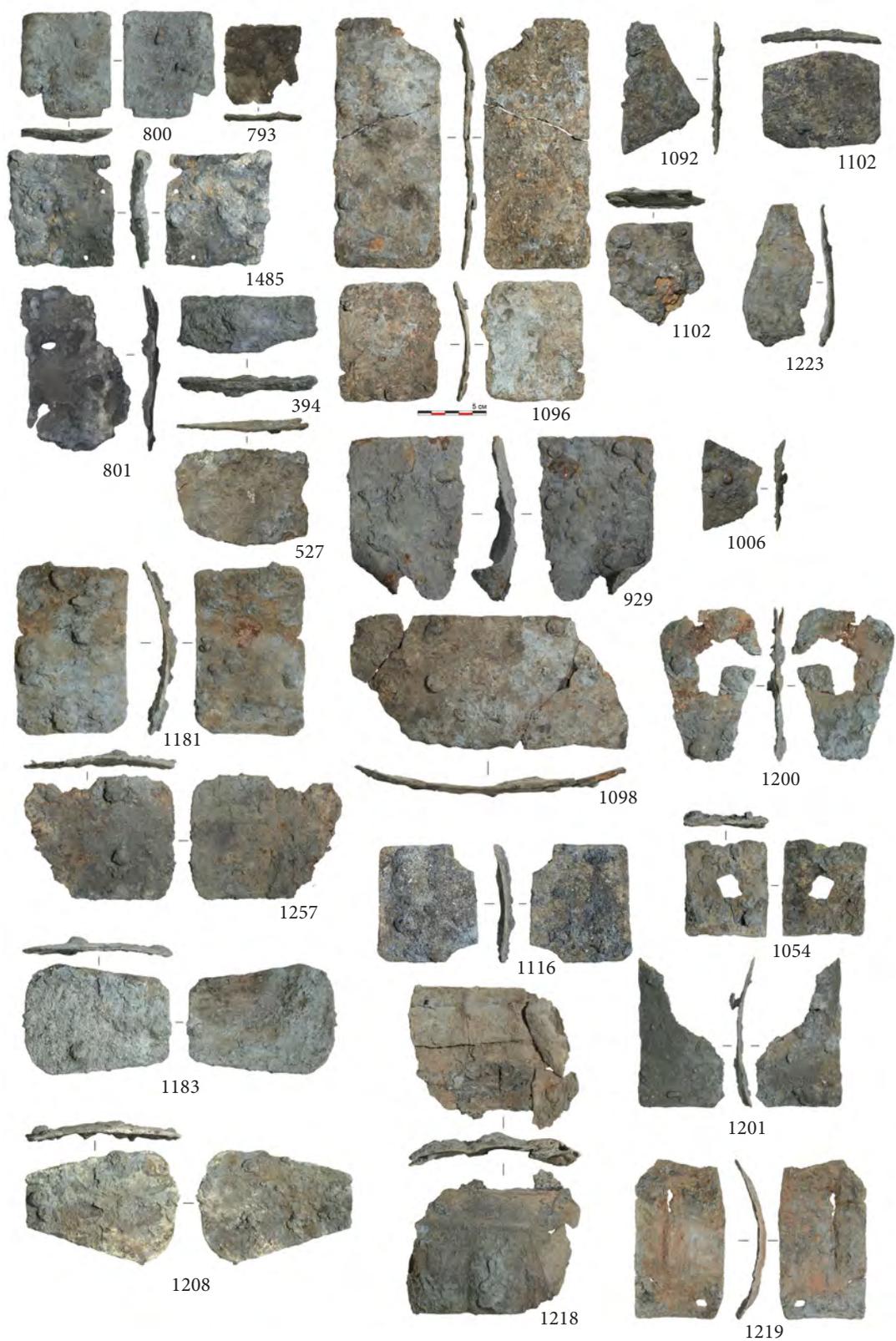

Рис. 10. Московский Кремль-2007. Раскоп 1 (и). Детали пластинчатых доспехов.

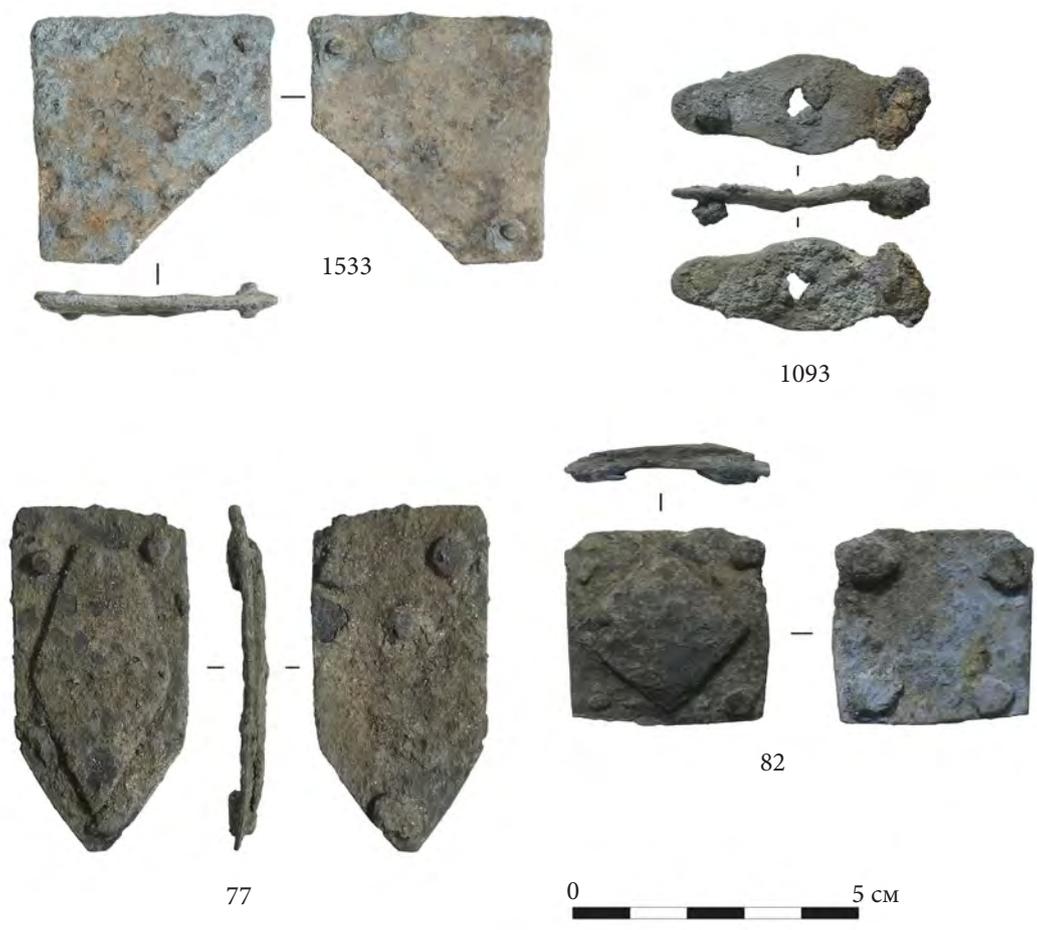

Рис. 11. Московский Кремль-2007. Раскоп 1 (и). Детали пластинчатых доспехов: 1533 – оторочка подмышки бригантины или корацины; 77, 82 – «мишени» кюяка или корацины; 1093 – фестон корацины.

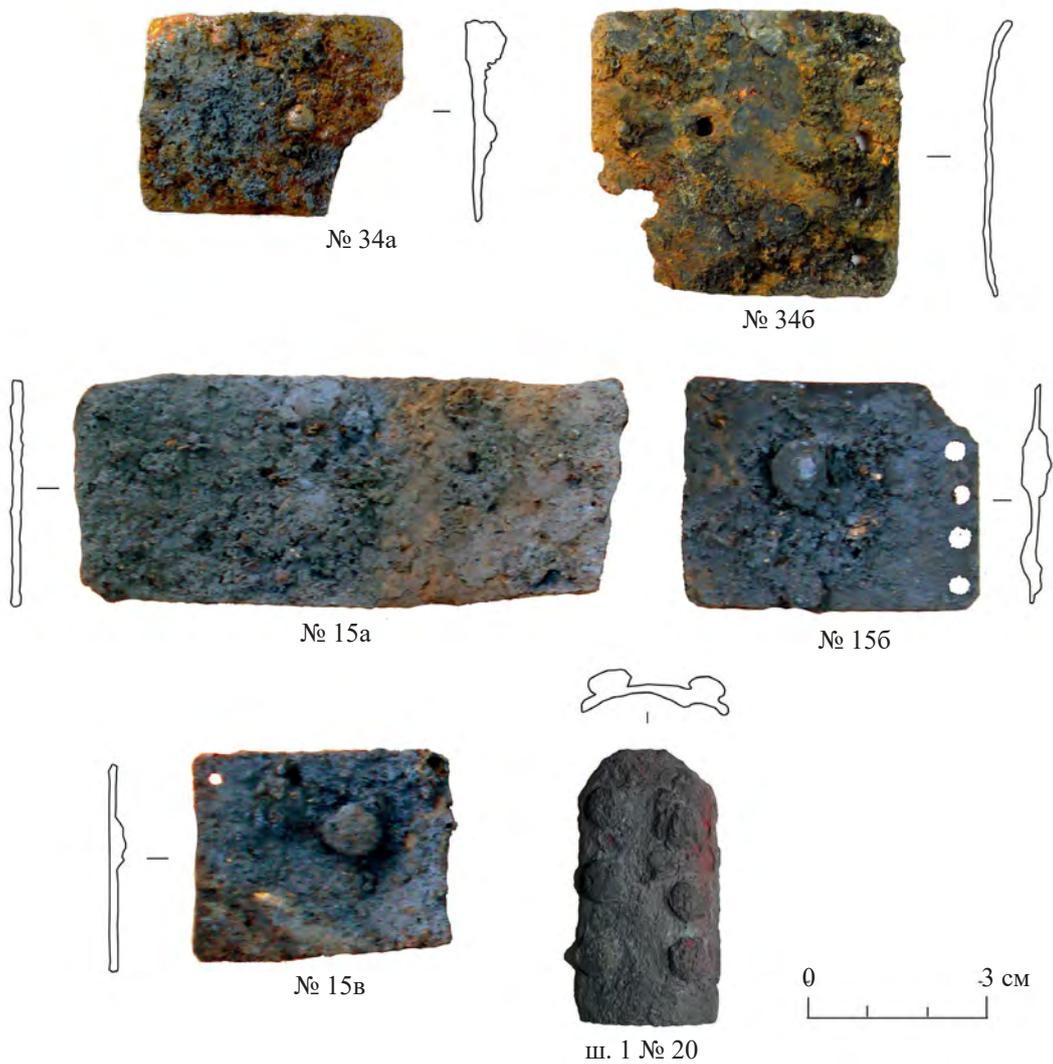

Рис. 12. Московский Кремль-2007. Раскоп 2 (и). Детали пластинчатых доспехов.

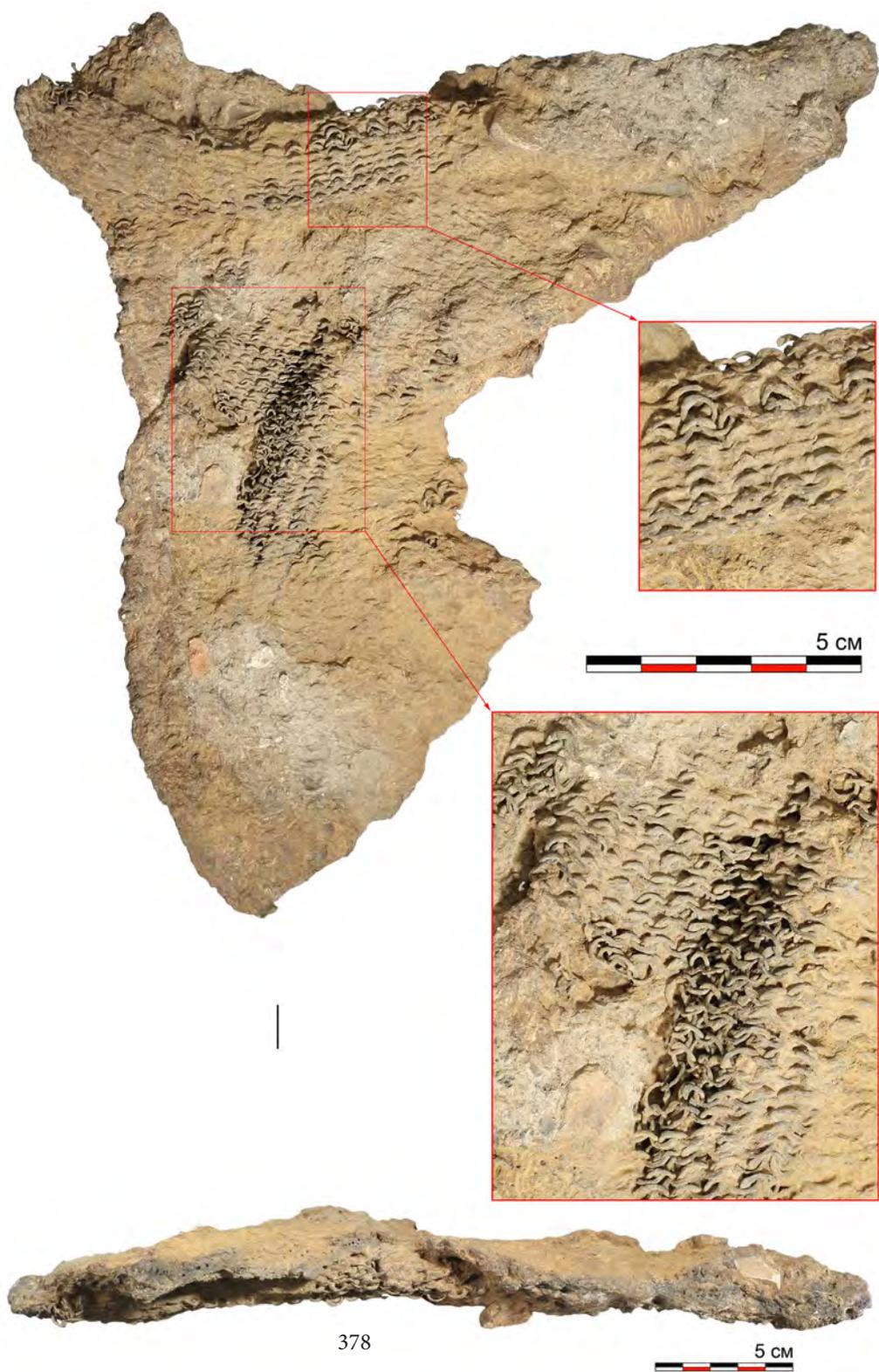

Рис. 13. Московский Кремль-2007. Раскоп 1 (и). Кольчатый доспех.

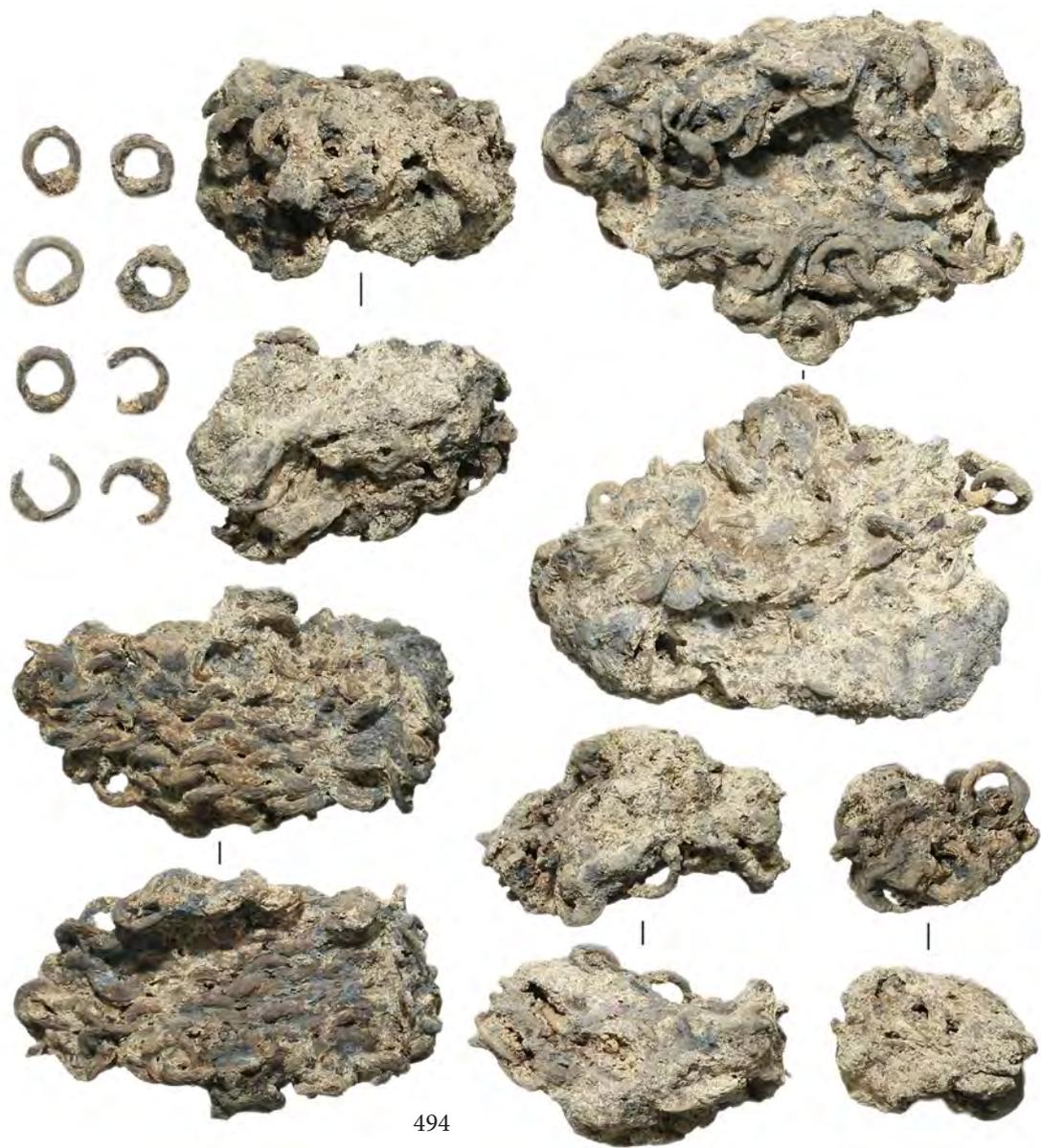

Рис. 14. Московский Кремль-2007. Раскоп 1 (и). Фрагмент кольчатого доспеха.

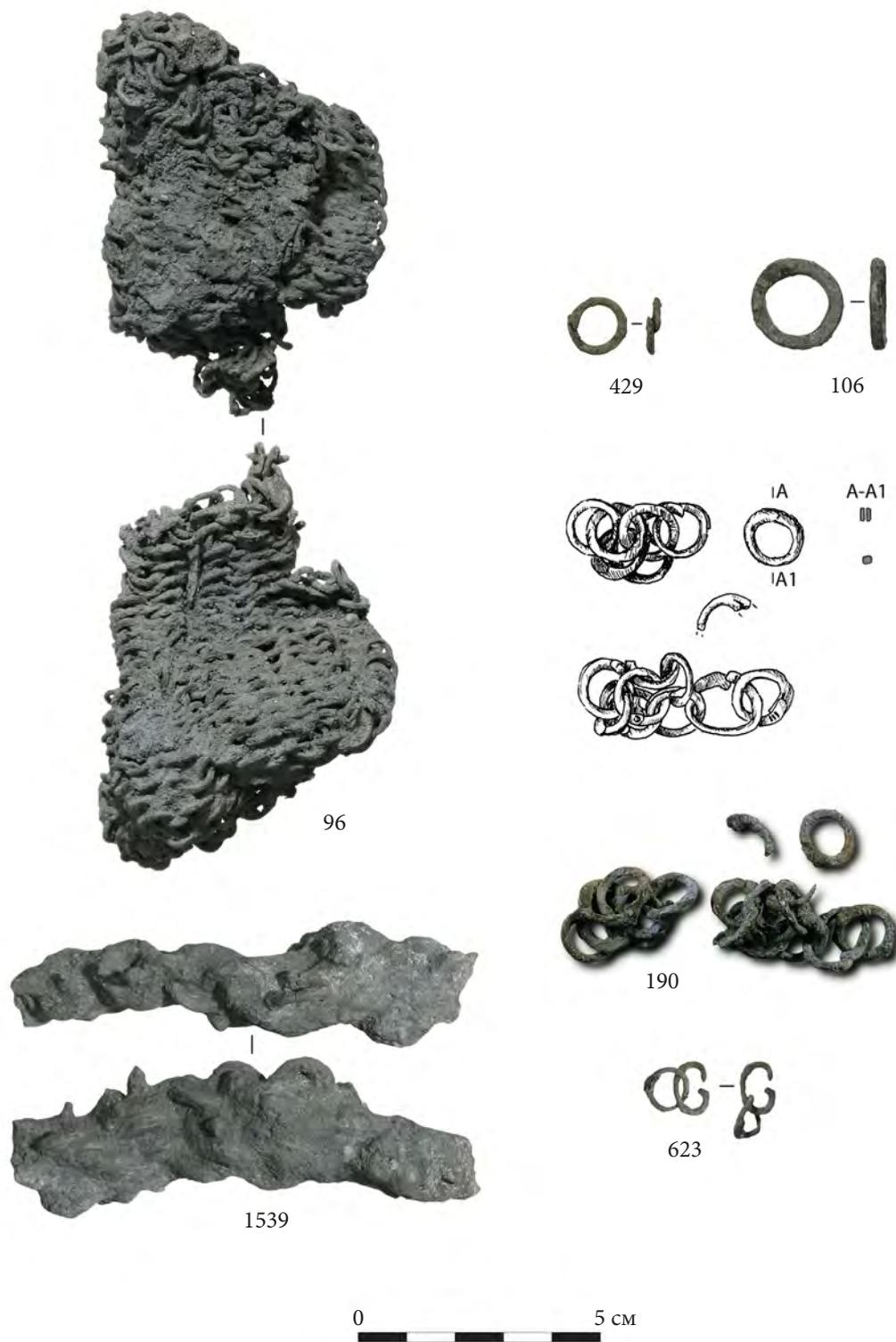

Рис. 15. Московский Кремль-2007. Отдельные кольца и фрагменты кольчатых доспехов.

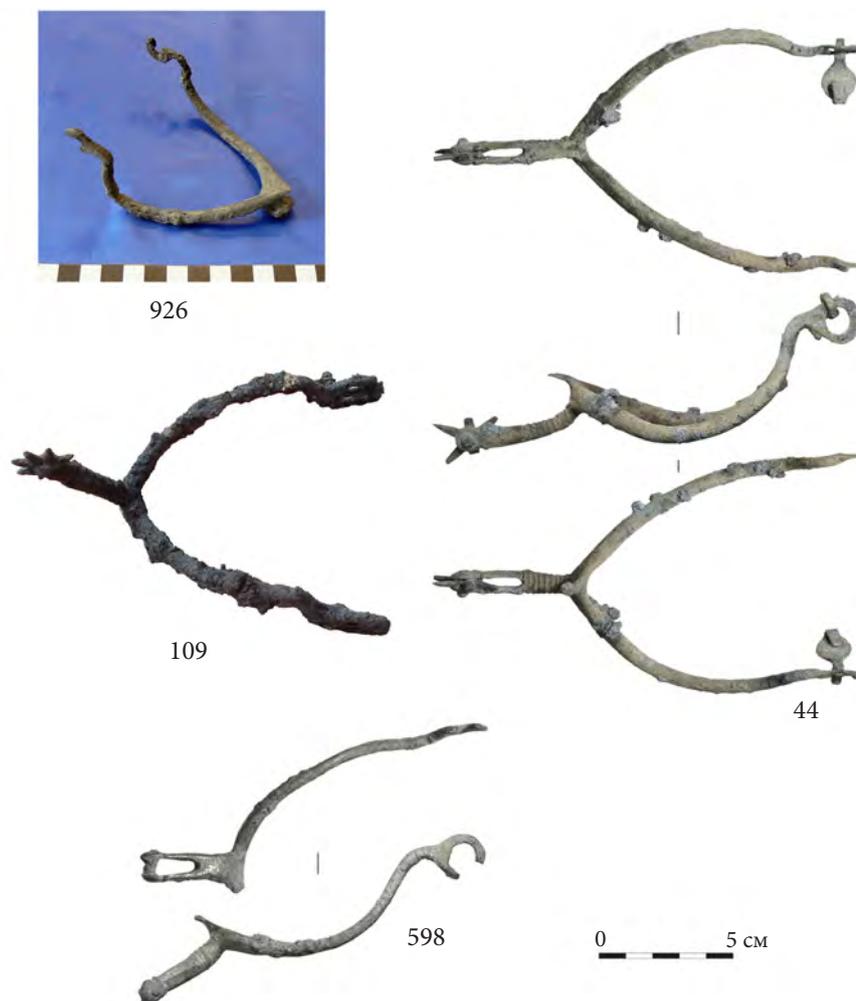

Рис. 16. Московский Кремль-2007. Шпоры (106 – раскоп 2, прочие - раскоп 1, (и)).

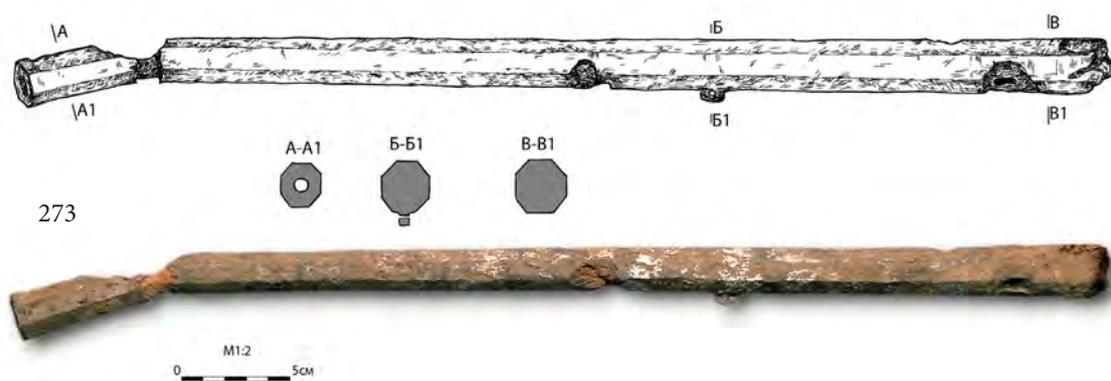
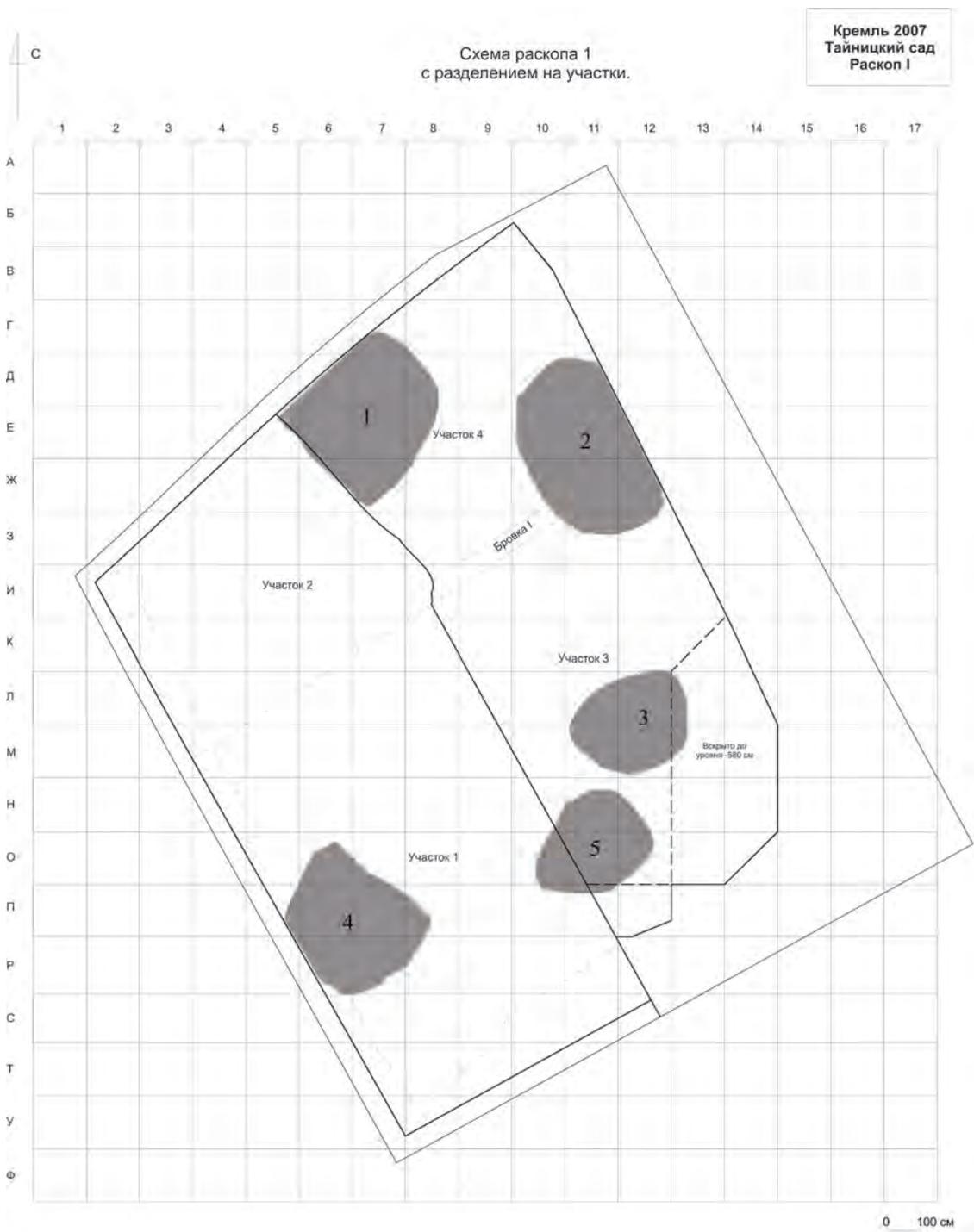

Рис. 17. Московский Кремль-2007. Раскоп 2 (ф). Ствол ручного огнестрельного оружия.

Илл. 4

Рис. 18. Московский Кремль-2007. Раскоп 1. Схематический план расположения участков концентрации находок предметов вооружения.

Рис. 19. Фрагмент реконструкции планировки и фортификации Кремля на 1360-е – конец 1440-х гг. Авторы Т.Д. Панова, И.И. Кондратьев, 2003.
46 – двор Ивана Сукова (к 1499 во владении кн. Ивана Юрьевича Патрикеева); 71 – подворье коломенских владык (к 1433 во владении вдовы кн. Владимира Андреевича Серпуховского кн. Евпраксии).

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА 14 МОГИЛЬНИКА ЧЕРНОМОРКА 2

УДК 903.531+623.444.2(470.620)

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.233-251

© 2018 г. Дедюлькин А.В. (donrumata@inbox.ru)
Новочеркасский музей истории донского казачества,
старший научный сотрудник (Ростов-на-Дону)
© 2018 г. Курмановский В.С. (kurmanovskiy@mail.ru)
Институт Археологии РАН (Москва)

Резюме: Статья посвящена публикации воинского снаряжения из погребения кургана 14 могильника Черноморка 2. Могильник расположен на черноморском побережье, в междуречье р. Куапсе и р. Псеуапсе. Рассматривается сабля из погребения, датируемая XVI – первой половиной XVII в. Оформление рукояти и ножен типичны для северокавказской традиции.

Ключевые слова: сабля, черкесы, курган, Северо-Западный Кавказ, XVII в.

A Grave of a Warrior from Burial Mound 14 of Chernomorka 2 Cemetery.

© 2018 Dedulkin A.V. (donrumata@inbox.ru)
© 2018 Kurmanovsky V.S. (kurmanovskiy@mail.ru)

Abstract: The article is devoted to the military equipment from burial mound 14 of Chernomorka cemetery. The cemetery is situated at the Black Sea coast, near the valley of the Psesuapse River. The paper deals with the sabre from the burial, which dates to the 16 – first half of the 17th century. The decor of the hilt and the scabbard is typical for the North Caucasian tradition.

Keywords: sabre, Circassians, barrow mound, XVII c., the Northwest Caucasus.

В августе – декабре 2013 г. экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.В. Дедюлькина проводились раскопки памятников археологии в полосе отвода для строительных работ по реконструкции ВЛ 220 кВ «Шепси-Дагомыс» в Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края. Были исследованы тринадцать курганов (№ 2, 3, 6, 7, 9, 14–21) могильника Черноморка 2. Курганная группа находится в 2,2 км к западу-северо-западу от западной окраины с. Алексеевское, на склоне горного отрога к востоку от урочища Черноморка, на землях ФГУ «Сочинский национальный парк», в междуречье р. Куапсе и р. Псезуапсе. Памятник расположен на пологой площадке, понижающейся к северо-западу, основная его часть занята лесом, северо-восточный край – попадает в просеку ВЛ, сильно заросшую деревьями и кустарником. Высота площадки над уровнем моря 420–430 м.

Курганная группа Черноморка 2 состоит из двадцати одной округлой в плане насыпи, обложенной по периметру рваным камнем. Курган 14 был одним из наиболее крупных в группе, диаметром 8,5 м, высотой 2,5 м (рис. 1: 1–2). Поверхность его местами поросла деревьями. Юго-восточная часть насыпи была разрушена грабительской ямой, оплывшей на момент раскопок. Отвал был разбросан с восточной стороны, частично перекрывая полу кургана. Курган содержал мощную каменную забутовку, лишь сверху перекрытую тонким слоем земли. Вероятно, древний почвенный покров под будущим курганом и вокруг него был частично снят, подготовлена погре-

бальная площадка. В основании крепиды прослежены выложенные в один ряд каменные оградки в восточной половине насыпи (рис. 2: 1). Погребение было перекрыто небольшой земляной насыпью, поверх которой находилась мощная наброска из колотого камня. На ее уплотненной верхней части лежала тонкая земляная насыпь. По всему периметру кургана проходила крепиды из радиально уложенных камней (рис. 1: 2). Лучшее всего она сохранилась в южной части насыпи, где было прослежено не менее десяти рядов кладки. Погребение 1 было основным в кургане. Досыпку под погребением с северо-запада поддерживала стенка, сложенная в один ряд из необработанных каменных плиток, ориентированная по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Скелет взрослого мужчины¹ сохранился плохо, но анатомический порядок костей скелета был в целом сохранён. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой был ориентирован на запад-юго-запад. До завершения реставрации² погребального инвентаря можно сделать некоторые предварительные наблюдения. Слева от погребенного лежали сабля, кисет с кресалом, нож. На костях таза прослежены остатки узкого пояса покрытого двумя рядами полусферических накладок из медного сплава. В районе таза фиксируется несколько пряжек. На правой бедренной кости прослежен наконечник стрелы. Деревянные предметы над правым плечом и возле правой лучевой кости пока не поддаются интерпретации, их назначение будет уточнено после реставрации. Справа рядом с костями руки и ноги погребенного прослежены обмотки из

¹ Возраст 45–55 лет. Зафиксирован сросшийся перелом левой большеберцовой кости в нижней трети. Антропологические определения выполнены м.н.с. ЦЕИ РАН А.О. Китовой, за что авторы выражают ей искреннюю признательность.

² Реставрация находок из погребения выполняется сотрудником ГОСНИИР М.П. Гайдуковым, за что авторы выражают ему искреннюю признательность.

медной проволоки. Их назначение пока неясно. Плоские золотые кольца найдены возле черепа и левого запястья. Были найдены следующие предметы (Рис. 2: 2; 3: 1, цифры в скобках соответствуют номерам на плане):

1–2. Золотые плоские кольца³ (1,3; рис. 10: 1–2);

3. Сабля (4, 30; рис. 3–9);

4–5. Накладки ножен украшенные геометрическим орнаментом из прямоугольников с косыми крестами и фестоном с вписанными тремя точками (9, 30; рис. 9: 1–2);

6. Бутероль и остатки нижней части пенала ножен (2, 16; рис. 9: 3);

7. Пряжка железная (5; рис. 10: 9);

8. Пряжка железная (15);

9. Пряжка железная (11; рис. 10: 6);

10–12. Бляшки из медного сплава (6–8; рис. 10: 3);

13. Поясные накладки полусферические из медного сплава (26; рис. 10: 7), 18 шт.;

14. Поясные накладки полусферические из медного сплава (20; рис. 10: 7), 13 шт.;

15. Железный предмет (19);

16. Наконечник стрелы черешковый (14; рис. 10: 13);

17. Железное кресало калачевидное (10; рис. 10: 11);

18. Деревянный предмет, ромбовидной формы со скругленными углами, окован тонким слоем железа (28; рис. 10: 12);

19. Деревянный предмет (12);

20. Пряжка железная (13; рис. 10: 8);

21. Фрагменты пряжки (21);

22. Обмотка медной проволокой (23; рис. 10: 5);

23. Обмотка медной проволокой, фрагменты деревянного предмета (17; рис. 10: 10);

24. Длинный нож в ножнах (27; рис. 11: 1–2);

25. Остатки пояса с полусферическими накладками (25; рис. 10: 7), 12 шт.;

26. Изделие из кости (22; рис. 10: 4).

Костная мозоль на месте сросшегося перелома левой берцовой кости – типичная травма всадника. Несомненно, что погребенный в кургане 14 мужчина, сопровождаемый набором воинского снаряжения: саблей, стрелой (символизировавшей снаряжение лучника⁴), был представителем социальной элиты того населения, что оставило могильник. Луки и стрелы в XVII в. использовались на войне преимущественно черкесской знатью⁵. Оформлению ножен длинного ножа⁶ есть аналогии в материалах Белореченского могильника (рис. 11: 3).

Погребения могильника совершались на древнем горизонте или на незначительной земляной подсыпке, выравнивающей склон. Умершие покоились в положении лежа на спине, ориентировка западная. Иногда вокруг погребенного устраивалась оградка из камней, зачастую лишь со стороны склона. Преобладают одиночные захоронения. Насыпи курганов окружают крепиды, достигающие в высоту до десяти рядов. Внутреннее пространство кладки заполнено каменной забутовкой различной мощности. Насыпи курганов № 9, 19, 20 были полностью земляными, с каменной крепидой. Насыпи курганов 14 и 15, самых крупных

³ Обычно они интерпретируются как височные подвески, но не исключено, что некоторые из них могут относиться к поясу или верхней одежде. Аналогичные парные плоские золотые кольца были расположены на уровне пояса в женском погребении, исследованном в 2013 г. А.А. Нечипоруком в охранной зоне селища Мухортова Поляна 2 на правом берегу р. Аше. Пользуясь случаем, авторы выражают ему искреннюю признательность за информацию.

⁴ Возможно, что остатки деревянного предмета (рис. 10, 12) являются дном колчана для стрел.

⁵ Астацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. История оружия. М.–Нальчик, 1995. С. 38.

⁶ Длина в ножнах – 29,4 см.

в могильнике (7 и 8,5 м в диаметре, по 2,5 м высотой), полностью состояли из камня. Их объем составлял 35–40 м³, а масса камней насыпи около 60–70 тонн, включая отдельные крупные камни, которые с трудом могло сдвинуть несколько человек. В курганах 9, 17 и 21 были зафиксированы парные погребения, в курганах 3 и 6 были зафиксированы подзахоронения, совершенные в пристройках к основным курганам. Примечательно, что в курганах 16 и 19 были впускные погребения скелетизированных останков. И. Шильтбергер упоминает о том, что убитых молнией черкесы подвергали т.н. «воздушному погребению», захоранивая затем их кости⁷. Это интересное свидетельство относится к более раннему времени, к первой половине XV в.

Погребальный инвентарь достаточно скромен и невыразителен. В мужских погребениях это поясные пряжки, пластинчатые поясные накладки из медного сплава, ножи, кресала, кресальные кремни, одиночные наколенники стрел. В женских погребениях – наперстки, ножницы, ножи, зеркала, немногочисленные украшения, представленные перстнем и серьгой. Увеличение числа безынвентарных погребений и уменьшение количества и разнообразия вещей в наборе сопроводительного инвентаря И.А. Дружинина связывает с довольно широким распространением ислама среди адыгов Северо-Западного Кавказа в XVII–XVIII вв.⁸ На фоне большинства погребений выделяется комплекс из кургана 14, содержащий саблю, длинный нож и золотые кольца.

Трудность узкой датировки могиль-

ника связана с тем, что большинство комплексов содержит рядовой и плохо датирующийся погребальный инвентарь, бытование которого исследователи прослеживают на всем протяжении существования подкурганного ингумационного обряда — с XIV по XVIII вв.⁹ Могильник Черноморка 2 достаточно компактен, что позволяет предполагать относительно короткий период функционирования, в пределах двух-трех поколений, около 50–70 лет. Стекло-зеркала из женских погребений могут указывать на достаточно позднюю дату – не ранее XVIII в.¹⁰ Определенным хронологическим репером является сабля из погребения кургана 14. По своим морфологическим особенностям сабля может быть датирована развитым XVI – первой половиной XVII в. Принимая в расчет возможный хронологический интервал, который отделял время изготовления сабли от ее помещения в могилу, можно предварительно датировать могильник в рамках XVII – начала XVIII в.

Сабля достаточно хорошо сохранилась (Рис. 2: 2–3; 5: 1; 6: 1–3, 5–7; 8; 9). Лишь кольца для подвески, крепившиеся к накладкам ножен, были утрачены еще до ее помещения в погребение. Клинок сабли короткий (75,5 см), сравнительно широкий (3,45 см у пяты) и сильно изогнутый (кривизна лезвия 5,5 см), с выраженной елманью (ширина начала елмани – 3,55 см), не выделенной, однако, ступенчатым выступом конца обуха, и сравнительно широким концом. Вдоль обуха клинка проходят пять узких долов, из которых четыре доходят до начала елмани, а пятый прерывается на небольшом рас-

⁷ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Пер. Ф.К. Бруна. Баку, 1984. С. 45.

⁸ Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. №3(29). М.–Магнитогорск – Новосибирск, 2010. С. 104.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Авторы выражают искреннюю признательность научному сотруднику ИА РАН И.А. Дружининой за консультацию.

стоянии от острия клинка. Рукоять насажена на хвостовик клинка всадным способом и закреплена тремя заклепками. Хвостовик клинка¹¹ короткий, сужающийся к концу, его передняя (расположенная со стороны лезвия) образующая фактически вертикальна, задняя имеет выраженный наклон к лезвию (рис. 7: 2). Перекрестие из медного сплава с расширенными плоско срезанными концами ромбического сечения и длинными вертикальными отростками. Верхний вертикальный отросток перекрестия закреплён на рукояти двумя гвоздиками¹². Навершие свернуто из листа из медного сплава, в виде короткого плоско срезанного колпачка, в сечении представляющего собой уплощенный восьмигранник, несколько сужающийся в направлении лезвия клинка, закреплено на рукояти тремя гвоздями. Верхняя образующая («крышка») навершия представляет собой отдельную деталь. Рукоять деревянная¹³, со следами обтяжки мелкозернистой кожей («ящером») (рис. 7: 1–1а), в сечении в целом аналогична навершию, и несколько расширяется в направлении последнего. Основание рукояти не имеет выраженного наклона к лезвию, однако в средней части рукояти ее контур образует перелом, благодаря которому верхний срез навершия оказывается наклонным под острым углом к перекрестию. Прибор ножен из медного сплава, состоит из двух обоймиц и наконечника. Обоймицы состоят из гайки, на внутрен-

ней стороне представляющей собой простую полосу из медного сплава, а на внешней трансформирующейся в подтреугольный рельефный поясok, орнаментированного изогнутого прямоугольного щитка на внешней стороне, и крупной изогнутой пластины, закреплённой со стороны обуха. Все три элемента скреплены заклепкой.

Наконечник короткий, свернутый из листа из медного сплава, с представляющей собой отдельную деталь «крышкой», подовального сечения с выраженным ребром на внешней стороне. Сечение ножен в целом, судя по форме обоймиц и наконечника, можно охарактеризовать как подовально-треугольное с выраженным ребром на внешней стороне. На поверхности ножен фиксируются следы обтяжки берестой¹⁴. Подобную форму и структуру имеют ножны сабли, хранящейся в Королевской Оружейной палате в Стокгольме (инв. № 7377, рис. 6: 4–4а), которая представляет собой образец типологически более поздней сабли северокавказской традиции, т.н. «ордынки».

Сабля определённо может быть отнесена к выделенной третьей хронологической группе позднесредневековых северокавказских сабель, датируемой XVI–XVII вв.¹⁵ Клинок сабли принадлежит к типу 2 – с выраженной елманью без конструктивно выделенного колющего конца и связан с традицией клинкового производства стран Ближнего и Среднего Востока¹⁶.

¹¹ Рентгенологическое исследование рукояти сабли выполнено В.Н. Фоминым, доцентом кафедры «Машины и автоматизация сварочного производства» ДГТУ, которому авторы выражают глубокую благодарность. Также авторы выражают искреннюю признательность за оказанное содействие декану факультета «Машиностроительные технологии и оборудование» ДГТУ, к.т.н., доценту Ю.А. Гордину.

¹² Не исключено, что небольшие углубления являются литейными раковинами.

¹³ Ксилотомические исследования выполнены сотрудницей ИА РАН Л.Н. Соловьевой, за что авторы выражают ей искреннюю признательность (см. Приложение 1).

¹⁴ Микрохимическая проба и анализ методом ИК-спектроскопии, проведенные в ГОСНИИР, показали, что в пробе отсутствует животный белок, т.е. анализируемое вещество не может быть кожей, но очень похоже на бересту. Сравнение под микроскопом с эталонным образцом бересты однозначно подтверждает, что обтяжкой ножен служила береста.

¹⁵ Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании Отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 154.

Аналогичный по конструкции клинок имеет сабля, найденная при раскопках Н.И. Веселовского в каменном ящике в г. Анапа¹⁷. По форме клинок сабли из кургана 14 наиболее близок к клинкам турецких сабель XVI – первой половины XVII в. Форма и расположение долов на клинке находит аналогии как на северокавказском, так и на восточном и европейском оружии. Особенности оформления рукояти и ножен – использование «ящера», прибор из медного сплава, прямо обрезанные расширенные концы перекрестья, характерная форма обоймиц, береста на оборотной стороне ножен – типичны для «поздней» северокавказской традиции и находят аналогии на т.н. саблях «ордынках» второй половины XVII – начала XVIII в., хорошо известных по польскому материалу.

В России XVII в. сабли с аналогичной оправой, как показывают данные письменных источников, назывались «саблями на черкасское дело». Почти идентичное оформление эфеса и ножен имеет сабля, обнаруженная Н.И. Веселовским в одном из курганов у станицы Белореченская¹⁸. В отличие от сабли из кургана 14, она имеет длинный, менее изогнутый клинок без елмани с граненым «штыковидным» концом. От классических сабель «ордынок» обе сабли отличаются более длинным пе-

рекрестием с уплощенными концами, а также более коротким, неуплощенным навершием и некоторыми особенностями конфигурации рукояти (сохранились на сабле из кургана 14). Эти отличия могут свидетельствовать о принадлежности данных сабель более раннему этапу развития данной разновидности оружия. Кроме того, форма и пропорции эфеса сабли из кургана 14 обнаруживают значительное сходство с саблями восточной традиции XVI – начала XVII в., в том числе широко известной саблей боярина Федора Михайловича Мстиславского из собрания Оружейной Палаты. С последней ее сближает также форма навершия и, отчасти, обоймиц ножен. Учитывая определенный консерватизм северокавказской традиции производства клинкового оружия, дату производства сабли можно определить в пределах XVI – середины XVII в., причем в облике оружия сочетаются как местные, так и ближневосточные (в первую очередь, турецкие) традиции. Место производства клинка, определить сложно, он мог быть как местным, так и привозным (в пользу местного происхождения может говорить отсутствие клейм), в то время как оправы (рукоять и ножны) имеют определенно местное происхождение.

¹⁶ Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI–XVII вв.: морфология и конструктивные особенности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 2010. С. 24.

¹⁷ ГИМ. Отдел археологии. Инв. № 33616.

¹⁸ Там же. Инв. № 37258.

Исследование фрагментов дерева из кургана 14 курганной группы Черноморка 2.

В 2013 г. в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН на определение породы древесины были переданы фрагменты пенала деревянных ножен и рукояти сабли из кургана №14 курганной группы Черноморка 2 (Лазаревский район г. Сочи), исследованного экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани».

Находки поступили на анализ в виде сухих и крепких кусочков дерева и имели хорошую сохранность; тем не менее, в процессе работы образцы пришлось предварительно пропитать воском для их закрепления. С каждого образца было получено по три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Далее, по подготовленным срезам осуществлялся анализ строения древесины по её анатомическим признакам при помощи бинокулярного микроскопа.

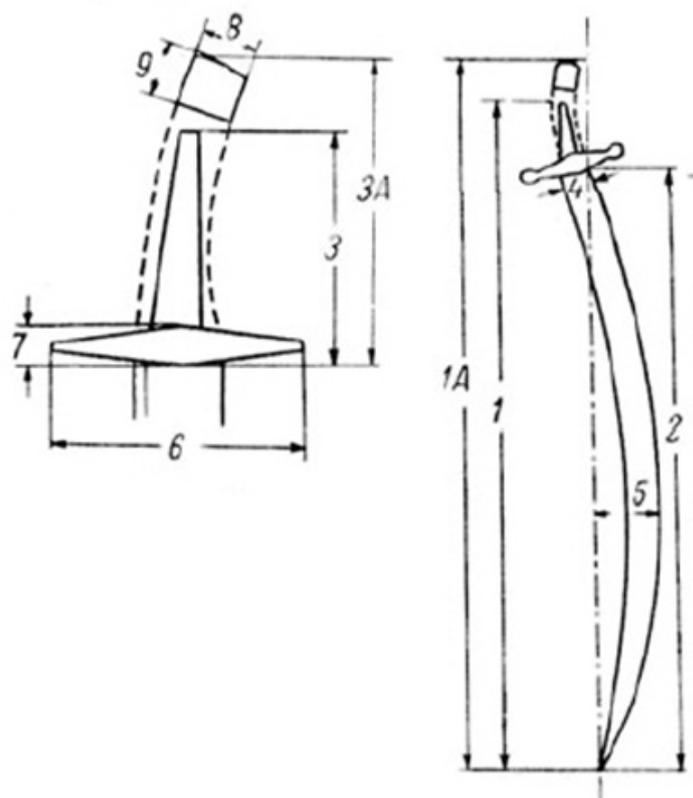
В результате исследования было установлено, что пенал деревянных ножен и рукоять сабли были изготовлены из одной породы дерева, а именно из ивы (порядок Salicales, семейство Salicaceae, род *Salix*). Это ядровая порода, растёт очень быстро, к почвам нетребовательна, выносит длительное затопление. На территории Российской

Федерации естественно произрастает свыше 150 видов ивы. Древесина лёгкая, мало усыхающая, непрочная и мягкая.

Микроскопические признаки ивы (*Salix*). Древесина рассеяннососудистая, сосуды многочисленные и тонкостенные, по годичному слою рассеяны равномерно. В ранней древесине сосуды одиночные или иногда парные, в поздней – как правило сомкнутые в радиальные группы по 3–4 сосуда, диаметр сосудов в поздней древесине меньше, чем в ранней; количество их также незначительно уменьшается. Древесная паренхима скудная, апотрахеальная-терминальная. Сердцевинные лучи однорядные, многочисленные и узкие, при встрече с сосудами изгибаются (илл. 1).

Членики сосудов короткие и удлиненные с простыми овальными перфорациями и короткими клювиками. Спиральных утолщений нет. Сердцевинные лучи гетерогенные, краевые клетки лучей в два раза превышают высоту лежащих клеток (илл. 2).

На тангенциальном срезе сердцевинные лучи линейные с заостренными окончаниями, узкие и однорядные высотой от 3 до 30 клеток (илл. 3).

Размеры сабли.

1А – 87,5 см,

1 – 83,5 см,

2 – 75,5 см,

3А – 12,5 см (без нижнего выступа перекрестья),

3 – 9,5 см (без нижнего выступа перекрестья),

4 (у рукояти) – 3,45 см,

4 (у начала елмани) – 3,55 см,

5 ≈ 5,5 см,

6 – 13,5 см,

7 – 7 см,

8 – 3,7 см,

9 – 1,75 см.

Длина лезвия елмани – 8,5 см,

Толщина клинка у рукояти – 0,65 см,

Тонкая врезная линия начинается в 15 см от перекрестья, долы – в 16 см.

Бутероль – высота оковки 2,1 см, торцевая накладка – 3,6 × 2,5 см.

Боковые накладки высотой по 12,6 см.

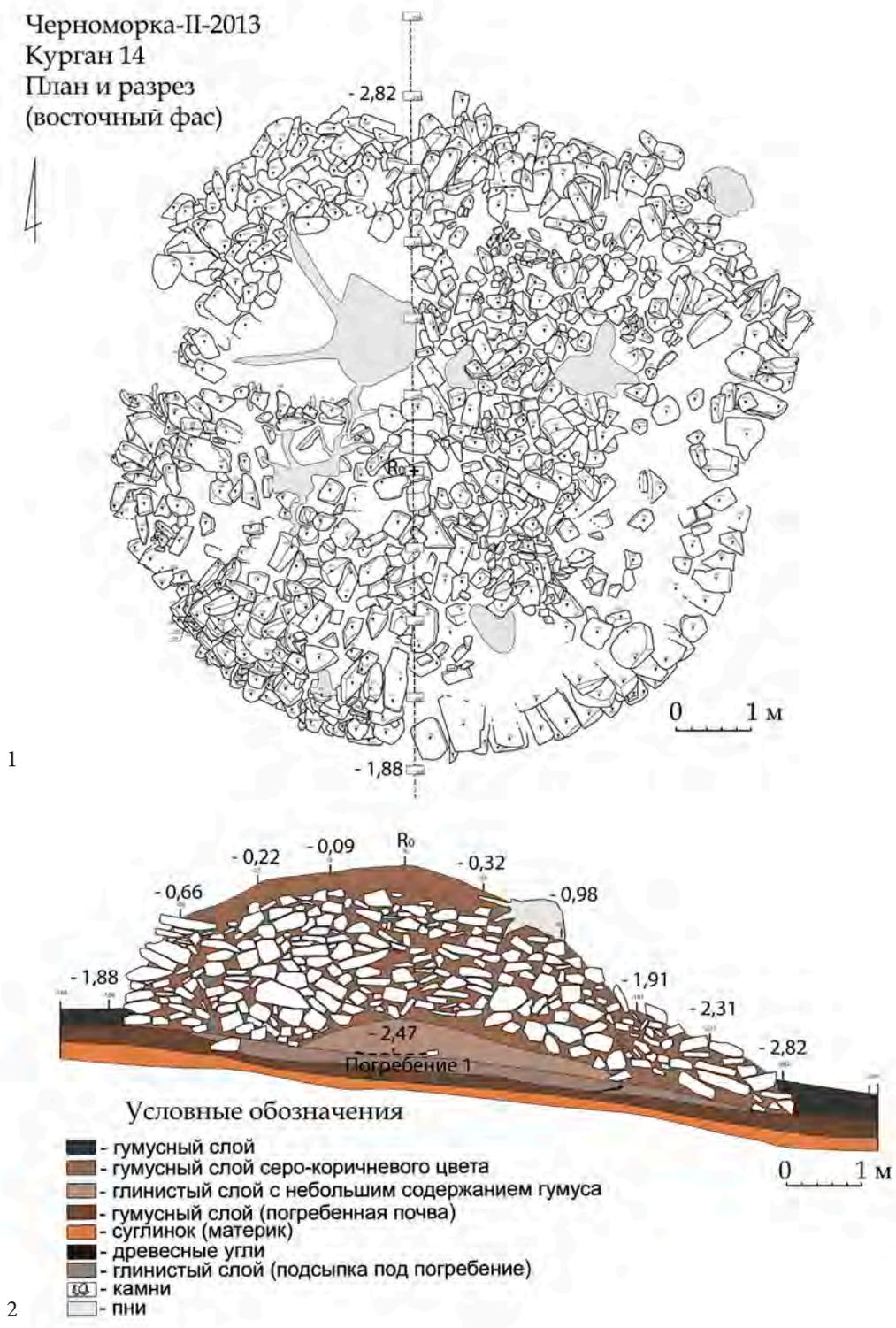
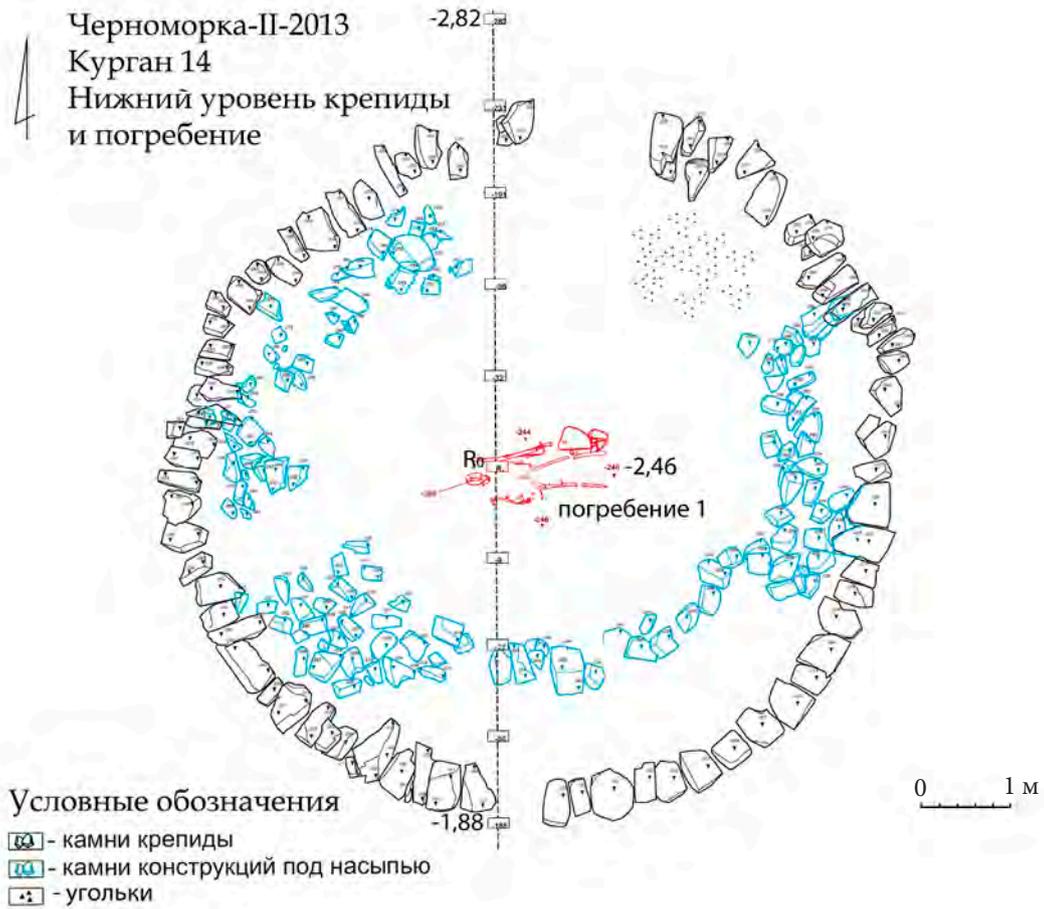
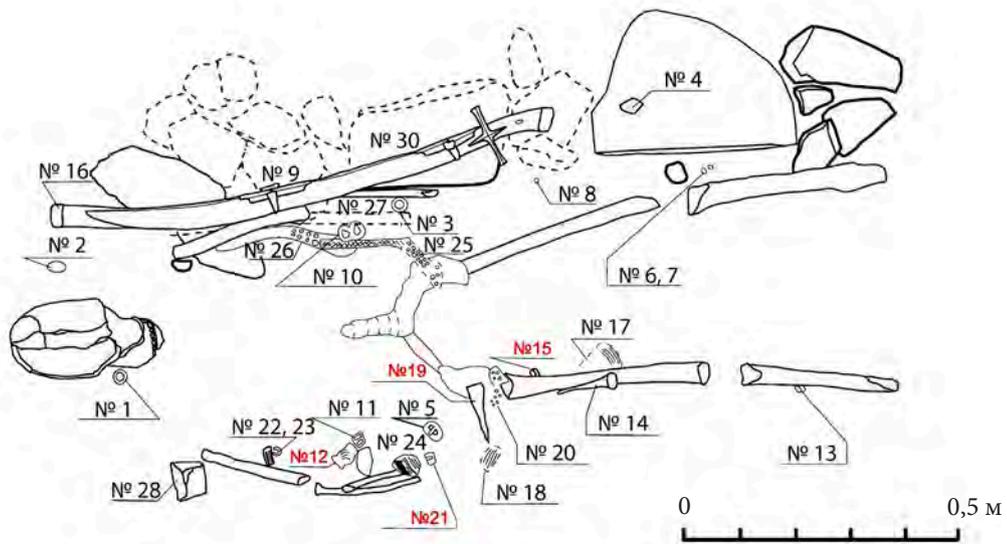

Рис. 1. Курган 14 могильника Черноморка 2: 1 – план; 2 – разрез (восточный фас). Чертежи А. П. Яненко.

1

2

Рис. 2. Курган 14 могильника Черноморка 2: 1 – план нижнего уровня крепиды; 2 – план погребения 1. Чертежи А. П. Яненко.

Рис. 3. Курган 14 могильника Черноморка 2: 1 – погребение 1, вид с юга; 2 – погребение 1, сабля; 3 – погребение 1, бутероль ножен. Фотографии А.В. Дедюлькина.

Рис. 4. Курган 14 могильника Черноморка 2, погребение 1: 1 – рукоять сабли; 2 – нож; 3 – деревянный предмет (деталь колчана?). № 28. Фотографии А.В. Дедюлькина.

Рис. 5. 1 – сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2. Фотография А.В. Дедюлькина; 2 – сабля из ст. Белореченской, ГИМ, инв. № 37258. Фотография С.Ю. Каинова.

Рис. 6. Сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2: 1 – сабля; 2 – елмань; 3 – рукоять. Фотографии М.П. Гайдукова; 4 – ножны сабли; 4а – накладка ножен сабли. Королевская сокровищница (Livrustkammaren), г. Стокгольм, Швеция. № 7377 ([http://emuseumplus.lsh.se/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultDetailView/result.inline.list.t1.literature_list.\\$TspTitleImageLink.link&sp=13&sp=Scollection&sp=SelementList&sp=0&sp=3&sp=999&sp=SdetailView&sp=0&sp=Sdetail&sp=5&sp=T&sp=0&sp=SdetailList&sp=0&sp=F&sp=Sliterature&sp=1102715](http://emuseumplus.lsh.se/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultDetailView/result.inline.list.t1.literature_list.$TspTitleImageLink.link&sp=13&sp=Scollection&sp=SelementList&sp=0&sp=3&sp=999&sp=SdetailView&sp=0&sp=Sdetail&sp=5&sp=T&sp=0&sp=SdetailList&sp=0&sp=F&sp=Sliterature&sp=1102715)); 5 – погребение 1, бутероль ножен; 6–7 – погребение 1, накладки ножен; 7а – погребение 1, накладки ножен. Деталь. Фотографии А.В. Дедюлькина.

Рис. 7. Сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2: 1 – рукоять; 1а – кожа на рукояти. Фотографии А.В. Дедюлькина; 2 – рентген рукояти. Снимок В.Н. Фомина.

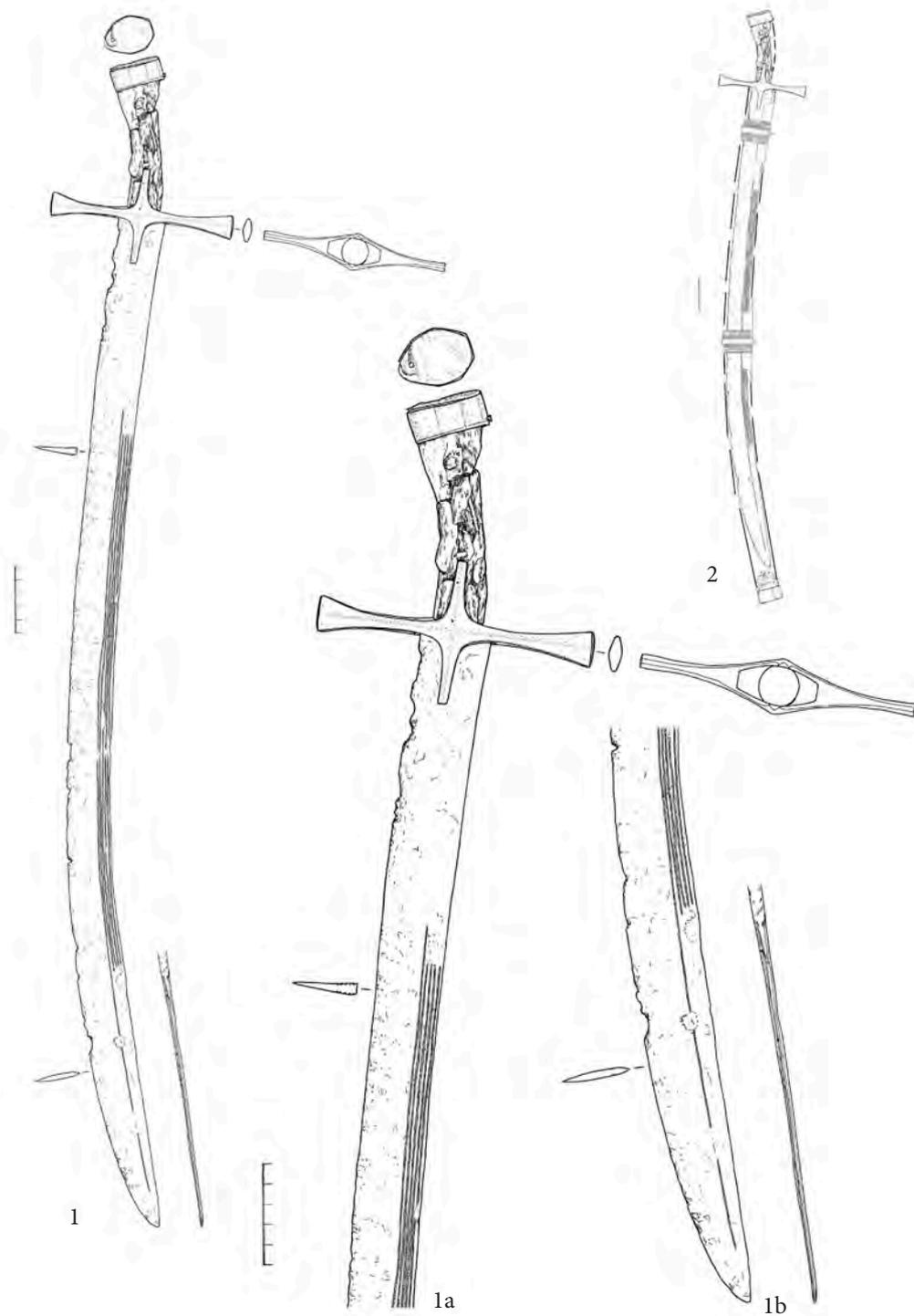

Рис. 8. 1–1b – сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2; 2 – реконструкция ножен. Рисунок Г.Е. Парусимовой.

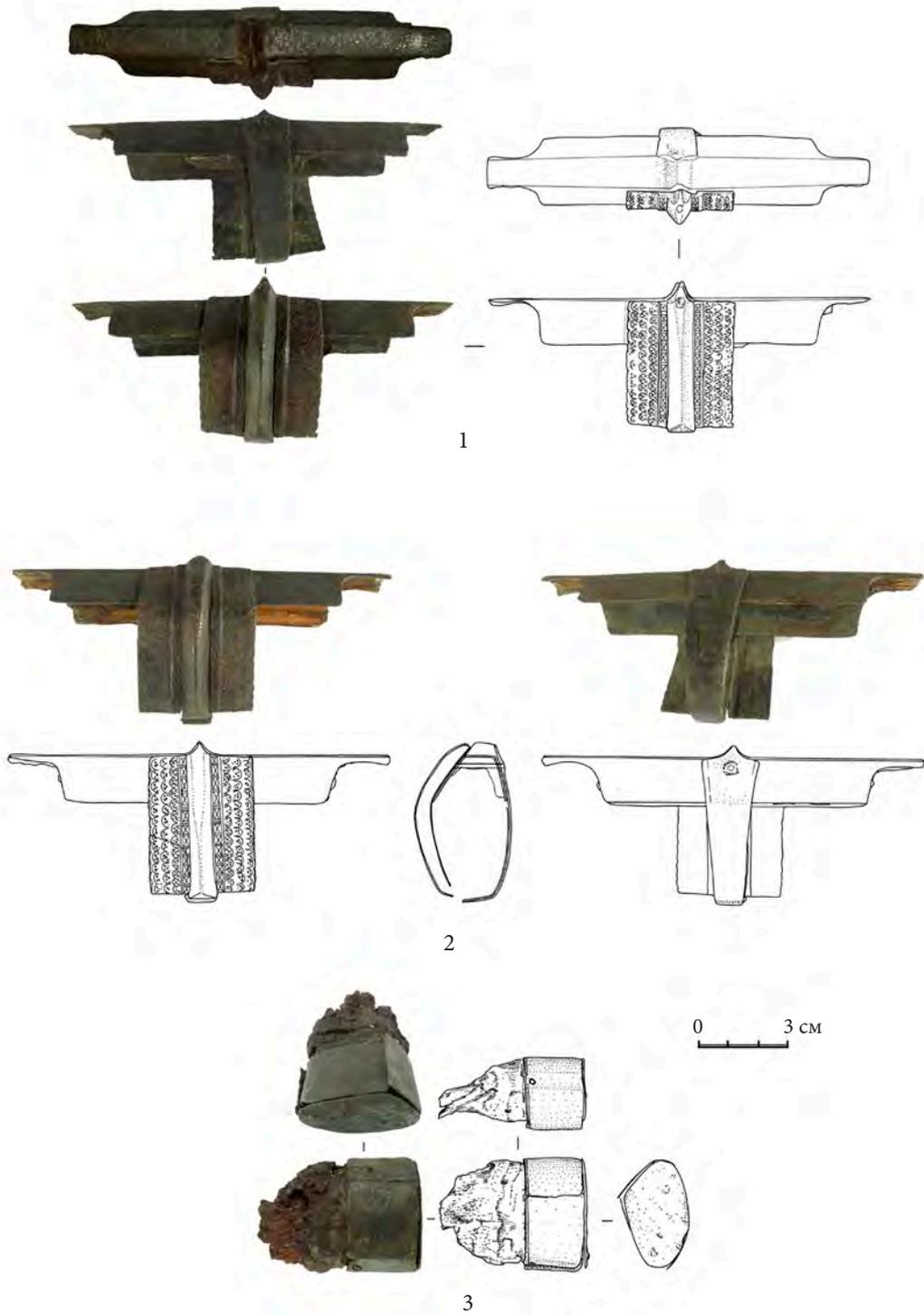

Рис. 9. Сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2; 1–2 – накладки ножен; 3 – бутероль. Фотографии М.П. Гайдукова. Рисунки Г. Е. Парусимовой.

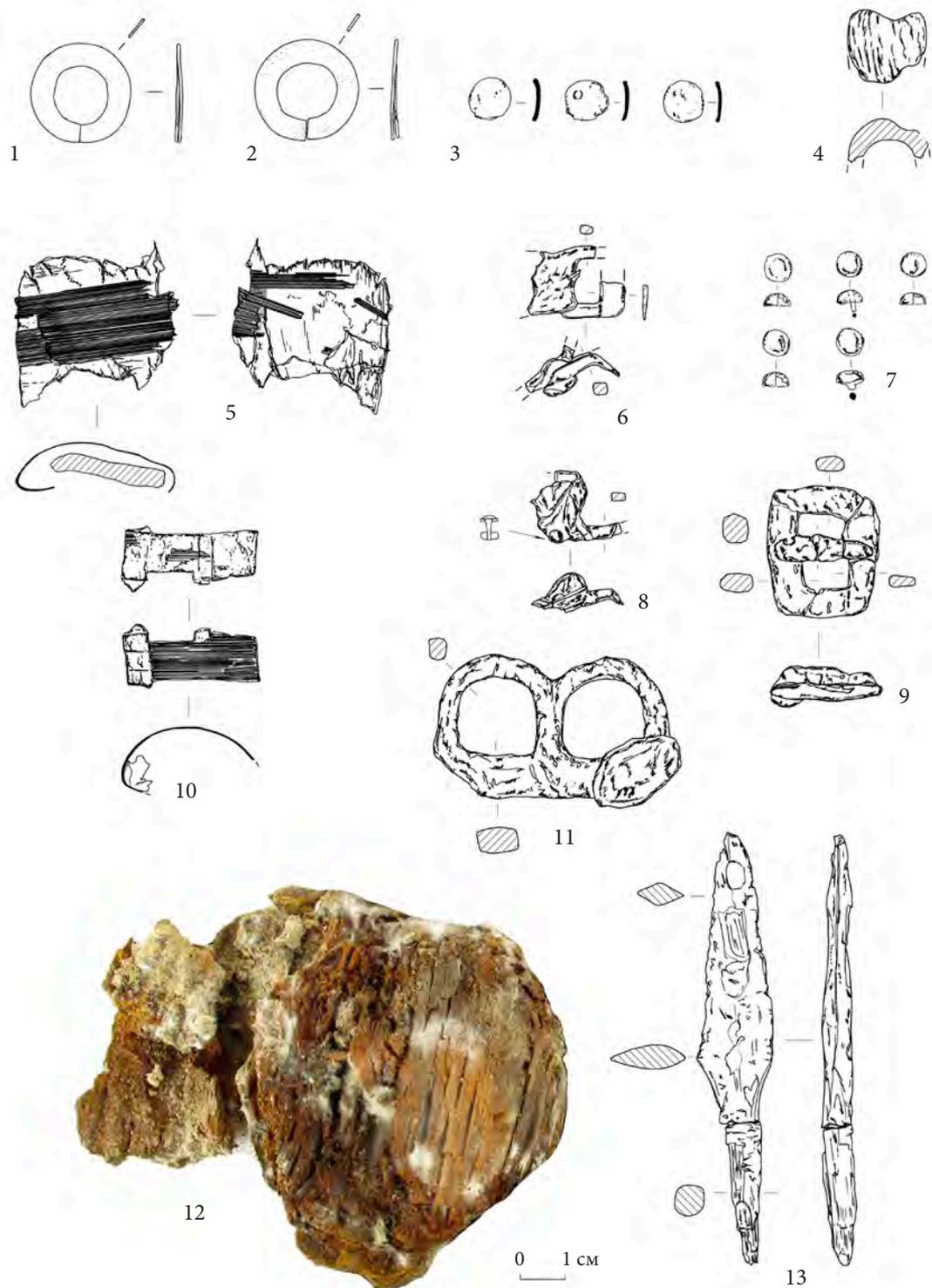

Рис. 10. Погребение 1 кургана 14 могильника Черноморка 2. Инвентарь погребения. Рисунки Д.А. Яценко, Г.Е. Парусимовой. Фотография М.П. Гайдукова.

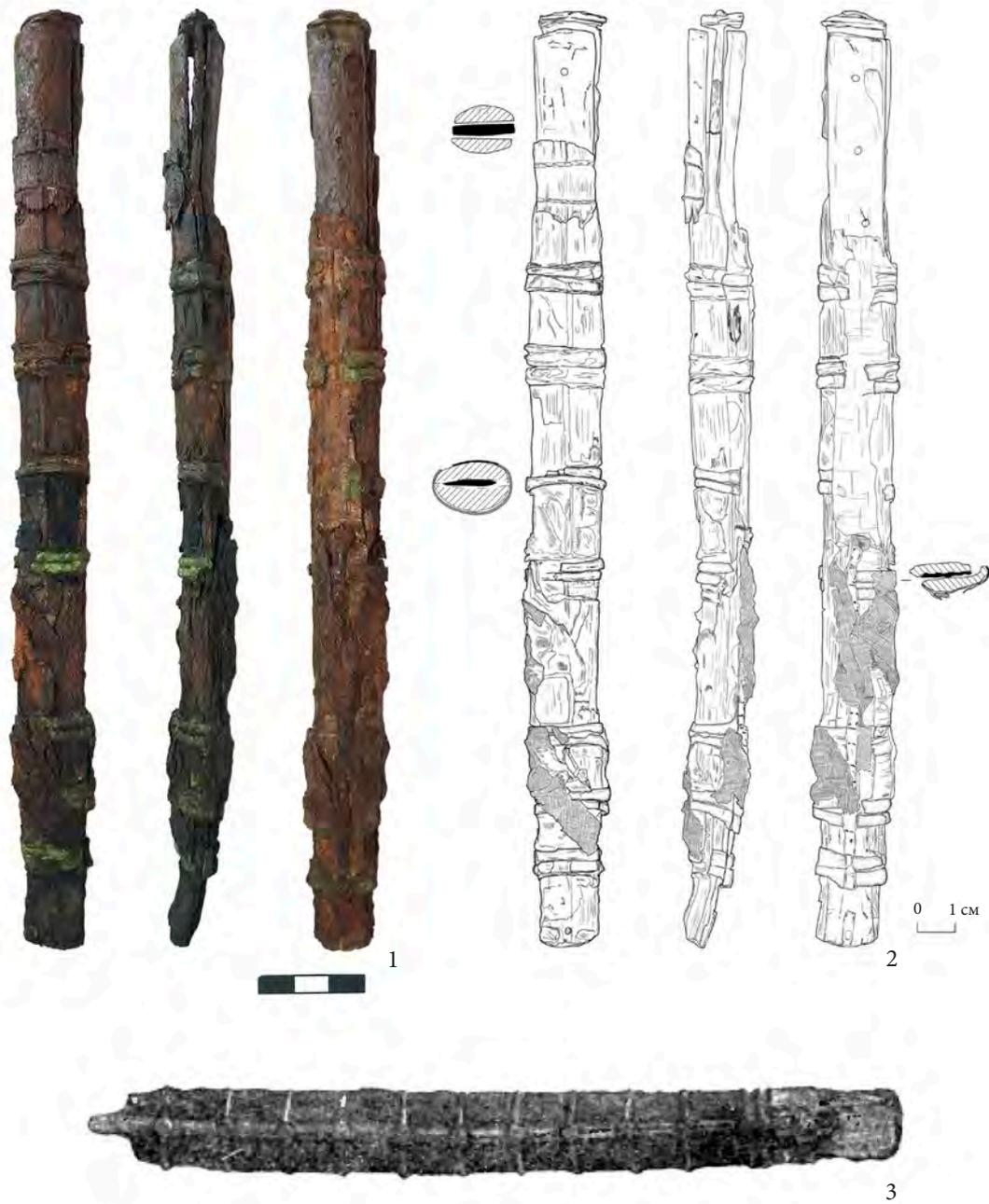

Рис. 11. Погребение 1 кургана 14 могильника Черноморка 2; 1–2 – нож. Рисунок и фотографии Д.А. Яценко; 3 – нож из курганов у ст. Белореченской (ОАК за 1896 г. СПб, 1898. С. 9, рис. 57).

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЩИТОВ, УКРЕПЛЕННЫХ МЕТАЛЛОМ

УДК 623.445.35(479.22)

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-241-4.252-267

© 2018 г. Цурицумия М. (mkhedari@mkhedari.ge)
Тбилисский государственный университет (Тбилиси)

Резюме: В статье рассмотрены укрепленные металлом щиты из грузинских музеев и их эволюция в средние века. Установлено, что такие щиты появляются в Грузии и Византии в XI в.

Усиление щитов металлом, видимо, происходило под влиянием Скандинавии, где существовала длительная традиция усиления щитов металлом. Металлические детали на щитах являются характерной чертой скандинавского и древнегерманского вооружения VI–VII вв. Распространение таких щитов в Византии нужно связывать с созданием варяжской гвардии в конце X в. С конца X в. массовое пребывание скандинавов в империи популяризировало щиты усиленные металлом и это нашло широкое отражение в изображениях XI в.

Статья опровергает мнение, что грузинские щиты являются дериватами монгольского калкана и показывает, что калкан распространился в западной Грузии только в XVII в. из Турции. Утверждается, что типы щитов усиленных металлическими накладками существовали в Грузии до калкана и не связаны с монгольскими вторжениями. Роль итальянских колоний в распространении подобных щитов нужно считать преувеличенной. Как видно, система усиления щитов металлом распространилось в Грузии из Византии, а затем дошла до Северного Кавказа, откуда его заимствовали в Золотой Орде.

Ключевые слова: плетеные щиты, калкан, щиты укрепленные металлом, Грузинские щиты, Византийские щиты, щиты из Северной Европы.

The Evolution of the Shields Reinforced with Metal in the Middle Ages

© 2018 Tsurtsunia M. (mkhedari@mkhedari.ge)

Abstract: The present article discusses shields reinforced with metal preserved in the museums of Georgia and particularly the evolution of these types in the Middle Ages. It is ascertained that shields reinforced with metal appeared in Georgia and Byzantium in the 11th century.

Presumably, it was the Nordic region, which influenced the Byzantine oikumene and caused such modification. In Northern Europe there was a long tradition of strengthening the shields with metal. Archaeological excavations revealed that attaching the metal parts to the shields had been typical for the Scandinavian and Germanic equipment since the 6th–7th centuries.

The spreading of Scandinavian shields in Byzantium should have been connected with the establishment of Varangian Guard at the end of the 10th century. Supposedly, the mass presence of Scandinavians in the empire made reinforced shields popular reflected in the representations of the 11th century. Beginning from the 10th century and, especially, in 11th century, the Georgians had frequent contact with the Scandinavian warriors, which would have facilitated the exchange of weaponry and the establishment of reinforced shields in Georgia.

The article rejects the notion that the Georgian shields were derivatives of the Mongolian shield kalkan and shows that kalkan spread in West Georgia only in 17th century from the Ottoman Empire.

According to the article, the shields reinforced with metal had existed in Georgia before the appearance of kalkan and had not been linked with the Mongol invasions. Moreover, the role of the Italian Black Sea colonies seems exaggerated in the dissemination of the reinforced shields in northern Caucasus and Golden Horde. Presumably, the reinforced shields were spread from the Byzantine Empire to Georgia, and then penetrated through the Caucasian Mountains in the North Caucasus (especially its north-western part), from where it was acquired by the Mongols of Golden Horde.

Keywords: wicker shields, kalkan, shields reinforced with metal, Georgian shields, Byzantine shields, Nordic shields.

Щит – наиболее распространенное индивидуальное защитное средство. Это древнейшее защитное снаряжение использовалось человеком намного раньше, чем доспехи¹. Щит защищал своего владельца в дистанционном и рукопашном боях. Его форма постоянно менялась вслед за сменой тактики и методов ведения боя². Отличался и материал, из которого изготавливались щиты. Самым распространенным, по-видимому, был деревянный щит. Типичный средневековый деревянный щит состоял из деревянных досок, обтянутых кожей, с металлическим умбоном³ в центре, а по краям часто усиливался металлическим ободом. На обратной стороне щита крепились ремни, чтобы воин мог удерживать его в руке и повесить на плечо.

Одновременно с деревянными щитами существовали так называемые плетеные щиты, изготовленные из гибких прутьев. Особой популярностью они пользовались на обширном азиатском континенте. В Средние века от Малой Азии и Восточной Европы до Китая монголы распространили новый тип плетеных щитов, у которых прутья между собой соединялись шелковыми нитями⁴. Последующая популярность данных щитов в XVI–XVII вв. связана уже с завоеваниями османов⁵. Этот тип плетеных щитов известен под названием *калкан*. Турецкий термин «*калкан*»

берет свое начало от монгольского «*халха*» – щит. Слово же «*халха*» образовалось от глагола «*халхасун*», обозначающего плетение⁶.

Калкан представляет собой спирально сплетенный тростниковый щит диаметром 50–70 см, в котором прутья связываются друг с другом шелковыми нитями, создающими на нем красивый цветной декор. В центре калкана размещался металлический умбон, являющийся основой конструкции щита. С обратной стороны к щиту крепилась подкладочная ткань, а также рукоять и подвесные ремни. Для смягчения удара под умбоном располагалась подушка. Основной удар принимал на себя металлический умбон, прутья же пружинили и отбрасывали оружие⁷. Калкан был очень упругим, легким и надежным⁸. Особенно эффективен данный щит был при защите от стрел. В XV–XVII веках в Центральной Европе и на Востоке турецкие и иранские плетеные щиты ценились не менее металлических из-за своих высоких боевых качеств⁹.

М.В. Горелик, внесший большой вклад в изучение монгольской паноплии, считал, что на территории Золотой Орды произошло последующее развитие калкана, которое выразилось в его укреплении двумя перекрестными и концентрическими металлическими полосами. Это подтверждает

¹ Koliaş T.G. Byzantinische Waffen. Wien, 1988. S. 88.

² Grotowski P.L. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden, 2010. P. 208.

³ Умбон – выпуклая металлическая пластина, предназначенная для парирования удара и защиты кисти руки. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX – XIII вв. // Археология СССР. Е1-36. Л., 1971. С. 34–35.

⁴ Gorelik M. Oriental Armour of the Near and Middle East from the Eight to the Fifteenth Centuries as Shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P.36; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 135.

⁵ Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // «Восток-Запад»: диалог культур Евразии. Вып. 4. Казань, 2004. С. 188.

⁶ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 197; Он же. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 187.

⁷ Астацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб., 2002. С. 76; Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 183.

⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья. С. 135.

ется археологическим материалом из могильников XIII–XIV вв. Металлические детали щитов найдены в половецком погребении второй половины XIII в. (Дмитровский могильник, курган 1, погребение 2), в адыгейских погребениях XIV в. (могильник Варданэ (Сочи), Убинский могильник (Краснодар), погребение в Новороссийске) и в кургане 69 Яблоновского могильника¹⁰. Подобные остатки щитов в основном происходят с территории северо-западного Предкавказья¹¹. Укрепление щитов радиальными и концентрическими полосами широко распространилось во всей Азии и зафиксировано на тибетских, курдских, китайских и других щитах¹².

Исследуя генезис калкана, М.В. Горелик приходит к выводу, что данную систему крепления щитов монголы, по-видимому, переняли у других народов, поскольку до XIII в. в Азии не использовали укрепление щита железными накладками и его поверхность усиливалась лишь небольшими дисками. Вместе с тем, дошедшие до нас скандинавские деревянные щиты XII–XIII вв. из Норвегии и Дании укреплены радиально и концентрически расположенными железными полосами, очень схожими с системой усиления азиатских щитов¹³. Однако, несмотря на это, автор отрицает возможность заимствования из Скандинавии, поскольку между скандинавами и монголами не было прямых контактов. У русских же, посредством которых

это могло произойти, вообще отсутствовали такие щиты¹⁴. М.В. Горелик приводит другие примеры европейских щитов XII–XIII вв., укрепленных железными полосами, которые изображены на каменном канделябре в базилике св. Павла (Рим, 1170 г.); на надгробьях Виллема Фландрского (Сент-Омер, 1130–1175 гг.) и Николая де Руминьи (нижняя Лотарингия, 1175 г.); на витраже собора в Шартре (1218 г.) и др. Он считает, что данная система крепления щитов во второй половине XIII в. из Европы посредством итальянских факторий на Черном море распространилась в Золотой Орде и, вслед за этим, во владениях Ильханов¹⁵.

М.В. Горелик также утверждает, что одна группа грузинских щитов является дериватом калкана. Такими, по его мнению, являются щиты, изображенные на росписи церкви Архангелов в Лаштхвери, умбон которых укреплен перекрещенными металлическими полосами, сванский щит из Музея им. Джанашия, железные детали которого схожи с найденными в погребениях Золотой Орды и который он датирует XVII–XVIII вв.¹⁶ По его правомерному наблюдению, после XVII в. вместе с уменьшением размеров в хевсурских и вайнахских щитах железная оковка развивается таким образом, что дочатая основа становится излишней и остается лишь толстая твердая кожа¹⁷.

Теория М.В. Горелика вполне логична, вызывает несомненный интерес

⁹ Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. С. 71.

¹⁰ Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 294–296. Рис. 1; *Он же*. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 185–187. Рис. 3.

¹¹ Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 188. На сегодня на Северо-Западном Кавказе найдены детали более двадцати щитов, усиленных металлом. См.: *Схатум Р.Б.* Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 223. Рис. 1–6; *Он же*. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная Археология. Вып. 2. М., 2011. С. 194–196. Рис. 5, 6.

¹² Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 189–191.

¹³ Горелик М.В. Халха-калкан... С. 192. Рис. 8.

¹⁴ Горелик М.В. Халха-калкан... С. 192–193.

¹⁵ Горелик М.В. Халха-калкан... С. 193–194. Рис. 9.

и представляет собой хорошую основу для дальнейшего анализа. Образцы, приведенные автором, действительно во многом схожи с грузинскими щитами. Особенно это касается тибетских щитов¹⁸, сохранившихся до наших дней (рис. 1)¹⁹. Естественно, данное сходство щитов из Тибета и Грузии, достаточно удаленных друг от друга, должно указывать на общую точку соприкосновения²⁰. Именно монгольская империя должна была быть тем пространством, где регионы, отдаленные друг от друга географически, приобретали общие черты материальной культуры. Но, несмотря на согласие с этим тезисом, следует отметить, что системы укрепления щитов металлическими накладками, распространенные в Азии и Грузии, требуют дальнейшего исследования. Предполагаем, что в данном контексте необходимо говорить о существовании более древних традиций.

Рассмотрим, в первую очередь, образцы грузинских щитов. До нас дошли два схожих деревянных щита, оба – из Сванетии. Один из них хранится в Национальном музее в Тбилиси, куда был привезен профессором Г. Читая в 1925 г. из церкви села Сасаша (Лашхетская волость, Сванетия). Щит был пронзен стрелой и это следы древ-

ней сванской традиции, когда на праздники из церкви выносили пожертвованные щиты и стреляли в них²¹. Стрела же должна указывать на ту эпоху, когда лук был более популярен, чем огнестрельное оружие²². Деревянное основание щита обтянуто коричневой кожей, диаметр щита – 50 см, толщина – 1 см, диаметр центрального диска равен 4,5 см. От центра щита в виде лучей отходят 19 тонких металлических прутьев, композиционно создающих лик Солнца. Прутья крепятся к щиту заклепками, расположенными в ромбовидных расширениях, у каждого прута имеется три подобных ромба, создающих столько же концентрических кругов. По краям щит окован плотно расположенными заклепками с крупными полусферическими шляпками. На обратной стороне щита укреплена двойная рукоять, на которую намотана кожа (рис. 2)²³. Второй щит, который хранится в музее Местии, фактически является аналогом вышеуказанного щита, хотя отличается большим мастерством исполнения: вместо 19-ти лучей лик солнца здесь создают 38 металлических прутьев (3 из них утеряны). Они расположены таким образом, что одинарные прутья чередуются с прутьями, сгруппированными по три (рис. 3).

¹⁶ Автор отмечает и различие между калканом и сванским щитом, у которого основа не прутьяно-нитяная, а дощатая, обитая кожей. Горелик М.В. Халха-калкан... С. 188.

¹⁷ Горелик М.В. Халха-калкан... С. 188–189. Добавим, что в последующем металл полностью заменяет кожу и в результате возникает окованный металлом металлический щит. См. Чолокашвили К. Грузинское боевое оружие: щит // Вестник государственного музея. Т. XVIII-В. Тбилиси, 1954. С. 227–228. Рис. 3.

¹⁸ Сравни рис. 1 с рис. 2 и 3.

¹⁹ LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006. P. 14, 92–94. Fig. 9: 24.

²⁰ Интересно, что радиальными металлическими лучами, изображающими лучи Солнца, главным образом украшались плоские тибетские щиты, в отличие от тибетских щитов типа калкан. Хотя и здесь встречаются некоторые исключения. Для тибетских щитов см.: LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. P. 92; см. также: Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 190–191. Рис. 6. Однако, мнение Д. Ларокки о том, что такие щиты местного, тибетского происхождения, неправомерно. LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006. P. 92.

²¹ Чолокашвили К. Грузинское боевое оружие: щит. С.252.

²² Надирадзе Е., Капианидзе М. Из истории сванского боевого оружия // Сванетия. Т. III. Тбилиси, 2008. С. 59. Это соображение авторов правомочно и наши щиты должны датироваться XVI–XVII вв., так как в XVIII в. огнестрельное оружие практически полностью вытеснило лук. Известен случай, когда в 1747 г. цари Картли и Кахетии пожелали пойти на охоту с луком и стрелами, этого оружия ни у кого не оказалось. Папуна Орбелшани. История Грузии. Тбилиси, 1981. С. 119.

²³ Чолокашвили К. Грузинское боевое оружие: щит. С. 228; Надирадзе Е., Капианидзе М. Из истории сванского боевого оружия. С. 58.

Как было указано выше, данные щиты М.В. Горелик причисляет к дериватам калкана и связывает их распространение с монголами. В противовес мнению М.В. Горелика следует отметить, что в грузинской иконографии имеются более ранние образцы усиленных щитов, что позволяет проследить весьма интересные закономерности и тенденции. Так, на изображениях щитов X в. концентрические круги совершенно отсутствуют, а круглые щиты характеризуются простой поверхностью, наличием умбона и обода по краю (св. Георгий и св. Феодор на иконах Мравалдзали, Чукули и Чихареши, Диоклетиан на иконе св. Георгия из Мравалдзали) (рис. 4а). В XI в. ситуация резко меняется и появляются миндалевидные щиты с металлическими накладками (иконы св. Георгия в Хидистави и Бочорме)²⁴ (рис. 4б) и круглые щиты с концентрическими кругами и металлическими накладками (иконы св. Георгия из Лаштхвери, Джахундери и Сети) (рис. 4в, 4г, 4д)²⁵. На Сетской иконе и святой, и император Диоклетиан вооружены больших размеров круглыми щитами с концентрическими кругами и радиальными лучами. На предалтарном кресте XII в. из Муркмери святые воины изображены со щитами с радиальными лучами (слева) и концентрическими кругами (справа) (рис. 4е)²⁶. Оба эти признака встречаются на щитах святых всадников Ланчванского предалтарного креста (рис. 4ё)²⁷. На умбоне миндалевидного щита св. Георгия (XIII в.) перекрещиваются металлические полосы (рис. 4ж),

а на 21v миниатюре Джручского II Четвероевангелия на круглом щите стражника можно увидеть радиальные лучи (рис. 4з). Круглый щит Лахилского св. Георгия XII–XIII вв. украшен радиальными металлическими лучами, создающими геометрический орнамент (рис. 4и)²⁸, в отличие от живописи 1205–1215 гг. западной части Тимотесубанского монастыря, где щит св. воинов укреплен простыми радиальными лучами (рис. 4й)²⁹.

Изображения щитов, усиленных концентрическими и радиальными металлическими полосами, можно найти в Грузии во множестве и в последующую эпоху. Таковыми являются: фреска св. Дмитрия (начало XIV в.) из Сафарского монастыря, на ней радиальные лучи создают концентрические круги – признак характерный для сванских щитов, дошедших до нас (рис. 4к); на западной стене Свипской церкви св. Георгия изображен щит стражи могилы Господней, умбон которого окован перекрещенными металлическими полосами и окован по краю (рис. 4л)³⁰; на миниатюре псалтыри второй половины XIV в. видим охотников с круглыми щитами с радиальными лучами (рис. 4м)³¹, предшественника которых можно легко обнаружить на Джахундерской иконе; на росписи церкви Архангелов в Лаштхвери, созданной на рубеже XIV–XV вв., св. Дмитрий и герои «Амирандареджаниани» на северном фасаде изображены со щитами с перекрестно окованными умбонами (рис. 4н, 4о).

²⁴ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959. С. 256–259, 429–444. Рис. 153, 162.

²⁵ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство... С. 260–262, 352–354, 330–333. Рис. 152, 188, 182.

²⁶ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство... С. 335.

²⁷ Несмотря на ряд ранних признаков, он датируется XII в. Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. С. 524–525. Рис. 470, 475.

²⁸ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство... С. 261. Рис. 432.

²⁹ Привалова Е.Л. Роспись Тимотесубани: исследование по истории грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1980. С. 112–124.

³⁰ Верхняя Сванетия: настенная живопись средневековья. Тбилиси, 2010. С. 220.

Как видим, щиты, усиленные металлическими полосами, появились в Грузии намного раньше монголов. Однако Грузия была не единственной страной, в которой распространяются укрепленные щиты. Такие же процессы и приблизительно в тот же период проходили и в соседней Византийской империи³².

Здесь необходимо отметить, что щиты с железными деталями не были чужды для византийцев. Еще в X в. император Лев VI в своей «Тактике» упоминает железные византийские щиты³³. Учитывая это свидетельство Льва VI, Т. Колиас указывает на практику оковки византийцами деревянных щитов железными листами³⁴.

Одним из ранних образцов укрепленного металлом византийского щита, является изображение щита на триптихе из слоновой кости X–XI вв., хранящемся в Ватикане. На его створках изображены св. Феодор Стратилат и св. Феодор Тирон со щитами с радиально расходящимися от центра лучами (рис. 5а)³⁵. Следует отметить, что при описании поверхности данных щитов, П. Гротовский весьма обоснованно не исключает, что изображение

является реалистичным и передает неизвестный нам до сих пор тип щита³⁶. С таким же щитом с радиально отходящими от умбона металлическими лучами изображен св. Дмитрий в церкви св. Феодора села Йешилёз середины XI в.³⁷, что указывает на уже сформировавшийся тип щита (рис. 5б)³⁸. Перекрещенные на умбоне металлические полосы изображены на круглом щите св. Иерона в Токали Килисе (XI в., Каппадокия)³⁹ (рис. 5в) и на миндалевидном щите императорского гвардейца на 28v миниатюре Скилицы (XII в.)⁴⁰. Церковь св. Иоанна (Карс Килисе) в Гулшехире, которая датируется по надписи на апсиде 1212 г.⁴¹, украшена сценами жизни Христа. Щит, изображенный в сцене измены (рис. 5г)⁴², также как щиты 175г миниатюры Скилицы⁴³, аналогичны щитам Джахундерской иконы св. Георгия и Н1665 псалтыри.

Византийско-грузинское сотрудничество могло быть еще более глубоким и ранним. В Метрополитен музее хранится серебряное блюдо, которое, по-видимому, было изготовлено в 629/30 гг. по заказу императора Ираклия. На ней изображена битва Давида и Голиафа (рис. 6а). Щит воина,

³¹ Подобные щиты изображены и на других миниатюрах этой псалтыри.

³² Вопрос грузино-византийских взаимосвязей в области вооружения рассмотрен в статьях: *Цурицумия М.* Эволюция пластинчатого доспеха в Грузии и Византии. Ламеллярные и чешуйчатые доспехи в X–XII вв. // *Полемологос: Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы.* Волгоград, 2012. С. 58–95; *Tsurtsumia M.* Τριβόλος: A Byzantine Landmine // *Byzantion.* V. 82. Leuven, 2012. P. 415–422. Видимо, эти страны влияли друг на друга и в такой составляющей части панοπлии, как щит. По мнению П. Гротовского, тип щита *euforos* упомянутый в Византийском энциклопедическом словаре Свиды X в., что означает «легконосимый», берет свое начало с грузинского легкого щита. *Grotowski P.L.* Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). P. 213, n331; Εὐφορός // *Suda On Line.* Tr. Catharine Roth, 6 August 2006. <http://www.stoa.org/sol-entries//epsilon//3802>.

³³ *The Taktika Of Leo VI.* Washington, 2010. P. 75.

³⁴ *Kolias T.G.* Byzantinische Waffen. S. 97.

³⁵ *Carr A.W.* Popular Imagery // *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261.* New York, 2006. P. 131–132. Fig. 79.

³⁶ Автор идет еще дальше, сравнивая щиты триптиха с грузинской иконой св. Георгия из Джахундери и с исламскими миниатюрами «Варка и Гульша», предполагая их восточное происхождение. *Grotowski P.L.* Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). P. 239, n432. Однако, следует отметить, что для подтверждения восточного происхождения щита, на мой взгляд, миниатюры «Варка и Гульша» непригодны, поскольку являются более поздними и относятся к XIII в.

³⁷ *Ousterhout R.G.* A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, 2005. P. 169.

³⁸ Выражаю глубокую признательность А. Бабуину за предоставленные фотографии.

³⁹ *Epstein A.W.* Tokali Kilise: Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia. Washington, 1986. P. 61.

⁴⁰ *İsamakda V.* The Illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid. Leiden, 2002. P. 68–69. Fig. 54.

⁴¹ *Suzek S.* The Decoration of Cave Churches in Cappadocia under Selçuk Rule. MA Thesis, University of Notre Dame. Indiana, 2008. P. 17–20. Fig. 20.

⁴² Из-за длинных топов, рыжих волос и бороды, Р. Д'Амато предполагает, что они варяжские гвардейцы. *D'Amato R.* The

стоящего слева от Давида, очень схож с одним щитом (№1160) из Национального музея Грузии (рис. 6б)⁴⁴, который типологически и технологически принадлежит к вышеуказанным сванским щитам⁴⁵. Диаметр щита – 59 см и он изготовлен из дерева, обтянутого кожей, усилен по краям металлической оковкой, а в центре – умбоном, от которого отходят шесть лучей. Тонкие металлические прутья, расположенные концентрическими кругами и создающие на поверхности щита орнаменты в виде цветка и креста, скреплены заклепками. На оборотной стороне щит оббит кожей и здесь же находятся остатки кожаной рукояти с подвесным шнуром.

Щит византийского воина на блюде, наверное, просто расписан красками, а не укреплен железными накладками. Но декоративный мотив, созданный тонким орнаментом, в последующем встречается на византийских изображениях XI–XII вв. (например, фреска св. Ореста середины XI в. в Каранлик Килисе в Гёреме, рис. 6в) и реализуется в металле – щит из Национального музея Грузии. Все это указывает на связь между ними и на устойчивость декоративных мотивов, а также на то, что первичная декоративная роспись могла легко превратиться в металлические накладки.

Тот факт, что щиты, усиленные металлом, были особенно распространены в южной Европе XII в., что отмечает и М.В. Горелик⁴⁶, можно приписать и византийскому влиянию. Для примера можно указать на воинов с подоб-

ными щитами, изображения которых были высечены в последней четверти XII в. на капителях Монреала в Сицилии. Византийский след в вооружении этих воинов не подлежит сомнению⁴⁷.

Итак, щиты, укрепленные металлическими деталями, распространились в византийско-грузинской среде почти одновременно, что подтверждается и византийскими и грузинскими изображениями. Что же вызвало это изменение конструкции щита в византийской ойкумене?

На наш взгляд, именно Скандинавия была тем регионом и источником тех военных традиций, которые повлияли на Византию и вызвали модификацию щита. Хотя, все образцы европейских и скандинавских щитов, приведённые М. Гореликом, относятся к XII–XIII вв.⁴⁸, мы располагаем более ранними данными, подтверждающие длительные традиции усиления щитов металлом в Северной Европе. В результате археологических раскопок было установлено, что металлические накладки на щитах характерны для скандинавского и древнегерманского вооружения. Деревянные щиты VI–VII вв. из погребений Венделя, Вальсгарде и Саттон Ху украшены металлическими деталями. Часть из них являются лишь декоративными, но другие, например, горизонтальные металлические накладки 1-го щита из кургана Вальсгарде VII, П. Мортимер совершенно справедливо причисляет к системе усиления щита⁵⁰. Такими же многочисленными металлическими накладками укреплены 1-й⁵¹ и 3-й⁵²

Varangian Guard 988–1453. Oxford, 2010. P. 12.

⁴³ *Tsamakda V.* The Illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid. P. 213. Fig. 441.

⁴⁴ К сожалению, щит депаспортизирован и обстоятельства, при которых он оказался в музее, не известны.

⁴⁵ К сожалению, щит депаспортизирован и обстоятельства, при которых он оказался в музее, не известны.

⁴⁶ В то же время, созданный металлом орнамент на его поверхности совершенно отличается от сванских щитов, по-видимому, не является продуктом сванской мастерской и, должно быть, изготовлен в другом регионе Грузии.

⁴⁷ *Горелик М.В.* Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты). С. 193.

⁴⁸ См.: *Nicolle D.* The Monreale Capitals and the Military Equipment of Later Norman Sicily // *Gladius*, XV. Madrid, 1980. P. 87–88, 96–97. Figs. 2, 4–6, 12, 14, 20.

щиты из кургана Вальсгарде VI и 2-й щит из Вальсгарде VII⁵³; 1-й⁵⁴ и 2-й⁵⁵ щиты из Вальсгарде VIII (рис. 7а); а также щиты из курганов Вендель XI и XII⁵⁶. Как видно, в течение времени укрепление щита эволюционировало и первоначальная грубая, неуклюжая и тяжелая конструкция превратилась в более продуманную и функциональную. Эти признаки уже наблюдаются в англо-саксонских щитах середины VII в. из Тетфорда (Норфолк), имеющих семь радиальных коротких лучей, выходящих из умбона с расширениями на концах (рис. 7б)⁵⁷. Накладки щитов из Вальсгарда и Венделя не связаны между собой, не выходят из умбонов и, хотя укрепляют поверхность щита, однако, не усиливают его конструкцию, в отличие от Тетфордского щита, металлические накладки которого создают единую конструкцию и, тем самым, напоминают усиление средневековых щитов.

Из древнейших скандинавских сборников законов известно, что щиты укрепляют металлом и в последующие века. В соответствии норвежскими законами («Гулатинга» и «Фростатинга») XI в., на поверхности деревянного щита непременно (!) должны быть хотя бы три перекрещенные металлические полосы (*jarnspöng*)⁵⁸.

Распространение скандинавских щитов в Византии, по-видимому, свя-

зано с созданием варяжской гвардии, основа которого была заложена в 988г., когда правитель Руси великий князь Владимир (980–1015 гг.) послал византийскому императору Василию II (976–1025 гг.) 6 000 воинов⁵⁹. До завоевания Англии норманнами, после чего с 1070-х гг. в гвардии начали появляться англо-саксы⁶⁰, гвардию варягов комплектовали в основном выходцы из Скандинавии. Как видно, с конца X века такое массовое пребывание скандинавов в Империи популяризировало щиты, усиленные металлом и это нашло широкое отражение в изображениях XI в.

Что же касается грузинских и скандинавских взаимосвязей, то помимо контактов, которые у них непременно должны были быть в столице империи, нам известно много случаев, когда грузины могли убедиться в эффективности щитов скандинавского типа. Впервые грузины противостояли скандинавам, служившим в византийской армии, в 989 г., будучи в рядах восставшей армии Варды Фоки, когда они потерпели поражение от императора у Абидоса⁶¹. Затем последовал конфликт в Тао, куда за наследством Давида Куропалата в 1001 г. пришел Василий II и где в препирательстве с гвардейцами императора погибло 30 таойцев⁶². Более длительным было противостояние между грузинами и византий-

⁵⁰ Mortimer P. *Woden's Warriors: Warfare, Beliefs, Arms and Armour in Northern Europe during the 6th and 7th Centuries*. Little Downham, 2011. P. 124, 132. Fig. 16.

⁵¹ Arwidsson G. *Valsgårde 6*. Uppsala, 1942. P. 35–39. Figs. 6–9.

⁵² Там же. P. 40–44. Fig. 11.

⁵³ Mortimer P. *Woden's Warriors: Warfare, Beliefs, Arms and Armour in Northern Europe during the 6th and 7th Centuries*. P. 130. Fig. 17.

⁵⁴ Arwidsson G. *Valsgårde 8*. Uppsala, 1954. P. 53–56. Figs. 31–36.

⁵⁵ Там же. P. 57–61. Figs. 37–39. Их остатки найдены in situ и реконструкция не вызывает никаких сомнений.

⁵⁶ Izikowitz K.G. *Vendelsköldarna // Fornvännen*, 26. Stockholm, 1931. P. 182, 185. Figs. 66, 70.

⁵⁷ Evison V. *Sugar-Loaf Shield Bosses // The Antiquaries Journal*, 43. London, 1963. P. 45.

⁵⁸ Nicolaysen N. *The Viking Ship Discovered at Gokstad in Norway*. Christiania, 1882. P. 33; *The Earliest Norwegian Laws: Being the Gulathing Law and the Frostathing Law*. New York, 1935. P. 196, 320.

⁵⁹ Blöndal S. *The Varangians of Byzantium*. Cambridge, 1978. P. 42–46.

⁶⁰ См.: Shepard J. *The English and Byzantium: A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century // Traditio*, 29. Fordham, 1973. P. 53–92; Pappas N. *English Refugees in the Byzantine Armed Forces: The Varangian Guard and Anglo-Saxon Ethnic Consciousness // De Re Militari*. Books, Articles and Dissertations on Medieval Military History. 2004. [http://www.deremilitari.org/resources/articles/pappas1.htm]

цами в 1021–1022 гг., когда Георгий I (1014–1027 гг.) боролся за царство Тао с Василием II⁶³. Гвардия варягов сыграла большую роль в поражении грузин в 1022 г.⁶⁴ В середине XI в. одна часть варягов служила в армии царя Баграта IV (1027–1072 гг.) и участвовала в Сасиретской битве (1046 г.), где Липарит Багваши победил царскую армию⁶⁵. Как видно, у грузин были частые контакты со скандинавскими воинами, что способствовало взаимообмену вооружения и внедрению щитов усиленных металлом в Грузию⁶⁶.

Что же касается собственно калкана, то, начиная с XVII в., он часто встречается в Грузии. На 319 миниатюре «Витязя в тигровой шкуре», переписанной при дворе Левана II Дадияни Мамукой Тавакарашвили в 1646 г. (рукопись Н599), изображена битва Автандила с пиратами. Герой держит в руках плетеный калкан с металлическим умбоном и подвесным ремнем на шее (рис. 8а). О популярности калкана в Грузии XVII в. свидетельствуют подарки, посланные русскому царю Алексею Михайловичу (1645–1676 гг.) имеретинскими царями, в числе которых упоминаются калканы. Послы Александра III (1639–1660 гг.) в 1659 г. и Баграта IV (1660–1681 гг., с перерывами) в 1670 г. преподнесли русскому царю витые тростниковые щиты, оплетенные золотыми, серебряными

и разноцветными шелковыми нитями и украшенные бирюзой, яхонтом и рубинами. Они отличались друг от друга лишь плетением шелковых нитей, что создавало изображения разного вида⁶⁷. Изображение имеретинских калканов сохранила нам блестяще выполненная Ф.Г. Солнцевым цветная литография XIX в.⁶⁸. Правда, в описании литографий оба щита причислены к подаркам Александра⁶⁹, однако, в результате его сопоставления с описью Московской Оружейной палаты можно легко установить, что на 66-ой и 67-ой литографиях (№ 5065 Оружейной палаты) изображен щит, подаренный Багратом, а на 68-ой (№ 5064 Оружейной палаты) – щит, подаренный Александром (рис. 8б, в, г). Сравнительно поздняя дата распространения калкана в Грузии (XVII в.) и его ареал (Имеретия, Менгрелия) наталкивает на мысль связать это явление с турками-османами, влияние которых традиционно было сильным в Западной Грузии.

Итак, мы пришли к выводу, что щиты, усиленные металлическими накладками, существовали в Грузии до калкана и не связаны с монгольскими вторжениями. Кроме того, считаем несколько преувеличенной роль итальянских колоний в распространении подобных щитов на Северном Кавказе и в Золотой Орде. Как видно, система усиления щитов металлом распростра-

⁶¹ Fourteen Byzantine Rulers: The Chronographia of Michael Psellus. London, 1966. P. 34–37.

⁶² Всеобщая История Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия. Москва, 1864. С. 200–201; Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци. Москва, 1968. С. 57.

⁶³ Картлис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955. С. 284–288; *Сумбат Давитис-дзе*. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. 39–41; Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци. С. 59–69.

⁶⁴ *Сумбат Давитис-дзе*. История и повествование о Багратионах. С. 41.

⁶⁵ Картлис Цховреба. С. 301.

⁶⁶ Возможно, популярности усиленных металлом щитов еще больше содействовало внедрение таранного удара копьем, удерживаемым подмышкой, начиная с X в. в Византии и Грузии. см. *Tsurtsumia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History*, XII. Woodbridge, 2014. P. 81–108. Во время столкновения сила удара копьем возрастает и, соответственно, увеличивается нагрузка на щит. В XI в. в Грузии появляются и миндалевидные щиты (Чофикашвили Н. Грузинский костюм (VI–XIV вв.). Тбилиси, 1964. С. 59.), должно быть, появившиеся из Византии.

⁶⁷ Описание Московской Оружейной палаты. Часть 3, Книга 2. М., 1884. С. 278–282. Их характеристики были почти аналогичными: диаметр щита Александра составлял 59 см и весил почти 2 кг, а диаметр щита Баграта – 58 см и весил 1,93 кг. Там же. 279, 281.

⁶⁸ Древности Российского государства. Отделение III. М., 1853. С. 61–62. Рис. 66–68.

⁶⁹ Древности Российского государства... С. 61.

нилась в Грузии из Византийской империи, а затем через Кавказские горы дошла до Северного Кавказа (особен-

но в северо-западной части), откуда его освоили золотоордынцы.

Рис. 1. Тибетский щит. Метрополитен музей.

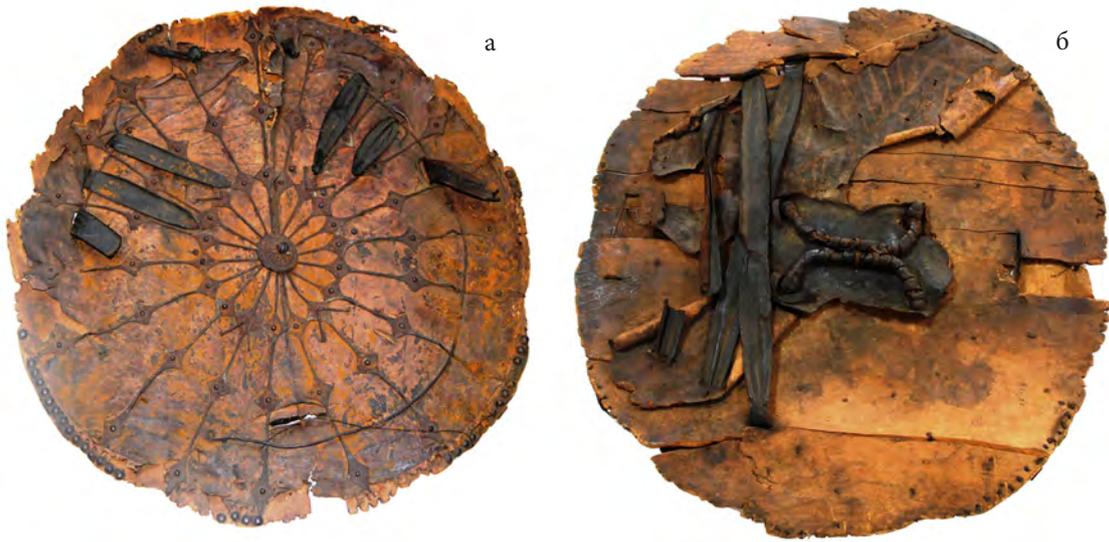

Рис. 2. а, б – щит из Сванетии. Национальный музей Грузии. Фото автора.

Рис. 3. а, б – щит из Сванетии. Местийский музей. Фото М. Капианидзе.

Рис. 4. Грузинские щиты: а – св. Георгий и св. Феодор с круглыми простыми щитами на иконе из Мравалдзали; б – Хидиставский св. Георгий с миндалевидным щитом с металлическими накладками; в – щит Лаштхверского св. Георгия с концентрическими кругами; г – щит Джахундерского св. Георгия; д – щиты св. Георгия и Диоклетиана на иконе из Сети; е – св. воины с щитами с радиальными лучами (слева) и концентрическими кругами (справа) на предалтарном кресте из Муркмери; ё – св. воин со щитом с концентрическими кругами и радиальными лучами на предалтарном кресте из Ланчвани; ж – щит св. Георгия с перекрещенными накладками; з – воин с радиальными лучами на круглом щите на 21v миниатюре Джручского II четвероевангелия; и – щит Лахильского св. Дмитрия с радиальными лучами; й – щит из Тимотесубани с радиальными лучами; к – св. Дмитрий Сафарский со щитом, на котором радиальные лучи создают концентрические круги; л – щит стражи могилы господней из церкви св. Георгия в Свипи; м – круглые щиты охотников с радиальными лучами на 195v миниатюре Н1665 псалтыри; н – св. Дмитрий со щитом с перекрестно окованным умбоном из Лаштхвери; о – щиты героев «Амирандареджаниани» с перекрестно окованными умбонами на северном фасаде церкви Архангелов в Лаштхвери.

а

б

в

г

Рис. 5. Византийские щиты: а – св. Феодор Стратилат со щитом с радиальными лучами на Ватиканском триптихе; б – св. Дмитрий из Йешилёза со щитом с металлическими накладками, радиально выходящими из умбона; в – щит св. Иерона с перекрещенными металлическими полосами на умбоне в Токали Килисе; г – щит в сцене измены в Карс Килисе.

а

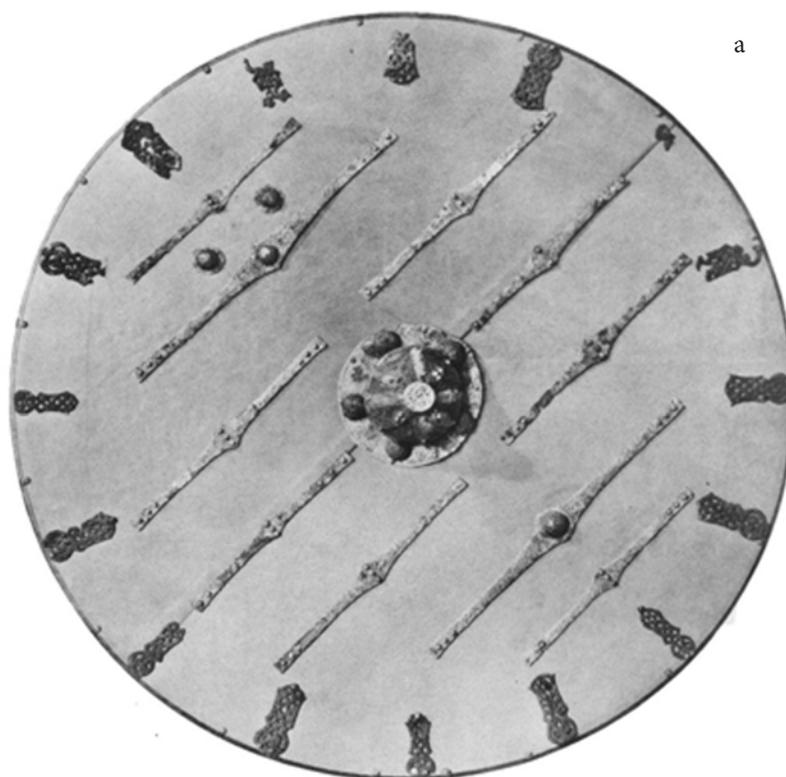

б

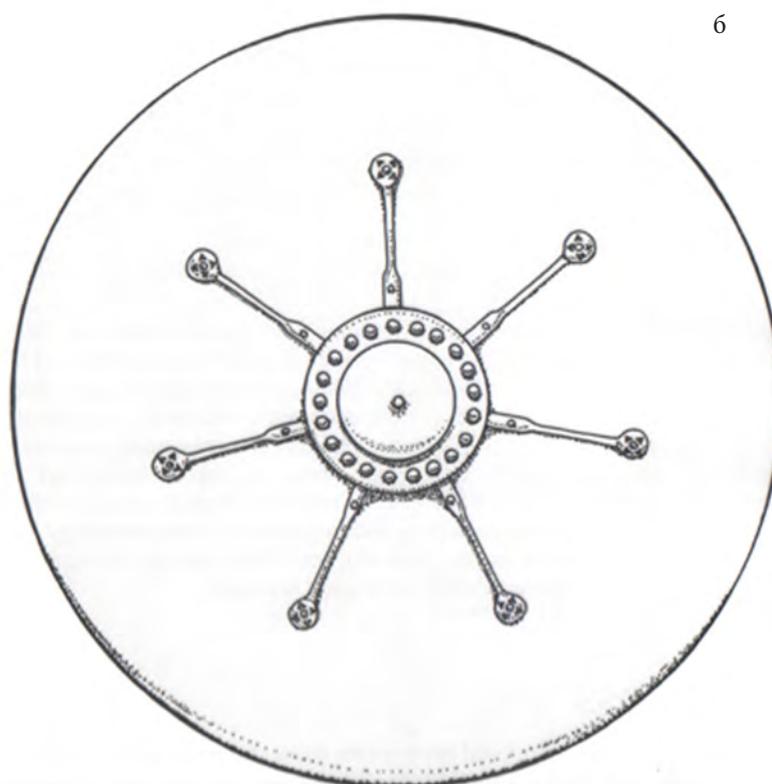

в

Рис. 6. а – битва Давида и Голиафа на серебряном блюде из Метрополитена; б – щит № 1160 в Национальном Музее Грузии; в – щит св. Ореста с орнаментом в Каранлик Килесе.

а

б

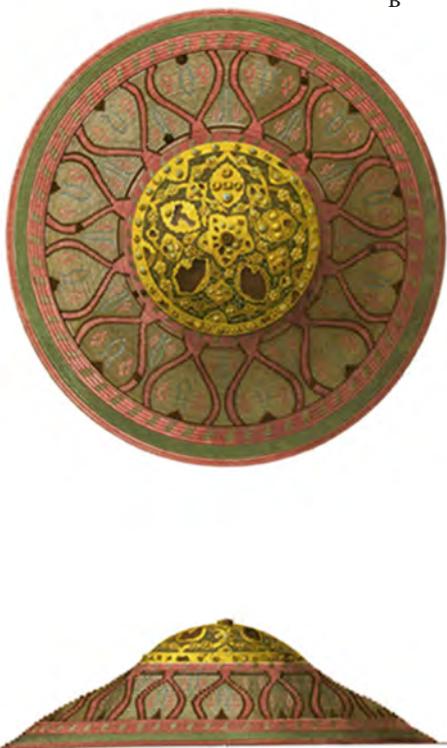
Рис. 7. Щиты из Северной Европы: а – № 1 щит из кургана Вальсгарде-8, по Арвидсон; б – щит из Тетфорда с радиальными лучами, выходящими из умбона, по Летингу.

а

б

в

г

Рис. 8. Западногрузинские калканы: а – Автандил с калканом в руке из рукописи Мамуки Тавакарашвили; б – щит, подаренный Александру III, по Ф.Г. Солнцеву; в, г – щит Баграта IV, по Ф.Г. Солнцеву.

ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА БОХАНА

1966-2017

13 апреля 2017 г. на 52-м году жизни скоропостижно скончался известный белорусский историк и археолог Юрий Николаевич Бохан. Сфера научных интересов Юрия Николаевича была крайне обширна – средневековая археология, урбанистика, история материальной культуры. Однако, наибольшую известность получили его исследования по истории вооружения и военного дела населения Великого княжества Литовского.

Юрий Николаевич родился в 1966 г. в Минске. В 1983 г. он поступил на исторический факультет Минского государственного педагогического института имени Максима Горького (сейчас – Белорусский государственный педагогический институт имени Максима Танка), который окончил в 1990 г. (в 1984–1986 гг. учебу пришлось прервать по причине прохождения срочной службы в армии). По воспоминаниям

товарищей по институту, научный интерес к истории средневекового оружия проявился у Юрия Николаевича уже в студенческие годы. Однако, во время обучения по специальности «археология» в аспирантуре Института истории АН БССР, куда молодой исследователь поступил в 1990 г., он занялся изучением городов и местечек западных регионов Беларуси эпохи Средневековья и Нового времени. Возможно, обращение к урбанистической тематике было связано с тем, что в среде белорусских археологов, равно как и в восточноевропейской археологии вообще, в это время было широко распространено мнение о том, что история средневекового оружия изучена достаточно полно и подготовка диссертационных исследований по оружейведческой тематике бесперспективна.

Вместе с тем, в области изучения урбанистических процессов в запад-

ных регионах Беларуси Юрий Николаевич достиг значительных результатов. В 1993 г. он окончил аспирантуру, а уже в 1994 г. состоялась успешная защита его кандидатской диссертации «Местечки верховьев Вилии и нёманской Березины в XV–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам)». Столь быстрая защита кандидатской диссертации, совершенно необычная для археолога, состоялась благодаря невероятной трудоспособности и целеустремленности молодого исследователя. Причем, очевидно, что параллельно с подготовкой диссертационного исследования, Юрий Николаевич успевал уделять внимание и любимому делу – изучению истории средневекового оружия.

После защиты кандидатской диссертации Юрий Николаевич смог, наконец, приложить к изучению истории вооружения все свои творческие силы. На протяжении середины 1990-х – начала 2000-х гг. он публикует целый ряд статей по истории отдельных категорий и видов вооружения. Сам характер этих статей, логичность их последовательности, систематичность и интенсивность публикации еще раз свидетельствуют о незаурядной самоорганизации и трудоспособности ученого. Уже в 2002 г. результаты этих исследований были обобщены в монографии «Вооружение войска Великого княжества Литовского второй половины XIV – конца XVI вв.», а в 2003 г. Юрий Николаевич защищает докторскую диссертацию на тему «Вооружение и структура войска Великого княжества Литовского во второй половине XIV – конце XVI вв.».

После защиты докторской диссертации исследователь публикует целый ряд научных и научно-популярных монографий, обобщающих и энциклопедических работ, посвященных различным аспектам истории оружия и

военного дела позднесредневекового населения территории Беларуси и Великого княжества Литовского в целом. Несмотря на сходность тематики большинства обобщающих работ, Юрий Николаевич стремился в каждой из них анализировать новейшие археологические находки, заново обращался к осмыслению данных иконографических и письменных источников, что позволяло ему в каждой новой работе рассматривать историю вооружения и военного дела Великого княжества Литовского под новым углом зрения.

Незаурядная трудоспособность, стремление донести результаты своих исследований не только узкому кругу специалистов, но и популяризировать историю средневекового восточноевропейского оружия в разнообразных изданиях и средствах массовой информации, сделали Юрия Николаевича известным автором для широкой аудитории людей, интересующихся Средневековьем.

В своей повседневной работе уже с конца 1990-х гг. Юрий Николаевич вынужден был отдавать много сил и энергии административной работе. В 2001 г. он стал заведующим отделом истории Беларуси XIII–XVIII вв. Института истории Национальной академии наук Беларуси (к этому времени он уже несколько лет исполнял обязанности заведующего этим отделом). В 2004 г. Юрий Николаевич становится заведующим кафедрой экономической истории Белорусского государственного экономического университета и отдает много времени преподавательской деятельности. Кроме того он был членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, главным редактором нескольких периодических изданий, редактором и рецензентом многочисленных монографий, сборников статей, учебных пособий. В последние

годы своей жизни Юрий Николаевич Бохан отдавал много сил написанию школьных учебников по истории Беларуси. Сегодня, пытаясь просто перечислить все то, чем он успевал заниматься, трудно представить, что такой объем работы выполнял один человек.

Вместе с тем, несмотря на свою огромную загруженность и всеобщее признание его научных достижений, Юрий Николаевич всегда оставался очень доброжелательным и открытым человеком, чутким к коллегам и ученикам. С ним можно было в любой момент посоветоваться и обсудить не только научные вопросы, но и любые жизненные проблемы.

Отдельного упоминания стоят отношения Юрия Николаевича с аспирантами. Под его руководством было защищено четыре кандидатские диссертации. На первый взгляд может показаться, что это не так и много. Однако, каждый из его учеников уже к моменту защиты становился вполне самостоятельным и признанным в научной среде исследователем. Нам, аспирантам Юрия Николаевича, казалось, что так случалось, в первую очередь, благодаря нашим собственным усилиям. Однако, сейчас мы все отчетливее понимаем, какую огромную роль играл Учитель в нашем научном росте. Причем играл ее незаметно, не подавляя нас своим авторитетом, а наоборот предоставляя максимальную свободу. В работе со своими учени-

ками Юрий Николаевич никогда не гнался за достижением быстрых результатов. Он терпеливо ждал, пока мы сами точно поймем, чего мы хотим добиться в процессе своей работы. Иногда для достижения такого понимания требовалось много времени. Но наш Учитель не спешил. Вероятно, он переживал, но никогда не высказывал своего неудовлетворения по поводу наших продолжительных «творческих поисков». И такой подход к «воспитанию» аспирантов давал свои плоды – ученики Юрия Николаевича не только получали научные степени кандидатов исторических наук, но и становились известными учеными уже к моменту защиты своих диссертаций. Что может быть лучшей характеристикой профессионализма настоящего Наставника!?

Юрий Николаевич Бохан был очень жизнерадостным человеком с замечательным чувством юмора. Все наши разговоры проходили в ироническом ключе, вне зависимости от того, насколько важные научные или жизненные проблемы могли обсуждаться.

Собственно, именно таким, постоянно обременённым бесчисленными делами и одновременно всегда готовым выслушать, серьёзным в момент обсуждения оружейведческих вопросов и в то же время неизменно ироничным, и останется Юрий Николаевич Бохан в моей памяти и памяти тех, кому посчастливилось общаться с ним при жизни...

Н.А. Плавинский

Для заметок

Научное издание

Военная археология
Сборник материалов научного семинара
Выпуск 4

Дизайн и верстка М.Д. Тульновой

Подписано в печать 25.05.2018. Формат 60x84/8
Усл.печ.л. 31,6. Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 250 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в соответствии с готовым оригинал-макетом в ООО «Принт»
426039, г. Ижевск, ул. Дзержинского, д. 11, кв. 78.
e-mail: ab179@mail.ru

ISBN 978-5-94375-241-4

9 785943 752414